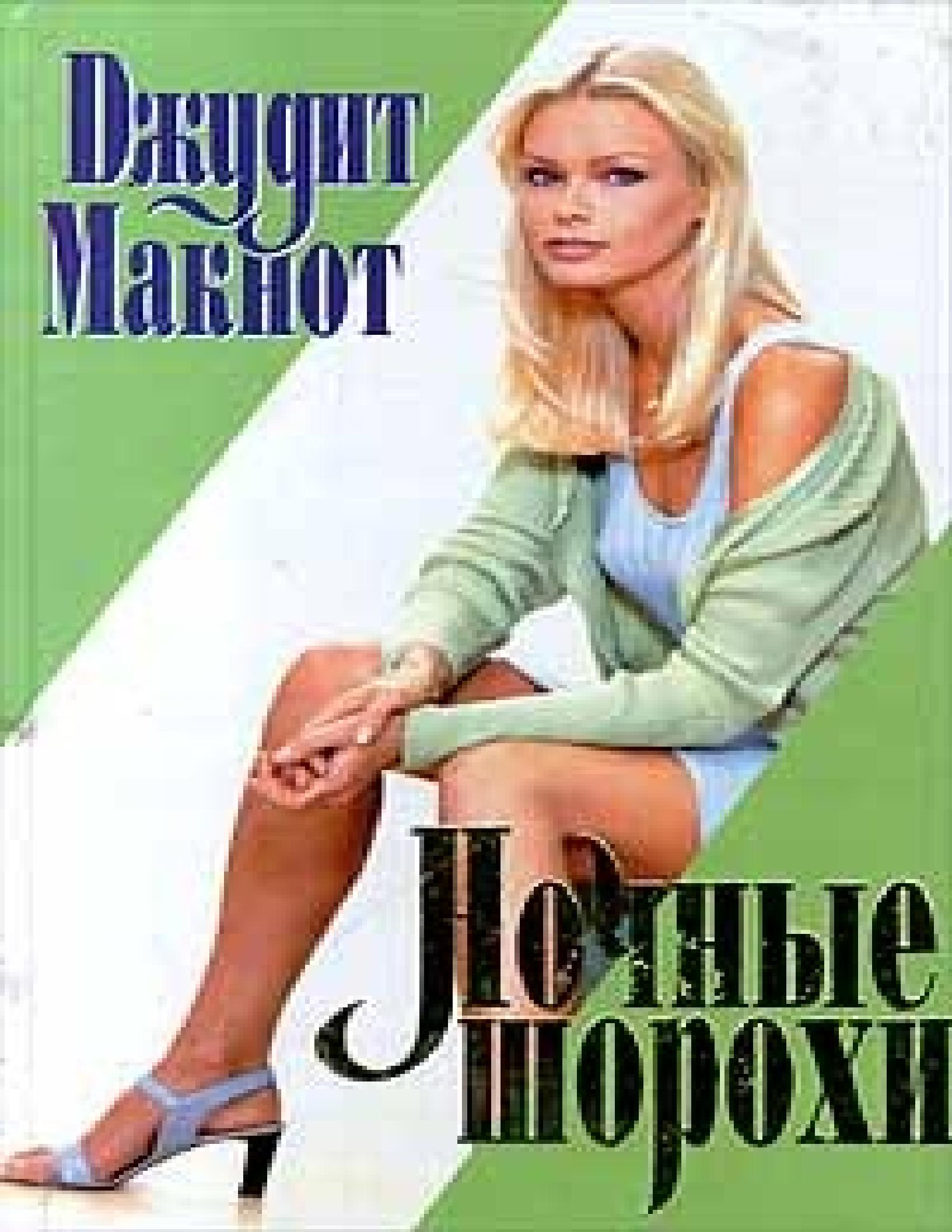

**Девушка
Макнот**

**Любовь
шороки**

Annotation

Она приехала из маленького городка в Палм-Бич — колонию миллионеров, где жизнь идет как сплошная роскошная вечеринка. Она оказалась в змеином гнезде, где не в новинку — ложь и предательство, мошенничество и даже убийство. Она против своей воли полюбила мужчину, который, возможно, совершил страшное преступление. Она должна успеть понять и успеть вспомнить, чтобы уцелеть — потому что следующий удар будет направлен уже на нее...

- [Джудит Макнот](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Джудит Макнот

Ночные шорохи

Дорогой Ники, приближается твой первый день рождения, и я хочу дать тебе несколько советов, которые пригодятся тебе в дальнейшей жизни. И сделать это будет лучше всего на первой странице моего нового романа.

Целься высоко, как твоя ма.

Стреляй метко, как твой па.

Отстаивай то, во что веришь, как твои дядюшки.

Каждый раз, когда выходишь победителем, не важно, каким бы крошечным ни было достижение, остановись на секунду и послушай приветственные крики. Они звучат в твоем сердце. Ты слышишь их сейчас?

Это радуюсь я, мой родной.

И где бы ты ни находился, я всегда буду на твоей стороне.

Всегда. И навеки.

Автор приносит искреннюю благодарность людям, чьи доброта и поддержка скрасили ей жизнь во время создания этого романа:

Тамаре Андерсон, идеальному посреднику и стратегу, и Джо Гранту, рыцарю в доспехах правосудия.

А также тем людям, без знаний и бесценной помощи которых эта книга не увидела бы свет:

Дону Кларку, агенту по особым поручениям отделения ФБР в Хьюстоне;

Х. А. Контерасу, начальнику полиции. Южный округ;

Алану и Джеску Хелфманам, моим личным «волшебникам» с неограниченными возможностями;

Майклу Келлару, сотруднику уголовной полиции

Хьюстона;

Джону Льюису, ангелу-хранителю.

И наконец, последним в списке, но далеко не последним в моей жизни:

Кэти Ричардсон, моей правой руке, и Джуди Уэбб-Смит, еще одной моей правой руке.

Посвящается Николасу Майклу Шелли

Глава 1

Он повсюду следовал за ней. Вот уже три дня. Следил. Наблюдал. Высматривал.

Ждал.

К этому времени он уже успел изучить все ее привычки и распорядок дня. Знал, когда она встает по утрам, с кем встречается днем и в какое время отходит ко сну. Пронюхал, что она любит читать по ночам в постели, подложив под спину гору подушек. И даже выведал название книги, которую она обычно клала раскрытой на тумбочку переплетом вверх, прежде чем потушить свет.

Ему также было известно, что ее белокурые волосы никогда не знали пергидроля, а необычным фиалковым цветом пугающе прекрасных глаз она обязана природе, а не контактным линзам, хотя и действительно пользовалась этим достижением прогресса. Он собственными глазами видел, что косметику она покупает в аптеке на углу и тратит ровно двадцать пять минут, перед тем как выйти из дома во всеоружии своей красоты. Очевидно, девиз леди — «чистота и аккуратность». Она явно не из тех, кто стремится подчеркнуть преимущества, данные ей природой.

Сначала ему приходилось принимать всяческие предосторожности из опасения, что она заметит слежку, но, похоже, он зря старался. В маленьком городке Белл-Харбор, на восточном побережье Флориды, с его стопятидесятитысячным населением, пятнадцать тысяч из которого составляли студенты, оказалось довольно легко затеряться среди толпы и в то же время не упустить из виду намеченную добычу, готовую в любую минуту нырнуть в джунгли скоростных автомагистралей с развязками на всех уровнях.

Сегодня он потащился за ней в городской парк, где провел довольно приятный, хотя и скучноватый, день в обществе жизнерадостных любителей пива и их надоедливых верещавших детишек, собравшихся, чтобы поразвлечься на всю катушку и отпраздновать, как полагается. День президента.

Он вообще терпеть не мог этих малявок, с их вечно липкими руками и чумазыми физиономиями! К тому же они, гоняясь друг за другом, то я дело спотыкались о его вытянутые ноги и просили кинуть залетевший в кусты бейсбольный мяч. Их дурацкие выходки невольно привлекали к нему внимание окружающих, так что пришлось искать убежище и покой под

раскидистым деревом с толстым узловатым стволом. Правда, скрюченные, причудливо изогнутые корни сильно впивались в спину, так что скоро пришлось встать. Господи, как они все его достали!

Он вдруг понял, что терпение вот-вот лопнет. Осточертело вынюхивать и ждать, ждать, ждать!

И чтобы немного успокоиться, принял вновь и вновь мысленно перебирать задуманное, не сводя глаз с будущей жертвы. В этот момент Слоан как раз спускалась с древнего дуба, откуда пыталась дотянуться до воздушного змея, похожего на черного ястреба с распростертыми крыльями, обрамленными ярко-желтой тесьмой. У подножия дерева гомонила стайка малышей, всячески подбадривая спасительницу. Чуть поодаль топталась группа подростков. Очевидно, интересы болельщиков не совпадали: ребятишкам не терпелось получить обратно свой змей, юных же представителей сильного пола больше интересовали стройные загорелые ножки. Мальчишки подталкивали друг друга локтями и пожирали Слоан жадными взглядами.

Преследователь прекрасно понимал причину такого ажиотажа — будь на месте Слоан двадцатилетняя студенточка, молодые люди и то не обошли бы ее своим вниманием, но такие ножки — и у тридцатилетнего копа! Феноменально!

Обычно его привлекали высокие женщины с пышными формами, но эта не отличалась ростом; всего пять футов четыре дюйма, с маленькой упругой грудью и стройной фигурой, которую хотя и можно было назвать точеной, но уж пышной — ни в коем случае. Да, пожалуй, на разворот «Плейбоя» она не годится, но именно такая — в безупречно выглаженных шортах цвета хаки и белоснежной вязаной кофте, со светлыми, забранными в конский хвост волосами — чем-то притягивала его.

До поры до времени.

Вопль, донесшийся с бейсбольной площадки, заставил двух парнишек отвлечься и взглянуть в его сторону. Он поспешил поднести к губам бумажный стаканчик с фантой, чтобы скрыть лицо, скорее по привычке, чем по необходимости. Последние три дня она ни разу его не заметила, хотя он сделался ее тенью. С чего бы вдруг сейчас ей встревожиться при виде одинокого посетителя парка, заполненного законопослушными гражданами, старавшимися напихать в себя побольше бесплатной еды и заодно повеселиться до упаду?

Преследователь злорадно усмехнулся. Говоря по правде, стоит ей смениться с дежурства, как она становится на редкость безмозглой и беспечной дурочкой. И наверняка не оглянется, когда однажды ночью

заслышил шаги за спиной. Да что говорить: даже машину вечно бросает незапертой! Как большинство полицейских в заштатных городишках, она испытывает чувство полной, хотя, разумеется, ложной, безопасности на собственной территории. Словно бляха защитника закона гарантирует полную неуязвимость! Бляха и пистолет... да еще гнусные тайны гнусных людишек, которые рано или поздно становились ей известны.

Однако от него у нее секретов нет! От него не спрячешься. Всего за семьдесят два часа он узнал о ней все жизненно необходимое: рост, вес, номера водительских прав, банковских счетов, годовой доход, адрес — словом, всю ту информацию, которую можно легко выудить из Интернета, если, конечно, знать, где искать. К тому же в кармане лежала ее фотография. Но все эти сведения были поистине ничтожными по сравнению с тем, что стало известно ему сейчас.

Он снова глотнул теплой фанты, стараясь справиться с вновь нахлынувшим нетерпением. Временами она казалась такой чопорной, чинной и правильной, что он тихо радовался собственным точным расчетам; но едва начинало казаться, что можно наконец действовать, как она немедленно становилась порывистой, импульсивной и совершенно непредсказуемой, что многократно увеличивало риск и опасность. Оставалось лишь выжидать и не спускать с нее глаз. За эти три дня он вывел те таинственные и не всегда поддающиеся разгадке части головоломки, которые обычно и составляют существо под названием «женщина», но в случае Слоан Рейнолдс картина по-прежнему оставалась неясной и довольно противоречивой.

Сжимая змея в левом кулаке, Слоан добралась до нижней ветви и под громкое «ура» спрыгнула на землю и вручила драгоценность счастливому владельцу. Раздались бурные аплодисменты.

— Ой, Слоан, спасибо большое! — краснея от удовольствия и обожающе глядя на девушку, пробормотал Кени Ландри.

Общее впечатление от его слов портило некоторое прищепетывание, причиной которому были два недостающих передних зуба, но Слоан, когда-то учившаяся в школе с его мамашей, расплылась в умиленной улыбке.

— Ма боялась, что ты упадешь, но бьюсь об заклад, ты самая храбрая! И никогда ничего не пугаешься!

— Все чего-нибудь да боятся, — возразила Слоан, едва удерживаясь, чтобы не обнять малыша и не опозорить тем самым в глазах приятелей. Вместо этого она лишь довольствовалась тем, что взъерошила рыжеватую шевелюру.

— А я однажды свалилась с дерева, — призналась крохотная девчушка

в розовых шортах и бело-розовой футболке, не сводя благоговейного взгляда со Слоан. — И даже разбила локоть.

Малышка Эмма застенчиво улыбнулась и тряхнула рыжими кудряшками. На носу весело пестрела россыпь веснушек. С руки свисала тряпичная кукла.

Буч Ингерсолл, единственный, на кого подвиг Слоан не произвел впечатления, презрительно фыркнул:

— Девчонки пусть возятся с куклами! Это парни должны лазать по деревьям.

— А моя учительница говорит, что Слоан — настоящая героиня! — провозгласила Эмма, прижимая к себе игрушку, словно та придавала ей храбрости. И, подняв глаза на Слоан, громко выпалила:

— Моя учительница сказала еще, что ты рисковала жизнью, чтобы спасти того мальчика, который упал в колодец.

— Твоя учительница слишком добра, — вздохнула Слоан, поднимая с травы бечеву змея и начиная наматывать ее на катушку.

Мать Эммы тоже была одноклассницей Слоан и сейчас, переводя взгляд с нее на Кени, она никак не могла решить, кто из ребятишек милее. Она невольно видела в забавных мордашках трогательное отражение лиц своих школьных друзей и подруг. И знакомая боль ударила в сердце. Боль несбыившейся мечты о собственном ребенке. Весь прошлый год она мучилась этим пока недостижимым желанием, быстро превращавшимся в настоящую одержимость, граничившую с наваждением. Ей смертельно хотелось вот такого Кени или Эмму, чтобы было кого ласкать, баловать, учить... Вот только, к сожалению, принести свою жизнь на алтарь супружеской любви почему-то не слишком стремилась.

Остальные дети разглядывали Слоан с неприкрытым восхищением, но Буч Ингерсолл держался твердо. Его так просто не взять! Кроме того, отец и дед в свое время были футбольными звездами школьной команды, так что в шесть лет Буч гляделся среди остальных не только настоящим крепышом, но и успел приобрести этакую чисто мужскую снисходительность по отношению ко всем представительницам противоположного пола. Кроме того, его дед был начальником полицейского участка, а следовательно, боссом Слоан. Парнишка вызывающие выпятил нижнюю челюсть, чем неприятно напомнил Слоан капитана Ингерсолла.

— Мой дед говорит, что любой коп может спасти малыша, не только ты. Просто тевели... телизионщики раздули из всего этого шумиху, потому что ты девчонка.

Неделю назад Слоан вызвали на поиски пропавшего малыша, который,

как оказалось, провалился в старый колодец. Ей пришлось лезть туда и вытаскивать его. Журналисты, узнавшие об исчезновении ребенка, разумеется, пронюхали историю о чудесном спасении. Через три часа после того, как она решилась спуститься в некое подобие преисподней и провела там самые кошмарные минуты своей жизни, Слоан стала героиней. Грязную, вымазанную до ушей, совершенно измученную девушку приветствовали оглушительными воплями жители Белл-Харбора, собравшиеся помолиться за жизнь ребенка. К ним присоединились папарацци, которым не терпелось раздобыть очередную сенсацию, способную поднять их рейтинг.

За это время шум несколько улегся, о славе Слоан стали понемногу забывать, к сожалению, правда, не так быстро, как ей хотелось бы. Она искренне находила свою роль телевзвезды и местной знаменитости не только дурацкой и неуместной, но крайне раздражающей. С одной стороны, приходилось постоянно сталкиваться с местными поклонниками, провозгласившими се героиней, чем-то вроде иконы и идеалом женщины одновременно, а с другой — терпеть выходки капитана Ингерсолла, пятидесятилетнего женоненавистника, считавшего поступок девушки «выпендриванием и показухой», а ее службу в силах полиции — оскорблением своему достоинству, вызовом вполне заслуженному авторитету и подрывом власти, а также бременем, которое приходилось нести, пока не будет найден способ избавиться от наглой девчонки.

В этот момент на сцене возникла лучшая подруга Слоан, Сара Гибсон, причем как раз в тот момент, когда девушка сделала несколько последних витков и с улыбкой протянула катушку Кении.

— Я слышала вопли и аплодисменты, — объявила Сара, мгновенно вникнув в происходящее. — Что случилось с твоим змеем, Кении?

Она улыбнулась мальчику, и тот мгновенно просиял.

Сара обладала подобным воздействием на мужчин любого возраста. Бедняги замирали на месте и безнадежно оглядывались вслед очаровательному созданию с короткими рыжевато-каштановыми волосами, сверкающими зелеными глазами и стройными ножками.

— Он застрял на дереве.

— Верно, только Слоан его достала, — взволнованно вмешалась Эмма, показывая пухлым пальчиком на вершину дуба.

— На самую верхушку! — вмешался Кении. — И она совсем не боялась. Потому что Слоан храбрая.

Слоан ощущала истинно материнское желание несколько смягчить впечатление, произведенное на детей.

— Быть храбрым еще не значит никогда и ничего не бояться. Смелый человек — тот, кто, несмотря на испуг, делает то, что обязан сделать. Например, вы мужественно говорите правду, хотя боитесь наказания. Вот это настоящая отвага.

Речь была прервана появлением клоуна Кларенса с радугой огромных воздушных шаров. Дети как по команде застыли, но тут же ринулись за желанной добычей, оставив лишь Кении, Эмму и Буча.

— Спасибо за то, что сняла змей, — еще раз поблагодарил малыш с очаровательной беззубой улыбкой.

— Всегда рада, — кивнула Слоан, снова борясь с неотвязным порывом схватить малыша, прижать к себе и осыпать поцелуями забавную липкую рожицу.

Троица наконец последовала примеру остальных и помчалась за шарами, громко споря об истинной степени мужества Слоан.

— Миссис Макмаллин права. Слоан — настоящая, взаправдашняя героиня! — крикнула Эмма.

— Верно-верно. Храбрее ее никого нет на свете! — про возгласил Кении.

Буч Ингерсолл почувствовал себя уязвленным.

— Может, и храбрая для девчонки, — пренебрежительно бросил он, еще сильнее напомнив Слоан шефа Ингерсолла. И как ни странно, именно маленькая застенчивая Эмма распознала оскорбление.

— Девочки такие же храбрые, как мальчики, — вступилась она.

— Вот уж нет! Зря она пошла в полицию! Это мужская работа! Потому они и называются полисменами .

Эмма решительно бросилась на защиту своего кумира;

— Моя мама говорит, что это Слоан Рейнолдс должна быть шефом полиции!

— Вот как? — звился Буч. — Ну так вот, это мой дедушка — шеф полиции, и он твердит, что твоя Слоан — настоящая заноза в заднице! И что ей следует выйти замуж и рожать детей! Женщины только на это и годятся!

Эмма открыла было рот, чтобы запротестовать, но не нашлась с ответом.

— Ненавижу тебя, Буч Ингерсолл! — крикнула она и умчалась, скимая куклу, — неоперившаяся феминистка со слезами на глазах.

— Не нужно было так говорить, — насупился Кении. — Она из-за тебя плачет!

— Ну и что? — фыркнул Буч — неоперившийся сексист,

перенявшим нетерпимость деда.

— Если завтра не станешь ее обижать, может, она забудет, что ты тут наболтал, — решил Кенин — неоперившийся дипломат. Точная копия отца.

Глава 2

Дождавшись, пока дети отбегут подальше, Слоан с кривой улыбкой обернулась к Саре.

— Представляешь, до этой минуты так и не могла решить, кого мне больше хочется: мальчика или девочку. Зато теперь все ясно. Только девочку!

— Можно подумать, у тебя есть выбор, — засмеялась Сара, уже немного уставшая от несколько однообразной темы разговора. — А пока ты станешь решать, какого пола будет твой пока еще не зачатый младенец, смею ли я посоветовать тебе уделить больше внимания поискам кандидата в мужья и отцы?

У Сары была тьма поклонников, но каждый раз, отправляясь на новое свидание, она придирчиво искала среди друзей очередного мужчины подходящую партию для Слоан. И если ей это удавалось, начинала хитроумную кампанию с целью пристроить подругу. Каждая такая попытка благополучно проваливалась, что не мешало ей с новыми силами добиваться недостижимого. Сара просто отказывалась понимать, почему Слоан предпочитает одинокие вечера компании привлекательного собеседника.

— Что у тебя на уме на этот раз? — с подозрением осведомилась Слоан, направляясь к бесчисленным сувенирным палаткам и лоткам.

— Смотри, приезжий, что ли? — подтолкнула ее Сара, кивая на высокого мужчину в спортивных брюках и песочного цвета пиджаке. Незнамоц лениво прислонился к дереву, наблюдая за детьми, собравшимися вокруг клоуна, который ловко превращал два красных шарика в лося с ветвистыми рогами. Лицо мужчины было наполовину скрыто большим бумажным стаканом. Слоан заметила его чуть раньше, когда спустилась с дерева, и, поскольку мужчина не двинулся с места, предположила, что он чей-то отец, который старательно пасет своего отприска.

— Увы, он уже женат, — заметила она.

— С чего ты взяла?

— Он с места не сдвинулся. С детей глаз не спускает!

Но Сара не собиралась сдаваться.

— Подумаешь! Это еще ничего не значит.

— В таком случае с чего бы ему следить за ними?

— Ну... он может оказаться...

— Растигителем малолетних? — сухо предположила Слоан. Словно почувствовав, что речь идет о нем, мужчина швырнул стаканчик в урну и направился к недавно приобретенной мэрией пожарной машине, собравшей огромную толпу любопытных.

— Тебе повезло, — сообщила Сара, поглядев на часы. — Сегодня для сватовства времени нет. Моя очередь дежурить в нашем киоске. На ближайшие три часа я выбываю из игры.

Сара направилась к палатке своей фирмы по дизайну интерьеров, где раздавались брошюры вместе с бесплатными консультациями.

— Главное, ни один мало-мальски симпатичный тип не подошел за брошюру, не говоря уже о том, чтобы задать пару-тройку вопросов.

— Крушение надежд, — поддразнила Слоан.

— Верно, — уныло согласилась Сара, подхватив под руку подругу. — Так или иначе я все равно закроюсь минут на двадцать на случай, если захочешь пригласить меня на ленч.

— Через пять минут и я заступаю на вахту в нашем киоске, — сообщила, в свою очередь, Слоан, глянув на часы. — Придется подождать с часик, пока сможем поесть.

— Ладно, но предупреждаю: во что бы то ни стало держись подальше от чили ! Прошлым вечером здесь устраивали конкурс на самый острый чили во всей Флориде, и Пит Салинас выиграл. Теперь его лоток украшен объявлениями об этом выдающемся событии, но умные люди обходят его стороной. Только идиоты могут осилить это варево, — объявила Сара с непоколебимой уверенностью женщины, считающей себя великим знатоком и экспертом в таком сложном предмете, как мужчины.

Но несмотря на столь авторитетное суждение, Слоан недоверчиво покачала головой:

— Должно быть, слухи сильно преувеличены. И чили вовсе не такой уж острый.

— Ошибаешься. Совершенно убойное варево. Ширли Моррисон работает на пункте «Неотложной помощи» и сказала, что жертвы стряпни Пита прибывают просто табунами, на что только не жалуясь, от болей в животе и колик до поноса.

Палатка департамента полиции находилась на северной стороне парка, рядом с автостоянкой. Киоск Сары стоял ярдах в тридцати. Слоан уже собиралась порадоваться такому соседству, но тут к палатке, скрежеща тормозами, подлетела патрульная машина. На переднем сиденье угадывалась тяжеловесная фигура капитана Интерсолла. Он с трудом

вылез, расправился и, хлопнув дверцей, подошел к палатке. Перебросившись парой слов с лейтенантом Карузо, он помрачнел как туча и стал немедленно осматриваться.

— Судя по грозной физиономии, он разыскивает Меня, — вздохнула девушка.

— Ты же сказала, что пять минут у тебя еще в запасе!

— Верно, но ему напле... — Она осеклась и взволнованно схватила подругу за руку:

— Сара, смотри, кто стоит у твоего киоска! Сама миссис Пил! И на каждой руке по кошке!

Миссис Клиффорд Гаррисон Пил была вдовой одного из самых респектабельных и богатых граждан Белл-Харбора.

— Представляешь, потрясающий потенциальный клиент ждет твоего совета! Только смотри, она с приветом. И ужасно требовательна.

— К счастью, я в отличие от нее терпелива и сговорчива, — возразила Сара, и Слоан едва не покатилась со смеху, когда подруга бегом бросилась к важной персоне. Покачав головой, Слоан пригладила волосы, проверила, не выбилась ли блузка, и смело пошла навстречу судьбе.

Глава 3

Капитан Рой Ингерсолл, по-прежнему стоя у палатки, что-то наставительно вещал Мэтту Карузо и Джесссу Джессапу, которых должна была сменить Слоан. При виде девушки Джесс расплылся в улыбке, Ингерсолл пригвоздил ее к месту разъяренным взглядом, а Карузо, известный подхалим и приспособленец, вначале, подражая напарнику, улыбнулся, но тут же усек, что начальство недовольно, и постарался как можно нагляднее выразить свою неприязнь.

Слоан, обычно старавшаяся отыскать даже в самых отталкивающих людях хорошие стороны, в случае с Мэттом была бессильна, поскольку в довершение к своим не слишком привлекательным качествам он, как было известно всем, служил добровольным стукачом Ингерсолла, и при этом весьма добросовестным. В тридцать три года Карузо успел обзавестись солидным пивным брюшком, небольшой лысиной, а его круглая одутловатая физиономия имела неприятное свойство покрываться крупными каплями пота, стоило шефу полиции обратить на ее обладателя хмурый взор.

Не успела Слоан подойти ближе, как Ингерсолл разразился пространной тирадой.

— Всегда подозревал, что выполнение скучных повседневных обязанностей не идет ни в какое сравнение с показушным геройством на глазах изумленной толпы, — прошипел он. — Но видите ли, нам с лейтенантом Карузо не мешало бы пообедать. Вы чувствуете себя в силах посидеть здесь полчаса, пока мы где-нибудь перекусим?

Иногда его колкости сильно ранили, чаще просто раздражали, но эта последняя вышла настолько дурацкой и несправедливой, что сам он отчего-то показался девушке скорее большим толстым капризным ребенком с седыми волосами и жирным животиком, чем беспощадным тираном. Ну что с ним, с таким, поделать?

— Ничего, можете не торопиться, — снисходительно разрешила она. — Я, пожалуй, продежурю весь следующий час.

Удостоверившись, что на этот раз отправленная стрела не достигла цели, Ингерсолл круто повернулся, но, уже отойдя, все же не смог устоять перед соблазном дать последний залп:

— Попытайтесь ничего не испортить, пока нас не будет, Рейнолдс.

На этот раз ему удалось вывести Слоан из себя не только потому, что

окружающие стали удивленно оборачиваться, но и из-за ехидной ухмылки Карузо. Подождав, пока парочка удалится на несколько шагов, она жизнерадостно крикнула вслед:

— Попробуйте чили! Говорят, это что-то! — И, вспомнив советы Сары, которую считала непререкаемым авторитетом по части мужских вывертов и капризов, добавила чуть громче:

— Только если не выносите перец халапеньо, держитесь подальше от Пита Салинаса и его лотка!

Оба, как по команде обернувшись, наградили ее высокомерно-торжествующими взглядами, исполненными мужского превосходства, и направились прямиком к лотку Салинаса.

Слоан поспешила отвернуться, чтобы скрыть улыбку, и принялась приводить в порядок стопки брошюр по самообороне для детей и женщин, а также условиям приема на работу в правоохранительные органы. Джесс Джессап, проследив за удалявшимися коллегами, тяжело вздохнул:

— Что за сладкая парочка! Эгоист и подлипал! Слоан была в душе согласна с ним, но предпочла по привычке смягчить ситуацию, а не подливать масла в огонь;

— Зато Ингерсолл — настоящий коп, нужно отдать ему должное.

— А ты чем хуже? Что же он постоянно тебя пинает? — возразил Джесс.

— Просто никого не признает, кроме самого себя, — пояснила Слоан, все еще пытаясь спасти хорошее настроение и ощущение душевного покоя.

— Ты забываешь о его любимчиках, — рассерженно процедил Джесс.

Слоан ответила неотразимой улыбкой.

— Интересно, кого же он любит?

Подумав немного, Джесс неожиданно хмыкнул.

— Никого, — пробормотал он, очевидно потрясенный сделанным открытием. — Абсолютно никого.

На этом спор и закончился. Оба замолчали, наслаждаясь свежим воздухом и относительным бездействием, отвечая на кивки знакомых или просто прохожих. Вскоре Слоан отметила, что некоторые женщины дефилируют мимо уже второй или третий раз, а улыбки, обращенные к Джессу, становятся все более призывными и откровенными.

Слоан это позабавило, но не удивило. Джесс обладал неким магическим воздействием на прекрасный пол независимо от того, как был одет, но в полицейском мундире выглядел настоящей голливудской звездой в роли обаятельного, мужественного и непреклонного полицейского: вьющиеся темные волосы, ослепительная улыбка, шрам над бровью,

придававший ему вид романтического злодея, и в довершение всего ямочка на щеке, делавшая ее обладателя поистине неотразимым.

Он поселился в Белл-Харбore год назад, а до этого семь лет прожил в Майами, где служил в полицейском департаменте округа Дейд. По собственному признанию, Джесс был сыт по горло ростом автокатастроф и преступности в большом городе, поэтому, решив немного передохнуть, в одно прекрасное субботнее утро кинул в джип спальный мешок и смену одежды и направился по Северному шоссе сам не зная куда в поисках живописного пляжа и уютного домика. Так и очутился в Белл-Харбore и, проведя здесь два дня, понял, что обрел настоящий дом. Коллеги постоянно подтрунивали над ним по поводу бесконечных звонков от дам, попавших в затруднительное положение и требующих немедленно их спасти. И поскольку участки патрулирования менялись каждые три месяца, известность Джесса неумолимо росла, а вместе с ней и репутация завзятого донжуана. Все, от секретарей до дежурных сержантов, немилосердно издевались над ним, хотя, к чести Джесса, нужно было отметить, что он никогда не выказывал ни малейшего раздражения и столь сомнительная слава не прибавила ему ни самодовольства, ни тщеславия. И если бы не тот неоспоримый факт, что все женщины, с которыми встречался коллега, неизменно были высокими, стройными красавицами. Слоан посчитала бы, что он совершенно равнодушен к собственной внешности.

Вот и сейчас хорошенъкая рыжеволосая девушка о чем-то посовещалась с двумя подружками, и все трое направились к их столу.

— Смотри, твои фанатки уже на страже, — усмехнулась Слоан. — Кажется, они что-то задумали. Берегись.

К ее неподдельному восторгу, Джесс попытался сделать вид, что не замечает своих поклонниц, и, поспешил отведя глаза, взглянул в сторону палатки Сары.

— Смотри, кажется, у Сары посетители, — удивился он, с преувеличенным вниманием уставясь вдаль. — Разве это не миссис Пил? Пойду-ка я поздороваюсь.

— Неглупо! — засмеялась Слоан. — Но боюсь, ты обречен. Они либо потащатся за тобой, либо станут торчать здесь, пока не вернешься. Вид у них, во всяком случае, решительный. Такие готовы на все. Впрочем, как почти все женщины в твоем присутствии, — Кроме тебя. — раздраженно прошипел Джесс, чем вызвал у Слоан очередной приступ веселья.

Вся троица отличалась молодостью, красотой и такими фигурками, что Слоан восхищенно вздохнула. Рыженъкая, очевидно самая бойкая, заговорила первой. Судя по всему, подружки уже были знакомы с Джессом.

— Привет, Джесс! Нам показалось, что ты ужасно одинок. Вот и решили составить тебе компанию.

— Вот как? — вежливо отозвался Джесс, растягивая губы в деланной улыбке. При ближайшем рассмотрении оказалось, лица дам покрыты таким толстым слоем косметики, что Слоан мысленно добавила к возрасту каждой еще десяток лет.

— Именно! — жизнерадостно ответила рыженькая, окидывая жертву таким долгим томным взглядом, что даже Слоан невольно покраснела. Но, видя, что Джесс не откликается на призыв, соблазнительница попробовала зайти с другой стороны:

— Какое облегчение — знать, чти теперь ты патрулируешь наш участок!

— Интересно, почему? — сухо осведомился Джесс, упорно не желая поддаваться на удочку.

Все трое испуганно переглянулись, по и не подумали отступить.

— Но ведь в городе появился маньяк, — напомнила одна из них.

Слоан вздохнула. Последнее время по Белл-Харбору прокатилась волна грабежей со взломом. Жертвами неизменно становились пожилые леди, которых находили в собственных домах избитыми до полусмерти.

— Женщины, да еще одинокие, вне себя от ужаса, — вставила рыженькая. — Особенно по ночам, — многозначительно добавила она.

Джесс неожиданно просиял, словно наконец понял упорные намеки.

— Я могу вам помочь, — торжественно объявил он.

— Правда?

— Клянусь!

Он повернулся к Слоан, мигом превратив ее из заинтересованного наблюдателя в непосредственного участника.

— Не будешь так добра принести вон тот список и три брошюры? — вежливо попросил он.

Слоан безмолвно подчинилась. Джесс раздал подругам брошюры и вручил рыженькой лист бумаги.

— Поставьте здесь свои имена.

Женщины, очевидно, были готовы на все, как мыши под взглядом кобры, и поставили бы свои подписи даже под собственным смертным приговором.

— А что это? — запоздало догадалась спросить рыженькая.

— Классы самообороны, — сообщил Джесс, ехидно ухмыляясь. — Занятия проходят в здании муниципалитета, и первый урок завтра днем.

При этом он отчего-то забыл пояснить, что занятия проводит Слоан, а

он лишь показывает некоторые приемы.

— Мы обязательно будем. — пообещала брюнетка.

— Не подведите меня, — интимным шепотом отозвался Джесс.

— Ни за что! — поклялись подруги, перед тем как уйти. Слоан, отметив грациозное покачивание упругих ягодиц и длинные ноги в босоножках на высоченных шпильках, подумала, что выглядят они как девочки из лас-вегасского варьете. Губы девушки чуть приподнялись в легкой улыбке при мысли о том, как бы смотрелась она сама в роли роковой женщины.

— Так и быть, готов выслушать, — сухо объявил Джесс, вернув ее к действительности.

— Что именно? — растерялась девушка, обнаружив, что, вместо того чтобы провожать глазами своих обожательниц, Джесс пристально смотрит на нее.

— О чем ты думала?

— О том, что они похожи на девиц из варьете, — пробормотала сбитая с толку Слоан, чуть ежась под его изучающим — нет, пронизывающим — взором. Она уже несколько раз ловила его на чем-то подобном, но по какой-то причине почти боялась потребовать объяснения.

Джесс прославился еще и тем, что мог добиться признания от любого подозреваемого, просто задав ему вопрос и сверля при этом вот таким тяжелым неотступным взглядом. Правда, преступницей Слоан себя не чувствовала, но все же ей стало немного не по себе, — Честное слово, мне только это пришло в голову, — беспомощно пролепетала она.

— Не только, — вкрадчиво настаивал Джесс. — Что означает эта твоя улыбка?

— А, вот ты о чем, — облегченно засмеялась Слоан. — Пыталась представить себя разгуливающей по парку па этаких каблучицах и в обтягивающей юбке.

— Весьма интересная мысль, — неожиданно перебил он и, прежде чем Слоан успела опомниться, встал, сунул руки в карманы и сказал такое, от чего у нее голова пошла кругом:

— И заодно неплохо бы налепить на мордашку дюйм-другой косметики, чтобы скрыть эту светящуюся кожу. И конечно, выкрасить волосы черной краской.

— Ч-что? — захлебнулась Слоан.

Джесс торжественно кивнул:

— Во всяком случае, умоляю, сделай хоть что-нибудь!

Иначе при виде тебя мне почему-то неизменно вспоминаются

ванильное мороженое и клубничный пирог.

В глазах девушки заплясали веселые искорки, голос чуть дрожал от сдерживаемого смеха:

— Значит, я напоминаю тебе о десерте.

— О моем не слишком веселом детстве.

— А каким ты был в детстве? — Слоан мгновенно стала серьезной.

— Не поверишь. В тринадцать лет подвизался в качестве алтарного служки.

— Не может быть!

— Слово чести! Только во время мессы мое внимание постоянно отвлекала девочка, сидевшая в третьем ряду. Из-за нее я чувствовал себя греховодником, — И чем все это кончилось?

— Вначале я всячески выставлял перед ней свое благочестие я умение отправлять церковные обряды как никто другой.

— И это сработало?

— Не совсем как ожидалось. Священник был так доволен, что велел мне весь год присутствовать на трех службах вместо одной, но на Мэри Сью Боннер это не произвело ни малейшего впечатления.

— Не представляю, как девушка могла вообще игнорировать тебя, пусть и в таком возрасте!

— Знаешь, я сам недоумеваю.

— Что поделаешь: кто-то теряет, кто-то находит.

— Да, но мне пришлось нелегко. Не представляешь, как я хотел добиться Мэри Сью Боннер!

Джесс почти никогда не заговаривал о прошлом, и Слоан сгорала от любопытства. Интересно, какой неожиданной стороной откроется этот непредсказуемый человек?

Джесс насмешливо поднял брови:

— И поскольку набожность и религиозный пыл оставили ее холодной как лед, я как-то подстерег Мэри после службы и пригласил в кафе-мороженое. Она заказала шоколадный пломбир, а я — слоеный торт с клубникой...

Он замолчал, очевидно ожидая, что она поинтересуется, как развивались события дальше, и Слоан не смогла устоять перед искущением.

— И после этого ты, разумеется, заполучил желанную добычу?

— Ничего подобного. Я честно пытался еще два года, но по-прежнему был ей безразличен. Как, впрочем, и тебе.

В этот момент он был так неотразимо красив и искренне обескуражен,

что Слоан, сама не зная почему, почувствовала себя польщенной.

— Кстати, насчет тебя, — мгновенно сменил он тему. — Ты, конечно, вряд ли согласишься пойти со мной завтра на вечеринку к Питу?

— Я дежурю, но собиралась туда попозже.

— А если бы не дежурила? Приняла бы приглашение?

— Нет, — задорно усмехнулась Слоан и погладила его по плечу, чтобы несколько смягчить резкость отказа... хотя вряд ли это уязвит Джесса. — Во-первых, как я уже объясняла, мы вместе работаем.

— Боюсь, ты редко смотришь телевизор, — усмехнулся Джесс. — Во всех полицейских сериалах напарники влюбляются друг в друга.

— Во-вторых, — как ни в чем не бывало продолжала Слоан, — я принципиально не встречаюсь с мужчинами, которые во сто раз меня привлекательнее. Мое чувствительное «эго» этого просто не вынесет.

Джесс принял ее отказ с обычным несокрушимым спокойствием, что лишь укрепило уверенность Слоан в его полном к ней равнодушии.

— В таком случае, — решил он, — пойду, пожалуй, пообедаю, все равно ничего не обломилось.

— Только постараися, чтобы девушки не сцепились из-за того, кому выпадет счастье оплатить твой заказ, — съязвила Слоан, принимаясь приводить в порядок стол. — Страшно подумать, что тогда выйдет!

— Кстати о поклонниках, — заметил Джесс. — У Сары определенно появился новый. Утром все время торчал у ее палатки, а потом она нас познакомила. Какой-то Джонатан. Бедняга! Если у него не припасено несколько миллиончиков в банке, значит, зря время тратит. Сара — неисправимая кокетка. Ладно, пойду попробую того ч ил и, что ты так хвалила.

— На твоем месте я не стала бы этого делать, — поспешила Сара предупредить Сару.

— Почему нет?

— Потому что пункт первой помощи забит несчастными, решившимися его отведать.

— Ты это серьезно? Девушка медленно кивнула.

— Абсолютно.

Джесс радостно взвыл и помчался в направлении, противоположном от лотка Салинаса, туда, где продавали пиццу и хот-доги, да так резво, что едва успел поздороваться с Сарой, до сих пор погруженной в беседу с миссис Пил. Неизвестно каким образом одна из кошек уже успела устроиться у нее на руках.

Отбежав подальше, Джесс притормозил у группы подростков и

отпустил какую-то остроту, отчего все дружно засмеялись. Слоан с сожалением вздохнула. Как бы ей хотелось плюнуть на все принципы и пойти к нему на свидание, не заботясь о последствиях!

Зная о пристрастиях Джесса к высоким, броско-красивым женщинам, Слоан потеряла дар речи, когда несколько недель назад он пригласил ее на ужин, и окончательно ошалела, когда приглашение повторилось. Какой соблазн сказать «да» и броситься в омут с головой! Джесс ужасно ей нравился и обладал к тому же почти всеми качествами, которые она предпочитала в мужчинах, но... но с таким красавцем поклонником Слоан навеки потеряет покой. В отличие от Сары, желавшей в семейной жизни блеска, роскоши и шика и искавшей подходящего кандидата, обладавшего сразу всем — неотразимой внешностью, обаянием и деньгами, Слоан хотела совершенно противоположного. И мечтала о нормальном, ничем особо не выдающемся человеке. Добром, умном и надежном. Хотела вести почти такую же жизнь, какой жила до сих пор, — скромную, спокойную — с детьми и верным, любящим мужем, который оказался бы к тому же хорошим отцом. Таким, на которого можно положиться. Рассчитывать на его любовь и поддержку до конца дней.

И Джесс вполне подходил бы на эту роль, если бы не притягивал женщин как магнит, а это вряд ли обещало прочный супружеский союз. Конечно, искушение было слишком велико, но и риск казался огромным, поэтому Слоан с сожалением решила избегать каких-либо близких отношений с ним и, разумеется, не встречаться вне работы. Да и дружба подобного рода, несомненно, станет отвлекать их обоих от прямых обязанностей, а Слоан не хотела портить и без того сложные отношения с начальством. Ей нравилась ее работа, и коллеги, за исключением Карузо и Ингерсолла, прекрасно к ней относились.

К четырем часам дня Слоан окончательно выдохлась и хотела лишь поскорее добраться домой. Карузо и Ингерсолл вскоре уехали, жалуясь на приступ внезапного «желудочного гриппа», и Слоан с Джессом пришлось дежурить одним, пока не пришлют замену.

Слоан была на ногах с восьми утра и теперь мечтала о горячей ванне, легком ужине и интересной книге. Сара ушла час назад, предварительно похваставшись, что миссис Пил пригласила ее во вторник посмотреть дом и поговорить о новом интерьере первого этажа. По какой-то причине пожилая женщина хотела, чтобы Слоан тоже присутствовала при разговоре, и, заручившись согласием подруги, Сара отбыла на свидание с блестящим молодым адвокатом по имени Джонатан.

Парк почти опустел, и Слоан, облегченно вздохнув, уселась поудобнее,

обхватив лицо ладонями.

— Ты похожа на одинокую заблудившуюся малышку, — усмехнулся Джесс, лениво разглядывая последних посетителей. — Устала или просто надоело все?

— Меня терзают угрызения совести из-за Ингерсолла и Карузо, — призналась она.

— А меня нет! — заверил Джесс. — Ты снова станешь местной героиней, пусть только парни обо всем узнают!

— Ради Бога, молчи, — предупредила Сара. — В нашем городе секретов нет, а полицейские — самые большие сплетники.

— Расслабьтесь, детектив Рейнолдс. Я шучу. — В голосе Джесса неожиданно зазвучали теплые, почти интимные нотки, которых раньше Слоан никогда не слышала. — Кстати, чтобы ты знала: я готов пойти на все, чтобы защитить тебя и уберечь от всех неприятностей, и, уж разумеется, ни за что не причиню тебе зла. . Слоан удивленно подняла голову и уставилась в красивое смеющееся лицо..

— Джесс, да ты, никак, флиртуешь со мной!

Но Джесс отвел глаза и посмотрел куда-то в сторону.

— А вот и наша смена.

Он встал и огляделся, словно проверяя, не забыл ли чего.

— Какие у тебя планы на сегодня? — осведомился он, кивнув подходившим коллегам, Рейгану и Бернби.

— Собираюсь завалиться в постель с интересной книжкой. А ты?

— Любовное свидание, — сообщил он, полностью опровергая предположения Слоан о том, что он с ней флиртует.

— Ну и негодник, — добродушно покачала головой Слоан и нырнула в палатку за сумочкой. А когда появилась на свет Божий, у стола уже стояли Рейган и Бернби, типичные сорокалетние копы, представительные мужчины и надежные друзья, на кого всегда можно положиться, верные мужья и любящие отцы, в памяти которых хранились все чрезвычайные происшествия, автокатастрофы и семейные скандалы, какие только приходилось распутывать.

— Что-то случилось? — спросил Бернби.

Слоан накинула коричневый кожаный ремешок сумочки на плечо.

— Нет.

— Да, — запротестовал Джесс. — Слоан обозвала меня негодником.

— Похоже на правду, — пошутил Бернби, подмигивая Слоан.

— Точно, настоящий негодник, — вмешался ухмыляющийся Рейган.

— Кстати, попробуйте здешнего чили, когда представится случай, —

ехидно посоветовал Джесс, ступив за спину Слоан. Та поспешила обернуться и едва не столкнулась с Джессом, которому пришлось схватиться за стропы палатки, чтобы не упасть, — И близко не подходите к этому чили, — предупредила она. — Карузо и Ингерсолл уже маются животами.

— Брюзга, — пожаловался Джесс, подталкивая ее в спину в направлении автостоянки. — Вечно отравит людям всякое удовольствие и испортит настроение!

— Здоровый балбес, — отпариowała Слоан, чьи плечи тряслись от смеха.

— Эй, Слоан! — окликнул Бернби. — Тебя снова показывали в новостях, по шестому каналу. Тот вызов прошлой ночью! Тебе здорово досталось, но ты молодец, крошка!

Слоан кивнула, правда, без особого восторга. Она уже видела выпуск в шесть утра и совсем было забыла о нем, но, очевидно, именно поэтому капитан Ингерсолл так осатанел сегодня.

Бернби и Рейган с живейшим интересом смотрели вслед удалявшейся парочке.

— Как по-твоему, — спросил Рейган, имея в виду подпольный тотализатор, действующий в полицейском участке, — удастся Джессу затащить ее в постель или нет? Ставлю пятерку, что Слоан натянет ему нос.

— Ставлю десять баксов на Джесса, — объявил Бернби и, сощурившись, еще раз присмотрелся к молодым людям, остановившимся поговорить с очередными посетителями парка. — Если Слоан узнает о пари, разразится настоящий скандал. Уж тогда она нам покажет!

— В таком случае у меня для тебя новость! — с хохотом сообщил Рейган. — По-моему, Слоан уже все знает, и поэтому ваше дельце не выгорит! Просто она слишком умна и хорошо воспитана, чтобы высказать все, что о вас думает.

Машина Слоан, белый «шевроле» без опознавательных знаков, предоставленный ей городом, была запаркована рядом с автомобилем Джесса. Попрощавшись с приятелем, она уже поставила ногу в салон машины, но, повинувшись привычке, оглядела стоянку, желая удостовериться, что вокруг все в порядке.

Белл-Харбор так быстро рос, что в городе каждый день появлялись новые незнакомые лица. Слоан смотрела на толстую девочку-подростка, которая вела за руку забавного малыша, на бабушку с близнецами, гонявшими друг за другом, и бородатого мужчину, читавшего газету под деревом. Она их видела впервые. Но по мере того как Белл-Харбор

превращался из сонного приморского поселка в процветающий центр деловой и культурной жизни, в городе неуклонно увеличивалась преступность.

В парке осталось не более полутора сотен людей. Клоун Кларенс и жонглеры ушли ужинать, большинство палаток и лотков опустело, если не считать скучающих продавцов. На скамейке возле Сариного ларька тоже никого не было, и чисто выбритый незнакомец в песочного цвета пиджаке, казавшемся таким неуместным в солнечный день, тоже куда-то исчез.

Удовлетворенная увиденным, Слоан села в машину, повернула ключ зажигания и посмотрела в зеркальце заднего обзора: никого. Она включила заднюю передачу и, выехав со стоянки, неспешно покатила по рассекающей парк аллее. Да, недаром Бернби поздравлял ее!

Слоан вспомнила о вчерашней ночи, когда пришлось долго отговаривать вдрызг пьяного и обезумевшего бывшего мужа от намерения прикончить дружка разведенной жены. Господи, что только она не делала, прежде чем он согласился бросить пистолет! Когда он наотрез отказался идти в тюрьму за «несовершенное преступление», Слоан принялась убеждать его взглянуть на пребывание в заключении как на возможность расслабиться, успокоиться и подумать о том, как найти более достойную женщину, которая оценит его выдающиеся качества. И ей это удалось. Никто бы ничего не узнал, если бы несостоявшийся убийца не дал интервью местному телевидению и не поведал, что именно Слоан предотвратила жестокую расправу. Опять она стала героиней, правда, на этот раз превозносимой не за храбрость, а за ум и сообразительность. Но лучше бы этого не было. Вчера вечером капитан неохотно похвалил ее за то, что блестяще справилась с ситуацией, но, очевидно, такая громкая слава подчиненной пришла ей не по вкусу. Сегодняшние новости окончательно вывели его из себя. И Слоан до какой-то степени понимала его. В конце концов, пресса уделяет ей больше внимания, потому что перед ними женщина-полицейский.

Выезжая из ворот парка, Слоан намеренно запретила себе думать о неприятностях. Впереди ждет теплая ванна-джакузи, уют и покой мягкой постели.

Она свернула налево на Блайт-лейн, широкую, вымощенную брусчаткой улицу, вдоль которой выстроились дорогие бутики, антикварные и сувенирные магазинчики под шикарными зелеными маркизами и с огромными пальмами в горшках у дверей.

Слоан редко бывала в деловом квартале и каждый раз удивлялась переменам, произошедшим за последние несколько лет. И хотя вначале

коренные жители громко протестовали против засилья чужаков, жалоб становилось все меньше, по мере того как доходы торговцев росли и еще недавно скромные, едва влакившие существование предприятия становились прибыльными чуть ли не за неделю.

Готовые на все, лишь бы привлечь новых процветающих налогоплательщиков, члены муниципалитета, с согласия жителей, выпустили много пакетов акций, доходы от которых было решено пустить на благоустройство города и окрестностей. По настоянию честолюбивой влиятельной жены мэра Блументаля в Белл-Харбор прибыла команда архитекторов из Палм-Бич, и работа закипела.

К тому времени как все было закончено, оказалось, что Белл-Харбор превратился в очаровательное живописное местечко, имеющее явное сходство с Палм-Бич, на что, очевидно, и рассчитывала жена мэра. Перестройка началась со здания муниципалитета и коснулась в основном государственных строений.

В этот час дня движение на улицах было оживленным, и прошло почти пятнадцать минут, прежде чем Слоан свернула на свою улицу и остановилась перед серо-белым угловым коттеджем, который так любила. Пляж был в двух шагах, и до Слоан доносились шум прибоя, детский смех и голоса родителей.

В полуквартале отсюда на стоянку въехал темно-синий седан, припарковавшийся за микроавтобусом, но и в этом не было ничего необычного. Очередной праздничный вечер, только и всего. Люди разъезжаются по домам.

Слоан всунула ключ в замочную скважину, мечтая, как бы поскорее погрузиться в очередной детектив. Недаром Сара любила величать подругу устрицей и средневековой отшельницей. В отличие от Слоан она ненавидела одиночество. Ну а для Слоан вопрос о времяпрепровождении был решен раз и навсегда. Лучше полежать и почитать, чем строить глазки незнакомому человеку и стараться поддерживать светский разговор.

Девушка улыбнулась при мысли о том, что можно как следует выспаться. Завтрашние занятия по самообороне начнутся не раньше полудня.

Глава 4

Полицейский участок располагался в новом здании муниципалитета, красивом трехэтажном белом особняке с красной черепичной крышей и широкой, изящно изогнутой лоджией, идущей вдоль всего фасада. Внизу раскинулся широкий зеленый газон, на котором были высажены пальмы. Не всякий город мог похвастаться такой мэрией.

Залы судебных заседаний, отделанные дубовыми панелями, и конференц-зал, используемый в основном для городских собраний, занимали третий этаж: офисы мэра и чиновников, а также отдел записей гражданского состояния и архив находились на втором. Первый этаж предназначался для полиции.

Отделка интерьеров была поручена фирме Сары, и ее своеобразная манера и безошибочное чутье явно ощущались в роскошной обстановке офиса мэра и залах судебных заседаний, где мебель была обита темно-синей с коричневым тканью, в тон ковровому покрытию.

Когда дело дошло до помещений полицейского участка, Саре и ее партнерам утвердили довольно скромную смету, не дававшую простора воображению.

Центр просторного помещения занимали три ряда письменных столов, по десять в каждом, снабженные компьютерами, каталожными шкафчиками, офисными креслами и стульями для посетителей. У входа были отгорожены стеклянные клетушки для офицеров рангом выше, комнаты для совещаний располагались по правую и левую стороны, а в самом конце, за тяжелой, всегда закрытой дверью, скрывался «обезьянник» для временно задержанных.

В мужественной, хотя и бесплодной попытке противостоять общему впечатлению тоски и уныния, неизменно возникавшему у посетителей и сотрудников при виде моря бежевого линолеума, такого же цвета столов и мониторов, дизайнеры застлали середину сине-бежевым паласом я заказали шторы такой же расцветки. К сожалению, ковровое покрытие было постоянно залапано пятнами от соусов, чая и кофе, оставленными полицейскими, дежурившими по тридцать человек в три смены круглосуточно.

Слоан была одной из немногих, ценивших усилия коллег Сары, однако сейчас и она ничего вокруг не замечала. По праздникам полиции всегда хватало работы, но сегодня выдался особенно тяжелый и суматошный день.

Телефоны разрывались, громкие голоса, перемежавшиеся взрывами нервного смеха, неслись из комнаты, где проходили занятия по обороне, и эхом отдавались в коридоре. В комнатах совещаний с самого утра велись допросы свидетелей и подростков, подозреваемых в ограблении, погоня за которыми закончилась автокатастрофой и многочасовой пробкой на шоссе. Родители и адвокаты мальчишек висели на телефонах и потеряно бродили по холлу.

Все это столпотворение безмерно раздражало капитана Ингерсолла, у которого после вчерашнего разыгралась язва желудка. Он то и дело глотал таблетки и шнырял между столами в поисках козла отпущения, на котором мог бы наконец сорвать злость. К тому же Мэрнан Лиджет, его шестидесятипятилетняя секретарша, туговатая на ухо и считавшая только что установленную телефонную систему, снабженную переговорными устройствами, не иначе как изобретением самого дьявола, вносила свою лепту в общий хаос, время от времени появляясь на пороге и зычно призывая босса к телефону.

Сотрудники честно старались сосредоточиться на работе и не обращать внимания на то, что творилось вокруг, но это было не так-то легко. Всем приходилось туго... всем, кроме Пита Бенсингера, который не мог думать ни о чем ином, кроме предстоящего вечером мальчишника и грядущей свадьбы, и поэтому упорно не обращал внимания ни на дурное настроение Ингерсолла, ни на окружающую обстановку. Весело насвистывая, он разгуливал вдоль столов и то и дело останавливался поболтать с теми, кто был рад хоть на минутку отвлечься.

— Привет, Джесс! — воскликнул он, не дойдя до стола Слоан. — Как делишки?

— Проваливай! — проворчал Джесс, печатавший рапорт о задержании пушера. — Противно видеть твою веселую рожу!

Нимало не обидевшись. Пит шагнул к столу Слоан, наклонился и, пытаясь подражать Хамфри Богарту, обольстительно улыбнулся.

— Скажи, крошка, что может делать такая красотка, как ты, в этой дыре?

— Надеется встретить такого болтуна, как ты, малыш. Давно мне никто зубы не заговаривал, — бросила Слоан, не поднимая глаз от плана занятий.

— Опоздала! — провозгласил Пит, радостно воздев к небу руки. — На следующей неделе меня захомутают. Неужели не слышала?

— Ходили какие-то слухи, — улыбнулась Слоан, продолжая писать.

По правде говоря, едва ли не все ее коллеги принимали живейшее

участие в бурном романе Пита. Он встретил Мэри Бет пять месяцев назад и, по собственному признанию, «втрескался с первого взгляда». К несчастью, ни Мэри Бет, ни ее весьма состоятельные родители не были в восторге от ухаживаний простого полицейского, чьи карьерные и финансовые перспективы были крайне сомнительны, чтобы не сказать большего. Но настойчивость, терпение и преданность победили. Вооруженный бесчисленными дружескими советами, многие из которых, честно сказать, никуда не годились, он упорно преследовал Мэри Бет и все-таки, несмотря на все препятствия, добился своею. Теперь Слоан не могла без улыбки смотреть на его восторженное мальчишеское лицо, выражавшее безграничную веру в то, что отныне он поселился на седьмом небе и больше никогда не спустится на грешную землю.

— Не забудь прийти на мальчишник сегодня! Будешь королевой бала, — напомнил он.

Джесс, Лео Рейган и Тед Бернби вначале планировали роскошную вечеринку со стриптизеркой и обычными заморочками надравшихся вдрызг буянов, но Пит и слушать ничего не пожелал, стойко объявляя всем и каждому, что женитьба на Мэри Бет слишком много для него значит и он ни за какие коврижки не сделает того, о чем мог бы позже пожалеть... или, как ехидно вставил Джесс Джессап, того, о чем Мэри Бет заставила бы его пожалеть.

И чтобы уж наверняка оградить себя от всяких неожиданностей, Пит настоял на том, чтобы на мальчишник были допущены дамы. Сам он собирался привести Мэри Бет.

— Сегодня? А я думала, завтра, — схитрила Слоан, неуклюже стараясь сделать вид, что очень занята вечером.

— Слоан, ты просто обязана прийти! Без тебя и праздник не в праздник! Соберемся на берегу! Разожжем костер, устроим барбекю... Нужно когда-то и повеселиться, не все же пахать!

— Похоже на нарушение всех экологических законов! Не хватало еще, чтобы нас арестовали, — пошутила она.

— Представляешь, море пива, — соблазнял Пит, — Пьянство и непристойное поведение в общественных местах... Нас всех посадят в кутузку, пресса раздует дело на всю страну.

— Кто, интересно, тебя сцепает, если дежурить будет некому? — резонно возразил Пит.

— Как это некому? А я? Мы поделили смену с Диреком Кипински, так что он придет к тебе первым, а я потом. — И при виде сокрушенной физиономии Пита, слегка смягчившись, пояснила:

— Нужно же кому-то проследить за пляжем. Последнее время, особенно по уик-эндам, там проходу нет от наркоманов.

— Знаю. Но арестом пары-тройки пушеров здесь не обойдешься. Эта зараза доставляется морем. Какое-то судно. Вот где корень зла, и искать его нужно именно там.

— Это работа отдела по борьбе с наркотиками, и они, по-моему, уже последовали твоему совету. Наше дело — очистить улицы и пляж. — Подняв глаза, Слоан заметила Сару и встала. — Через десять минут у меня занятия.

Пит дружески стиснул ей плечо и, подойдя к своему столу, поднял трубку. Рядом со Слоан мгновенно очутился Лео Рейган.

— Ставлю десять к одному, что он опять звонит Мэри Бет. Это уже в третий раз сегодня.

— Совсем крыша поехала, — согласился Джесс. Подошедшая Сара небрежно присела на край стола, улыбнулась мужчинам и тоже всмотрелась в Пита, на лице которого играла блаженная ухмылка.

— По-моему, он просто душка, — хихикнула она. — И судя по выражению его лица, определенно любезничает с Мэри Бет.

Удостоверившись, что Пит не обращает ни на кого внимания, Лео вытащил большой конверт и протянул Джессу:

— Собираем деньги на подарок Питу и Мэри Бет. По двадцать пять баксов, — Мы что, решили их домом порадовать? — ворчливо осведомился Джесс, кладя в конверт требуемую сумму. Слоан потянулась за кошельком.

— Столовый сервиз на двенадцать персон, — пояснил Лео.

— Шутишь! — поразился Джесс. — Сколько же детишек они собираются завести?

— Понятия не имею. Знаю только, что Роуз позвонила в магазин, где лежит список, составленный невестой. Веришь, на двадцать пять долларов даже вилку не купишь.

— Ты хотел сказать — вилы? Уж очень, должно быть, здоровая эта самая вилка!

Слоан обменялась с Сарой веселыми взглядами и, в свою очередь, рассталась с двадцатью пятью долларами. В этот момент капитан Ингерсолл соизволил выйти из своего кабинета, орлиным взором окинул сцену и при виде жизнерадостной компании помрачнел как туча.

— Черт, — прошипел Рейган. — Сюда движется Ингерсолл.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Сара, казалось, не обратила ни малейшего внимания на предупреждение.

— Погоди, Лео, дай и мне поучаствовать! Она сунула деньги в конверт

и включила свое обаяние на полную мощь, искренне и вполне бескорыстно стараясь отвлечь огонь на себя.

— Привет, капитан! Я так за вас волновалась! Слышала, что вы отравились этим ужасным чили, да так, что пришлось бежать на пункт неотложной помощи!

Черты лица Ингерсолла в мгновение ока разгладились и губы искривились в некоем подобии улыбки.

— Это ваша подружка посоветовала его попробовать, — буркнул он, кивнув в сторону Слоан, но при этом как зачарованный не отрывал глаз от Сары. Он даже сделал довольно неудачную попытку пощутить:

— Разве вы не знаете, что в этом штате подкуп полицейского является серьезным преступлением?

Слоан успела подумать, что с чувством юмора у Ингерсолла явная напряженка, как он натужно-весело добавил:

— Кроме того, строго запрещается отвлекать сотрудника полиции от выполнения служебного долга.

Сара кокетливо похлопала ресницами, и, к всеобщему изумлению, Ингерсолл залился краской.

— Интересно, каким это образом и кого я отвлекаю?

— При одном взгляде на вас бедняги начисто забывают обо всем.

— Неужели? — проворковала Сара.

Джесс, пользуясь тем, что стоит за спиной Ингерсолла, сунул палец в глотку, притворяясь, что его сейчас стошнит. Но тут ему не повезло. Ингерсолл, которого никак нельзя было назвать дураком, сообразив что-то, молниеносно обернулся и поймал Джессапа на месте преступления.

— Какого черта вы кривляетесь, Джессап?

Слоан едва не подавилась, стараясь сдержать смех, но как верный друг поспешила на выручку.

— Принесу, пожалуй, кофе, — вмешалась она. — Капитан, не выпьете ли чашечку?

Подражая Саре, девушка кокетливо-обезоруживающе улыбнулась. Уловка сработала.

— Что? Ну... если вы сами предлагаете, конечно, — буркнул Ингерсолл.

Кофейники громоздились на большом исцарапанном столе, рядом с ксероксами. Слоан направилась туда.

— Два кусочка сахара, — крикнул Ингерсолл вслед Слоан. В этот момент телефон девушки засиял звонкой трелью, и капитан, стараясь произвести впечатление на Сару своей деловитостью, схватил трубку. —

Ингерсолл, — отрывисто произнес он.

— Насколько я знаю, это номер Слоан Рейнолдс, — отозвался вежливый, но властный мужской голос. — Говорит ее отец.

Ингерсолл глянул на часы. Через три минуты у группы Слоан занятия.

— У нее вот-вот начнется урок по самообороне. Не могли бы вы позвонить позже?

— Я предпочел бы поговорить с ней сейчас.

— Минутку.

Ингерсолл нажал кнопку, — Рейнолдс! Вам звонят. Это ваш отец.

Слоан, бросив два кусочка сахара в чашку, рассеянно ответила:

— Это, должно быть, какая-то ошибка. У меня нет отца.

Очевидно, столь смелое заявление вызвало такой неподдельный интерес, что шум в комнате мгновенно упал на несколько децибел.

— Такого быть не может. У каждого человека есть отец, — резонно возразил Ингерсолл.

— Я хотела сказать, что в жизни его не видела, — поправилась Слоан. — Наверное, ищут кого-то другого.

Ингерсолл, пожав плечами, снова поднял трубку.

— Кому вы звоните?

— Слоан Рейнолдс, — нетерпеливо бросил мужчина.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Картер Рейнолдс.

Челюсть Ингерсолла от неожиданности отвисла:

— Вы сказали — Картер Рейнолдс?

— Именно. И хотел бы побеседовать со Слоан. Ингерсолл выпрямился, сложил руки на груди и уставился на Слоан со смесью недоверия, благоговения и даже некоторого осуждения.

— Имя вашего отца, случайно, не Картер Рейнолдс?

Имя известного на всю страну финансиста-филантропа из Сан-Франциско произвело впечатление разорвавшейся бомбы. В гудящей голосами комнате воцарилась неловкая, напряженная тишина. Слоан замерла на секунду, забыв о чашках с дымящимся кофе, но тут же взяла себя в руки и подошла к столу. На давно знакомых физиономиях теперь читались совершенно непривычные для Слоан чувства: подозрение, изумление и, кажется, зависть. Даже Сара воззрилась на нее, будто никогда не видела раньше. Ингерсолл взял у Слоан чашку, но не сдвинулся с места, очевидно, желая не пропустить ни слова из столь волнующего разговора.

Но Слоан было абсолютно все равно... Говоря по правде, она уже никого и ничего вокруг не замечала. Подумать только, за все эти годы она

не получила даже поздравительной открытки на день рождения от своего исчезнувшего родителя, и ей совершенно безразлично, по какой причине он вдруг возжелал напомнить о себе. Она постараётся вежливо, но твердо довести это до его сведения.

Девушка поставила на стол чашку, решительно откинула волосы, взяла трубку и поднесла к уху. Странно, и рука почти не дрожит.

— Слоан Рейнолдс у телефона. До сих пор она никогда не слышала этого голоса... сдержаный, спокойный, с едва уловимыми веселыми нотками...

— Звучит очень профессионально, Слоан. Совсем как настоящий полицейский.

Он не смеет одобрять или не одобрять ее! И вообще не имеет никаких прав на нее и на все, что с ней связано!

Слоан едва сдержалась, чтобы не высказать этому господину все, что о нем думает.

— Вы позвонили не вовремя, — сухо заметила она. — Как-нибудь в другой раз.

— Когда именно?

Перед глазами всплыл недавно виденный снимок отца, стройного красавца с седеющими волосами, с ракеткой в руке. Картер Рейнолдс играет с друзьями в теннис в загородном клубе Палм-Бич.

— Почему бы тебе не вспомнить обо мне еще лет через тридцать?

— Ты раздражена, и вполне справедливо. Не мне винить тебя.

— Раздражена? Ты меня не осуждаешь? —sarcastically осведомилась Слоан. — Чрезвычайно мило с вашей стороны, мистер Рейнолдс.

— Давай не будем спорить, — вежливо перебил он. — В конце концов, это наш первый разговор. При встрече можешь бросить мне в лицо все обвинения. Осыпать упреками за пренебрежение родительскими обязанностями. Только через две недели.

Слоан поднесла к глазам трубку, разъяренно оглядела ее и тут же, беспомощно покачав головой, снова поднесла к уху.

— Через две недели? При встрече? Поверьте, мне совершенно не интересно все, что вы так хотите мне сообщить.

— Ошибаешься, — возразил Картер, и у Слоан неожиданно сжалось сердце от невольного, хотя и злобного, восхищения его невероятной наглостью и железной силой воли, которые, казалось, ощутимо давили на нее, не давая повесить трубку. — Наверное, мне стоило все высказать в письме, но я подумал, что таким образом можно добиться цели куда

быстрее.

— То есть по телефону? И чего же именно вы собираетесь добиться?

— Я... — Отец запнулся. — Мы с твоей сестрой просим тебя приехать в Бич на несколько недель, чтобы получше познакомиться. Полгода назад у меня был инфаркт...

«Бич»... Так «свои», разумеется, называют Палм-Бич.

Ну так вот, она не «своя»! Чужая. И не собирается лизать пятки новоявленному папаше с сестрицей!

— Я читала о вашей болезни в газетах, — безразлично сообщила Слоан, давая понять, что получает все сведения о родителе исключительно через официальные источники. Конечно, географически Палм-Бич расположен не особенно далеко, но что касается всего остального — словно находится в другой галактике. Там живут настоящие инопланетяне, не знающие ни забот, ни горестей этого мира.

Чтобы несколько повысить собственный престиж, газета Белл-Харбора всегда перепечатывала воскресную светскую хронику из более солидных изданий своего блестящего южного соседа. Именно там Слоан видела снимки и заметки о Картере Рейнолдсе и его избалованной дочери.

— Поверь, нам нужно получше познакомиться, пока еще не поздно, — уверял отец.

— Ну и наглость! — взорвалась Слоан, с ужасом чувствуя, как веки жгут непрошеные слезы. — Боюсь, уже слишком поздно. У меня нет ни малейшего желания знакомиться с тобой после стольких лет.

— А с сестрой? — вкрадчиво вставил он. — Тебе и она не нужна?

Еще одна фотография всплыла в памяти Слоан. Ее сестра, Парис, рядом с отцом на теннисном корте. Правая рука с ракеткой занесена над темноволосой головой, идеальная фигура, точеные черты лица... словом, само совершенство.

— Не больше, чем нужна я ей, — процедила Слоан, но сама ощутила, как неубедительно, как жалко прозвучали эти слова.

— Парис считает, что многое потеряла в жизни, потому что до сих пор не имела случая узнать свою сестру.

Судя по особому вниманию репортеров и постоянным историям в газетах и журналах, жизнь этой сказочной принцессы представляла собой бесконечную череду волнующих событий, праздников и сюрпризов, от теннисных матчей и кубков за скачки и верховую езду до роскошных приемов в Сан-Франциско и Палм-Бич, на которых она играла роль хозяйки. В тридцать один год Парис Рейнолдс по-прежнему была ослепительно красивой, грациозной и утонченной и до этой минуты

абсолютно не нуждалась в Слоан, не желая ни видеть ее, ни слышать о ней. Сознание этого укрепило ослабевшую было решимость Слоан не иметь ничего общего с куда более богатой и счастливой ветвью своего семейства.

— Забудьте обо мне, — твердо посоветовала она. — Прощайте.

— Сегодня я говорил с твоей матерью. Надеюсь, она сможет заставить тебя передумать, — успел сказать он, прежде чем Слоан повесила трубку. Колени ее подогнулись — запоздалая реакция на неожиданный удар, — но она не собиралась выказывать слабость перед посторонними.

— Ну вот и все, — весело объявила она. — Мне пора. Группа ждет.

Глава 5

Входя в импровизированный спортивный зал, где собирались ее ученицы, Слоан уже успела убедить себя, что никаким ненужным эмоциям в ее жизни не должно быть места и следует полностью сосредоточиться на работе и забыть о досадных помехах.

Она закрыла за собой дверь и растянула губы в деланно приветливой улыбке.

— Сегодня мы поговорим о том, как различными способами справиться с потенциально опасными ситуациями, — объявила она, но тут же поняла, что забыла поздороваться и представиться.

— Кстати, меня зовут Слоан Рейнолдс, — снова начала она.

«И мой отец только что впервые в жизни позвонил мне».

Слоан поспешила тряхнуть головой. Опять! Пора вспомнить о том, что эти занятия жизненно важны для женщин и они крайне нуждаются в ее советах. Полагаются на ее мастерство. В конце концов, Картер Рейнолдс ничего для нее не значит.

Слоан поспешила выбросила из головы тревожащие мысли и приступила к первой лекции.

— Представим самый обычный случай, когда одинокая женщина неожиданно оказывается в безвыходном положении. Предположим, вы едете ночью одна и колесо спустило. Машин на дороге почти нет, а ближайший город или поселок — в трех-четырех милях. Что вы сделаете?

В воздух взметнулось сразу несколько рук, и Слоан кивнула привлекательной женщине средних лет, удачливому агенту по продаже недвижимости.

— Закрою дверцы, подниму стекла и останусь в автомобиле, пока не проедет патрульная машина, или ремонтная летучка, или... какой-нибудь водитель, заслуживающий доверия.

Именно такого ответа Слоан и ожидала. Неверного ответа.

— Предположим, — для вида согласилась она. — Скажем, пока вы сидите в машине, рядом останавливается какой-то автомобиль. Выходит мужчина и предлагает вам помочь. Как вы поступите?

— А он выглядит достаточно прилично?

— Но кто ответит, что значит выглядеть прилично? Вы сможете? Вспомните, сколько маньяков казались на вид совершенно порядочными людьми! Но предположим, этот незнакомец не выглядит прилично. Ваши

действия?

— Не опуская стекла, совру, что помочь уже в пути, — объявила агент с энтузиазмом первооткрывателя. — Верно?

— Сейчас посмотрим, — сказала Слоан, подходя к столу, на котором стояли телевизор и видеоплейер. — Если ваш рыцарь — хороший человек, который действительно хотел помочь, он уедет. Но если это грабитель, а еще того хуже — насильник или убийца?

— Что он мне сделает? — удивилась женщина. — Я в машине с закрытыми дверцами и поднятыми стеклами.

— Сейчас покажу. Слоан нажала кнопку воспроизведения видеоплейера.

На экране появилась сцена, подобная той, которую она описывала. Роль застрявшей на дороге женщины играла актриса. Рядом остановился автомобиль, и хорошо одетый человек предложил накачать шину. Когда женщина вежливо отказалась от его помощи, он неожиданно схватился за ручку дверцы и попытался ее открыть. Бедняга в панике завопила, и незнакомец побежал к своей машине, но тут же вернулся с монтировкой, разбил окно, открыл дверцу и вытащил орущую благим матом, отбивающуюся женщину на мостовую, где принялся ее избивать.

Короткий клип был снят настолько реалистично, что потрясенные ученицы долго молчали, после того как Слоан выключила видеоплейер.

— Урок первый, — объявила она с улыбкой, чтобы немного ослабить напряжение. — Ни за что не оставайтесь в неисправной машине. Этим вы превращаете себя в легкую добычу для всех окрестных негодяев.

— В таком случае как же быть? — спросила жена аптекаря.

— Все зависит от того, насколько близко вы находитесь от жилых зданий или предприятий. Если можно добраться до них пешком, пускайтесь в путь. Не можете идти по пересеченной местности — шагайте по шоссе, но готовьтесь нырнуть за куст или спрятаться в канаве, если заметите свет фар. Если же идти чересчур далеко или погода слишком холодная и дождливая, придется оставаться в машине, но опять же — при малейшем шуме прячьтесь где угодно. Пусть даже машину ограбят, все равно не выходите из укрытия.

Убедившись, что ее поняли, Слоан продолжала:

— Предположим, по какой-то причине вам никак нельзя покинуть машину до утра. Все равно постарайтесь укрыться ненадежнее в случае появления чужого авто. Из своего убежища понаблюдайте, что будет делать водитель. Если он попытается взломать дверцу или украсть колпаки и если к тому же с ним еще парочка подвыпивших приятелей, сидите тихо как

мышка и не вздумайте протестовать.

Взявш со стола маленький черный предмет, Слоан с улыбкой добавила:

— Если же вам вовсе не улыбается бродить по дорогам и полям в темноте и, уж конечно, совсем не хочется провести ужасную ночь в машине, то и дело бегая как заяц в страхе за собственную жизнь, я счастлива предложить вам альтернативу.

Она продемонстрировала женщинам сотовый телефон и, вмиг став серьезной, предупредила:

— Каждой из вас неплохо бы иметь такой. Понимаю, это лишние расходы, но самую дешевую модель можно приобрести долларов за сто и пользоваться лишь в случае крайней необходимости. Тогда абонентская плата будет совсем невелика. Разумеется, многие из вас посчитают, что в этом случае семейный бюджет затрещит по швам, но подумайте, ведь жизнь все равно дороже. Если вы застряли на дороге, не придется всю ночь прятаться и трястись от страха. Можно связаться с техпомощью, полицией, мужем или друзьями и сказать, что ждете их у своей машины. Кстати, — добавила она при виде входившего в комнату Джессса, — если позвоните в полицию, не забудьте указать, что ждете именно возле машины. И не выпрыгивайте из-за кустов как сумасшедшие, завидев патруль. Дождитесь, пока полицейские выйдут из машины, и спокойно окликните их.

— Почему это? — задиристо спросила Сара.

— Потому что, — сухо вставил Джессс, — такие выходки обычно пугают нас до полусмерти.

Все рассмеялись, но Слоан чуть подняла брови. Эта на первый взгляд совершенно невинная перепалка произвела на нее довольно странное впечатление. Сара, у которой не было врагов, милая, приветливая Сара, почему-то во что бы то ни стало стремилась вынудить Джесссу признаться в трусости перед целой стайкой женщин! Слоан чувствовала, что Джессс, никогда не принимавший всерьез женские уколы и подначки, сейчас по-настоящему обозлен. Непонятно. Эти двое, самые красивые, самые привлекательные люди в Белл-Харборе, терпеть друг друга не могли. И при этом были самыми близкими друзьями Слоан. Подводные течения вражды и неприязни наконец-то вырвались на поверхность, обдав девушку колючими брызгами.

Слоан закончила лекцию, напомнив, что со следующего занятия начнется изучение приемов самообороны, поэтому стоит принести спортивную одежду. Выключив телевизор, она вынула видеокассету из плейера и пошла к выходу. И при этом совершенно забыла, что сегодня из темных глубин прошлого возник призрак Картера Рейнолдса. Но к

сожалению, блаженная передышка продлилась лишь до того момента, как Саре удалось застать ее одну.

Глава 6

— До сих пор поверить не могу, что Картер Рейнолдс — твой отец! — взволнованно выпалила Сара, едва за подругами закрылись массивные входные двери муниципалитета. — Невероятно! Подумать только, сколько раз я читала о нем самые поразительные вещи!

— Я и сама как в тумане, — буркнула Слоан, — и, по правде говоря, не предполагала, что все так обернется. Просто никогда не отождествляла своего давно пропавшего отца с личностью Рейнолдса.

Подруги направились к стоянке, где была припаркована машина Слоан. Девушке не хотелось разговаривать на эту тему, но Сара была не из тех, кто легко сдается. К тому же она унеслась мыслями так далеко, что почти не слушала Слоан.

— В детстве ты как-то упомянула, что твои родители давным-давно развелись, но ни словечка не обронила, что твой папаша и есть тот самый Картер Рейнолдс. — Она воздела руки к небу и ошеломленно покачала головой. — Господи, подумать только, яхты и «роллс-ройсы», банки и курорты, и... деньги, деньги, деньги... Горы хрустящих зеленых бумажек! Хотела бы я очутиться на вершине такого холмика! Но как ты могла столько лет хранить от меня эту тайну!

Слоан еще не успела хорошенько поразмысльть о причинах звонка, и неуместные восторги Сары только укрепили в ней решимость отгородиться от всех посолов Картера Рейнолдса, не иметь с ним ничего общего и, уж разумеется, препятствовать всем его попыткам встретиться с брошенной дочерью.

— Пойми же, он мой отец лишь в биологическом смысле слова. За все эти годы он ни разу не поздравил меня с праздником, не позвонил, не написал. Плевать ему было, жива я или нет.

— Но сегодня-то позвонил. И что ему было нужно?

— Просил приехать в Палм-Бич навестить его, чтобы мы смогли получше узнать друг друга. Но я наотрез отказалась. И заруби себе это на носу, — предупредила Слоан, надеясь в корне задушить всякие попытки Сары уломать ее. — Не находишь, что немного поздно разыгрывать из себя заботливого родителя?

В обычных обстоятельствах Сара, неизменно и горячо преданная подруге, взяла бы, разумеется, ее сторону и осыпала бы проклятиями человека, безжалостно бросившего жену с маленьким ребенком. Однако, с

ее точки зрения, не было ничего «обычного» в том, чтобы оказаться дочерью человека влиятельного, богатого и способного в любую минуту превратить Золушку в принцессу.

— По-моему, не стоит принимать поспешных решений. Ты слишком торопишься, — заметила она, лихорадочно пытаясь придумать оправдание непростительному поступку Картера. — Я не считаю, что мужчины должны так трястись над своими детьми, как женщины. Возможно, у них не настолько развит инстинкт продолжения рода.

— Сожалею, — язвительно заметила Слоан, — только вряд ли можно объяснить полное безразличие ко мне отца генетическими сбоями. Судя по тому, что я читала и видела, он положительно помешан на моей сестре. Они всегда и везде вместе: играют в теннис, гольф, катаются на лыжах, отдыхают на курортах. Дружная команда победителей. Я потеряла счет количеству выигранных ими призов.

— Сестра? Точно! Боже, ведь у тебя еще и сестра! — потрясенно воскликнула Сара. — Невозможно! Мы возились с тобой в песке, делали куличики, а потом вместе ходили в школу, даже ветрянкой болели одновременно, и теперь оказывается, что у тебя не только отец миллиардер, но еще и сестра, о которой ты никогда не говорила.

— Только сейчас я выложила почти все, что о ней знаю. И видела ее исключительно на снимках. Могу добавить, что ее зовут Парис и она на год старше меня. И к тому же знать меня не желает.

— Но как все это произошло?

Слоан озабоченно посмотрела на часы.

— У меня остается час до дежурства, чтобы поесть и переодеться. Сегодня я работаю до девяти. Если действительно желаешь послушать мою историю, едем ко мне домой.

В эту минуту Сара была готова на все.

— Разумеется! — обрадовалась она, направляясь к своей красной «тойоте», припаркованной чуть подальше. — Встретимся у тебя.

Чистенький домик, который Слоан купила несколько лет назад, стоял на углу улицы, прямо напротив пляжа, — маленькое, уютное зданьице с двумя крохотными спальнями и маленьким садиком, стоящее в ряду таких же одинаковых особнячков. Именно их местоположение и сравнительно дешевая цена привлекали молодых, не слишком состоятельных покупателей, которые могли бы делать необходимые переоборудования без значительных затрат. В результате весь этот квартал приобрел несколько эклектичный вид. Жилища в авангардном стиле, обшитые вагонкой, мирно

соседствовали с очаровательными домиками под старину из оштукатуренного кирпича.

Слоан вкладывала все свои силы и сбережения в покупку и превратила ее в живописный коттедж с белыми цветочными ящиками на окнах и такой же обводкой, оттеняющей темно-серый цвет штукатурки. Когда она приобрела дом, в этом районе жили лишь коренные обитатели Белл-Харбора. Здесь всегда царили тишина и покой, нарушаемые лишь неумолчным рокотом волн, разбивающихся о берег.

Но демографический взрыв в Белл-Харборе положил конец прежним порядкам. Семьи с маленькими детьми искали уединенный пляж, который редко посещает шумная студенческая молодежь. Вот так и был обнаружен заветный уголок Слоан. Теперь же узкая улочка была уставлена по обочинам машинами, причем на знаки, запрещающие парковку, никто не обращал внимания. Некоторые «средства передвижения» даже частично загораживали подъезды к зданиям. Шелест прибоя перекрывался радостными воплями детей и разноголосой музыкой, доносившейся из магнитофонов и приемников.

Сара успела проскользнуть на единственное свободное место, и Слоан едва сдержала улыбку при виде того, как ловко подруга вынудила потесниться водителя темно-синего «форда». Мужчины; как всегда, не могли устоять перед чарами Сары.

— Пора что-то делать с этим скопищем машин, — раздраженно проворчала она, подбежав к Слоан и отряхивая на ходу джинсы. — Они стоят слишком близко друг к другу! Смотри, как я вымазалась, пробираясь между ними!

— Я считаю, что мне крупно повезло, если могу без помех въехать на собственный двор, — покачала головой Слоан, отпирая дверь. Внутри было светло и уютно. Слоан обставила гостиную недорогой плетеной мебелью и разбросала повсюду подушки в наволочках с узором из пальмовых листьев и желтого гибискуса на белом фоне.

— А я буду вне себя от радости, если расскажешь правду о Картере Рейнолдсе. Откуда он узнал номер твоего телефона?

— Звонил маме.

— Значит, все эти годы они не теряли друг друга из виду?

— Вряд ли.

— Bay! До чего же интересно! Кстати, что она думает о таком внезапном припадке родительской любви?

Слоан была готова дать руку на отсечение, что реакция матери вполне предсказуема, но промолчала и подошла к автоответчику, яростно

мигавшему красным огоньком. Устало усмехнувшись, она нажала кнопку воспроизведения. В комнату ворвался восторженный, совсем молодой голос матери. Именно это и ожидала услышать Слоан. Ничего не изменилось.

— Слоан, детка, это мама! Не представляешь, какой чудесный сюрприз тебя ждет! Но не стану портить тебе удовольствие раньше времени. Хочу, чтобы ты тоже порадовалась. Но так и быть, намекну. Тебе обязательно позвонит один человек. Необыкновенный! Постарайся связаться со мной, прежде чем поедешь сегодня на работу.

Второе сообщение было записано двумя минутами позже первого и тоже оказалось от Кимберли Рейнолдс.

— Солнышко, я была так взволнована, когда звонила, потому что у меня голова идет кругом. В «Эскаде» распродажа и полно народа, так что я пообещала Лидии остаться до закрытия и помочь. Только не звони в магазин, потому что Лидия расстраивается, когда служащие пользуются служебным телефоном, а ведь ты знаешь, какая ужасная у нее язва. Не дай Бог, у нее случится очередной приступ. Но и неизвестности я не смогу вынести, так что оставь сообщение на моем автоответчике. Не забудь.

Сара изумленно таращила глаза:

— Подумать только, она на седьмом небе!

— Естественно, — пожала плечами Слоан, ничуть не удивленная привычным наивным оптимизмом матери. Если верить свидетельству о рождении, именно Кимберли произвела на свет Слоан, но вопрос, кто кого воспитывал, оставался открытым. Весь город знал, что мать и дочь поменялись местами и Кимберли пришлось бы нелегко, не будь у нее решительной, волевой и очень рано повзрослевшей дочери. — А что тут необычного?

— Не знаю... просто подумала, что Ким, вероятно, затаила обиду...

Слоан театрально закатила глаза.

— Очнись! Мы говорим о моей мамочке, милой, беспомощной, до глупости доброй женщине, которая никому ни в чем не может отказать, боясь, что ранит чужие чувства или покажется грубой. Той самой, которая только что позволила этой негодяйке Лидии самым наглым образом заставить ее работать еще шесть часов сверхурочно. Это Кимберли, которая боится воспользоваться телефоном магазина из страха, что у старой ведьмы обострится язва! Та самая бедняжка, которая пятнадцать лет трудится до упаду за сущие гроши и привлекает в магазин больше покупателей, чем все остальные продавцы, вместе взятые!

Сара, любившая Кимберли как родную мать, сокрущенно вздохнула.

— Неужели ты действительно считала, что эта самая женщина, практически вырастившая тебя, способна затаить обиду на Картера Рейнолдса всего лишь потому, что он тридцать лет назад бросил ее, разбил ей сердце и ушел, даже не оглянувшись? — саркастически осведомилась Слоан.

Сара, смеясь, подняла руки.

— Сдаюсь! Ты совершенно права. Должно быть, на меня что-то нашло. Мгновенное затмение. Прости.

Слоан, удовлетворенная результатами своей обличительной речи, снова нажала кнопку воспроизведения. По-видимому, на этот раз Кимберли звонила всего за четверть часа до приезда дочери.

— Солнышко, это снова я. У меня перерыв, так что я звоню из того автомата, что в аптеке. Джесс сказал, что ты уже поговорила с отцом, так что я больше не опасаюсь испортить тебе сюрприз. Все время думаю о том, что именно тебе стоит взять с собой в Палм-Бич. Конечно, ты каждый отложенный цент тратишь на дом, но нужно позаботиться о новеньком, с иголочки, гардеробе. Не волнуйся, детка, к отъезду ты обзаведешься горой самой модной одежды. Я об этом позабочусь!

Многозначительно поглядев на Сару, Слоан включила перемотку. Стерла сообщения и снова включила автоответчик. И лишь потом набрала номер матери и, дождавшись длинного гудка, четко, раздельно выговорила:

— Привет, ма, это Слоан. Я действительно говорила с Картером Рейнолдсом, но никуда не еду. И не имею ни малейшего желания знакомиться ни с ним, ни с Парис. Я тебя очень люблю. Пока.

Она повесила трубку и обернулась к подруге.

— Погибаю от голода! — провозгласила она с таким видом, словно тема Картера уже исчерпана и возвращаться к ней не стоит, — Пожалуй, съем-ка я сандвич с тунцом. Хочешь, и тебе сделаю?

И, не дожидаясь ответа, направилась на кухню и принялась шарить в шкафах. Сара молча смотрела вслед подруге. Теперь, немного очнувшись от потрясения, она чувствовала, что не только сбита с толку, но и оскорблена до глубины души. Как могли Кимберли и Слоан столько лет скрывать от нее правду? Ведь ближе их у Сары нет никого на свете!

Своей семьи у Сары не было. Ее мать, донельзя распущенная, буйная хулиганка-алкоголичка, даже не заметила, что четырехлетняя заброшенная дочь почти все время проводит в соседнем доме. Сидя рядом со Слоан за старым кухонным столом с белой пластиковой столешницей и ножками из нержавеющей стали, Сара старательно училась рисовать толстыми фломастерами в книжках-раскрасках, которые подружка охотно с ней

— Сарина мама никак не найдет места для картинки, — объяснила она Кимберли едва слышным дрожащим голосом, в котором, однако, прорывались свирепые нотки, так что Сара удивленно поглядывала на подружку. Взяв скотч, Слоан прикрепила рисунок Сары рядом со своим.

— Устроим настоящую выставку, ладно, мамочка? — догадалась спросить она, прижимая ладошку к клейкой ленте.

Сара затаила дыхание, испугавшись, что миссис Рейнолдс не захочет видеть в своем доме чьи-то чужие рисунки, но Кимберли только улыбнулась, обняла малышек и объявила, что это прекрасная идея. И ее благородный поступок навеки отпечатался в памяти Сары, потому что с того времени она больше никогда не испытывала одиночества. Еще не раз мать девочки унижала и даже била ее. Еще не раз Слоан приходилось быть свидетельницей бесчеловечного обращения с подругой и становиться на ее защиту, превозмогая слезы и страх. Еще не раз у Кимберли находились для девочек слова утешения, а то и одинаковые подарки, которые зачастую были ей не по карману. Но в тот день Сара в последний раз чувствовала себя беспомощной пылинкой в жестоком, бессмысленном мире, где у всех, кроме нее, было у кого поплакать на плече.

В последующие годы вместо детских рисунков на холодильнике появились школьные табели и вырезки из газет с именами девочек, подчеркнутыми красным. Раскраски и фломастеры, разбросанные на кухонном столе, уступили место учебникам по алгебре и тетрадям; темами для бесед попеременно становились придиры-учителя, мальчики-воображалы и деньги, которых вечно не хватало. Немного повзрослев, Слоан и Сара поняли, что Ким просто не умеет обращаться с деньгами и растягивать скучное жалованье на целый месяц, поэтому отныне всеми

расчетами занималась Слоан, так что мать и дочь окончательно поменялись ролями. Только одно оставалось неизменным: Сара всегда чувствовала себя любимым и дорогим членом маленького семейства.

Учитывая все это, неудивительно, что ее так потрясло неприятное открытие. Оказывается, от нее утаили правду!

Сара придвинула стул к кухонному столу и уселась. Господи, как же часто они со Слоан трудились за таким же вот столом! Сотни раз!

Слоан оглянулась на подругу.

— Хочешь сандвич? — повторила она.

— Конечно, я понимаю, что это не мое дело, — начала Сара, впервые за все это время ощущая себя чужой, — но можешь по крайней мере сказать мне, почему ты держала все это в тайне?

Слоан резко обернулась, испуганная непривычно оскорбленным тоном подруги.

— Какая же тут тайна? Мы, в общем, ничего не скрывали. Ты просто не помнишь, но давным-давно мы рассказывали друг другу о наших отцах. История довольно банальная. Когда маме исполнилось восемнадцать, она стала победительницей местного конкурса красоты, и первым призом была недельная поездка в Форт-Лодердейл с пребыванием в лучшем отеле. Там же остановился Картер Рейнолдс. На несколько лет старше, невероятно красивый и неизмеримо лучше знающий жизнь, он сразу покорил ее сердце. Мама искренне верила, что это любовь с первого взгляда, что они поженятся и будут счастливы вместе и умрут в один день. Но печальная истина заключалась в том, что он не имел ни малейшего намерения связывать судьбу с провинциальной простушкой. К сожалению, вскоре обнаружилось, что мама забеременела, и ему пришлось совершить единственный благородный поступок в жизни. Следующие два года они жили около Корел-Гейблз, перебивались тем, что зарабатывал отец, и у мамы родился второй ребенок.

Ма считала, что жизнь прекрасна и она пребывает в раю, до той минуты, пока у дома не остановился лимузин с водителем. Мамаша Картера соизволила посетить их скромное жилище. Оказалось, что она решила дать блудному сыночку шанс вернуться в лоно семьи, и тот немедленно ухватился за предоставленную возможность. Вдвоем они сумели убедить потрясенную, рыдающую Кимберли, что с ее стороны будет чистейшим эгоизмом цепляться за человека, который хочет вырваться на свободу, и к тому же лишать его возможности видеться с детьми. Они попросили отпустить с ними старшую дочь, Парис, под предлогом, что девочке не мешает немного погостить в Сан-Франциско. Потом маму

заставили дать письменное согласие на развод. Ей даже не дали прочесть все документы, особенно те пункты, что были напечатаны мелким шрифтом. Только гораздо позже она узнала, что, оказывается, отказалась от всех прав на Парис. Три часа спустя они уехали. Навсегда. Конец сказки.

Сара смотрела на подругу глазами, полными слез сочувствия и ярости.

— Ты в самом деле рассказывала мне эту историю много лет назад, — призналась она наконец, — но я была слишком мала, чтобы понять, как подло с вами обошлись и сколько страданий доставили Кимберли!

Слоан немедленно воспользовалась настроением Сары, чтобы доказать свою правоту.

— Ну, теперь скажи: неужели ты хотела бы иметь подобных родственников? Или постаралась бы забыть их?

— Забыть? Да я прикончила бы собственными руками этого ублюдка! — прошипела Сара, но тут же рассмеялась.

— Вполне нормальная реакция и точная характеристика моего папочки, — одобрительно кивнула Слоан, ставя на стол тарелки с сандвичами. — Но поскольку мама моя и муhi не прихлопнет, а я тогда была слишком мала, чтобы сделать это за нее, да и всякие разговоры о нем или моей сестре причиняли ей невыразимую боль, я выбросила их из сердца и предпочла считать, что они вообще не существуют в природе. В конце концов мы всегда были рядом, а потом у нас появилась ты. Ничего себе семейка, верно?

— Верно! — от всей души подтвердила Сара, только вот почему-то не смогла улыбнуться. — А Ким не пробовали вернуть Парис?

Слоан покачала головой.

— Мама посоветовалась с местным адвокатом, и он сказал, будто понадобится целое состояние, чтобы нанять таких блестящих адвокатов, как у семейства Рейнолдс, и даже тогда не известно, сумеем ли мы выиграть дело. Ма всегда пыталась убедить себя, что Парис повезло и что сама она никогда не смогла бы дать своей старшей дочери ни таких возможностей, ни настоящего образования.

Несмотря на спокойный тон, Слоан переполняли гнев и горечь. Раньше самыми сильными эмоциями были презрение к отцу и жалость к матери. Теперь же жалость превратилась в глубочайшее, почти болезненное сострадание, а гнев — в бешенство. Этот безжалостный, подлый, эгоистичный человек смеет о чем-то ее просить! Слава Богу, она взрослая и способна сама за себя постоять. После тридцати лет полного безразличия и пренебрежения он смеет воображать, что одним-единственным звонком может исправить все и брошенная жена и забытая дочь станут лизать его

руки и благодарно кланяться за такую милость. Зря она не объявила во всеуслышание, что скорее проведет неделю в гнезде скорпионов, чем в его доме. И конечно, нужно было назвать его в лицо последним подонком.

Глава 7

Соседка миссис Риверы заметила дым, рвущийся из-под двери, и позвонила в Службу спасения. Пожарные прибыли через шесть минут, но спасти убогий каркасный домишко так и не смогли.

Слоан возвращалась домой с работы, намереваясь переодеться и идти на пляж, где веселье было в самом разгаре, но тут запиликал бипер, и девушка бросилась на помощь. К тому времени, когда она прибежала на место трагедии, улица была уже забита машинами пожарных, полиции и «скорой помощи». Мигалки казались в ночи сигналами бедствия, сирены выли не переставая, по мостовой, словно жирные белые змеи, извивались пожарные рукава. Полицейские встали кордоном, оградив горящий дом и пытаясь сдержать толпу любопытных.

Слоан как раз закончила брать показания у одного из соседей, когда появилась миссис Ривера. Тяжеловесная пожилая женщина растолкала полицейских и зевак, как идущий на прорыв полузащитник, споткнулась о шланг и очутилась в объятиях Слоан, едва не сбив ее с ног.

— Мой дом! — завопила она, пытаясь вырваться.

— Туда нельзя, — уговаривала девушка. — Вы только помешаете тем, кто старается спасти ваш дом.

Но миссис Ривера, вместо того чтобы хоть ненадолго уняться, впала в истерику.

— Собака! — взвизнула она. — Там моя Дейзи! Слоан обняла женщину за плечи.

— Не волнуйтесь. Дейзи — это такая коричневая с белым собачка?

— Да, маленькая. Коричневая с белыми пятнами. — По-моему, я видела ее несколько минут назад. Она успела выбежать. Позовите ее. Пойщем вместе.

— Дейзи, — всхлипнула миссис Ривера, беспомощно опустив руки. — Дейзи! Дейзи, где ты?!

Слоан медленно оглядывала улицу, высматривая укромные местечки, где могло спрятаться перепуганное животное, и ей наконец повезло. Мордочка, покрытая сажей и пеплом, неожиданно высунулась из-под патрульной машины.

— Вот она!

— Дейзи! — вскрикнула миссис Ривера, подхватывая любимицу. Слоан ничего не оставалось делать, как вновь утешать убитую горем

беднягу и вместе с ней наблюдать, как жадное пламя пожирает крышу и лижет крыльцо.

— Кто-то из соседей сказал, что недалеко отсюда живет ваша дочь, — мягко заметила Слоан. — Сейчас позвоню, чтобы за ней прислали машину, — предложила девушка.

Домой она добралась так поздно, что не осталось времени даже принять душ и вымыть голову перед вечеринкой Пита. Оставив машину перед домом, Слоан схватила сумочку и перебежала дорогу. Пробираясь между машинами, стоявшими почти вплотную вдоль тротуара. Слоан заметила, что за рулем одной из них кто-то сидит, но стоило ей присмотреться внимательнее, как темная фигура мгновенно исчезла, словно незнакомец скорчился на сиденье, не желая, чтобы его увидели.

Слоан едва не поддалась искушению проверить, в чем тут дело, но, решив, что на сегодня с нее достаточно приключений, пожала плечами и направилась дальше. В конце концов, она спешит, а водитель, возможно, нагнулся, уронив что-то. А может, решил вздремнуть. А вероятнее всего, она просто поймала взглядом отражение колышущихся пальмовых листьев в ветровом стекле.

Продолжая убеждать себя, она одним глазом наблюдала за подозрительным «фордом», пока не прошла длинный ряд продуктовых лотков. Уже заворачивая за фургончик с мороженым, Слоан оглянулась и увидела, как в машине зажегся свет. Дверца распахнулась, и оттуда вышел высокий мужчина, который медленно побрел к цепочке песчаных дюн. Подозрения Слоан разгорелись с новой силой, и она замерла, прижавшись к стене здания. К северу от лотков простипался трехмильный отрезок пляжа с разбросанными по нему круглыми будочками. Здесь часто устраивались барбекю или незатейливые празднества. Именно это место выбрал для своего мальчишника Пит Бенсингер. Но там, куда направлялся незнакомец, не было ничего, кроме дюн, представлявших собой идеальное укрытие для влюбленных парочек, жаждавших единения, да людей, промышлявших куда менее невинными делишками.

Слоан понимала, что чересчур нервничает и никак не может взять себя в руки: следствие сегодняшнего телефонного звонка, так внезапно и жестоко выбившего ее из колеи. Но было что-то в этом человеке неприятно настораживающее. Во-первых, его фигура показалась ей знакомой, во-вторых, его костюм отнюдь не подходил для поздней прогулки по пляжу. Но самое главное — во всем его облике чувствовалось напряжение: он не шел, а крался, явно не желая, чтобы его заметили. Всему городу было известно, что дюны — место небезопасное. Грабежи, насилия, продажа

наркотиков были здесь обычными явлениями, а несколько лет назад даже случилось убийство.

Слоан снова обогнула фургончик с мороженым и, стараясь шагать бесшумно, пошла обратно, вдоль тыльной стороны лотков. Отсюда она сможет незаметно наблюдать за мужчиной.

Проклиная про себя песок, набившийся в туфли, незнакомец остановился у самых дюн, выжидая, пока добыча появится на пляже. Она была так доверчива, так беспечна, так предсказуема, что он сам потерял бдительность и, не увидев девушки, ничуть не встревожился. Она слишком торопилась и, должно быть, забыла что-нибудь и вернулась в дом. И вместо того чтобы пуститься вслед за ней, рискуя снова набрать песка в туфли, он отступил и присел в развалке между двумя дюнами. Убедившись, что надежно скрыт высокой травой, мужчина извлек из кармана трубочку мятной карамели, снял серебряную фольгу и выжидающе подался вперед. Луна скрылась за облаком, но уличный фонарь горел достаточно ярко, чтобы видеть, как девушка возникла в нескольких шагах от него и тут же исчезла за песчаными насыпями. Ее неожиданный маневр сбил его с толку и одновременно добавил немного остроты в четырехдневную унылую и крайне утомительную слежку. Можно по крайней мере немного поразвлечься, поскольку она что-то задумала. Интересно...

Мужчина осторожно встал, вытянул шею, чутко улавливая каждое движение, каждый звук, но девушка, казалось, растворилась во тьме. Тихо выругавшись, он повернулся и принял взбираться на песчаный холмик. Сейчас он поднимется повыше и отыщет ее...

— Стоять!

Незнакомец испуганно вздрогнул, от неожиданности выпустил из рук стебли рогоза, медленно сполз к подножию дюи., потерял равновесие и покачнулся. Ноги вязли в толстом слое песка, однако он собрался с силами, повернулся и бросился на Слоан, но тут же споткнулся, получив резкий удар ребром ладони по шее, и рухнул лицом вниз. Правда, сознания не потерял и, смаргивая песчинки, повернул голову. Она стояла чуть поодаль: ноги расставлены, в вытянутых руках «глок» девятого калибра.

— Руки за спину, так, чтобы я видела! — приказала она. На какой-то момент он едва не поддался порыву подчиниться. При падении пиджак распахнулся, и девчонка, разумеется, поняла, что он вооружен, и теперь попытается обезоружить его, чего, разумеется, нельзя допустить.

Он медленно растянул губы в улыбке и заложил руки за спину.

— Для такой маленькой девочки это слишком большая пушка!

— Сцепите пальцы и перевернитесь на спину.

— Что, — понимающе ухмыльнулся незнакомец, — наручники дома оставили?

У Слоан не было не только наручников, но и обувного шнурка, чтобы связать ему запястья. Ну и денек! Нужно же было именно ей наткнуться на психа, у которого явно поехала крыша. Только ненормальный способен улыбаться и шутить во время задержания. И к тому же он вооружен! Не хватало еще стрельбы на пляже!

— Делайте как ведено, — буркнула Слоан, поднимая «глок» чуть выше. — Перевернитесь на спину так, чтобы придавить ладони.

Неизвестный улыбнулся еще шире. Он точно со сдвигом.

— Боюсь, ваш план не сработает. Когда вы потянетесь за моим пистолетом, мне останется лишь немного приподняться, схватить вас за руку, вывернуть и пристрелить вас из вашей же пушки. Никогда не видели, что может сделать с человеком пуля девятого калибра?

С этого кретина станется открыть пальбу по каждому, кто появится на пляже. И уж разумеется, Слоан не собиралась пасть жертвой первого попавшегося маньяка. Сжавшись от напряжения, девушка нацелилась прямо в точку между его глазами.

— Не заставляйте меня применить последнее средство, — процедила она.

Чуть прищурившись, он быстро прикинул, куда она целится, и нехотя перевернулся на спину.

— У меня в бумажнике двадцать пять штук, — решил переменить он тактику. — Забирайте — и разойдемся с миром. Никто ничего не узнает.

Но Слоан, проигнорировав заманчивое предложение, повернула дуло вверх и выпалила в небо три раза, а потом снова прицелилась в задержанного. Эхо выстрелов громовым раскатом отдалось в воздухе, и откуда-то с берега послушались тревожные крики.

— Какого черта вы вытворяете?! — заорал задержанный.

— Позвала подкрепление, — ехидно пояснила Слоан. — Мои ребята там, на пляже. Сейчас прибегут, И тут с мужчиной произошли удивительные перемены. Перед ней предстал жесткий, собранный, беспощадный противник.

— Думаю, мне пора представиться, — рявкнул он. — Пол Ричардсон, агент ФБР по особым поручениям, а вы, детектив Рейнолдс, кажется, собираетесь меня раскрыть?

Несмотря на тот странный факт, что ему было известно ее имя, и невероятную метаморфозу, случившуюся с задержанным, у Слоан не было никаких оснований ему верить. И все же...

— Предъявите удостоверение.

— Оно в кармане пиджака.

— Садитесь, только медленно, — приказала она, не отводя пистолета. — Выньте его левой рукой и бросьте мне.

Плоский кожаный футляр приземлился у ее ног. Продолжая держать мужчину под прицелом, она нагнулась и открыла корочки. Фотография... печати... подписи...

— Удовлетворены? — осведомился он, вскакивая. Но Слоан уже была вне себя от бешенства. Ее била крупная дрожь — запоздалая реакция на пережитое потрясение. Подумать только, этот подонок вообразил, что может безнаказанно над ней издеваться!

— Вы решили позабавиться или имеются все же более веские причины столь странного поведения? Чего вы хотели добиться, перепугав меня насмерть? — холодно осведомилась она.

Незнакомец равнодушно пожал плечами, принимаясь отряхиваться.

— Просто получил возможность узнать, как вы действуете в чрезвычайных ситуациях, и решил ею воспользоваться.

Присмотревшись внимательнее, Слоан вдруг поняла, почему он показался ей знакомым. И наверняка не говорит всей правды.

— Послушайте, ведь это вы были вчера в парке и на стоянке перед муниципалитетом! Сколько дней вы за мной следите?

Вместо ответа он застегнул молнию хлопчатобумажной ветровки, чтобы спрятать коричневую кожаную кобуру, висевшую под мышкой. И только потом поднял глаза.

— Тут вы совершенно правы. За вами действительно ведется слежка.

— Но почему? Какой интерес представляю я для ФБР?

— Не вы. Картер Рейнолдс.

— Что? — непонимающе переспросила она.

— Нас интересует ваш отец.

Слоан ошарашенно уставилась на него, совершенно сбитая с толку. Отец так давно перестал существовать для нее, что она попросту не отождествляла имя Картера Рейнолдса с человеком, имевшим какое-то отношение к ее появлению на свет. И вот теперь всего лишь за один день он ухитрился дважды напомнить о себе. Прошлое восстало из пепла и вцепилось в нее своими грязными лапами.

— Понятия не имею, что он сотворил, но я не имею к этому никакого отношения. У меня с Рейнолдсом ничего общего.

— Мы это знаем.

Пол взглянул в сторону пляжа, по которому мчались трое мужчин.

Один держал в руке фонарик, и луч света плясал на песке, отбрасывая длинные тени, словно огонек крохотного маяка, затерявшийся в ночи.

— Похоже, подкрепление вот-вот прибудет, — заметил Пол и, взял Слоан под руку, поволок девушку вперед. — Давайте встретим их вместе.

Слоан механически переставляла налитые свинцом ноги. В голове ни единой мысли, словно опилками набита!

— Делайте вид, что все в порядке, — прошипел агент. — Познакомьте меня с друзьями. И если кто-то спросит, скажите, что мы встретились в Форт-Лодердейлс два месяца назад, во время семинара работников полиции. Там же вы пригласили меня провести праздники в Белл-Харборс. А теперь улыбнитесь и помашите.

Слоан молча повиновалась, но в себя так и не пришла.

И думала лишь о том, что ФБР занялось Карте ром. Ей сели на хвост, и всего лишь несколько минут назад агент этого самого ФБР пытался спровоцировать ее на получение взятки!

Но тут подбежал Джесс, оставивший друзей далеко позади. Он ничуть не запыхался. Будто только что совершил приятную прогулку.

— Кажется, где-то здесь стреляли! — выпалил он, обшаривая взглядом дюны. — Ты ничего не слышала?

Слоан отчаянно попыталась принять беспечно-веселый вид. Нелегко лгать старому другу, который примчался тебя спасать!

— Это петарды, Джесс. Двое подростков забрались в дюны, чтобы устроить фейерверк, а увидев меня, тут же разбежались.

— Похоже на выстрелы, — упрямо возразил Джесс, нахмурившись и пристально глядя вдаль.

Вскоре появились Тед Бернби и Лео Рейган.

— Вроде бы стреляли, — пропыхтел Тед. Стоявший рядом Лео лишь беспомощно шевелил губами: за последние годы он окончательно потерял форму и сейчас никак не мог отдохнуть.

— Подростки запускали ракеты, — снова солгала Слоан, неловко морщась. Ей действительно было не по себе. Почему ее вынуждают говорить не правду?

Лео и Тед, казалось, безоговорочно приняли объяснение, но Джесс был куда проницательнее, недаром прошел нелегкую школу улиц большого города. Правда, он постепенно стал привыкать к куда более мирной жизни, но профессиональное чутье по-прежнему оставалось острым. Обыскав взглядом окрестности, он хмуро взирался на Слоан.

— Вечеринка вот-вот закончится, — сухо заметил он. — Мы все гадали, куда ты девалась.

При сложившихся обстоятельствах Слоан сумела лишь невнятно пробормотать:

— Я как раз шла к вам.

Джесс опустил руки и, слегка расслабившись, наконец обратил внимание на ее спутника:

— Кто это?

К облегчению Слоан, агент решил представиться сам.

— Пол Ричардсон, — объявил он, протягивая поочередно руку мужчинам и излучая сердечность и дружелюбие. — Друг Слоан из Форт-Лодердейла.

— Если собираетесь поужинать, вам лучше поторопиться, — предупредил Лео, как всегда на вечеринках неспособный думать ни о чем, кроме еды. — Чорисо

уже слопали. Но сосиски с соусом чили еще остались. Это блюдо выше всех похвал.

— По правде говоря, я от усталости еле держусь на ногах, — с сожалением ответил агент и любезно предложил:

— Слоан, иди без меня, а я поеду в отель.

Слоан запаниковала. Он попросту намерен исчезнуть, не ответив на терзающие ее вопросы! Она разоблачила его, и теперь он просто смоется из Белл-Харбора, оставив ее терзаться сомнениями и неизвестностью! Нужно же узнать, зачем они к ней прицепились!

Готовая на все, лишь бы остановить Ричардсона, она, сама того не сознавая, вцепилась в его руку.

— Я хочу познакомить тебя с Питом. Мы задержимся всего на несколько минут.

— Но я только испорчу всем настроение, — пробормотал Пол, предостерегающе сувив глаза.

— Ни в коем случае. Ты такая интересная личность.

— По-моему, ты заблуждаешься.

— Вовсе нет, — запротестовала она и исключительно от безвыходности прибегла к замаскированному шантажу:

— Позвольте объяснить, насколько необычен мой новый друг...

— Не стоит утомлять их ненужными подробностями, Слоан, — многозначительно улыбнулся он. — Так и быть, пойдем познакомимся с Питом и что-нибудь съедим.

Лео моментально просиял:

— Эй, Пол, любишь анчоусы?

— Обожаю! — с энтузиазмом отозвался тот, но Слоан показалось, что

он стиснул зубы.

— Значит, тебе повезло, поскольку пицца сегодня с анчоусами! В жизни не видел никого, кто любил бы анчоусы, кроме Пита и, конечно, тебя.

В продолжение всего разговора Джесс не спускал глаз с агента. Наконец он, по-видимому, потерял терпение.

— Если мы сейчас не вернемся на вечеринку, остальные отправятся на поиски.

— Пойдем, — согласно кивнул Пол, дружески обнимая Слоан за плечи. По крайней мере так казалось со стороны. На самом деле девушка едва заметно морщилась от боли: хватка оказалась поистине стальной. Очевидно, ее предупреждали быть поосторожнее. ФБР не прощает ни малейшего промаха.

Джесс, Лео и Тед зашагали рядом, и вскоре все четверо мужчин уже оживленно дискутировали на тему бейсбола. Сравнительное безлюдье дюн уступило место оживленному пляжу, где музыка, рвущаяся из десятков радиоприемников, заглушала неумолчный рокот прибоя, а одеяла, на которых лежали молодые влюбленные парочки, усеяли песок цветными заплатками.

Глава 8

Беседка, где Пит отмечал грядущее семейное счастье, стояла рядом с мангалом для барбекю, и запахи древесного угля, смешанные с ароматом пережаренных сосисок, вызвали у Слоан что-то похожее на приступ тошноты. Пит и его невеста вместе с остальными гостями окружили Джима Финкла, который догадался захватить с собой гитару и сейчас исполнял зажигательное фламенко.

— Ему следовало бы стать не копом, а музыкантом, — заметил со вздохом Джесс, присоединяясь к слушателям. Лео, однако, задержался.

— Поешьте что-нибудь, — наставлял он Ричардсона, гостеприимно обводя рукой деревянный стол, заставленный открытыми коробками с пиццей, большими мисками с остатками сырного соуса, чили и картофельного салата, а также блюдами с холодными сосисками на булочках. — Выпивка вон там, в переносном холодильнике, — добавил он, перед тем как отойти. — Не стесняйтесь.

— Спасибо, не буду, — кивнул Ричардсон, не снимая руки с плеча Слоан и едва ли не силой подталкивая ее к столу.

Слоан понимала, что у него есть все основания сердиться, но ведь он вроде уже успел немного успокоиться и даже пошутил насчет мужчин, увлекающихся кулинарией. Поскольку она все-таки не выдала его, то, естественно, предположила, что он больше не злится. Однако Пол, деланно улыбаясь, прошипел:

— Попробуй только язык распустить, и я мигом привлеку тебя за противодействие закону!

Неожиданный взрыв злости застал девушку врасплох, и Слоан непонимающе уставилась на него. Пол, по-прежнему скаля зубы в широкой улыбке, вручил ей тарелку и добавил:

— Усекла? Смотри у меня, заглохни и не возникай! Слоан молча кивнула, отчетливо сознавая, что это далеко не пустая угроза. Пол принялся накладывать на тарелку еду из всех мисок подряд, но Слоан заметила, что он и не притронулся к пицце. Очевидно, даже преданность долгу и стране имела свои границы, которые заканчивались как раз там, где начиналась пицца с анчоусами.

— Я вовсе не собиралась ничего им говорить, — попыталась возразить Слоан спокойным, рассудительным тоном, к которому обычно прибегала в самых неприятных ситуациях. — Но мне кажется, я заслужила объяснение

И не позволю вам так просто скрыться.

— Значит, стоило подождать до завтра. Слоан обмакнула отсыревшую тортилью

в соус и положила на тарелку, притворяясь, что веселится вовсю.

— Неужели? — фыркнула она. — И где бы я завтра вас нашла?

— Вы? Я сам бы вас нашел.

— С помощью бинокля? — съехидничала Слоан.

Похоже, неожиданный отпор позабавил его... впрочем, трудно сказать: этот человек — настоящий хамелеон.

— Поверьте, я понимаю ваши чувства.

— Эй, Слоан, где ты была? — вмешался подошедший Пит. Одной рукой он обнимал свою невесту, в другой была зажата банка с пивом. Рядом возник Джесс и улыбнулся невесте Пита, Мэри Бет, стройной застенчивой хорошенькой блондинке, которая выглядела столь же счастливой, как и ее жених, не произнося при этом ни слова.

— Солнышко, покажи им медальон, который я подарил тебе в память о последней неделе холостой жизни, — попросил Пит, как только Слоан представила их своему «другу» Полу Ричардсону. — Из чистого золота!

Пит, очевидно, крайне гордился подарком, и Мэри Бет послушно приподняла тяжелый золотой кулон-сердечко, висевший у нее на шее, чтобы все могли выразить подобающее восхищение.

— Прелестно, — пробормотала Слоан, пытаясь сосредоточиться на происходящем и боясь, что каким-то образом выдаст Ричардсона.

Агент внимательно изучал подарок, словно никогда не видел ничего подобного.

— Потрясающе! — заключил он.

— Три недели назад, — призналась ему Мэри Бет, побив личный рекорд по продолжительности разговора с незнакомцами, — Пит подарил мне золотые часики на память о последнем месяце перед свадьбой.

— Очевидно, он без ума от вас, — вставил Пол.

— Просто помешан, — ухмыльнулся Джесс, но Слоан едва его слышала, оцепенев от ужаса. Еще Минута — и Ричардсона безжалостно разоблачат, а он во всем обвинят ее, Слоан!

По берегу шествовала Сара под руку с очередным поклонником, а у Сары была идеальная память на привлекательных мужчин. Странно, она вроде не намеревалась оставаться на вечеринке допоздна, но, очевидно, передумала.

Заметив, как нервничает Слоан, агент проследил за направлением ее взгляда.

— Это моя подруга Сара, — небрежно бросила девушка.

— Вместе с очередным мужчиной недели, —sarcastically заметил Джесс, поднося к губам банку с пивом. — Этот водит восьмидесятичленный «БМВ» и одевается с иголочки.

Но Слоан одолевали куда более сложные проблемы, чем взаимная нелюбовь ее ближайших друзей. Едва парочка подошла ближе, она выступила вперед.

— Привет, Сара! — воскликнула девушка, пытаясь отвратить неминуемую беду. — Здравствуйте, Джонатан. Я Слоан, а это мой приятель Пол Ричардсон из Форт-Лодердейла.

Пока мужчины обменивались рукопожатиями, Слоан безуспешно пыталась отвлечь Сару от пристального изучения лица Ричардсона.

— Слышала взрывы петард? Всем показалось, что в дюнах стреляют.

— Нет, — пробормотала Сара, всматриваясь в Ричардсона. Наконец ее недоумевающее лицо озарилось счастьем. — Я знаю, кто вы! Были вчера в парке?

— Совершенно верно.

— Я вас видела там. И даже показала на вас Слоан... При этом весьма интересном открытии Джесс Джессап опустил банку с пивом, угрожающе шагнул к Ричардсону, и Слоан бросилась спасать ситуацию.

— К сожалению, он стоял ко мне спиной, и я его не узнала, — засмеялась она. — Представляете, Пол искал меня и не нашел! Мы сумели встретиться только сегодня!

Сара от неожиданности открыла рот.

— Значит, ты знала о его приезде?

— Разумеется, пег, — растерялась Слоан. — Когда я пригласила Пола, он еще не знал, сумеет ли освободиться, и я, естественно, предположила, что все сорвалось. В последнюю минуту он все-таки вырвался и решил сделать мне сюрприз, Мгновенно позабыв о странных капризах «влюбленных», Сара живо заинтересовалась финансовыми перспективами потенциального жениха Слоан.

— Вырвался от кого? — с любопытством осведомилась она.

Но тут Пол наконец решил помочь Слоан выпутаться из немыслимого положения.

— Я работаю в страховом агентстве, — пришел он на выручку.

— Неужели?! — с деланным энтузиазмом воскликнула Сара. Подобные кандидаты-голодранцы не значились в ее списке потенциальных мужей для Слоан. — Страхование — такая перспективная область! Чем занимается ваша контора? Страхует имущество, недвижимость или

коммерческие предприятия?

— Всем понемногу. Хотите стать пашен клиенткой? — поспешил поинтересовался он. Мастерский отвлекающий прием. Блестящая тактика. Недаром все боятся страховых агентов как огня, и Пол, очевидно, прекрасно это знал. При других обстоятельствах Слоан была бы искренне восхищена такой сообразительностью.

— Н-нет, не очень, — запинаясь, пробормотала Сара, глядя на назойливого «страховщика», как на ядовитую змею. Кажется, она смертельно опасалась, что он начнет ее уговаривать.

К невероятному облегчению Слоан, Пол все-таки смилиостивился над Сарой.

— Слоан была так занята весь уик-энд, что мы даже поговорить не успели, а завтра мне уезжать, — сообщил он собравшимся. — Как насчет чашечки кофе, Слоан, прежде чем я отправлюсь в отель — Неплохая идея, — выдавила Слоан и, помахав на прощание друзьям, подхватила Пола под руку и увела. Сара долго смотрела ей вслед, прежде чем повернуться к своему спутнику:

— Джонатан, я где-то оставила свигер. Кажется, на одеяле Джима. Не принесешь? Пожалуйста!

Джонатан кивнул и удалился. Джесс, цинично улыбаясь, проводил его взглядом и снова отхлебнул пива.

— Сара, не поведаешь, почему ты встречаешься исключительно с обладателями трехсложных имен?

— Не спрашиваю же я, почему у всех твоих дам коэффициент умственного развития выражен двузначной цифрой? — отпариowała Сара, хотя без особого запала; мысли девушки до сих пор были заняты таинственным другом Слоан. — Он очень привлекателен, — заметила она вслух, задумчиво покачав головой.

Джесс пожал плечами:

— Ничего выдающееся.

— Потому что совсем не похож на стриптизерку?

— Я ему не доверяю, — настаивал Джесс, игнорируя ехидный намек.

— Да ты его в первый раз видишь.

— И Слоан тоже вряд ли хорошо его знает.

— Знает, иначе не пригласила бы сюда, — возразила преданная Сара, втайне гадая, почему Слоан никогда не упоминала ни о каком Ричардсоне.

— Удивительно еще, что ты не бежишь в свои офис, где, разумеется, хранятся досье на всех знакомых Слоан. — усмехнулся Джесс.

— Пожалуй, подожду до утра, — пробормотала Сара, стараясь не дать

Джессу понять, как больно ранят его насмешки.

— Мелкая расчетливая стерва!

За всю историю их баталии Джесс никогда не опускался до прямых оскорблений. Сара едва сдержала слезы от сознания собственной беспомощности.

— Все еще не можешь смириться с отказом? — не задумываясь, выпалила она, — А разве я тебе предлагал что-то? Не помню. И раз уж пошло на откровенность, — безжалостно отрезал он, — не объяснишь, как Слоан Рейнолдс способна водить дружбу с такой безмозглой кокеткой вроде тебя?

Сара отшатнулась, как от удара. Никогда в жизни ей не приходилось сталкиваться с такой неприкрытоей злобой, если, конечно, не считать побоев и оскорблений от собственной матери. Воспоминания о детстве нахлынули с новой силой, лишив ее способности сопротивляться. Джесс ждал, что она, в свою очередь, накинется на него, найдет достойный ответ, а у нее язык примерз к зубам. Не понятно, по какой причине Сара и Джесс с самого начала невзлюбили друг друга, но она даже представить не могла, до какой степени он ее презирает! Девушка уставилась на Джесса блестящими от непролитых слез глазами, но тут же отвела взгляд и с трудом сморгнула, пытаясь найти подходящие слова.

— Прости, — выдавила она наконец и отвернулась.

— Простить? — недоумевающе повторил Джесс. — За что?

— За все, что я сделала тебе дурного. Впредь того не повторится.

В этот момент появился Джонатан и накинул свитер на плечи девушки.

— Пожалуй, пора домой, — пробормотала она. — Я немного устала.

Джесс молча смотрел, как удаляется дружная парочка.

— Дьявол! — с горечью выдохнул он наконец и, смяв пивную банку, швырнулся в урну.

Глава 9

По пути домой Слоан старалась делать вид, что ничего не произошло: кивнула соседу, выгуливающему собаку, улыбнулась престарелой чете, болтавшей с приятелями в маленьком дворике. Но стоило перешагнуть порог квартиры, как девушка сурово нахмурилась.

— Почему я попала под надзор ФБР? — выпалила она, не давая Ричардсону опомниться.

— Все-таки как насчет чашечки кофе, пока я попытаюсь вразумительно объяснить вам все?

— Так и быть, — обреченно вздохнула Слоан и, немного помедлив, повела непрошено гостя на кухню. Если он просит кофе, значит, в самом деле собирается задержаться и сказать наконец правду, а не отдельываться общими фразами, чего она боялась больше всего.

Слоан подошла к раковине, налила в кофейник воды и потянулась за жестянкой с кофе, окинув мимолетным взглядом Ричардсона. Тот уже успел снять синюю ветровку и аккуратно пристраивал ее на спинку стула. Неплохо смотрится! Лет около сорока, высокий, с атлетически накачанной фигурой, короткими темными волосами, черными глазами и квадратным подбородком. Настоящий Джеймс Бонд! Правда, одет в белую тенниску, синие брюки и такого же цвета парусиновые туфли на толстой пробковой подошве, так что вполне может сойти за типичного бизнесмена средней руки... если не считать, разумеется, кобуры, из которой выглядывает рукоятка полуавтоматического «зиг-сайера» девятого калибра. И поскольку он, кажется, немного смягчился и больше не грозил ей всеми мыслимыми караами, Слоан старалась вести себя как можно вежливее и даже осмелилась ободряюще улыбнуться, безмолвно упрашивая его поскорее приступить к делу.

— Я слушаю, мистер Ричардсон.

— Две недели назад мы обнаружили, что ваш отец собирается связаться с вами, — начал Пол, присаживаясь к столу. — И собирается позвонить именно сегодня. Кстати, что он вам сказал?

Слоан неторопливо включила кофейник и оперлась бедром о столешницу.

— Неужели вам это не известно?

— Детектив Рейнолдс, мне не до глупых игр. Отвечайте! — надменно бросил фэбээровец, и этот пренебрежительный тон снова задел Слоан за

живое. Она едва не вспылила, но какой-то глубинный инстинкт подсказывал, что если она сумеет сдержаться и не сразу выложит все козыри на стол, то вытянет из него все необходимое.

— Он пожаловался, что перенес инфаркт, и попросил приехать в Палм-Бич на несколько недель.

— И что же вы ответили?

— Я его в глаза никогда не видела. Ни разу не встречала. Поэтому отказалась наотрез. Нет, нет и нет.

Пол Ричардсон все это прекрасно знал, но его интересовали исключительно ее отношение к отцу и неподдельно-искренняя реакция на его вопросы.

— Почему вы все-таки отказались?

— Я уже ответила.

— Но ведь он пожаловался, что болен, и хочет познакомиться с вами, пока не поздно.

— Он уже опоздал на тридцать лет.

— Не слишком ли вы импульсивны? — возразил Пол. — Подумайте о наследстве. Миллионы и миллионы! Неужели вы так легко отказываетесь от денег?

Какая трогательная убежденность в том, что баксы Картера Рейнолдса способны заставить ее изменить решение! Ну и жлоб!

Слоан брезгливо поморщилась. Что за люди! За цент готовы удавиться!

— Импульсивна? Вы чересчур поспешно судите обо мне. Когда мне было восемь, мать потеряла работу и нам пришлось почти год перебиваться на сосисках и сандвичах с арахисовым маслом. Мама хотела позвонить Картеру и попросить денег, но я прочла все, что написано в учебнике об арахисовом масле, и доказала ей, что это самая калорийная пища на земле и я люблю его куда больше шоколада. В двенадцать я свалилась с двусторонним воспалением легких, и мама боялась, что я умру без всякой помощи. Но в больницу я лечь не могла, потому что у нас не было медицинской страховки. Мама снова решилась позвонить ему в надежде, что он оплатит больничный счет, но все обошлось, и знаете почему, агент Ричардсон?

— Почему? — послушно спросил Пол, невольно тронутый неукротимой гордостью и почти сверхъестественным достоинством этой совсем не богатой девушки, — Потому что в ту же ночь мне стало лучше. И знаете, что явилось причиной молниеносного исцеления?

— Конечно, нет.

— Я стала поправляться, потому что отказалась иметь что-либо общее

с этим человеком и не жалела его грязных денег.

— Понятно.

— В таком случае вы также поймете, от того мне противна сама мысль о каком-то наследстве. Я не больна, не голодая, не бедствую. И вовсе не собираюсь мчаться в Палм-Бич, чтобы он смог успокоить свою потревоженную совесть. От меня он этого не дождется. Она открыла шкафчик и извлекла оттуда две кружки.

— И что же может заставить вас передумать?

— Чудо. Или внезапный приступ шизофрении. Пол ничего не ответил, выжидая, пока любопытство возьмет верх над обидой и неприязнью. Он посчитал, что на это уйдет несколько минут, но явно недооценил свою собеседницу.

— Это Рейнолдс вас послал? Надеется уговорить меня? Вы действуете от имени ФБР или решили немного подзаработать на стороне во время праздников?

Это предположение, хоть и совершенно не правдоподобное, показало, однако. Полу, что девушка обладает не только живым воображением, но и способностью к дедуктивному мышлению. К сожалению, эти качества отнюдь не подходили для той роли, которую он предназначил для Слоан.

— Бюро интересуется некоторыми аспектами финансовой деятельности Картера Рейнолдса, а также его деловыми партнерами, — официальным тоном ответил Пол, сочтя более разумным проигнорировать обвинения. — Совсем недавно мы получили информацию о том, что Рейнолдс замешан в незаконных операциях, но у нас недостаточно улик, чтобы доказать его непосредственное участие или хотя бы косвенное отношение к криминальным аферам.

Несмотря на полное равнодушие Слоан к отцу. Пол заметил, что девушка настороженно застыла. Он ожидал совершенно другого: злорадного удовлетворения или язвительной усмешки. Но она явно не желала верить обвинениям против родителя.

Однако Слоан довольно быстро пришла в себя и, смущенно улыбнувшись, налила кофе в кружки и поставила на стол поднос.

— Какие именно преступные операции?

— Боюсь, я не вправе сообщить вам это.

— Не понимаю, какое отношение имею к сказанному я, — пожала плечами Слоан, устраиваясь напротив. — Надеюсь, меня вы не подозреваете в пособничестве?

Она выглядела такой несправедливо оскорблённой, что походила на обиженнную девчонку, и Пол, сам того не желая, усмехнулся и покачал

головой:

— Нет, разумеется, нет. Мы вообще узнали о вашем существовании всего несколько недель назад. Внедрили в его окружение своего осведомителя. Он и донес о намерении Рейнолдса вернуть свою дочь. К несчастью, этот осведомитель больше не может быть нам полезен.

— Почему же?

— Он умер.

— Своей смертью? — уточнила Слоан, поддаваясь профессиональной привычке. Сейчас она совершенно забыла обо всех неприятностях и вновь стала хладнокровным детективом, заядлым колом, для которого всего важнее обличить преступника. Ричардсон едва заметно поколебался, и Слоан все поняла еще прежде, чем услышала ответ.

— Не своей.

Слоан передернуло, словно от удара. И пока она приходила в себя, Ричардсон спокойно пояснил:

— Мы следили за Рейнолдсом, но, как я уже сказал, не смогли собрать достаточно веских доказательств, чтобы убедить судью разрешить прослушивание телефонных переговоров и подсунуть «жучки» в его кабинет. Офисы его предприятий разбросаны по всему Сан-Франциско, но Рейнолдс с таким же успехом может заниматься своими темными делишками в любом другом городе, а возможно, и дома. Он осторожен и умен. Скоро Рейнолдс уезжает в Палм-Бич, и нам нужно, чтобы рядом с ним был наш человек.

— То есть я, — сокрушенно охнула Слоан.

— Ошибаетесь. Я. И попросил бы вас не позже завтрашнего дня внезапно передумать и позвонить Рейнолдсу. Скажите, что все-таки решили воспользоваться возможность поближе познакомиться с ним и приедете в Палм-Бич.

— А при чем здесь вы?

Ричардсон с деланной наивностью поднял брови.

— Вы, естественно, захотите привезти с собой приятеля, чтобы не терзаться тоской и одиночеством в новой для вас среде. Человека, с которым могли бы проводить время, свободное от встреч с новообретенным папашей.

Слоан, возмущенная его цинизмом до глубины души, обмякла на стуле и пристально уставилась на своего мучителя.

— И этот друг, разумеется, вы?

— Разумеется.

Слоан крепко стиснула руки, но промолчала.

— Если Рейнолдс будет возражать против моего приезда, поясните, что мы давно собирались провести вместе ваш двухнедельный отпуск и что вы не намерены менять свои планы ради него. Думаю, Рейнолдс отступит. Его дом на Палм-Бич — настоящий дворец. Тридцать комнат. Еще один гость не обременит хозяев. Да и не в том он положении, чтобы диктовать вам свои условия.

Слоан почувствовала невероятную слабость.

— Мне нужно хорошенько все обдумать.

— Можете дать ответ завтра, — неохотно согласился Пол и, глотнув обжигающего кофе, посмотрел на часы и встал. — Пора возвращаться в отель. Я жду звонка, — сообщил он, потянувшись за курткой. — Вернусь утром. В первой половине дня вы свободны, значит, хватит времени выдумать правдоподобную сказочку, которая удовлетворит всех любопытных не только здесь, но и в Палм-Бич. Попрошу вас не разглашать нашей беседы. И особенно будьте осторожны с Сарой Гибсон, Роем Интерсоллом и Джессапом.

Странно, что в список ее друзей он включил капитана! Слоан уже хотела спросить, чем вызван столь непонятный отбор, но тут Пол добавил:

— Ваша матушка тоже не должна ничего знать. Слоан отчего-то сразу стало легче.

— Поверьте, я не зря требую соблюдения абсолютной секретности, — пояснил агент. — Никому нельзя доверять, ни здесь, ни в Палм-Бич. Не представляете, насколько рискованная сложилась ситуация. Слишком многое поставлено на карту.

— Насколько мне помнится, я еще не давала своего согласия на поездку, — решительно возразила Слоан. — И кроме того, вряд ли стоит завтра приезжать ко мне. Сару распирает от любопытства, а мама попытается уговорить меня поехать в Палм-Бич, хотя я оставила на автоответчике сообщение, что не сделаю этого ни за что на свете. Обе наверняка примчатся ко мне чуть свет.

— В таком случае где бы мы могли поговорить?

— Как насчет того местечка, где мы сегодня встретились? В дюнах?

Пол молча натянул куртку, не сводя глаз с девушки. Всего за несколько часов она сумела показать себя с совершенно неожиданной стороны: спокойно и вполне профессионально справилась с человеком, которого посчитала вооруженным грабителем, успела свыкнуться с мыслью о том, что придется выдавать этого самого «грабителя» за своего друга, и пять минут назад согласилась помириться с отцом, которого ненавидела. Несмотря на хрупкую фигурку и изящное лицо, она оказалась не только

умном и хладнокровной, но и сообразительном. Правда, долгий тяжелый день, очевидно, сильно ее утомил. Она выглядела настолько измученной, что сердце Пола неожиданно сжалось. Он не привык испытывать угрызения совести, но сейчас отчего-то мучился сознанием собственной вины за то, что умудрился притушить горевший в ней огонек неизменной доброжелательности, тепла и сострадания к людям.

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы немного развеять мрачные тучи и снять груз с ее души.

— Надеюсь, на этот раз вы обойдетесь со мной помягче? — сухо осведомился он.

— А вы снова собираетесь напасть на меня? — отпариowała Слоан, пытаясь улыбнуться.

— Ни на кого я не нападал: просто споткнулся.

— Моя версия мне больше нравится, — дерзко заявила она, и Пол, несмотря на все тревоги, рассмеялся.

Однако, закрывая за собой калитку, он снова озабоченно нахмурился. Подумать только, сколько проблем предстоит ему решить в Палм-Бич! С самого начала он отказывался использовать Слоан в качестве подсадной утки. Слишком много Пол успел перевидеть неопытных, неумелых, ленивых и коррумпированных копов из провинциальных городков, чтобы не испытывать к ним инстинктивного недоверия, но факт, что именно ЭТА девчонка оказалась неподкупной, честной и преданной делу юной идеалисткой, больше похожей на капитана студенческой команды болельщиков, тоже отнюдь не радовал.

Он ничуть не беспокоился, что она не согласится ехать с ним в Палм-Бич. Судя по ею личным наблюдениям и всему, что он вычитал в досье Слоан Рейнолдс, отказа ожидать не приходится. Те же упорство и цельность натуры, заставившие ее предпочесть диету из арахисового масла просьбам о деньгах, вынудят ее проглотить гордость, пожертвовать твердыми моральными принципами и отправиться с ним в Палм-Бич.

Глава 10

Мотель «Оушн Вью» вопреки своему названию вовсе не предоставлял своим постояльцам роскошный вид на океанскую гладь и, если не считать чаек, бродивших по крыше, вообще не имел никакого отношения к водным просторам. Зато здесь имелись плавательный бассейн, кабельное телевидение и ресторан, открытый до двух часов ночи. Когда Пол в первом часу вошел в вестибюль, веселье было в полном разгаре.

Телевизор, установленный в вестибюле, был настроен на канал Си-эн-эн, правда, голос диктора заглушался разухабистой музыкой, несущейся из музыкального автомата в ресторане, где вовсе не желавшие танцевать поздние клиенты накачивались у стойки бара. Пол вышел в другую дверь и очутился у бассейна, где несколько подростков играли в волейбол, обмениваясь добродушными непристойностями. Уже подходя к своему номеру, Пол услышал, как внутри разрывается телефон. Действуя скорее по давно выработанной привычке, чем по необходимости, Пол не взял трубку, пока не закрыл двери, не проверил, заперты ли замки, и не спустил шторы. Только потом он шагнул к постели, придинул к себе сотовый аппарат и слегка улыбнулся, услышав голос своего давнего приятеля, агента-напарника, с которым приехал в Белл-Харбор.

— Итак? — осведомился тот с живейшим интересом. — Я видел вас вместе на вечеринке. Она согласилась сотрудничать?

— Согласится, — заверил Пол и, не выпуская трубки, включил кондиционер на полную мощность. Запах плесени и сырости ударил в нос.

— Но я считал, что ты не собираешься говорить с ней раньше завтрашнего утра.

— А потом передумал.

— Когда именно?

— Вероятно, в ту минуту, как только она возникла за моей спиной и сбила с ног. Нет... скорее, сразу после этого, едва навела на меня «глок» девятого калибра.

— Значит, она тебя сделала? — ехидно фыркнут приятель. — Ты, должно быть, шутишь!

— Вовсе нет, и если пытаешь хоть слабую надежду на продолжение нашей дружбы, никогда больше не упомянешь об этом в моем присутствии, — проворчал Пол, улыбаясь, однако, при мысли о неслыханных унижениях, которые ему пришлось сегодня претерпеть от

наивной, неопытной женщины-полицейского, весившей к тому же чуть больше пятидесяти килограммов.

— Я сегодня слышал какие-то выстрелы. При всех знаках отличия за стрельбу, заработанных ею в полицейской академии, удивительно, как это она не задела тебя.

— Она стреляла в воздух. Схватив на людном пляже того, кто, по ее мнению, был вооруженным грабителем, она вспомнила, что ее коллеги веселятся всего в трехстах ярдах от дюн. Поэтому, вместо того чтобы обезоружить меня в одиночку, она побоялась подвергать риску жизни случайных прохожих и выстрелами позвала на помощь. Довольно остроумно, не находишь? Умна, ловка, осторожна и благоразумна, ничего не скажешь!

Он прислонил подушку к изголовью и, растянувшись на постели, добавил:

— К тому времени, как прибыло подкрепление, она уже знала, кто я, мгновенно сообразила, что делать, и прекрасно сыграла навязанную ей роль. Учитывая все обстоятельства, девочка прекрасно себя показала.

— Похоже, она само совершенство и как нельзя лучше подходит для нашей работенки.

Пол устроился поудобнее и закрыл глаза, пытаясь побороть одолевавшие сомнения.

— Я бы не стал столь поспешно это утверждать, — Боишься, что, как только она окажется во дворце Рейнолдса, среди богатства и роскоши, немедленно поддастся искушению перебежать на сторону своего папаши?

— После сегодняшнего разговора с ней я сказал бы, что это вряд ли вероятно.

— В чем тогда проблема? По твоим же словам, она умна, мгновенно приспосабливается к обстоятельствам и стреляет лучше тебя, — съязвил приятель, но, поняв, что Пол не принял вызова, весело заметил:

— Надеюсь, ты не поставишь в упрек девочке милое лицико и стройные ножки?

Молчание, последовавшее за этой неосторожной репликой, показалось ему настолько красноречивым, что он мгновенно сменил тон.

— Пол, мы уверены, что она не берет взяток и впредь не собирается. Кроме того, ты обнаружил в ней кучу добродетелей. Что же тебя беспокоит, черт возьми?

— Видишь ли, она типичная герл-скаут. И стала копом лишь из желания помогать людям. Она снимает с деревьев воздушные змеи, разыскивает сбежавших собак, забывает смениться с дежурства лишь

потому, что бежит утешать старую испанку, чей дом сгорел дотла. И соглашается жить целый год на арахисовом масле, лишь бы не обращаться к отцу с просьбами о деньгах. Настоящая идеалистка, до мозга костей, и именно это не дает мне покоя. — Прошу прощения, не понял...

— Надеюсь, ты понимаешь, что такое идеалист?

— Да. Но хотел бы услышать твое определение, поскольку еще десять секунд назад считал идеализм редчайшей добродетелью.

— Возможно, но в данном случае это далеко не преимущество. У идеалистов есть весьма странная привычка решать самим, что есть хорошо, а что плохо, они прислушиваются лишь к собственному внутреннему голосу и выносят приговор согласно своему суждению. В любой ситуации идеалист напоминает мне гранату с выдернутой чекой, но в этой невероятно сложной операции наивный идеалист вроде Слоан Рейнолдс превращается в настоящую ядерную боеголовку, — Из этого поучительного экскурса в философию я делаю единственный вывод: ты опасаешься, что она не позволит манипулировать собой?

— Именно.

Сара распрошалась с Джонатаном у крыльца и поспешила под душ, пытаясь растопить воинственные в сердце ледяные стрелы из девок Джесса. Почему они почти с первой встречи так невзлюбили друг друга? Обычно он нападал. — она защищалась. Но сегодня Джесс зашел слишком далеко и был непростительно груб. И что всего хуже, в его словах была доля правды, что ранило еще сильнее.

Она уже вытирала волосы, когда в дверь позвонили. Девушка недоумевающе подняла брови и, накинув длинный халат, осторожно подкралась к окну гостиной иглянула во двор. У обочины была припаркована патрульная машина. Должно быть. Пит окончательно разгулялся и решил продол жить праздник у нее! Значит, скоро прибудут и остальные.

Сара, устало улыбнувшись, пошла открывать. Но стоило ей распахнуть дверь, и улыбка как по волшебству исчезла. На пороге стоял Джесс Джессап. Темные волосы спутаны так, словно он досадливо их взъерошил... или скорее какая-нибудь очередная поклонница после ухода Сары не устояла перед искушением запустить в них пальцы. Правда, судя по мрачной физиономии Джесса, знаки внимания не были приняты благосклонно.

Стараясь говорить как можно холоднее, Сара пренебрежительно бросила:

— Если ты здесь не по делу, проваливай и больше никогда не возвращайся. Исключительно ради Слоан обещаю быть вежливой с тобой в ее присутствии. Но с глазу на глаз вовсе не обязана распинаться перед каждым... Короче говоря, держись от меня подальше.

Ей хотелось швырнуть ему в лицо самые едкие оскорблении, но, к собственному смущению, она почувствовала, что вот-вот заплачет, и плотно сжала губы, рассердившись на себя еще больше. Брови Джесса угрожающе сошлись.

— Я приехал извиниться за все, что наговорил сегодня, — буркнул он. Как-то не похоже, чтобы он оправдывался!

— Превосходно, — процедила Сара. — Ты извинился, но для меня это особого значения не имеет. И мое мнение о тебе не изменилось.

Она попыталась захлопнуть дверь, но Джесс вовремя подставил ногу.

— Ну что тебе еще? — теряя терпение, воскликнула она.

— Я только что понял, что явился сюда не извиняться, — выпалил Джесс, и не успела Сара опомниться, как он поймал ее за плечи и притянул к себе.

— Убери руки! — вскрикнула она, но его губы уже завладели ее губами в безжалостно-крепком поцелуе. Шок, ярость и постыдно-жгучее наслаждение заставили сердце Сары бешено заколотиться, но она даже не пошевелилась, не желая доставлять своему врагу удовольствие яростным сопротивлением.

И едва он разжал руки, как Сара отпрянула, пытаясь нашарить дверную ручку.

— А что, именно грубое насилие заводит тех метелок, с которыми ты спишь? — прошипела она и, прежде чем Джесс успел ответить, резко захлопнула дверь перед его носом и обессиленно прислонилась к косяку, боясь двинуться с места, пока не услышала шум отъезжающей машины. Слезы почему-то высохли, и теперь девушка сухими, горящими бешенством глазами оглядывала с такой любовью выбранные предметы обстановки: прелестную фарфоровую вазу, антикварную табуреточку для ног, маленький столик в стиле Людовика XIV. Любимые, дорогие вещи, подлинники, прекрасные символы прекрасной жизни, которую она желала для себя и своих будущих детей.

Глава 11

Уже в сумерках Картер Рейнолдс, удобно устроившийся в своем домашнем кабинете, повесил трубку и повернулся к огромному круглому окну. Перед ним расстилалась панорама Сан-Франциско, окутанная легким туманом, таинственная, волнующая, прекрасная. Через две недели придется сменить все это на вечноголубые безмятежные небеса Палм-Бич — пalomничество, ставшее давней традицией многих поколений его семейства, традицией, которую его бабка ни при каких условиях не позволит нарушить.

За последние несколько лет эти ежегодные поездки в Палм-Бич становились для него все более невыносимо тоскливыми, казались назойливым вмешательством в его жизнь, но после этого телефонного звонка будущее неожиданно засверкало новыми гранями.

Картер просидел в кабинете еще около часа, со своей обычной тщательностью обдумывая все возможные варианты и повороты событий, и наконец нажал кнопку внутреннего переговорного устройства.

— Где миссис Рейнолдс? — спросил он у слуги.

— По-моему, отдыхает в своей комнате перед ужином, сэр.

— А моя дочь?

— Читает книгу миссис Рейнолдс.

Довольный, что может застать сразу обеих женщин, Картер встал и направился на третий этаж, отведенный, по решению семейного архитектора, под хозяйские покой сорок лет назад. Презрев такое удобство, как лифт. Картер поднялся по широкой лестнице с затейливо изогнутыми перилами из кованого железа, повернул направо, прошел по коридору, обитому панелями и увешанному портретами в тяжелых резных рамках, с которых строго смотрели на него предки.

— Я рад, что вы вдвоем, — приветствовал он Парис, открывшую дверь, и приветливо улыбнулся, стараясь не показать, что задыхается в этой мрачной комнате с постоянно задернутыми темно-бордовыми шторами, не пропускавшими света, пропитанными назойливым сладким запахом лаванды. Едва заметно поморщившись, он обнял Парис за плечи и кивнул бабке, сидевшей в барочном кресле у камина. Господи, да Эдит Рейнолдс не берут ни годы, ни болезни! Белые как снег волосы убранны в строгий узел, высокий ворот серого платья заколот большой филигранной брошью с рубинами. Настоящая светская дама эпохи Регентства! Английская

герцогиня!

— Что тебе, Картер? — повелительно бросила она. — Говори, да поскорее! Парис остановилась на самом интересном месте.

— У меня для вас потрясающая новость! — объявил он, учиво дождавшись, пока дочь усядется. — Мне только что звонила Слоан. Она неожиданно передумала и решила приехать к нам в Палм-Бич на две недели.

Бабка облегченно вздохнула, но Парис сорвалась с места и подлетела к нему.

— Молодец, — похвалила Эдит, . — царственно наклонив голову и слегка растягивая губы в гримасе, которая при очень живом воображении могла бы сойти за улыбку. Но Парис неприязненно косилась на отца, совсем как чистокровная кобылка, готовая взбрыкнуть и ускакать прочь при малейшем движении жокея.

— Ты... как ты можешь спокойно заявляться сюда и как ни в чем не бывало извещать меня обо всем в самую последнюю минуту, словно свою служанку! Я думала, что она не приедет. Это несправедливо. Я вовсе не обязана с ней нянчиться. И не поеду ни в какой Палм-Бич.

— Парис, не мели вздор. Разумеется, ты едешь с нами, — вежливым, но не допускающим ни малейших возражений тоном изрек он слова, обладающие, по-видимому, силой и властью приговора. — И пока мы еще здесь, я хотел бы, чтобы ты проводила побольше времени с Ноем. Вряд ли тебе удастся выйти замуж за человека, которого ты всячески стараешься избегать. Он просто не подумает обратить на тебя внимание.

— Я вовсе не избегаю Ноя, просто его здесь не было.

Он ездил в Европу, как тебе хорошо известно.

— Но непременно явится в Палм-Бич. И пока мы будем там, можешь заодно наверстать потерянное время, чтобы наконец окрутить его и раз и навсегда покончить с этим.

Кортни Мейтленд, сидя на подлокотнике кресла, неодобрительно наблюдала, как брат складывает бесчисленные папки в два дипломата.

— Не успел примчаться из Европы, как снова линяешь, — проворчала она. — За целый год и двух месяцев дома не пробыл.

Ной на секунду оторвался от сборов, чтобы бросить взгляд на пятнадцатилетнюю девушку в узкой черной юбке «стретч», едва прикрывавшей бедра, и ярко-розовом топе. В этом наряде Кортни выглядела несносной хорошенькой избалованной девчонкой с сомнительным вкусом. Что же, по мнению Ноя, первое впечатление отнюдь

не было обманчивым.

— Где ты покупаешь все эти дешевые тряпки? — брезгливо морщась, осведомился он.

— Черта с два! Это последний писк! Конечно, такой стариk, как ты, понятия не имеет, что носит молодежь!

Самый крутой прикид!

— Ты походишь на панельную девку.

Кортни предпочла пропустить нелестное замечание мимо ушей.

— И сколько же ваше высочество на этот раз собирается пробыть в отъезде?

— Полтора месяца.

— Бизнес или развлечения?

— Всего понемногу.

— Именно так ты характеризовал поездку в Парагвай, когда брал меня с собой, — напомнила она, картишно вздрогнув. — Дождь лил как из ведра, не переставая, а твои так называемые приятели повсюду таскали с собой автоматы:

— Не правда. Автоматы были у их телохранителей.

— А у твоих партнеров — пистолеты. У меня глаза зоркие! Не обманешь!

— Тебе все привиделось.

— Ладно, ты у нас святой, а я все наврала. Это был не Парагвай. Перу. Там твои дружки уж точно были вооружены до зубов. Я все тряслась, думала, что начнется пальба.

— Теперь я наконец вспомнил, почему перестал брать тебя в деловые поездки. Ты как заноза в заднице.

— Просто я умная и наблюдательная! Листок бумаги слетел со стола, и Кортни едва успела его подхватить и протянуть брату.

— Это все одно, — буркнул он и, наспех просмотрев документ, сунул его в портфель. — Так уж и быть, скажу. На этот раз я еду не в Южную Америку, а в Палм-Бич. Помнишь, какой курортный городок? У нас еще там дом. Каждый год мы ездим туда на твои зимние каникулы. Твой отец там живет. И завтра мы с тобой тоже окажемся в уютном родовом гнездышке.

— Ни за что! Папа целыми днями станет торчать на поле для гольфа. Ты же либо запрешься в кабинете и будешь висеть на телефоне, либо удерешь на «Призрак»и там, посреди океана, снова начнешь вести нескончаемые переговоры. Надоело!

— Судя по твоему описанию, я просто унылый серый длинноухий

осел, скучный, как осенний день.

— Ты и есть...

Ной повернул голову, и при виде его неуловимо изменившегося лица Кортни поспешино осеклась.

— Я всего лишь хотела сказать, что у тебя ужасно однообразная жизнь. Работа, работа, работа... никаких развлечений.

— Живейший контраст твоему собственному времяпрепровождению. Неудивительно, что я кажусь тебе таким занудой.

— И какой же счастливице выпадет честь стать объектом вашего мимолетного внимания, сэр?

— По-моему, ты напрашиваешься на трепку.

— Опоздал! Я уже слишком взрослая! Кроме того, ты мне не отец и уж тем более не мать.

— Поверь, осознание этого факта вновь и вновь поддерживает во мне огонь веры в Господа нашего.

Девочка благоразумно решила сменить скользкую тему:

— Вчера я видела Парис. В «Саксе» на Пятой авеню. Они тоже едут в Палм-Бич. Знаешь, Ной, если не поостережешься, то в одно прекрасное утро проснешься рядом с ней в постели и с обручальным кольцом на пальце.

Ной швырнул в портфель золотые авторучку и карандаш и, щелкнув замками, набрал код.

— Это будет самым коротким браком в истории человечества.

— Тебе не нравится Парис?

— Нравится.

— Почему же ты не женишься?

— Во-первых, она слишком молода для меня.

— Верно! Тебе уже за сорок. Старик! И здорово сдал за последнее время. Совсем не тот, что прежде!

— Все стараешься побольнее уколоть?

— Вовсе нет, просто у меня ярко выраженное чувство юмора. А когда Парис тоже завянет, ты на ней женишься?

— Нет.

— Почему?

— Не лезь не в свое дело.

— Как это? Все, что касается тебя, — мое дело. Только мое, — горячо запротестовала девочка. — Все эти годы именно ты заменял мне родителей. Ближе тебя у меня никого не было.

Ах, маленькая хитрюга! Пытается к нему подлизаться!

Ной прекрасно это понимал и все же ничего не ответил, решив сберечь силы для предстоящей битвы с сестрой по поводу отъезда в Палм-Бич. Отец подумывает о том, чтобы окончательно переселиться туда и записать Кортни в тамошнюю школу, но у Ноя нет ни малейшего желания участвовать в войне, которая, несомненно, разразится, когда сестре станет известно о волевом решении Дугласа.

— Значит, ты вообще не собираешься жениться?

— Не собираюсь.

— Отчего это вдруг?

— Потому что мы это уже проходили. Надоело.

— Джорданна сумела-таки настроить тебя против семейной жизни?

Парис считает, что из-за нее ты возненавидел всех женщин.

Ной на секунду отвлекся от бумаг и нахмурился.

— Она так сказала? — небрежно бросил он.

— Просто Парис и не догадывается, сколько телок гостили у тебя на яхте или прибегали в отель, где мы останавливались, но я-то все подмечаю. Она воображает, что ты — раненый в самое сердце благородный, целомудренный рыцарь.

— Прекрасно. Пусть и дальше так думает.

— Слишком поздно. Прости, но я не могла и дальше держать ее в заблуждении и все рассказала. Выложила, можно сказать, всю жуткую правду.

В продолжение всей тирады Ной поспешил писал записку своему помощнику и даже не подумал поднять глаза.

— Я беру тебя с собой в Палм-Бич.

— Не выйдет! Отвали!

Ной отбросил перо и пронзил сестру таким суровым взглядом, что та мгновенно съежилась.

— Хочешь закатить сцену? Попробуй только, — мягко предупредил он. — И начинай собираться.

— Черта с два!

— Прекрасно. Значит, поедешь в этом отвратительном тряпье, что на тебе сейчас. Решай, что лучше.

— На пушку берешь!

— Ни в коем случае. После всех многолетних стычек ты, кажется, должна была узнать меня получше.

— Господи, как же я тебя ненавижу, братец!

— Поверь, мне в высшей степени плевать на твои чувства. А теперь иди укладываться. Завтра утром встретимся в холле.

Девочка соскользнула с кресла, глядя на своего мучителя полными слез глазами. Но все было напрасно. Ноя ничем не проймешь.

Глава 12

Занятая невеселыми мыслями о предстоящем визите в Палм-Бич, Слоан даже не заметила сзади патрульную машину Джесса, пока тот уже в миle от ее дома не включил аварийную сигнализацию. Испуганная яркими вспышками света, девушка посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, как друг машет ей, высунувшись из окна.

— Желаю приятно провести отпуск! — крикнул он вслед Слоан в громкоговоритель.

У калитки уже были припаркованы автомобили Сары и Кимберли. Во дворе суетился Пол Ричардсон, укладывая вещи в багажник ярко-синей машины-купе, которую, вероятно, взял напрокат на время поездки.

Прошло уже две недели, с тех пор как Слоан согласилась выполнить его задание, и за все это время она ни разу его не видела. Правда, в самый первый день Пол все-таки согласился пообедать с ней и Кимберли и из кожи вон лез, чтобы убедить мать Слоан в своих романтических чувствах к ее дочери. Ему и сейчас приходилось нелегко. Попробуй разместить гору чемоданов в весьма ограниченном пространстве¹. Наконец агент сдался, вытащил из багажника свою объемистую сумку и открыл дверцу машины.

— Нужна помощь? — осведомилась Слоан, сочувственно наблюдая, как он пытается пропихнуть свою ношу на заднее сиденье.

— Боюсь, здесь понадобится подъемный кран, — криво ухмыльнулся Пол.

— Через пять минут буду готова, — пообещала Слоан.

Поскольку у нее самой было всего два небольших чемоданчика, она, естественно, предположила, что либо багажник слишком мал, либо агент Ричардсон — настоящий щеголь, который повсюду возит за собой обширный гардероб. Но в любом случае ее мало интересовали его чемоданы и их содержимое. Она и без того была сыта разговорами об одежде. Едва мать и Сара узнали, что Слоан согласилась ехать в Палм-Бич, начались бесконечные споры о количестве и стоимости нарядов, Слоан терпеть не могла тратить деньги на одежду и в отличие от матери и лучшей подруги не считала это путешествие поводом менять свою манеру одеваться. Разумеется, никто не знал о том, что она собирается шпионить за отцом, и обе женщины возлагали большие надежды на поездку Слоан. Правда, к ее величайшему раздражению, их воображения хватало ровно на то, чтобы представлять, в чем именно представит Слоан перед своими

родственниками. Девушка просто не знала, куда деваться от их излияний!

— Картер будет ослеплен, — восторженно восклицала Кимберли, — когда увидит тебя в черном платье-мини с бисером, которое висит в витрине «Фейлен». Немедленно покупаю его для тебя!

В отличие от нее Сара не хотела и думать о Картере.

При чем тут какой-то отец?

— Так ивижу тебя в Поло-клубе Палм-Бич, — мечтательно шептала она, — в моем красном полотняном платье... и тут входит мистер Само Совершенство... высокий, красивый, богатый...

— Немедленно замолчите обе, — твердо остановила их Слоан, — Ма, ты не истратишь на меня ни единого доллара. Если увижу хотя бы одно новое платье, немедленно верну в магазин, даже не померив. Сара, спасибо за предложение, но я отказываюсь служить вешалкой для одежды лишь затем, чтобы произвести впечатление на Картера Рейнольдса.

— Ладно, но как насчет того, чтобы произвести впечатление на мистера Совершенство?

— Это для тебя он совершенство, а при чем тут я? — добродушно усмехнулась Слоан. — Кроме того, со мной едет Пол, забыла?

— Да, но ты с ним не помолвлена и не давала никаких обещаний. Так что совсем не мешает сначала хорошенько оглядеться, а мое красное платье-рубашка неизменно производит неотразимое впечатление на мужчин. Кокетливое, но не вызывающее и...

— Пожалуйста, умоляю, не начинай все сначала! — с отчаянием прошептала Слоан, затыкая уши в тщетной попытке избежать очередной лекции о последних модах. — Давай договоримся: я согласна не торопиться с выбором жениха, если ты перестанешь трещать о тряпках.

И чтобы положить конец бессмысленной, с ее точки зрения, дискуссии, встала и решительно объявила, что идет спать.

Но в последние дни споры не только не утихли, а вспыхивали с еще большей силой даже в отсутствие Слоан. И с каждым часом Кимберли и Сара становились все настойчивее, так что Слоан уже побаивалась встречаться с ними из опасения, что вот-вот появится очередная новая шмотка.

Наконец пришла пора прощаться. Слоан обняла мать и подругу, те пожелали ей хорошо провести время и встали на крыльце, ожидая, пока отъедет машина.

— Она будет потрясающе смотреться в черном платье с бисером, — уверенно предсказала Кимберли, наблюдая, как Пол Ричардсон усаживает в машину ее дочь. — Чудесный новый гардероб для новой сказочной жизни,

где о ней будут заботиться отец и мистер Ричардсон...

— А в моем красном полотняном платье она затмит всех тамошних расфуфыренных метелок, — добавила Сара с нервным смешком.

Мотор взревел, и женщины принялись энергично махать отъезжающим.

— Так мило со стороны Пола согласиться спрятать эти два чемодана, — заметила Кимберли.

— Еще бы! — кивнула Сара с нерешительной улыбкой. — Но мне почему-то их роман кажется слишком уж внезапным. Жаль, что Слоан не успела узнать его получше.

— Ничего страшного! — беспечно объявила Кимберли потрясенной девушке. — Она и без того чересчур серьезно относится ко всему в жизни, включая мужчин. Говоря по правде, я давно мечтала, чтобы моя дочь была хотя бы немного более... более легкомысленной!

Сокрушенno покачав головой, Сара сжала руку женщины, которую любила куда сильнее собственной матери.

— По-моему, твоё желание только что исполнилось, ма. Так что можешь успокоиться,

Глава 13

Они провели в дороге вот уже два часа, и Пол время от времени встревоженно посматривал на молчаливую спутницу. Слоан сидела не шевелясь, неестественно прямо; лицо внешне спокойное, но с каждой новой милей он чувствовал, как девушку охватывают тоска и отчаяние, как усиливается ее напряжение, и снова ощущал непривычный укол совести за собственное лицемерие. На что ему приходится толкать девчонку!

Опасаясь, что она каким-то образом пронюхает его истинные намерения и откажется сопровождать его в Палм-Бич, Пол старался не показываться ей на глаза и после праздников всего однажды поговорил по телефону. Слоан немедленно воспользовалась этим, чтобы засыпать его вопросами об отце и сестре, но он уговорил ее подождать до отъезда. Сейчас Пол был готов объяснить ей все что можно, торопясь укрепить в ней решимость и облегчить предстоящую задачу, но теперь она, казалось, растеряла все слова и боялась даже встретиться с ним глазами.

Ричардсон тщетно пытался выдавать что-то ободряющее, убедить, что все каким-то образом обойдется. Но как это сделать? Будь Слоан обычной средней женщиной, которой предстоит встреча с отцом и сестрой, она могла бы по крайней мере надеяться на пробуждение родственных чувств, которые помогут ей освоиться в новой, непривычной для нее среде. Но о какой любви, и будущей семейной идиллии может идти речь? Ей пришлось поступиться гордостью из чувства долга и согласиться на позорную роль соглядатая. И несмотря на то что возможность счастливого завершения этой невеселой истории сводилась почти к нулю. Пол постарался додумать этот самый «хеппи-энд», отчасти чтобы отделаться от сознания собственной вины и заодно немного поднять настроение Слоан. В конце концов, пусть его вариант рождественской сказки кому-то покажется чересчур сентиментальным, но теоретически вполне может оказаться так, что Кarter Рейнолдс не замешан в преступных делишках и искренне привязывается к дочери, и все у них будет хорошо.

Поставившись отбросить свои сомнения по поводу столь блестящего финала, Пол нерешительно заметил:

— Поверьте, Слоан, вполне вероятно, что эта поездка будет иметь самые благоприятные последствия для всей вашей семьи, хоть пока вы явно так не считаете.

Девушка, до того пристально смотревшая в ветровое стекло, молча

повернулась и бросила внимательный взгляд на Пола. Тот, посчитав это чем-то вроде согласия, продолжил разговор, поспешив добавить:

— Видите ли, пока ваш отец всего лишь подозреваемый. Вы поможете мне получше узнать его и некоторые факты его деятельности. Не исключено, что, как только расследование будет закончено. Картер окажется ни в чем не виновным.

— И каковы, по-вашему, шансы на подобный исход?

Пол поколебался. Он просто не имеет права обращаться с ней как с наивной дурочкой и беззастенчиво обманывать ее доверие. Для этого Слоан слишком умна и порядочна.

— Не очень велики, — честно ответил он, — но всегда стоит надеяться на лучшее. Теперь рассмотрим ситуацию с вашей точки зрения. Я ничуть не сомневаюсь, что отцом Картер был никудышным, но согласитесь, что он все-таки пожалел об этом, иначе не позвонил бы вам. Мы понятия не имеем, чем вызван такой внезапный приступ родительской любви. Более того, мы не сумеем точно сказать, что именно положило конец браку ваших родителей, но если верить Кимберли, всему причиной матушка Картера, которая к тому же хитростью увезла вашу сестру. Ведь именно она примчалась во Флориду за сыном, после того как ее мужа хватил удар, не так ли?

— Да. Но он и не подумал протестовать. Сразу заглотал наживку, бросил все и слинял.

— Верно, но в то время ему не было и тридцати. В таком возрасте мужчины часто проявляют душевную слабость и незрелость ума. А иногда попросту трусость. И кто знает, возможно, мать убедила его в необходимости исполнить священный долг перед семьей. Такое случается, но вряд ли подобные недостатки можно считать непростительным преступлением. Заметьте, она умерла три месяца назад и он почти сразу же позвонил вам и попросил прощения.

Слоан поняла, что Пол искренне пытается ей помочь, по легче почему-то не становилось. Ее переполняли странные эмоции, которым она никак не могла подобрать названия. Ей хотелось попросить Пола замолчать, но присущая ей справедливость, а может, и обыкновенное любопытство побуждали идти все дальше.

— А как насчет моей сестрицы? Сумеете найти оправдание человеку, ни разу не попытавшемуся поговорить с собственной матерью?

— В каждом деле есть две стороны медали, — покачал головой Пол. — А что, если она страдает, потому что мать ни разу не попыталась позвонить ей?

— Они вынудили маму подписать условия бракоразводного соглашения, по которому ей было запрещено видеться и говорить со старшей дочерью.

— Вам не приходило в голову, что Парис может и не знать этого?

Слоан ошеломленно взорвалась на него, тщетно пытаясь погасить теплящийся огонек надежды на обретение давно потерянной сестры.

— Вы сказали, что имели осведомителя в доме Рейнолдсов. Он точно это знал?

— Видите ли, Парис никогда нас особенно не интересовала. Большинство знакомых считают ее сухой, сдержанной и холодной, но все признают, что при этом она, несомненно, безупречно воспитана и элегантна. И разумеется, красива. Прекрасно играет в теннис, гольф и бридж. Обычно выступает в турнирах в паре с вашим отцом, который также завоевал немало призов в этих видах спорта. Я уже не говорю, что в бридже ему нет равных.

Слоан равнодушно пожала плечами. Более бессмысленное, по ее мнению, занятие, чем бридж, трудно было найти.

— Кроме того, — добавил Пол, — вам придется познакомиться с главной достопримечательностью — Элит Рейнолдс. Она тоже приедет в Палм-Бич.

— Эдит? — недоуменно повторила Слоан.

— Ваша прабабка с отцовской стороны. — пояснил Пол. — Девяностопятилетняя ведьма. Вспыльчивая, непредсказуемая и до отвращенияластная, никому не дающая спуску и готовая уничтожить всякого, кто станет ей поперек дороги. Кроме того, она еще и невероятная сквалыга. Имея состояние в пятьдесят миллионов, впадает в истерику, если кто-то зажжет в комнате лишнюю лампу.

— Прелестная особа, ничего не скажешь, — сухо заметила Слоан, пытаясь подавить неприятное воспоминание о собственной склонности. Только на прошлой неделе Сара обозвала ее скрягой, а Кимберли вечно жаловалась, что дочь боится расстаться хотя бы с центом! Но и подруга, и мать — настоящие мотовки. Ей же приходится экономить на всем, потому что воспоминания о тяжелом детстве были слишком свежи и жалованье полицейского почти не давало возможности делать сбережения. Будь у нее состояние, она тратила бы не задумываясь... ну возможно, откладывала бы что-то...

Довольный, что сумел немного успокоить девушку, Пол на время замолчал, но, приближаясь к Палм-Бич, понял, что настало время вернуть ее к невеселой реальности. После всех рассуждений на тему о возможных

добродетелях ее семейства не мешало напомнить, что отец, вероятно, скоро окажется в тюрьме, причем не без помощи младшей дочери.

— Дом вашего отца приблизительно в десяти минутах езды отсюда, — сообщил он. — События могут развиваться по самому благополучному сценарию, но нужно рассмотреть и самый худший вариант. Слоан порывисто обернулась к нему.

— Ладно, валяйте.

— Скажем вашим родственникам, что мы встретились в Форт-Лодердейле пять месяцев назад на семинаре по страхованию, — напомнил он. — Имя моего отца Клиффорд, мать зовут Джоан. Она умерла несколько лет назад. Я был единственным ребенком, вырос в Чикаго и закончил Университет Лойолы. По-прежнему живу в Чикаго и работаю в компании «Уорлдуайд андерайтере инкорпорейтед». До сих пор мы не могли проводить много времени вместе, потому что живем слишком далеко друг от друга, и именно потому нам так важны эти две недели.

Пол включил указатель поворота и перестроился в крайний ряд, готовясь к въезду в Палм-Бич.

— Пока вам все ясно?

Слоан кивнула. Они уже обсуждали все это, но теперь в ней отчего-то пробудилось любопытство.

— Интересно, есть ли какая-то доля правды во всей этой истории?

— Ни малейшей, — бросил он так резко, что отбил всякую охоту впредь расспрашивать о его личной жизни. — Это моя легенда, н, если Рейнолдс решит пустить по моему следу ищек, все подтвердится, но, думаю, вряд ли он захочет уделить внимание моей скромной персоне. Когда ваши родные поймут, что мы давно знаем друг друга, никто ничего не заподозрит. Кроме того, я вряд ли им так уж нужен, поэтому никто ни о чем не станет допытываться. Если возникнет необходимость, я готов расписать свое прошлое, настоящее и будущее. Если меня не будет рядом, говорите что хотите, только после не забудьте меня предупредить. Ну а теперь потолкуем о вас. Вы уже определились, какую карьеру избрать?

— Разумеется.

Судя по словам осведомителя, отец совершенно ничего не знал о дочери и до сих пор не слишком стремился узнать. Пол не скрывал радости по этому поводу:

— Нам крупно повезло, что ваша мать не успела объяснить Картеру, кем вы стали.

— Везение тут ни при чем. Мама умирала от желания поведать о моих доблестях, но он в два счета заткнул ей рот. Бессердечный грубиян! Ему

абсолютно наплевать, что должна была чувствовать мама. Подумать только, ни разу не позвонить за тридцать лет! А когда все-таки соизволил набрать номер, моментально объявил, что у него нет ни времени, ни желания беседовать с ней и просит ее только дать мой номер телефона. — Едва она успела продиктовать цифры, он пообещал перезвонить, когда немного освободится, и повесил трубку.

— Представьте, я понимаю ваши переживания. И целиком и полностью на вашей стороне.

Слоан не искала сочувствия, но дать выход оскорбленным чувствам ей было необходимо.

— Но вам действительно повезло чуть позже, — с улыбкой продолжила она, — когда Картер позвонил мне в участок. Он разговаривал с Интерсоллом. Капитан, к счастью, не представился. Просто рявкнул что-то в трубку. Вот это везение!

— Не говорите, — согласился Пол. — Ну а теперь откройте, что у вас за профессия.

— В колледже я специализировалась в биологии моря и математике, прежде чем поступила в полицейскую академию, но вы просили меня выбрать «занятие» которое Рейнолдсы не посчитают чересчур легкомысленным. К сожалению, я не настолько сильна в математике и биологии, чтобы изобразить из себя специалиста в этих областях. Я перебрала множество вариантов, но на прошлой неделе в момент ожидания, пока Сара закончит консультировать клиентку, меня озарило.

— Не держите меня в неведении, иначе я просто умру от нетерпения. Кто же вы теперь?

— Дизайнер интерьеров!

— Гениально! — рассмеялся Пол. — Именно что-то подобное я себе представлял! Надеюсь, вы знаток в этой области?

— Еще какой! Любому могу навешать лапшу на уши! Недаром она столько лет слушала, как Сара распинается о мебели, обоях, шторах и всяческих аксессуарах. А уж о профессиональном жаргоне и говорить нечего. Она как-нибудь сумеет одурачить Картера, который, разумеется, посчитает такой предмет разговора достаточно утомительным и вскоре отвяжется от нее.

— И последнее, — холодно объявил Пол. — Я должен быть абсолютно уверен в том, что вы сумеете сыграть свою роль и превосходно осведомлены о последствиях как двойной игры, так и малейшего отступления от закона. Мы должны и обязаны держаться в строгих рамках и играть по правилам. Слоан превосходно понимала, что он имеет в виду,

но все же лишний раз послушать наставления более опытного коллеги не помешает.

— С точки зрения всех этических и юридических норм никто не имеет права вмешиваться в чужую частную жизнь и никто не имеет права беспокоить вашего отца без соответствующего на то разрешения. А поскольку вы едете туда по моему требованию, это означает, что формально вы работаете на ФБР. Но с другой стороны, руководство ФБР не сочло возможным дать мне ордер на обыск, поэтому любую добытую нами улику суд попросту не примет. Это, повторяю, незаконно. Вы можете передавать мне информацию, но при этом не смеете специально ее добывать. Я достаточно ясно выразился? Вы не вправе будете даже открыть ящик стола без моего разрешения.

Слоан с трудом подавила улыбку. Неужели в глазах Пола она настолько глупа и неопытна, что он считает нужным объяснять ей элементарные основы розыскной службы?

— Собственно говоря, я кое-что усвоила из сериала «Закон и порядок».

Пол, казалось, немного успокоился, но тон оставался по-прежнему наставительным.

— Те же правила применимы к подслушанным разговорам. Прежде всего удостоверьтесь, что у вас имеются достаточно веские основания или предлог оказаться именно в этом месте в надлежащее время. Неплохо также, чтобы в этот момент вас кто-то видел. Остерегитесь подслушивать телефонные беседы по параллельному аппарату. Играем строго по правилам, усекли?

— Усекла, — кивнула Слоан. — Беда в том, что, как бы мы ни были осторожны, адвокаты всегда найдут повод уличить нас в некомпетентности и нарушении прав человека.

— В этом и заключается наша работа. Делать все так, чтобы комар носа не подточил. Ваша главная задача — не искать доказательств, а ввести меня в круг приближенных. Я стану следить за ним. Картер много времени проводит в Палм-Бич, и я желает знать, что он там делает, куда ездит и с кем общается. Вы же — лишь средство подобраться к нему и, возможно, случайно получить ценные сведения, которые потом следует передать мне.

— Понимаю.

Удостоверившись, что его слова не пропадут даром, Пол решил сменить тему на более приятную.

— Знаете, здорово вы это придумали — выдать себя за декоратора! Рейнолдса такая легкомысленная профессия точно не спугнет! В два счета

забудет об осторожности.

Слоан вместо ответа тяжело вздохнула. Идея отчего-то перестала казаться ей столь уж блестящей. Она вступает на тропу войны, вот-вот окажется на вражеской территории, окруженная недружелюбными и, вероятно, спесивыми чужаками, которые не постесняются лишний раз пнуть бедную родственницу.

— Слоан! — встревоженно позвал Пол, сворачивая на широкий бульвар, по обе стороны которого возвышались внушительные старинные особняки. — Вас что-то беспокоит? Раздумали выдавать себя за декоратора?

— Дизайнера, — со вздохом поправила она. — Нет, все в порядке. В конце концов, у каждого свой вкус, и если я что-нибудь несусветное ляпну, они просто примут меня за тщеславную, претенциозную особу.

— Вот и прекрасно! — жизнерадостно провозгласил Пол. предвкушая будущий возможный позор Слоан. — Собственно говоря, чем больше Рейнолдс недооценит вас, тем скорее потеряет бдительность и попадется в капкан. Старайтесь выглядеть беспомощной, доверчивой дурочкой. Он заглотнет наживку.

— Но почему он должен так легко мне поверить?

— Потому что, судя по вашим же словам, именно такой он считает Кимберли, — тщательно подбирай слова, пояснил Пол, не желая объяснять, что Рейнолдс обычно величал бывшую жену «ничтожеством», «тупой кретинкой с тараканами в голове» и «типичной безмозглой блондинкой».

— Господи, должно быть, я с первого взгляда возненавижу этого человека, — прошипела Слоан и, немного успокоившись, поинтересовалась:

— Какая связь между его мнением о моей матери и отношением ко мне?

— Вы слишком на нее похожи, — усмехнулся Пол.

— Мне так не кажется.

— И напрасно, — безапелляционно отозвался он. — Рейнолдс обязательно заметит сходство и, естественно, предположит, что вы...

Он помедлил, чтобы выбрать наименее оскорбительное из определений Рейнолдса его бывшей жены.

— ..так же доверчивы, как она.

У Слоан сложилось весьма неприятное впечатление, что он уже пришел к какому-то решению и теперь пытается заставить ее действовать по заранее выработанному и отнюдь не приемлемому для нее плану.

— Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы я всячески подтверждала

его не слишком приятное впечатление о моем интеллекте?

— Если сумеете.

— И поскольку вам заранее было известно мое отношение к вашим низким интригам, вы решили молчать до самой последней минуты?

— Совершенно верно, — нагло брякнул он.

Слоан прислонилась головой к спинке сиденья и, закрыв глаза, почувствовала искреннюю жалость к себе. За что ей все это? В чем она провинилась?

— Потрясающе! Просто фантастика!

— Послушайте, Слоан, вам дали задание, и вы должны выполнять его, а не выставляться перед Рейнолдсом. Так ли уж необходимо, чтобы он вами восхищался, или все-таки можно обойтись и без этого?

Слоан больно прикусила губу и съежилась при мысли о предстоящих неделях унижения и позора.

Наконец машина подъехала к роскошной вилле в итальянском стиле, с подъездной аллеей, вымощенной плитняком, и огромными воротами из кованого железа.

— И последнее, — поспешил проговорил Пол. — Знаю, как это трудно, но вы обязаны скрыть свою ненависть от Рейнолдса. Он отнюдь не глуп и должен убедиться, что вы в самом деле хотите примирения. Сумеете притвориться?

— Вероятно. Во всяком случае, практиковалась.

— Интересно, каким образом? — без усмешки осведомился он, сворачивая на аллею.

— Стояла перед зеркалом, думала обо всех гадостях, которые он сделал, и при этом улыбалась, убеждая себя, что все прекрасно.

Пол громко рассмеялся и крепко, дружески стиснул ее руку, прежде чем опустить боковое стекло и положить палец на кнопку на медном яичике, укрепленном на каменном столбике перед входом.

— Ну, — скомандовал он, многозначительно кивая на крохотный стеклянный глазок, — улыбку на тридцать два зуба перед камерой!

С этими словами он нажал кнопку.

— Кто там? — раздался мужской голос.

— Слоан Рейнолдс и Пол Ричардсон. Ворота медленно разъехались в стороны.

Глава 14

Вызывая в воображении эту минуту, Слоан неизменно представляла, как распахивается тяжелая дверь и на пороге возникает отец. Поэтому и постаралась принять приветливый, но не слишком заинтересованный вид. И это ей, можно сказать, удалось, да только все усилия пропали даром, поскольку гостей встретил высокий седовласый дворецкий, выглядевший таким же дружелюбным, но куда более сдержаным, чем Слоан.

— Добрый день, мисс Рейнолдс. Здравствуйте, мистер Ричардсон, — приветствовал он их приятным баритоном с едва заметным скандинавским акцентом. — Вас уже ждут.

Прошу следовать за мной.

Он повел их по широкому, выложеному изразцами коридору с арочными входами по обеим сторонам, ведущими в бесчисленные просторные комнаты, обставленные европейской антикварной мебелью. В дальнем конце коридора неожиданно открылась дверь, и Слоан впервые в жизни увидела своего отца. Он широким шагом устремился навстречу гостям. Помня об инфаркте и о внезапном желании отца как можно скорее примириться с дочерью, Слоан ожидала увидеть перед собой согбенного под грузом вины, осунувшегося старца, но перед ней предстал высокий, стройный загорелый красавец.

— Слоан! — выдохнул он, простирая вперед руки. Слоан механически протянула свою для рукопожатия. Но Картер накрыл ее пальцы ладонями и заглянул в глаза. — Боже, ты так походишь на Кимберли, что, кажется, время повернуло вспять! — Он тепло улыбнулся и добавил с очевидной искренностью:

— Спасибо, что решилась приехать.

Слоан тряслась от нервного напряжения, но голос звучал на удивление спокойно:

— Знакомьтесь, это мой друг Пол Ричардсон.

Мужчины пожали друг другу руки, и Картер, казалось мгновенно позабыв о Поле, вновь взглянул на дочь.

— Сам не знаю почему, — смущенно признался он, — я предположил, что ты приедешь с подругой. Нордстром подготовил две спальни, но если...

— Нет-нет, все в порядке, — поспешила заверить девушка.

Отец мгновенно расплылся в широкой улыбке, и Слоан показалось,

что он доволен скромностью дочери, не пожелавшей делить постель со своим «приятелем» под крышей родительского дома. Она сама не поняла, каким образом он умудрился дать ей это понять, и снова напомнила себе, что его мнение для нее не стоит гроша ломаного.

— Нордстром позаботится о вещах, — сообщил Картер, — а вы идите за мной. Твоя сестра и прабабка ждут на солярии.

Не успели они сделать и двух шагов, как откуда-то возник тощий человечек лет тридцати пяти с редеющими волосами и в очках в металлической оправе, со стопкой бумаг в руках. Очевидно, он не сразу заметил гостей, поскольку был с головой погружен в чтение какого-то документа. Картер остановил его и представил Слоан и Полу.

— Это Гэри Дишлер, мой помощник и правая рука. Если понадобится что-то, немедленно зовите Гэри. У него есть волшебная палочка.

Гэри, очевидно, понял, что с вновь прибывшими не стоит особенно церемониться.

— Пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне в любое время дня и ночи, — раскованно предложил он. — Я здесь что-то вроде мальчика на посылках и мастера на все руки.

Солярий оказался огромной восьмиугольной комнатой в глубине дома, где росли, цветли и распускались деревья и тропические растения, а посредине был устроен крошечный китайский мостик над миниатюрным ручейком. У горшков с экзотическими цветами и под решетками, увитыми лианами и розами, стояли плетеные диванчики, заваленные мягкими подушками. Около мостика, среди плакучих ив и белых орхидей, сидели две женщины, наблюдавшие за приближением гостей. Слоан собралась с мужеством перед первой встречей, такой же странной и ненужной, как и ее приезд в этот дом.

Подойдя ближе к сестре, Слоан поняла, что газетные снимки не могли передать красоту кремовато-розовой кожи Парис, ее карих глаз в пол-лица и темных блестящих волос, рассыпанных по плечам. Девушка казалась живым воплощением безупречного стиля и элегантности. Полотняное платье цвета зеленого нефрита, с узкой юбкой и широкими рукавами на манжетах, отделанное золочеными пуговицами, изумительно ей шло. Прямая и молчаливая, со сложенными на коленях руками, сжимавшими альбом для рисования, она смотрела на сестру, ничем не выдавая бушевавших в ней эмоций.

Раздраженная собственной нервозностью, трусостью и нерешительностью, Слоан стала прикидывать, сколько шагов остается еще пройти, и, считая неуместным глязеть на сестру, сосредоточила все

внимание на старой, неестественно худой женщине, восседавшей рядом с Парис. Пол назвал Эдит Рейнолдс ведьмой. Действительно, в этой сухой, костлявой старухе проглядывало что-то зловещее. В черном платье, с широким жемчужным ожерельем, прикрывающим старческую шею, она, казалось, сошла с фамильного портрета: узкое аристократическое лицо, серебряные брови и волосы, уложенные в строгий узел. Бледно-голубые глаза были единственным цветовым пятном на ее лице, но их пристальный, пронизывающий взгляд вонзился в Слоан двойным лазерным лучом.

В голосе ее тоже не замечалось ни малейшего признака слабости. Картер попытался было представить гостей, но старуха бесцеремонно оборвала его на полуслове.

— Слоан и без того знает, кто мы, — вызывающе бросила она, словно подначивала вступить в спор, но тут же, чуть смягчившись, добавила:

— Я твоя прабабка, а это — твоя сестра Парис. Ты, конечно, Слоан.

Поскольку ее поведение и манеры не отличались вежливостью, Слоан решила отделаться коротким кивком, что, кажется, застало старуху врасплох и немного охладило пыл. Она решила перенести огонь батарей на Ричардсона.

— А это кто? — почти грубо спросила она.

На этот раз обычная вежливость не позволила Слоан промолчать.

— Это мой друг Пол Ричардсон, — бесстрастно выговорила она и посмотрела в сторону отца, на которого, очевидно, нападки старухи не произвели ни малейшего впечатления. — Я с самого начала предупредила, что приеду не одна.

— Да. Но мы, естественно, предположили, что это — дама, — свысока сообщила Эдит Рейнолдс. — Надеюсь, ты не собираешься спать с ним в одной комнате?

У Слоан едва не вырвался истерический смешок. Пожалуй, уместнее всего повернуться и навсегда покинуть этот проклятый дом. Но, вспомнив о навязанной ей роли, она попыталась выказать полное безразличие к провокациям старой ведьмы.

— Нет, мэм, мне это в голову не приходило.

— Не смей называть меня «мэм»! — рявкнула старуха. — Можешь обращаться ко мне «прабабушка».

В этот момент она как две капли воды походила на императрицу, неохотно дарующую незаслуженную милость ничтожной селянке, и Слоан немедленно решила, что в жизни не произнесет этого ненавистного слова. Но Эдит, не обращая внимания на мятежные взгляды правнучки, пронзила взглядом Пола.

— Сколько вам лет?

— Тридцать девять.

— Значит, можете считаться достаточно взрослым, чтобы соблюдать определенные правила приличия, принятые в этом доме, причем независимо от того, находитесь вы в обществе или наедине с самим собой. Надеюсь, я понятно выразилась?

— Кажется. То есть да, — поспешил поправиться он, видя грозно сведенные брови старухи.

— Разрешаю называть меня «миссис Рейнолдс».

— Благодарю вас, миссис Рейнолдс, — учтиво ответил Пол, как две капли воды напоминая пристыженного сорванца-озорника. Куда только девался всемогущий агент ФБР, способный навлечь несчастье на всю семью!

Видя, что дело принимает тревожный оборот, Картер счел нужным вмешаться.

— Парис, — окликнул он старшую дочь. — Я знаю, как ты ждала этой минуты.

Парис, словно актриса, дождавшаяся реплики партнера, грациозным гибким движением прирученной пантеры встала с дивана и растянула губы в улыбке.

— Разумеется, — мелодичным сдержаным голосом проговорила она и протянула руку с идеальным маникюром. — Как поживаете?

Ну словно в дурацкой мелодраме сороковых годов! Ничего не поделаешь, приходится соответствовать!

— Я тоже рада нашему знакомству, — ответила Слоан, пожимая пальцы этой совершенно чужой женщины, считавшейся отчего-то ее сестрой.

Но Эдит Рейнолдс уже устала от светской утонченности. Ей явно было не до этикета.

— Слоан и мистер Ричардсон, конечно, хотят освежиться с дороги и немного отдохнуть перед ужином. Парис покажет вам ваши комнаты. Мы садимся за стол в семь. Постарайтесь не опаздывать. И ни в коем случае не надевайте брюки, девочка.

Слоан, одолеваемая дурными предчувствиями, так боялась долгой изнурительной беседы с отцом и сестрой, что с невероятным облегчением восприняла двухчасовую передышку, отпущенную ей старой ведьмой. Хотя... хотя, зная Эдит, как терзается правнучка, вероятно, настояла бы на том, чтобы немедленно и подробно ее допросить.

— Парис позаботится, чтобы вы устроились как следует, — вмешался

Рейнолдс, ободряюще улыбаясь. — Увидимся за ужином.

Слоан послушно последовала за сестрой. Пол на ходу фамильярно взял ее под руку, как, вероятно, и подобало приятелю. Девушка была настолько ошеломлена, что едва замечала окружающую роскошь. Ей даже в голову не пришло полюбоваться редкостными безделушками и подлинниками старых мастеров.

Наконец они прошли через холл и поднялись по длинной, изящно изгибавшейся лестнице с толстыми медными перилами и решеткой из кованого железа. Слоан подумала, что как ни удивительно, но именно Картер Рейнолдс кажется пока самым человечным из всех обитателей этого дома.

Добравшись до верхней площадки, Парис повернула направо и, не останавливаясь, дошла почти до конца коридора.

— Это ваша спальня, мистер Ричардсон, — сообщила она, открывая дверь в просторную комнату, декорированную в нефритово-зеленых тонах, с массивной итальянской мебелью. Открытые чемоданы Поля лежали на постели. — Если понадобится что-то, нажмите кнопку переговорного устройства на телефоне, — объяснила она, чуть поднимая уголки губ в светски-учтивой улыбке.

Пол предупреждал, что ее считают чересчур холодной и сдержанной, но ошибался: в Парис попросту нет жизни.

Бесчувственная кукла, робот какой-то!

Слоан сама не ожидала, что испытает столь острое разочарование. Парис даже двигалась так, словно делала па из поставленного придворным танцмейстером менуэта. Никакого покачивания бедрами, размахивания руками; плечи расправлены, голова поднята, взгляд устремлен вдаль.

— До ужина, Слоан, — тихо окликнул Пол. Испуганно встрепенувшись и мгновенно вспомнив, что совершенно вышла из роли, Слоан повернулась и сказала первое, что пришло в голову:

— Приятных снов.

— И тебе тоже.

В торце коридора оказалась еще одна дверь. Парис остановилась, распахнула ее и произнесла те же слова, только на этот раз обращаясь к Слоан. Даже интонации и искусственная улыбка были абсолютно одинаковыми. Но на этот раз Парис задержалась на пороге, словно чего-то выжидала — вероятно, комментариев по поводу обстановки. Слоан послушно оглядела стены, обтянутые бледно-розовым с кремовым шелком и элегантную французскую мебель, отделанную золочеными листочками. Ноги утопали в толстом восточном ковре.

— Как мило, — пробормотала она, оборачиваясь к сестре.

Парис плавным жестом тонкой руки показала на огромное, до пола, окно.

— С балкона открывается вид на океан. Зрелище потрясающее, особенно на восходе солнца.

— Спасибо, — неловко буркнула Слоан.

— Нордстром принес ваши чемоданы, — оповестила Парис, величественно кивнув на кровать под балдахином. — Послать кого-нибудь, чтобы помогли вам разложить вещи?

— Нет, благодарю вас.

Слоан со все возраставшим нетерпением дождалась ее ухода. Да что же она торчит на одном месте?

Но Парис продолжала переминаться в дверях, и Слоан запоздало сообразила, что правила приличия требуют завести ни к чему не обязывающую беседу.

— Вы художница? — осведомилась она, не зная, что еще спросить, Парис уставилась на нее с таким видом, будто она заговорила на диалекте африканских бушменов.

— Нет. С чего вы взяли?

— Мне показалось, что это альбом для рисования.

— О, я совсем забыла! Да, но я не художница. Почему она отделяется короткими безразличными репликами?

Слоан раздраженно оглядела стройную брюнетку, картинно застывшую в дверной раме, словно модель «Bora», и сама испугалась крамольной мысли, неожиданно пришедшей в голову. А что, если Парис попросту застенчива? И до слез стесняется новоявленной сестры? Но так или иначе, толковать с ней — все равно что камни ворочать!

Слоан, тяжело вздохнув, сделала вторую попытку:

— Если вы не рисуете, для чего вам альбом? Парис немного замялась, но все же шагнула вперед и протянула Слоан толстую тетрадь с видом королевы, вручавшей скипетр служанке.

— Я моделирую новую линию женской одежды.

Слоан едва не застонала. И Сара, и Кимберли обожали болтать о тряпках, но она... нет, это просто невыносимо!

Однако Слоан послушно приняла альбом, и сестры уселись на кровать.

Даже на неопытный взгляд Слоан, сразу стало ясно, что творения Парис не предназначены для обычновенных, средних женщин. Ничего не скажешь, высокая мода! Платья для коктейлей, официальных приемов, балов и вечеринок, каждое из которых должно стоить не меньше

поддержанного автомобиля в хорошем состоянии и последней модели. Отчаянно пытаясь найти подходящие слова для выражения восторга, Слоан продолжала переворачивать страницы, пока не наткнулась на платье прямого покроя, и сразу вспомнила, как Сара описывала свой любимый наряд из красного полотна.

— О, вот это мне ужасно нравится, — с энтузиазмом выпалила она. — Кокетливое, но не... не вызывающее!

Парис потянулась к альбому, желая узнать, что именно привлекло внимание сестры, но тут же разочарованно поморщилась:

— По-моему, это довольно банально.

Слоан так и не поняла, намеренное ли это оскорбление или Парис искренне недовольна своим созданием, но все же захлопнула альбом и решила расставить все точки над i.

— По правде говоря, судья из меня неважный. Вот мама и моя подруга Сара обожают шмотки, но я обычно слишком занята, чтобы бегать по магазинам, а когда иду за покупками, никак не могу решить, что мне идет, а что нет, поэтому в конце концов выбираю вещи в том же стиле, что уже носила сто лет, и таскаю, пока они не превращаются в лохмотья. Сара утверждает, что она способна отличить мои старые джинсы и рубашки от новых исключительно по цвету.

Парис слушала сестру с явным интересом, но Слоан так и не сумела понять, что привлекло ее внимание, пока та не спросила:

— Она любит одеваться? Ваша мать, разумеется.

«Ваша мать». Наша мама.

Жестокая ирония ситуации с новой силой потрясла Слоан, но всякое сочувствие к Парис, проснувшееся было в ней, смело как ураганом, стоило лишь вспомнить о том, что эта утонченная особа могла позволить себе любую роскошь, а мама вынуждена пахать с утра до вечера в магазине одежды и продавать все, что ей самой нравится, капризным покупателям.

— Да, — сухо бросила она. — Очень.

Слоан поднялась и, обойдя вокруг кровати, взялась за ручку чемодана, делая вид, что решила заняться багажом. Почувствовав ее внезапное отчуждение, Парис тоже встала.

— Встретимся внизу в семь, — так же бесстрастно сообщила она.

Терзаясь непрошеною виной за свою жестокость, Слоан расстегнула молнию на большом чемодане Сары. Парис тем временем успела выйти и тихо прикрыть за собой дверь. Занятая невеселыми мыслями, Слоан открыла чемодан, вынула черное платье для коктейлей и рассеянно поискала глазами шкаф, прежде чем учудила что-то неладное. Она не

просила у Сары никаких чемоданов. У нее свои есть... может, не такие роскошные, но все же...

И в жизни не видела черного платья, вышитого бисером, с шифоновой юбкой.

Девушка метнулась к постели и принялась рыться в чемодане. Откуда-то показался край лазурно-голубой шелковой юбки. У Слоан никогда не было такой, не говоря уже о блузке в тон или алом сарафанчике...

— О, ма, только не это! — простонала она, рухнув на кровать. Дальше и смотреть не стоит: здесь все новенькое, с иголочки, и можно только гадать, как умудрилась мать заплатить за все это.

— За ремешок желтой туфельки был заткнут белый конверт, и девушка потянулась к записке, вооружившись решимостью во что бы то ни стало сдать все в магазин, как только доберется домой. Она ни разу ничего не наденет, так что владельцы просто не смогут отказаться принять обратно эти модные тряпки'.

Но она, оказывается, плохо знала собственную мать.

«Дорогая, ты, конечно, расстроишься, когда все поймешь, но я не пользовалась кредитной карточкой, так что можешь не беспокоиться, что влезу в долги и придется целый год выплачивать проценты, которые все растут, сколько бы взносов ты ни делал. Я просто потратила те деньги, что откладывала на круиз».

Слоан застонала и снова напомнила себе, что вещи следует вернуть.

«Ты хотела, чтобы у меня был волшебный отпуск, но в эту минуту исполняется моя самая заветная мечта, так что теперь можно спокойно умереть! После всех этих лет твой отец позвал тебя, и я хочу, чтобы каждый видел: моя девочка прекрасна не только душой, но и лицом, Это в самом деле моя единственная неосуществленная мечта.

Постарайся хорошо провести время, повеселиться, забыть о бедах и заботах и носи все те прекрасные платья, что я для тебя купила.

Твоя мама.

P.S. На тот случай, если поддашься соблазну надеть всего один-два костюма, предупреждаю, что срезала все этикетки, так что ни один магазин не примет остальное. Желаю счастья!»

Слоан засмеялась сквозь слезы и долго смотрела на расплывающиеся перед глазами строки письма. Бедная мама! Знала бы она, что дочери не до веселья и беззаботной ее никак нельзя назвать. Шпионить за отцом — что может быть противнее! Но тряпки так или иначе носить придется. Мама с типичной для нее щедростью и бескорыстием не оставила ей иного выхода.

Слоан вытерла соленые капли со тек и старательно развесила подарки

матери в шкафу. Однако еще один большой чемодан Сары ждал своей очереди!

Слоан с трудом взвалила его на кровать и открыла. И первое, что увидела, — знаменитое красное платье-рубашку. Под ним обнаружился второй конверт с коротким посланием от подруги.

«Ты всегда печешься о других, но на этот раз мы с мамочкой решили позаботиться о тебе. Так что не расстраивайся, когда увидишь мои платья. И не грусти, обнаружив, что твои собственные остались в Белл-Харборс.

Любящая тебя Сара.

P.S. Мы сфотографировали все ансамбли и положили снимки в твою косметичку так, чтобы тебе не пришлось гадать, что к чему подходит».

Слоан, осатанев от неожиданного сюрприза, злобно уставилась на записку. Невероятно! Чтобы два самых любимых человека осмелились на такое и ни словом, ни взглядом не дали понять, что затевают!

Постепенно ярость уступила место беспомощной улыбке, а потом и смеху.

Опустошив чемоданы, Слоан открыла стеклянные двери и вышла на балкон. Комната находилась в северо-восточном крыле дома и выходила на зеленый плюш газона, постепенно перетекавшего в песчаный пляж приблизительно в трехстах ярдах от особняка. Высокая, аккуратно подстриженная живая изгородь, скрывавшая крепкий железный забор, обозначала границы поместья и спускалась почти к самому берегу. По траве были разбросаны небольшие пальмовые рощицы, ползучие мирты и гигантские гибискусы; слева, рядом с плавательным бассейном и раздевалкой, располагался теннисный корт. В центре газона на коротком флагштоке трепетал флаг, а каждая травинка выглядела так, словно подстригалась маникюрными ножницами.

Немало позабавившись столь экстравагантной картиной, Слоан перегнулась через перила и оглядела дом, гадая, есть ли балкон и у Пола. Может, и он решил проветриться. Она увидела несколько затейливых чугунных решеток, но балконы были утоплены в стену. Совершенно не понятно, хочет ли еще кто-то полюбоваться пейзажем. Обескураженная тем, что даже не может махнуть рукой своему боссу, девушка отвернулась. Кроме пары шезлонгов с мягкими подушками, на балконе оказались также круглый железный столик и пара стульев, но стояла такая удущливая сырость, что Слоан поспешила в комнату.

Жаль, конечно, что она так и не узнала, какое впечатление на Ричардсона произвела ее семья. Слоан уныло побрела к кровати. Этот дом огромен, как отель, и судя по аппарату с дюжиной кнопок неизвестного

назначения, здесь шесть телефонных каналов, а если даже она и сообразит, как позвонить Полу, вряд ли они смогут поговорить свободно из опасения, что кто-нибудь может поднять трубку параллельного аппарата и подслушать их.

Слоан могла, конечно, отправиться к нему сама, но не хотела рисковать встречей с каким-нибудь запуганным до потери сознания слугой, который сочтет своей прямой обязанностью доложить о нарушении правил домашнего устава старой ведьме, требующей называть ее прабабкой.

Неохотно распростившись с идеей встретиться с Полом, Слоан решила отложить беседу по душам до более подходящего времени и, слишком возбужденная, чтобы уснуть, собралась почтать триллер, начатый еще до того, как Пол Ричардсон явился в Белл-Харбор и разрушил ее жизнь. Она сложила покрывало, бросила к изголовью подушки и растянулась на постели, но тут же вспомнила резкое предупреждение Эдит не опаздывать к обеду и поставила будильник на шесть — на случай, если заснет. На телефонном аппарате мерцали огоньки, означавшие, что все шесть каналов заняты. Возможно, в телефон встроена программа управления домашним хозяйством?

Слоан знала, что если состоятельные люди покупали в Белл-Харбore новый особняк или реставрировали старый, то обязательно устанавливали в доме современные многоканальные телефонные системы, снабженные переговорными устройствами и пультами управления буквально всем — от освещения и сигнализации до кондиционеров и обогревателей. Пока владельцы помнили кодовые комбинации, телефоны действовали безотказно, но если бедняга ошибался, результаты могли быть самыми непредсказуемыми, и невероятные легенды о том, чем кончались подобные эксперименты, частенько ходили среди пожарных и полицейских, не говоря уже о жителях городка.

Слоан невольно улыбнулась, вспомнив Карен Олторп, решившую включить джакузи и по нечаянности нажавшую кнопку вызова пожарной команды. Выбив стекло и ворвавшись в дом, отважные ребята обнаружили соблазнительную разведенку с пышными формами в ванной, где та ничего не подозревая, ревилась в обществе садовника. Не постеснявшись собственной наготы, она вскочила, пригрозила подать в суд на пожарных за незаконное вторжение в дом и велела им проваливать. Но неделю спустя, вместе того чтобы снова включить джакузи, она привела в действие сигнал тревоги. Первым на вызов отозвался Джесси Джессап. Прибыв к дому, он обнаружил у бассейна Карен в чем мать родила. Растиравшись на теплых изразцах, он; мечтательно смотрела на звезды. При виде неизвестно от куда

возникшего полицейского дамочка завопила, но ту же успокоилась и пригласила смуглого красавца провести с ней часок-другой.

Подобная же система, установленная в новом доме супругов Пемброук, послужила причиной их развода. Позже доктор Пемброук пытался отсудить у фирмы-изготовителя семь миллионов долларов — ровно ту сумму, что был вынужден выделить бывшей жене в качестве единовременного пособия.

Пожав плечами, девушка вздохнула и открыла роман с многообещающим заглавием «Смерть остановилась здесь...». Потрясающий триллер! Просто мороз по коже дерет! Уже через несколько секунд Слоан забыла обо всем, погрузившись в увлекательное чтение.

К реальности ее вернул оглушительный вопль будильника. Решив сначала докончить главу, она слепо пошарила по тумбочке и нажала на кнопку. Несколько минут спустя она неохотно отложила книгу переплетом вверх и встала.

Глава 15

Незадолго до семи к ней постучался Пол, и Слоан крикнула, чтобы тот заходил.

— Я почти готова, — заверила она, выглядывая из гардеробной.

На нем был серый костюм в тонкую полоску. На белизне сорочки ярким пятном выделялся серый с красным галстук. Слоан окинула Ричардсона восторженным взглядом, но благородно воздержалась от всяких замечаний по поводу его внешности — вряд ли это уместно при подобных обстоятельствах.

— Лучше оставьте дверь открытой, чтобы никто ничего, упаси Боже, не подумал и не доложил ее величеству, — уныло предупредила она и, встав перед огромным, до пола, зеркалом, в очередной раз сверила свой наряд с полароидным снимком. Светло-голубая, с фиолетовым отливом, прямая шелковая юбка с разрезом до колена облегала бедра. К ней полагалась такого же цвета блузка с широким воротником, который, судя по фотографии, должен был ниспадать с плеч. Слоан никогда еще не носила такого огромного декольте и сейчас немного конфузилась, но сколько бы ни пыталась подтянуть вырез наверх, мягкий шелк моментально сползал обратно, так что приходилось привыкать к новому облику.

Убедившись, что все в порядке, она затянула пояс на талии и сунула ноги в серебряные босоножки, которые, по замыслу заговорщиц, должны были дополнять ансамбль. Осталось надеть серебряные серьги, браслет и колье. По мнению Слоан, в выборе бижутерии наблюдался некоторый перебор, но поскольку она была совершенным новичком в мире моды, то и решила довериться мнению опытных экспертов. Должно быть, Сара и мать знали, что делали, когда давали ей инструкции.

Слоан убедилась, что старалась не зря, увидев восхищенное лицо Пола.

— Даже не знаю, что сказать, — пробормотал он. — Фантастика! Вы настоящая принцесса. Кстати, какой это цвет?

— Понятия не имею. А что?

— В точности как ваши глаза.

— Значит, голубой, — решила Слоан, польщено улыбаясь.

У подножия лестницы уже ждала горничная в крахмальном переднике и кружевной наколке, чтобы отвести их в гостиную, где были поданы коктейли и закуски. В комнате, кроме хозяина, оказался еще какой-то

мужчина, стоявший спиной к двери и что-то тихо говоривший Парис. Заслышиав шаги, Картер оглянулся и поставил стакан на журнальный столик.

— Минута в минуту, — одобрительно провозгласил он. — Знакомьтесь, это Ной Мейтленд.

Слоан ощущала неловкость. К чему ставить совершенно постороннего человека в затруднительное положение, а тем более посвящать в суть и без того запутанной семейной драмы?

Но стоило гостю повернуться и взглянуть на нее, как у Слоан голова пошла кругом. Словно у неопытной школьницы при появлении экранного героя!

Высокий, загорелый и темноволосый... а улыбка — как ослепительная вспышка молнии. И глаза... как холодная, безжалостная сталь. Зато звуки низкого баритона звучат в ушах завораживающей музыкой. Он представлял столь невероятное сочетание контрастов и был так неотразимо сексапилен, что Слоан, мгновенно позабыв обо всем, не сразу догадалась пожать его протянутую руку.

— Очевидно, в этой семье просто не бывает некрасивых женщин, — с неподдельным изумлением заметил он, глядя ей прямо в глаза.

— Рада познакомиться, — выдавила Слоан. — Ах да... спасибо за комплимент.

Она поспешно выдернула пальцы из его теплой ладони и опустила голову. Вот он, Сарин мистер Совершенство во плоти!

Картер пригласил всех за стол и по пути в столовую тихо сообщил младшей дочери:

— Парис и Ной практически помолвлены.

— Какая прекрасная пара! — простодушно выпалила Слоан, немного жалея об упущеных возможностях подруги, но вскоре ей стало не до пустых размышлений: навалились проблемы куда более серьезные. К сожалению, именно она и Пол стали основной темой довольно откровенного обсуждения, и это ей не слишком нравилось.

— Сегодня у нас весьма знаменательный день, — объявил отец, оглядывая сидящих за столом. — Слоан, мы все просим вас рассказать о себе.

— Не знаю даже, что тут можно сказать, — пожала плечами Слоан, стараясь не замечать пристального взгляда Ноя. — Что именно вам интересно?

— Начни со своей профессии, — подсказал Картер. — Чем ты занимаешься?

— Я дизайнер интерьеров.

— Да, творческие натуры — тоже, кажется, наследственная черта женщин вашего семейства, — заметил Ной.

— Ну уж обо мне этого не скажешь, — бесцеремонно фыркнула Эдит, сидевшая во главе стола. — Ты закончила колледж?

— Да.

— И что же изучала?

Сейчас, кажется, самая пора выполнить просьбу Пола и притвориться легкомысленной, не слишком умной особой.

— Множество предметов! — кокетливо усмехнулась Слоан, стараясь, однако, не слишком отклоняться от правды — так меньше шансов, что ее сумеют поймать на досадных неувязках. — Никак не могла определиться, вот и меняла специализацию несколько раз.

Она многозначительно умолкли и поднесла ко рту ложку с супом. Но пррабака, похоже, ничуть не проголодалась.

— И с какими оценками закончила?

— С неплохими.

— И ты хороший декоратор?

Слоан с мелочным злорадством поспешила поправить старуху:

— Дизайнер. Декоратор — это совсем иное. Но тут Пол Ричардсон счел нужным вмешаться.

— По-моему, лучший в своей области, — вставил он, нежно улыбаясь Слоан. Но Эдит, по-видимому, было не так легко убедить.

— Я слышала, что все декораторы — голубые! Или в крайнем случае розовые, — провозгласила она. — В наше время молодые женщины вроде тебя и Парис могли бы выбрать куда более продуктивные занятия, вместо того чтобы впустую растрачивать жизнь.

Слоан украдкой взглянула на Парис, пытаясь понять, как реагирует ее неразговорчивая сестра на грубую реплику пррабаки, но если та и была оскорблена, то ничем этого не выразила. В своем красном платье-саронге с высоким воротником-стойкой и высоко подобранными темными волосами она походила на прекрасный экзотический цветок из неведомой страны.

— А что бы выбрали вы? — осведомилась Слоан у седовласой женщины.

— Бухгалтерию и налоговое законодательство, — не задумываясь, бросила она. — Уж поверьте, я сделала бы блестящую карьеру.

— К сожалению, у Слоан нет способностей к математике, — вздохнул Пол, ободряюще гладя руку девушки.

— Как насчет спорта? — вмешался Картер. — Играешь в гольф?

— Нет.

— Теннис?

Слоан играла в теннис, но куда ей до сестры и отца!

— Немного. Не слишком хорошо.

— А вы. Пол?

— Так себе.

— Встретимся завтра на корте в девять. Даю слово, мы с Парис в два счета доведем ваш стиль до совершенства! А пока вы здесь, можно брать и уроки гольфа. Тут Парис просто нет равных! Дорогая, не отвезешь Слоан в гольф-клуб завтра днем?

Присмотрись за ней, покажешь, что и как?

— Конечно, — не задумываясь, ответила Парис, послав сестре вежливую улыбку.

— Мне не слишком нравится гольф, — начала было Слоан.

— Это потому, что ты никогда не пробовала им заняться всерьез, — немедленно возразил отец. — А хобби? Что ты делаешь в свободное время?

Этот допрос понемногу стал раздражать Слоан.

— Я... э-э-э... читаю.

— Что же именно? — с некоторым разочарованием поинтересовался он.

— Журналы, — с удовольствием сообщила она, чтобы усилить неблагоприятное впечатление. — Обожаю «Дом и сад». А вы, Парис?

Сестра испуганно встрепенулась.

— Что? Да, я тоже.

Лжет. Явно лжет. Но почему? Странно все это... А впрочем, не все ли равно?

— А как насчет других интересов? Нет, это просто невыносимо! Слишком долго продолжается допрос. Кроме того, она в самом деле проголодалась.

Слоан отломила кусочек булки.

— Вы о чем?

— Скажем, о текущих событиях.

Опустив веки, чтобы скрыть пляшущие в глазах бесовские огоньки, Слоан старательно намазывала маслом булочку.

— О, текущие события — моя страсть. Я каждый день смотрю по кабельному развлекательный канал, только чтобы узнать, у кого с кем связь... или роман.

Она с беспомощным смущением похлопала ресницами и успела поймать выражение пренебрежительного, чуть брезгливого сожаления,

промелькнувшего на лице Ноя Мейтленда. Кажется, он раз и навсегда поставил на ней крест как на безнадежной идиотке. Почему же так защемило сердце: ведь своего она добилась!

Очевидно, отец решил, что достаточно натерпелся позора, и, скалившись над гостью, спросил:

— Каковы, по-вашему, перспективы рынка'. Говоря о рынке, Сара обычно имела в виду показы новой продукции в дизайнерских центрах Далласа и Нью-Йорка, проходившие два раза в год.

— На далласском рынке псе были без ума от розовых и золотистых тонов, — с деланным восторгом объявила Слоан, прекрасно понимая, что Картер имел и виду рынок ценных бумаг. — А в Нью-Йорке я видела просто божественные обои «под джунгли». Словно переносишься в девственный лес!

— Вам с Парис будет о чем поговорить попозже. — поспешил перебил Рейнолдс.

Слоан со смешанными чувствами радости, облегчения и некоторого унижения приняла его невысказанный упрек и поспешила закрыть рот. Правда, она немного тревожилась, что переборщила и зашла слишком далеко, но, заметив, как Пол ухмыляется, поняла, что все идет как надо. Поэтому она с чистой совестью принялась за еду и не проронила ни слова в продолжение всего ужина из восьми перемен, внимательно прислушиваясь к оживленной дискуссии между отцом и Мейтлендом по проблемам мировой экономики.

Мнения мужчин во многом расходились, но оба были настолько хорошо информированы, что Слоан могла лишь благоговейно внимать каждому слову.

Кроме отчислений в пенсионный фонд полицейского департамента, она старалась откладывать все свободные деньги на собственный пенсионный счет и настаивала, чтобы мать следовала ее примеру. К тому времени как убрали десерт, Слоан была настолько потрясена несокрушимой логикой Мейтленда, что решила отныне вкладывать деньги исключительно в соответствии с его рекомендациями.

Едва последняя тарелка исчезла со стола, Эдит Рейнолдс с трудом встала и потянулась за тростью.

— Мне пора отдохнуть, — объявила она. Пол и Ной бросились помогать ей, но старуха небрежно отмахнулась:

— Не стоит обращаться со мной как с инвалидом. Я куда здоровее вас обоих!

Но несмотря на браваду старухи, Слоан заметила, как затруднены ее

движения, как тяжело опирается она на трость, и поняла, что прабабка держится на ногах сверхчеловеческим усилием воли.

В дверях она остановилась и оглянулась на сидевших за гигантским столом в стиле барокко, под великолепной люстрой. Слоан ожидала, что седовласый патриарх пожелает всем спокойной ночи, и приготовилась вежливо ответить.

— Не забудьте выключить свет! — рявкнула та, и Слоан поспешно стиснула губы, чтобы, не дай Бог, не засмеяться. После ухода Эдит компания немедленно распалась.

— Прошу извинить, молодые люди, — развел руками Картер, — у меня еще немало дел.

— А я, пожалуй, прогуляюсь, — решил Пол, отодвигая тяжелый стул Слоан. — Дорогая, ты, надеюсь, со мной?

— С удовольствием, — откликнулась она, умирая от желания поскорее выбраться из этой комнаты. Пол, естественно, не мог не пригласить другую пару, и Слоан облегченно вздохнула, когда они дружно отказались.

Слоан едва дождалась, пока они останутся одни и отойдут подальше от дома.

— Просто поверить не могу, что эти люди — мои родственники! — расхохоталась она.

— Да и я тоже, — фыркнул Пол.

— Моя прабабка, должно быть, прямой потомок Чингисхана, — решила Слоан.

— Неплохо бы для видимости взять вас под руку или обнять за плечи. Не возражаете?

— Нет, предоставляю вам полную свободу действий, — рассеянно пробормотала Слоан, занятая собственными невеселыми мыслями. — А моя сестрица! Это что-то! Манекен ходячий! Неудивительно, что люди считают ее высокомерной ледышкой!

— И вы того же мнения?

— Пока не знаю.

— А что думаете про своего отца?

— Пока еще одни эмоции, причем не слишком определенные. Но теперь я понимаю, что нашла в нем мама. В то время ей было только восемнадцать, а в нем просто море обаяния. Прекрасно воспитан, красив — какая женщина устоит, тем более наивная девчушка из захолустья!

— А Мейтленд? Что он, по-вашему, собой представляет? Слоан удивилась. При чем здесь Мейтленд? Он даже не член семьи и никакого интереса для них не представляет.

— Весьма привлекателен, — нерешительно призналась она.

— И вы ему понравились. Поначалу просто глаз не сводил.

— То есть пока я не раскрыла рот и не выставила себя полной кретинкой, — расстроенно пробормотала Слоан.

Пол выпустил ее руку, порывисто обнял и чуть прижал к себе.

— Вы были просто изумительны!

Ошеломленная нежданной искренностью его тона, Слоан уставилась на четко обрисованный лунным светом профиль агента.

— Спасибо, — выдохнула она, впервые почувствовав себя его равным партнером.

— Надеюсь, вы не оставили свою бляху или оружие на видном месте?

— Нет, запрятала в комнате подальше от посторонних глаз.

— Ну что же, пора возвращаться. Я знаю, вам не терпится поскорее добраться до книги.

Слоан повернула к дому и, пользуясь хорошим настроением Пола, решила вызвать его на откровенность.

— Хотела бы я знать, что именно вы разыскиваете здесь, — начала она.

— Будь у меня готовый ответ, немедленно попросил бы у судьи ордер на обыск и в этом случае вы мне не понадобились бы. — И, немного смягчившись, добавил:

— Не важно, что случится дальше, зато я точно знаю, что не потрачу время зря. Сегодня, пока ваш отец с Мейтлендом спорили, я услышал кое-что крайне интересное.

— А именно?

Лицо девушки в эту минуту стало таким по-детски сосредоточенным, что агент рассмеялся:

— Знаете, мне, видимо, пора серьезно призадуматься. Кажется, до сих пор я весьма нерасчетливо вкладывал свои денежки. Придется избрать иную стратегию. Не правда ли, странно, что их мнения настолько рознятся? Ваш отец владеет банком с филиалами по всему миру, а Мейтленд занимается капиталовложениями, и весьма успешно. У обоих общие интересы и широкий кругозор. Я считал, что они, скорее, друзья и союзники.

— Согласна. Заметьте, они делают почти одинаковые прогнозы, однако расходятся во мнениях относительно исхода и результатов. Кроме того, я поняла, что у них много средств находится в обороте оффшорных зон.

— Верно, — криво улыбнулся Пол.

Он проводил ее до двери спальни, но вместо того, чтобы рас прощаться, последовал за ней в комнату и захлопнул дверь.

— Что это вы делаете? — удивилась Слоан, направляясь в гардеробную и снимая на ходу серьги.

— Собираюсь поцеловать вас на ночь, — пошутил Пол. После его ухода Слоан решила написать письмо Саре, пока все события вечера еще были свежи в памяти. Включив телевизор, встроенный в антикварный шкафчик напротив кровати, она отыскала канал Си-эн-эн и уселась за стол.

Глава 16

Любимым временем суток был для Слоан первый пос-лера светный час, когда можно вволю побегать по берегу, но на этот раз она проснулась около семи. Торопясь поскорее начать день, она вскочила с постели, связала волосы в конский хвост, надела шорты и футболку и вышла в коридор. Неестественно тихий дом казался покинутым и опустевшим. Только во дворе двое мужчин подстригали живую изгородь. Слоан помахала им на бегу и, вдохнув соленый воздух, почувствовала, как становится легче на душе. Ленивые волны лизали песок у ее ног, чайки спозаранку охотились за рыбой. Их назойливые крики звучали для нее слаже любой музыки.

Небо над головой было кристально ясным, пушистые белые облачка, гонимые ветром, мчались куда-то. Слева до самого горизонта расстилалась океанская гладь — величественная, прекрасная, неукротимая. Справа тянулись особняки, некоторые даже богаче и роскошнее, чем отцовский дом, и везде наблюдалось некоторое оживление. Слуги подметали внутренние дворики, чистили бассейны, садовники склонялись над цветочными клумбами, повсюду били струйки воды из дождевальных установок; брызги сверкали зелеными изумрудами на влажной траве газонов.

Не отрывая глаз от океана, Слоан пробежала мили три и повернула обратно. Она не сбавляла темпа, пока не показался знакомый флагшток, и лишь тогда затрусила помедленнее. Здесь жители, очевидно, просыпались позднее обитателей Белл-Харбора: она встретила всего несколько почитателей утренних прогулок, и то на обратном пути. Кроме того, все они были куда менее дружелюбны, чем в ее родном городе, и вместо приветствия старательно отводили глаза.

Все еще размышляя о том, какими невоспитанными могут оказаться с виду приличные люди, Слоан неожиданно увидела, как пожилой садовник в рубашке с длинными рукавами, подправлявший цветочный бордюр у края газона, внезапно встал, схватился за грудь и согнулся от боли. Слоан метнулась к нему, обшаривая глазами двор в поисках помощи, но, похоже, кроме него, здесь никого не было.

— Не волнуйтесь, — сказала она мягко, — я сделаю все, что смогу. Облокотитесь на меня.

Она обняла его за талию, гадая, сумеют ли они добраться до железной скамьи, окружавшей ствол ближайшего дерева.

— Что с вами?

— Рука, — прохрипел он, побледнев как полотно.

— Сердце?

— Нет... перенес операцию... на плече...

Слава Богу, хоть не инфаркт!

Облегченно вздохнув, Слоан подвела его к дереву и устроила на скамье.

— Дышите глубоко и выдыхайте как можно медленнее, — наставляла она. — У вас есть что-нибудь обезболивающее?

Мужчина последовал ее совету и чуть порозовел.

— Сейчас... станет легче...

— Не спешите. Я никуда не уйду. У нас впереди уйма времени.

Минуты тянулись мучительно медленно. Наконец садовник поднял голову и взглянул на нее. Кажется, ему и вправду лучше. Он немного моложе, чем ей показалось сначала: лет шестидесяти пяти и, видимо, напуган, но держится молодцом.

— Я встал и нечаянно оперся о левую руку, — пояснил он, — и плечо так прострелило, что казалось, меня вот-вот разорвет на части!

— Давно вас оперировали?

— На прошлой неделе.

— На прошлой неделе? В таком случае вы должны носить руку на перевязи или в лангетке!

— Верно, только это жутко неудобно. Становишься беспомощным, как младенец.

— Разве некому подменить вас, пока плечо не заживет?

Старик уставился на нее с таким неподдельным изумлением, словно до этой минуты такая мысль в голову у не приходила.

— А как по-вашему, чем бы я смог заняться?

— Похоже, это поместье — одно из самых больших в Палм-Бич, так что обязательно должна найтись работа полегче. Неплохо бы поговорить с владельцем. Объяснить, что тяжелый труд пока не для вас. Не зверь же он в конце концов!

— Он уже все знает. Советовал мне подождать до полного выздоровления.

— И не дал вам работу полегче? — выпалила Слоан, поражаясь бесчеловечности богачей и их холодному безразличию к судьбам менее удачливых собратьев.

Старик ободряюще похлопал девушку по руке, очевидно, разделяя ее праведное негодование, — Сейчас все пройдет, девочка. Лучше посидите

со мной. Беседа с таким милым, хорошеньким созданием, как вы, подействует лучше любого обезболивающего.

— А вам не попадет за то, что мы расселись тут и разводим антимонии?

Садовник, немного поразмыслив, улыбнулся:

— Вряд ли, но в случае чего отобьемся, так что не волнуйтесь.

И тут Слоан наконец осенило. Слишком холеные у него руки, литературный язык и безупречный выговор, да и обращение чересчур свободное. Залившись краской стыда, она попыталась встать.

— Вы не садовник. Простите меня за глупость и дерзость. Не хотела вас обидеть.

Но мужчина сжал ее пальцы, словно умоляя остаться.

— Вам нечего смущаться. Не убегайте, прошу. Я тронут до слез вашим состраданием и благодарен за помощь. Не многие молодые люди потратили бы время и силы на какого-то старика садовника, которому приспичило болеть.

— Никакой вы не старый садовник, — весело запротестовала Слоан.

— Я новый садовник. То есть новичок. Мне просто позарез нужно было завести себе хоть какое-то хобби, пока плечо не заживет. Пришлось лечь на операцию — старая травма давала о себе знать и крайне пагубно отражалась на моей игре в гольф. Представляете, — трагически прошептал он, — в коротких геймах я постыдно мазал, то есть буквально каждый драйв кончался промахом!

— Какой кошмар! — посочувствовала Слоан, стараясь не рассмеяться.

— Именно! А этот дом принадлежит моему сыну, который настолько бессердечен, что не только играл вчера без меня, но и имел наглость загнать мяч в первые двенадцать лунок семьюдесятью двумя ударами!

— Да он просто чудовище! — съязвила Слоан. — Таких следует убивать на месте.

— Мне нравятся женщины с чувством юмора, — усмехнулся старик, — особенно если они к тому же умны и красивы. И способны меня заинтриговать. Кто же вы, прекрасная незнакомка?

Особняк Картера находился всего в нескольких домах от этого, и хозяева почти наверняка знакомы. Слоан не хотелось объяснять каждому встречному свои отношения с отцом, но отсюда прекрасно видно, куда она направляется.

— Меня зовут Слоан, — уклончиво пробормотала она.

— Это ваше имя?

— Да. А вас как зовут? — быстро вставила она, прежде чем он

спросит, как ее фамилия.

— Дуглас, и я вас здесь раньше не видел.

— Я живу в Белл-Харборс и на несколько дней приехала погостить к знакомым.

— Неужели? К кому же? Я здесь почти всех знаю. Выхода нет. Нужно постараться спустить все на тормозах.

— Я остановилась у Рейнолдсов.

— Ну и ну! Это мои соседи и давние знакомые. Вы, должно быть, подруга Парне?

Слоан кивнула и посмотрела на часы.

— Мне пора.

У Дугласа мгновенно вытянулось лицо. Он выглядел таким несчастным, что Слоан стало совестно.

— Неужели не можете уделить несколько минут калеке? Поверьте, вы скрасите одиночество бедного старика! Доктор не позволяет водить машину, а сын либо на работе, либо неизвестно где пропадает. Смею заверить, я очень смиренный и абсолютно безобиден.

Кажется, он сумел нашупать самое слабое ее место: Слоан никогда не могла устоять перед просьбами пожилых людей, пусть даже и миллионеров. На этом ее вечно и ловили. Правда, только сейчас она поняла, что тоже одинока и, похоже, несчастна.

— Пожалуй, у меня еще есть немного времени до начала партии в теннис. О чём бы вы хотели поболтать?

— Об общих знакомых, — немедленно предложил он с нескрываемым восторгом. — Обожаю сплетничать! Не оставить камня на камне от чьей-то репутации — что может быть забавнее?!

Слоан от неожиданности поперхнулась, но тут же смешливо фыркнула.

— Не получится. Я здесь никого, кроме Рейнолдсов, не знаю.

— Да что о них говорить, — махнул рукой Дуглас. — Невыносимо скучные зануды. Правильные, как школьная теорема!

— Я тоже зануда. — заверила она, но старик не обратил внимания на ее слова.

— Вы не носите обручального кольца, значит, не замужем, следовательно, должны чем-то занять время. Работаете?

— Я дизайнер, — сообщила Слоан и поспешило добавила:

— Но это довольно скучный предмет. Лучше потолкуем о том, что интересует вас.

— Меня весьма интересуют молодые женщины, которые по каким-то

причинам отделываются уклончивыми ответами на самые простые вопросы, — с удивившей Слоан проницательностью ответил он. Девушка встревоженно подняла голову. Их раскованная, беспечная перепалка вовсе не предполагала подобных откровений. — Однако, — заверил он, — я не собираюсь совать нос в чужие дела. Что же, попробуем найти взаимно интересующий нас предмет. Полагаю, вряд ли вы разбираетесь в механизмах слияния корпораций, экономике, политике и тому подобных вещах.

— Ошибаетесь, — запротестовала Слоан. — Только вчера за ужином я слышала весьма необычные рассуждения по поводу перспектив мирового рынка.

Старик с уважением взорвался на пес.

— Ну и ну Прелестная женщина с добрым сердцем, чувством юмора и острым умом! Неудивительно, что вы не замужем! Готов побиться об заклад, молодые люди вашего возраста шарахаются от вас как от чумы!

Он одарил ее обаятельной улыбкой, невольно заставившей Слоан усомниться, так ли он безобиден, как утверждает.

— Давайте поговорим о российских финансовых кризисах! — провозгласил он, в запале хлопнув себя по колену. — Обожаю слушать собственные рассуждения! Никогда не перестаю поражаться своей мудрости и провидческому дару...

Слоан только головой покачала, но тут же забыла обо всем, увлеченная страстной, отточенной речью.

Дуглас Мейтленд долго глядел вслед удалявшейся девушке, пока та не исчезла из виду, и только потом вошел в дом и сразу направился на кухню.

— Доброе утро, — приветствовал он детей, наливая кофе в кружку толстого фаянса. — Жаль, что не успели полюбоваться восходом, сони несчастные.

Сын сидел за кухонным столом, погруженный в чтение «Уолл-стрит джорнала». Дочь вынимала булочку из тостера. Оба удивленно встрепенулись при звуках необычайно жизнерадостного голоса родителя.

— Вижу, у тебя отличное настроение, — буркнул Ной.

— Я отлично провел утро.

— Интересно, где и с кем? — пренебрежительно фыркнула Кортни. — Во-первых, ты за ворота не выходил. Во-вторых, где здесь развлечься? Палм-Бич — настоящая дыра! И ты еще воображаешь, будто я соглашусь жить здесь постоянно, вместо того чтобы оставаться в Калифорнии и устроиться в закрытую школу?

— Должно быть, я в самом деле мазохист, — весело сообщил

Дуглас, — поскольку находиться в одном доме с тобой хуже средневековой пытки. Однако если хочешь знать, я на редкость замечательно провел время в обществе необыкновенной молодой женщины, случайно заметившей, что мне плохо, и предложившей помочь.

— Молодая? И сколько же ей, спрашивается, лет? — с подозрением осведомилась Кортни.

— По-моему, около тридцати.

— Начинается! Мы все это проходили! Ты уже дважды знакомился с необыкновенными молодыми женщинами лет под тридцать, и обе умудрились окрутить тебя! Потрясающе! Ной, наш папочка опять ходит в женихах!

— Не язви, Кортни, тебе это не идет. К тому же одна из этих женщин — твоя мать.

— А вторая тебе в правнучки годилась, — прошипела та. Но Дуглас, благоразумно проигнорировав укол, обратился к сыну:

— Представляешь, приняла меня за садовника: вполне понятная ошибка. Разумеется, учитывая, что я рылся в земле, как крот. Никогда не угадаешь, кто она и...

— Может, мне попытаться? — вставила Кортни, — Пока ты развлекал ее, она, должно быть, восседала на травке и жевала творог, запивая сывороткой?

Но мужчины, похоже, ее не слышали.

— И кто она? — осведомился Ной.

— Если ты ужинал с Картером накануне вечером, значит, успел с ней познакомиться. Я бы сам спросил, но не слишком рвался признаться, что у меня такой взрослый сын. Моему тщеславию и без того был нанесен сокрушительный удар! Меня — меня! — приняли за садовника! Позор! Кстати, ее зовут Слоан.

— Да ты шутишь! — сухо усмехнулся Ной. — О чем, спрашивается, с ней можно говорить?

— Да обо всем! Мы обсуждали политику, экономику...

— Понятно! Пока ты разливался соловьем, она молча внимала, —sarcastically заметил сын. — Да она двух слов связать не может! У нее две извилины, да и те прямые!

— Ничего подобного! Она вполне точно передала все, что слышала вчера вечером. Я сразу понял, чьими идеями она так восхищается.

— Поразительно, что она способна запомнить и повторить все мои высказывания, но, поверь, абсолютно ничего в них не понимает.

— Словом, настоящий попугай! Ну уж нет! Я редко ошибаюсь в людях

и могу поручиться: она не только красива, но и далеко не глупа. И к тому же остроумна.

— Ты уверен, что мы оба имеем в виду дочь Картера Рейнолдса?

Настала очередь Дугласа осечься, — Ч-что? Его... как это?

— У Картера две дочери. Парис старше Слоан на год.

— Я знаю Картера сто лет, и он никогда не упоминал ни о какой дочери.

— Вчера он рассказал, что при разводе Слоан осталась с матерью. После болезни Картер решил воссоединить семью и пригласил Слоан погостить. До вчерашнего дня обе ветви семьи не общались.

— Почему?

Ной отодвинул газету и встал.

— Понятия не имею. Картер со мной не поделился. А я не собирался спрашивать.

— Так и знал: она что-то скрывает! — торжествующе объявил Дуглас. — Я ввел ее в заблуждение, притворившись садовником, а она провела меня, сохранив инкогнито. Должно быть, поняла, что я сразу раскушу, кто она. Долг платежом красен. Великолепная женщина! Говорю же, ты ее недооцениваешь.

— Может быть, — обронил Ной не слишком убежденно, но с явным любопытством.

Кортни намазала булочку сливочным сыром и направилась к столу.

— Я уже вижу, чем все это обернется! — предсказала она. — Мой братец женится на Парис, папаша — на ее сестре, а мне придется выступить на ток-шоу «Салли Джесси Рафаэль» и поведать о семейках, в которых процветают наклонности к инцесту. Весьма занимательная тема!

— Я уже сказал, что не женюсь на Парис, — буркнул Ной.

— Но не можешь же ты жениться на Слоан, если наш папочка уже ее застолбил! И потом жениться не сможешь, потому что все это старая песня и уже обсуждалось на шоу Салли, а значит, меня туда не пригласят. Как там называлась эта программа? «Моя невестка — моя бывшая мачеха» или что-то в этом роде.

— Да заткнись же!

Дождавшись ухода Ноя, Кортни гневно прошипела отцу, развернувшему газету:

— Почему ты позволяешь ему так со мной разговаривать?

Дуглас, не поддавшись на провокацию, углубился в передовицу.

— Он мне не отец, а брат. Почему ты не заступишься?

— Потому что я слишком стар, чтобы высечь тебя, а он это делать

отказывается.

— Возможно, ему только этого и нужно! Его хлебом не корми — дай над кем-нибудь поиздеваться!

— Почему ты так считаешь? — мягко осведомился Дуглас.

— Сам знаешь почему, — взвизгнула девочка, — но лижешь ему зад, потому что потерял почти все свои деньги, а он умеет их делать, причем в таком количестве, что мы можем жить как прежде. А когда его поймают? Снова притворишься, будто ничего не ведал, и станешь навещать его в тюрьме?

Глава 17

Вскоре все четверо собирались на теннисном корте. Слоан восхищенно взирала на отца и сестру. Просто картинка из журнала мод! Высокие, стройные, белоснежные костюмы изумительно оттеняют загар! Отец и дочь обладали врожденной грацией и силой чистокровных породистых животных, и Слоан впервые подумала, как, должно быть, хорошо быть богатым. Но к концу игры несколько изменила мнение. Отец играл так, словно сражался со злайшим врагом, превращая корт в поле битвы и не выказывая ни малейшего снисхождения, хотя и без того было ясно, что Пол и Слоан в подметки ему не годятся. Мало того, он не уставал попрекать старшую дочь и критиковал ее за малейшие промахи.

Слоан готова была прыгать от радости, когда кончился последний гейм. Но вместо этого покорно стояла рядом с Полом, пытаясь сделать вид, что не слышит, как отец отчитывает Парис за неудачную подачу.

— Отираешься все утро у сетки! Пол по чистой случайности пропустил твою «свечку»! Только слабаки полагаются на удачу! Победители надеются на собственное умение!

Ну хоть это я сумел тебе вдолбить?

— Да, папа, — как всегда сдержанно ответила Парис, но Слоан живо представила себе всю меру ее унижения и немедленно задалась вопросом: неужели он так ведет себя и при посторонних, во время престижных турниров?

— Невероятно! — прошептала она Полу. — Почему она не даст ему отпор? Вместо того чтобы слушать эту чушь, объяснила бы лучше, что старается изо всех сил.

— Она не старается! Играет так, чтобы не вызывать еще больших нареканий, но не в полную мощь, дабы мы не считали себя законченными олухами.

Сердце Слоан упало. У нее сложилось такое же впечатление. Значит, все верно, и Пол того же мнения. И теперь становится все труднее сдерживать ту невольную симпатию, которая помимо желания рождалась в ее душе. Первые ростки теплого чувства к сестре.

Едва партия была доиграна, как Картер разительно изменился, снова став обаятельный гостеприимный хозяином.

— У тебя большие способности, Слоан, — заметил он с одобрительной улыбкой. — Хороший тренер, немного упорства — и ты

станешь грозным противником. Я сам поработаю с тобой, пока ты здесь. И готов дать тебе урок прямо сейчас.

Слоан в ужасе огляделась.

— Вы очень любезны, но я вынуждена отказаться.

— Почему?

— Потому что я не слишком увлечена теннисом.

— Ладно, так и быть. Ты в прекрасной форме. Бегаешь по утрам. Что еще?

— Почти ничего.

— А как насчет курсов самообороны? Надеюсь, ты освоила основы таэквондо или джиу-джитсу?

— Что-то вроде того, — уклончиво пробормотала Слоан.

— Превосходно. Я много лет изучал восточные единоборства. Пойдем, покажешь, что успела узнать.

Слоан смерила отца испуганным взглядом. Он не просто спортсмен, но и всюду стремится быть первым и не оставит ее в покое, пока не попытается сломить. Теперь ей известно, что Картер Рейнолдс ненавидит проигрывать, и поскольку она здесь, чтобы вывести отца на чистую воду, будет неразумно унизить его на людях.

— Знаете... по-моему, это не столь уж блестящая идея.

— Не волнуйся, постараюсь быть осторожнее, — настаивал Картер, не обращая внимания на ее протесты. Он положил ракетку на траву и отошел на несколько шагов. — Ну же, не стесняйся.

Слоан беспомощно оглянулась на Пола и только сейчас заметила идущего через газон Ноя Мейтленда с большим канцелярским конвертом в руках. Картер тоже увидел его и помахал рукой.

— Не ожидал увидеть вас сегодня, Ной.

— Я привез документы на подпись вам и Эдит, — объяснил он.

— Минутку, Ной. Слоан недавно закончила курсы самообороны и хочет показать мне свое искусство.

— Ради Бога, не спешите, я подожду, — отозвался Мейтленд.

Слоан неохотно последовала примеру отца и тоже оставила ракетку на траве. Парис выглядела смущенной, но не проронила ни слова. Полу тоже было явно не по себе, но Слоан так и не смогла определить, за кого он боится — за нее или Картера. Что, если она покалечит приветливого хозяина?

Ной Мейтленд сложил руки на груди и скептически покачал головой, чем еще больше обозлил Слоан.

— Не хочу вас задерживать, — обратилась она к Ною, надеясь

избежать прямого столкновения. — Уверена, что эти бумаги куда важнее, чем наши развлечения.

— Только не для меня, — отрицательно покачал он головой. — Не стесняйтесь, действуйте.

Слоан столь пренебрежительное отношение к партнеру показалось несколько странным, но что ей оставалось? Она подошла к отцу, снова и снова напоминая себе, что независимо от того, как он себя вел и ведет, следует обращаться с ним помягче.

— Готова? — спросил Картер с быстрым небрежным поклоном.

Слоан кивнула и вернула приветствие. Картер бросился на нее так внезапно, что Слоан не успела среагировать и, к своему стыду, пропустила удар и оказалась на земле.

— Зеваешь, — заметил отец тем же самым снисходительно-наставительным тоном, которым только что пробирал Парис, и, вместо того чтобы дать ей прийти в себя, снова сбил с ног и, покачав головой, проговорил:

— Слоан, ты никак не сосредоточишься!

Это оказалось последней каплей: Слоан твердо решила, что, пожалуй, будет совсем неплохо раз и навсегда избавить отца от излишнего щеславия. Картер, похоже, вообразил, что сделает ее в третий раз, но когда рванулся вперед, Слоан взметнулась в воздух и в безупречном развороте уложила его на траву.

— Похоже, на этот раз мне удалось сосредоточиться, — мило улыбнулась она.

Картер настороженно прищурился, встал и пошел по кругу, пытаясь выиграть время для новой атаки. Слоан мысленно отметила, что он грозный противник, но слишком самоуверен, и это может его погубить. Бросок... она едва успела поставить блок и ответить ударом в солнечное сплетение. Картер переломился в поясе и судорожно пытался втянуть в себя воздух.

— Следую вашему совету быть начеку, — обронила Слоан.

Она привыкла иметь дело с разъяренными хищниками и, когда одержала вторую победу, поняла, что перед ней дикий зверь. Он все еще не пришел в себя; лицо побагровело от гнева и смущения, а движения потеряли отточенность и грацию. Немного помедлив, Картер развернулся и попытался достать ее ногой, но промахнулся. Стоило ему выпрямиться, как Слоан снова уложила его на землю, но тут же сообразила, что заходит слишком далеко и пора прекращать представление, прежде чем она действительно изувечит его.

— С меня довольно. — Упершись кулаками в бедра, Слоан отступила и деланно засмеялась, пытаясь снять возникшее напряжение. — Слишком жесткая игра.

— Но мы не закончили, — запротестовал Картер, стряхивая с брюк прилипшие травинки.

— Закончили. Я на ногах не держусь. К неподдельному изумлению Слоан, именно Ной Мейтленд пришел ей на помощь:

— Картер, по-моему, просто невежливо терзать гостей на второй день после приезда.

— Верно, — пошутила Слоан. — Следует подождать до третьего дня.

Она нагнулась, но Мейтленд опередил ее и подал ракетку.

— Отец передает вам привет, — шепнул он с ленивой белозубой улыбкой, такой неотразимой, что Слоан, ошеломленная и завороженная, едва вникла в смысл его слов — Простите?

— Отец рассказал о вашем занимательном разговоре сегодня утром. По-моему, вы произвели на него неизгладимое впечатление.

— Я понятия не имела, что он ваш отец, — пролепетала Слоан.

— Я догадался.

Ной снова обернулся к Картеру, и Слоан поспешила воспользоваться возможностью поскорее исчезнуть.

— Картер, — раздалось у нее за спиной, — если собираетесь во вторник, как обычно, поиграть в покер в клубе, я хотел бы пригласить Слоан, Пола и Парис на ужин.

Слоан, тащившая за собой Пола, уже была на полпути к дому, но все же успела расслышать ответ отца:

— Блестящая идея! Слоан! Надеюсь, вы с Полом согласны?

Идея показалась Слоан вовсе не такой блестящей: меньше всего ей хотелось проводить вечер в обществе Мейтленда, и она не сбавила шага, совершенно по-детски стараясь удрать подальше от Ноя.

— Неплохо звучит, — пробормотала она на ходу. — Пол, как бы нам увильнуть от приглашения? Пол искосаглянулся на нее:

— Хотелось бы побольше узнать о тех документах, что Мейтленд принес на подпись.

— Вы и его в чем-то подозреваете?

— Здесь все подозреваемые, кроме меня и вас. Впрочем, — пошутил он, — я не совсем уверен и насчет вас. — Но, тут же став серьезным, добавил:

— Интересно, что за бумаги требуют подписи Эдит Рейнолдс? Знаймы их содержание, возможно, сумели бы найти верное направление поиска.

У Слоан возникло отчетливое ощущение, что он не говорит всей правды, но расспрашивать не имело смысла: все равно не скажет.

— Каким образом вы познакомились с отцом Мейтленда?

— Возвращалась домой после утренней пробежки и увидела человека, копавшего клумбу. Тут он выпрямился, и по лицу было заметно, как ему плохо. Я остановилась помочь и немного поговорила с ним. Приняла его сначала за садовника.

— Надеюсь, вы ни о чем не проболтались?

— Совершенно ни о чем. Он узнал только мое имя, и я не смогла умолчать о том, где живу. А что, возникли проблемы?

Пол ненадолго задумался.

— Пока нет, — загадочно улыбнулся он. — Отец Мейтленда не единственный, на кого вы сегодня произвели впечатление. По-моему, сын тоже сражен вашими чарами. И несколько заинтригован.

— Не может быть!

— Я видел, как он на вас смотрит. И вы тоже это заметили, не отрицайте. Недаром вздрагиваете от малейшего шороха.

Слоан, недоверчиво усмехнувшись, покачала головой.

— Что за абсурд! Люди, подобные Ною Мейтленду, так и искрятся сексуальной энергией, достаточной, чтобы осветить весь Нью-Йорк, и умело пользуются ею, буквально парализуя тех дурочек, кто имеет несчастье оказаться в непосредственной близости. Меня словно током стукнуло от его присутствия, недаром, по вашему замечанию, я сама не своя.

— Неужели именно так оно действует? И скольких людей, подобных Ною Мейтленду, вы встречали в жизни?

— Наследственная проницательность, а следовательно, генетический иммунитет, — туманно выразилась Слоан.

— О чём это вы?

— О своей матери. Судя по тому, что она мне рассказывала, а я видела собственными глазами, мой папаша мало чем отличается от Мейтленда. Кстати, вы знаете, что Парис влюблена в Ноя? Они вроде бы неофициально помолвлены.

Они подошли к ступенькам, ведущим во внутренний дворик, и Пол понизил голос:

— Парис в него не влюблена. Это ваш отец давит на нее, чтобы поскорее выдать замуж за Мейтленда, а она пока упирается. К сожалению, — философски добавил он, — это еще не означает, что Парис в конце концов не сдастся и не станет миссис Мейтленд. Перед двойным

напором она не устоит.

— Откуда вы все это знаете?

— Сегодня за завтраком она мне исповедалась. Остальное я домыслил сам. — И Парис все вам рассказала? — потрясение охнула Слоан. — Не могу представить, чтобы она стала откровенничать с посторонним. И почему именно с вами?

— Потому что я не пытаюсь подчинить ее своей воле. С другой стороны, я мужчина, а она всегда пасует перед властными мужчинами, так что, когда я осторожно, но мягко стал ее расспрашивать, Парис выложила все.

— Как это грустно, — вздохнула Слоан, останавливаясь перед задней дверью. — Не думала, что смогу проникнуться к ней добрыми чувствами.

Пол усмехнулся и покачал головой.

— Но все произошло помимо вашей воли. Что поделать, могу поклясться, пока вы здесь, станете всячески защищать ее от обоих мужчин.

Временами покровительственная манера Пола доводила Слоан до исступления.

— Вы слишком в себе уверены! И откуда вы взяли, что я поступлю так, а не иначе?

Но ее слова ничуть не задели Пола. Казалось, ничто не может пробить его носорожью шкуру.

— Вы не сможете совладать с собой, — неумолимо продолжал он, — потому что превыше всего для вас потребность помогать людям, которые в этом нуждаются.

— Не думала, что вы еще и психолог!

— Верно, — ухмыльнулся он, открывая дверь, — но доброе сердце не скроешь, а ваше — мягче только что испеченного бисквита.

— Звучит отвратительно.

— А по-моему, это комплимент, — возразил он. — Кстати, обожаю бисквиты. Только пусть ваша доброта не препятствует ни вашей объективности, ни нашей общей работе.

В кухне уже дожидался Гэри Дишлер, так что Слоан лишилась возможности достойно ответить на эту последнюю колкость.

— Мы чудесно провели время, — солгала она. — Пойду наверх, приму душ.

— Простите, мисс Рейнолдс, — перебил Дишлер, — миссис Рейнолдс ожидает вас в солярии.

Слоан замялась, сокрушенно оглядывая шорты в пятнах от травы и грязные руки.

— Сначала мне нужно принять душ и переодеться. Пожалуйста, передайте, что я приду, как только смогу.

— Миссис Рейнолдс сказала, что желает видеть вас немедленно, — объявил Дишлер.

Почувствовав, что собирается гроза, Слоан слегка поежилась. Пол тоже понял, что дело неладно.

— Я пойду с тобой, — пообещал он.

Но Гэри покачал головой:

— Миссис Рейнолдс желает поговорить с вами наедине, — объявил он тоном, не терпящим возражений.

Солярий выходил на задний газон, и при виде кислой физиономии старухи Слоан справедливо предположила, что та видела короткую схватку. Видела и не одобряет.

— Что это за спектакль вы тут устроили? — фыркнула она, обводя осуждающим взглядом спутанные волосы и помятые шорты Слоан. — Приличные девушки не барахтаются в траве и не разгуливают в грязной одежде!

Слоан, обычно спокойная и внимательная, не любила вступать в спор по пустякам, но терпеть не могла явной несправедливости. Кто она такая, эта ведьма, чтобы выговаривать ей?

— Поверьте, не я затеяла этот, как вы называете, спектакль. Собственно говоря, я сделала все возможное, чтобы этого не произошло, но вашего внука трудно в чем-либо убедить. И я, разумеется, обязательно переоделась бы, прежде чем явиться сюда, но мистер Дишлер настаивал на моем немедленном приходе.

Эдит недовольно поджала губы. Лицо ее окаменело.

— Вы закончили? Слоан кивнула.

— Ну и характерец!

— Ничего не поделаешь: мне сегодня нелегко пришлось!

— Да, я уже успела заметить. Всего за несколько часов вы успели пробежаться по берегу и, насколько мне известно, попытались спасти Дугласа Мейтленда от сына. При этом умудрились не опоздать на теннисный корт, хотя играли отвратительно, ну а потом достойно завершили утро, дважды швырнув родного отца наземь. Не лучше ли потратить избыточную энергию на свой «бекхенд»?

— Что?!

— Ваша игра оставляет желать лучшего.

— Миссис Рейнолдс, я не принадлежу вашему кругу богатых бездельников. И честным трудом зарабатываю себе на жизнь, а поэтому не

могу тратить время на то, что мне совершенно не правится. И уж конечно, не пригодится!

— В свое время я завоевала немало призов. Рейнолдсы всегда отличались пристрастием к теннису, и мои родственники обычно становились членами лучших загородных клубов в стране. Ваша игра позорит семью, однако думаю, что каждодневными многочасовыми тренировками можно многоного добиться и с честью соответствовать нашим высоким стандартам.

— Не имею ни малейшего намерения подлаживаться под ваши стандарты, — брезгливо скривив губы, бросила Слоан. — Я никогда не стану одной из вас!

— Глупая девчонка! Да, ты не получила надлежащего воспитания. Но при этом куда более истинная Рейнолдс, чем Парис. Откуда, по-твоему, взялось это горделивое высокомерие, которое ты так старательно мне демонстрируешь? Почему ты не позволила Картеру себя унизить? Да взгляни же на себя: даже в этом тряпье все равно выглядишь словно в вечернем платье! Несгибаемая, надменная, уверенная настолько, что смеешь дерзить мне в моем же доме, поскольку считаешь себя во всем правой! Что же это, если не спесь Рейнолдсов?

— Если вы воображаете, что мне должно польстить подобное определение, значит, жестоко ошибаетесь!

— Ха! — торжествующе воскликнула старуха, победно хлопнув ладонью по подлокотнику кресла. — Рейнолдс до мозга костей! Уверена, что она лучше всех нас, хотя мы можем купить с потрохами тот жалкий городишко, где она живет! Как бы я хотела, чтобы мамаша Картера дожила до этого дня! Отправляясь во Флориду за сыночком, она намеревалась взять с собой ребенка, который, как она выражалась, «пошел в породу Рейнолдсов». Но все ее жалкие расчеты не оправдались, эта злобная дура промахнулась!

— Я до сих пор убеждена, что мне крупно повезло.

— Довольно любезностей. Мы, похоже, прекрасно поняли друг друга и сумеем в два счета найти общий язык. Садитесь, пожалуйста.

Не зная, то ли злиться, то ли смеяться над таким внезапным поворотом событий и не слишком удачной попыткой обозначить термином «любезности» все те колкости, которыми они обменивались, Слоан уселась в плетеное кресло.

— Не стану ходить вокруг да около, — объявила Эдит, едва не вызвав у Слоан очередной приступ истерического смеха. — Это я настояла на вашем приезде, имея на это несколько веских причин и... Чему вы так

удивляешься?

— У меня сложилось впечатление, что это отец захотел со мной увидеться. Он сказал, что перенес инфаркт, и попросил приехать, пока не поздно.

Эдит поколебалась, нерешительно теребя неизменную нитку жемчуга.

— Вы ошибаетесь, — наконец решилась она. — Вначале он возражал еще яростнее, чем Парис.

— Парис не хотела со мной знакомиться?

— Именно. Она чрезвычайно расстроилась, узнав о том, что вы решили принять приглашение.

Слоан поспешила отвернуть глаза и притворилась, что рассматривает деревце цветущей азалии. Все что угодно, лишь бы не показать, как ей больно!

— Понимаю.

— Сомневаюсь! С самого детства моя невестка убеждала Парис, что ее мать — полное ничтожество, которое нельзя подпускать к маленьким детям, и что судья вынес специальное решение, запрещавшее ей видеться с дочерью. Позже девочке сумели вдолбить, что вы ничем не лучше матери.

Немного помолчав, чтобы дать Слоан осознать всю важность сказанного, Эдит добавила:

— Что же касается Картера... он не слишком рвался познакомить вас с родными, считая жестоким показывать вам, какой жизни вы лишились не по своей вине. Естественно, ему не хотелось лицом к лицу встречаться с дочерью, которую он обездолил. Я бы давно заставила его сделать помоему, но пришлось ждать, пока моя сноха не сделает мне огромное одолжение, отправившись в ад.

— Почему?

— Потому что при ней вы не продержались бы здесь и десяти минут. Не позволили бы унижать себя, а я не собиралась подвергать вас ненужным испытаниям. Конечно, я могла бы приехать сама. Но это отнюдь не уничтожило бы пропасть между вами и Картером. А моя цель — помирить вас.

Если такова цель, странные она выбрала средства для ее достижения! До сих пор Слоан ничего не слышала от прабабки, кроме упреков, едких колкостей и непрерывных замечаний.

— Сразу после смерти снохи я принялась действовать.

И вынудила своего внука согласиться на ваш приезд. Впрочем, ему ничего иного не оставалось.

— Почему?

— Потому что, — хрипло засмеялась старуха, — потому что кубышка у меня и я распоряжаюсь деньгами! Слоан изумленно моргнула и откашлялась.

— Вы... что?

— Я контролирую «Хановер-траст» — фонд, в который вложена большая часть состояния Рейнолдсов, — сообщила она с таким видом, словно это открытие должно было мгновенно все прояснить.

— Не... не понимаю, — заикнулась девушка.

— Все очень просто. Мой отец, Джеймс Хансли, красивый повеса из хорошей семьи, без цента в кармане, к двадцати пяти годам проиграл остатки состояния и, чтобы поправить дела, женился на богатой девице. Он выбрал мою мать, наследницу богатства Хановеров. Ее отец видел женишку насквозь и не давал согласия на брак, но дочка, упрямая избалованная дурочка, пригрозила побегом и все-таки настояла на своем. Дед сдался, но при этом сумел переписать завещание так, что отец не получил и доллара из денег матери. Он основал трастовый фонд и сделал владелицей дочь, при условии, что та ни шагу не сделает без совета и согласия других назначенных им попечителей. Согласно завещанию контроль остается в руках старейшего члена семьи, прямого потомка Хановеров. В настоящее время таковым являюсь я.

— Для вашего отца было, должно быть, настоящим ударом узнать о фонде.

— Он рвал и метал, но как только понял, что ничего не поделаешь и отныне приходится делать деньги самому, смирился. Он сколотил довольно скромное состояние по сравнению с богатством жены. Разумеется, половина принадлежала моей матери и тоже отошла в фонд. Правда, Картер обладает фамильной деловой хваткой, благодаря которой состояние Рейнолдсов растет день ото дня, — с гордостью констатировала старуха. — Но мы здесь не для того, чтобы обсуждать Картера. Я хотела поговорить о Парис. Несмотря на всю чушь, которую годами вбивали ей в голову, вчера она сказала, что ты совсем не так уж плоха.

Уже привыкшая к постоянным насокам Эдит, Слоан недоуменно подняла брови. Неожиданная похвала застала ее врасплох.

— Мне с самого начала стало ясно, что ты — кстати, я перехожу на ты — обладаешь неукротимой волей и твердым характером. Жаль, что Парис ничуть не походит на тебя. Может, ты постараешься помнить об этом в ее присутствии?

Она осеклась при звуке шагов и молча выжидала, пока вторая правнучка не поцелует ее в щеку.

— Отвратительно играла сегодня, — ворчливо заметила прабабка. — Все время торчала у сетки. Что это на тебя нашло?

— Должно быть, неудачный день.

— Вздор! Просто старалась не слишком ранить самолюбие Слоан. Потому что уж ее-то игра просто никуда не годится. Но довольно об этом, — перебила она, едва Парис попыталась ответить. — Ты и Слоан, кажется, играете днем в гольф?

— Да, немного попозже.

— Прекрасно. Мне хотелось бы, чтобы вы побольше времени проводили вместе. А что делаете вечером?

— Ной пригласил Пола, Слоан и меня на ужин.

— Прекрасно, — величественно кивнула старуха. — Твой отец вбил себе в голову, что свадьба состоится на Рождество. Тебе следует почаще бывать в обществе Ноя.

Слоан терпеть не могла гольф и точно знала, что Парис не собирается выходить за Ноя. Однако Картеру и Эдит, очевидно, не было никакого дела до желаний остальных. Главное — настоять на своем, а там хоть трава не расти. Но Слоан сейчас не до препирательств со старухой: нужно поскорее разыскать Пола и рассказать обо всем. Единственное, что, пожалуй, не помешает, — получше познакомиться с Парис.

— Мне нужно принять душ, — сообщила Слоан обеим женщинам и дружески улыбнулась Парис:

— Спасибо за то, что не окончательно уничтожили меня и Пола на корте. Вы очень добры.

— Чушь! — взорвалась Эдит. — Ей бы стоило с толком использовать время, чтобы оттачивать мастерство!

Слоан поняла, что прабабка ничуть не уважает тех, об кого вместе с внуком каждый день вытирает ноги, и считает своим неотъемлемым правом и привилегией всячески унижать людей, имевших несчастье хотя бы раз уступить.

— Парис просто заботится о том, чтобы гости не испытывали ни малейшей неловкости. Я читала в светской хронике, что это первейшая и самая важная обязанность хорошей хозяйки, не так ли? — с невинным видом вопросила Слоан.

Но Эдит Рейнолдс так просто не проведешь!

— Молодая леди, вы, кажется, имеете дерзость учить меня хорошим манерам? — негодующе, но беззлобно осведомилась она.

Слоан закусила губу, чтобы скрыть улыбку.

— Да, мэм, похоже, что так. Самую чуточку.

— Невыносимая девчонка, — ворчливо буркнула Эдит, но в голосе по-прежнему не слышалось сердитых нот. — И видеть не могу твои шорты! Беги и немедленно переоденься!

Слоан со вздохом облегчения пошла к двери.

— Не трать зря воду! — раздраженно крикнула вслед Эдит и, дождавшись ухода девушки, устремила пристальный взгляд выцветших голубых глаз на старшую правнучку.

— Невероятно дерзка! Никакого почтения к старшим и уважения к деньгам. Что ты о ней думаешь?

Много лет назад Парис прекрасно усвоила, что в этом доме не только глупо, но и опасно противоречить членам семейства Рейнолдс. Они злопамятны, резки и не терпят возражений, а она — трусиха и тряпка. И все же младшая сестра сумела защитить и себя, и ее и положить старуху на обе лопатки. И теперь она просто не имеет права предать Слоан.

Украдкой вытирая мгновенно вспотевшие ладони о шорты, она дрожащим голосом пробормотала:

— Простите, прабабушка, но о-о-о-на... Впервые за вею свою жизнь она посмела не согласиться с мнением Эдит, — Перестань заикаться, девочка! Ты, по-моему, давно уже отучилась от этого!

Испуганная, но тем не менее преисполненная решимости, Парис храбро вздернула подбородок, по примеру Слоан взглянула прабабке в глаза и громко выпалила:

— По-моему, она потрясающая!

— В таком случае почему так сразу и не сказала? Боясь очередного града попреков, Парис поспешно посмотрела на часы.

— Мне пора. Нужно переодеться, не то пропустим отведенное время.

— Не забудь пересмотреть все, что она с собой привезла! — окликнула Эдит. — Постарайся, чтобы она не опозорила нашу семью своими лохмотьями! Ей придется встречаться с нашими друзьями в клубе и в городе. Если ей нужна одежда, поезжайте по магазинам... или...

Парис тоскливо поморщилась:

— Не могу же я рыться в ее шкафу и указывать, как одеваться! Это бесстыдно!

— Можешь! У тебя идеальный вкус. Ты модельер, а не я!

— Да, но...

— Парис, я два раза не повторяю. И пожалуй, я поторопилась насчет магазинов. Незачем выбрасывать деньги, если у тебя есть что ей одолжить!

Глава 18

Слоан не знала, что именно известно ФБР о финансовой деятельности отца и в чем его подозревают, но так или иначе необходимо сообщить Полу об услышанном. Раздраженная тем, что сам он отнюдь не собирается откровенничать, девушка постучалась к нему и, не получив ответа, подошла к своей спальне. Дверь заперта! Она подергала за ручку.

— Эй, есть кто там?

Дверь распахнулась так неожиданно, что Слоан отступила и ошарашенно уставилась на Пола. Он так и не переоделся и держал в руке ее роман, заложив палец между страницами.

— В моей комнате нет балкона, так что я решил немного отдохнуть на вашем и почитать, — пояснил он. Слоан поняла, что он придумал подходящий предлог для своего пребывания здесь. Мало ли кто может подслушивать в холле? Она переступила порог и поскорее захлопнула дверь.

— Что вы тут делаете?

— Искал «жучки», но ничего не нашел. Мысль о том, что владелец способен нафаршировать микрофонами собственный дом, показалась Слоан совершенно абсурдной, что она немедленно и высказала.

— Обычная предосторожность. Твой отец известен как крайне предусмотрительный человек.

— Не настолько, иначе нас здесь не было бы, — пошутила Слоан. — Кстати, о нас. Я только что поговорила по душам с моей прабабкой. Знаете, что именно она контролирует большую часть фамильного состояния?

— Имеете в виду «Хановер-траст»? Слоан обескуражено кивнула.

— Что еще она вам сказала?

Слоан почти дословно передала содержание беседы.

— Ничего нового, — разочарованно вздохнул Пол. — И ничего важного. Но вы пробыли там достаточно долго.

О чём еще она толковала?

Слоан досказала ему остальное, и Пол, казалось, был больше всего доволен тем, что она посчитала нужным немедленно передать ему информацию.

— Если она хочет, чтобы вы больше времени проводили с Парис, так тому и быть. А я поболтаюсь здесь и посмотрю, что еще можно вынюхать.

— Вынюхать? Но что вы ищете? — допытывалась Слоан, воздев руки

к небу. — В чем вы его подозреваете? По-моему, я имею право знать хотя бы это!

— Когда я сочту нужным вам что-то объяснить, обязательно так и сделаю.

— Что же, — беспечно бросила Слоан, — когда я раздобуду сведения, которые, по моему мнению, вам стоит узнать, начнем переговоры.

Она ожидала взрыва негодования или насмешек, но вместо этого Пол преспокойно заявил:

— В Палм-Бич есть два человека, с которыми вам, пожалуй, ни в коем случае не стоит торговаться, Слоан. Я — один из них.

— А второй? — прошептала Слоан, застигнутая врасплох неприкрытой угрозой.

— Ной Мейтленд. Спасибо за то, что позволили мне посидеть на своем балконе, — кивнул Пол и пошел к выходу. Дверь бесшумно закрылась за ним, и Слоан медленно направилась в ванную.

Совершенно непроницаем, жесток, непредсказуем и упрям, но временами становится невероятно обаятельным и, кажется, добрым.

Почему же ее не оставляет ощущение, что эти два последних качества — просто маска?

Глава 19

Когда Слоан спустилась, Парис уже ждала внизу. — Машина стоит перед домом, — сообщила она, и девушки вышли во двор. Светло-золотистый «ягуар» со спущенным верхом был припаркован на подъездной аллее. Парис села за руль, и машина выехала из ворот. Слоан невольно залюбовалась солнечными бликами, игравшими в каштановых волосах сестры. Как естественно Парис смотрится в этом дорогом автомобиле! Они словно созданы друг для друга.

Парис повернула голову и встретилась глазами с сестрой.

— Вы что-то забыли? — спросила она.

— Нет, а что?

— У вас лицо какое-то странное.

После всего, что она наслышалась сегодня о Парис, Слоан отчаянно хотела пробиться через невидимый, но плотный барьер отчужденности, воздвигнутый сестрой вокруг себя, и поэтому поспешила воспользоваться представившейся возможностью:

— Я думала о том, как красива эта машина и как тебе подходит.

Парис едва не выпустила руль и недоуменно уставилась на Слоан.

— Не знаю что и сказать.

— Можешь высказать все, что у тебя на уме.

— В таком случае честно признаюсь, что не ожидала от тебя такого.

Слоан уже посчитала было, что на откровенную беседу рассчитывать не приходится, когда Парис выпалила:

— Ты так добра ко мне. Я ужасно рада.

Она вложила в это признание столько неподдельного тепла, что Слран залилась краской...

Они повернули налево, на широкий бульвар, и Парис нерешительно пробормотала:

— Разве не странно ехать вот так... вместе... и... и сознавать... что мы сестры?

Слоан кивнула.

— Не поверишь, ты словно прочитала мои мысли.

— Ты совсем не такая, как я ожидала.

— Знаю.

— Правда?

— Конечно. Твоя прабабка рассказала, что тебе про нас наговорили.

Парис послала ей застенчивый взгляд.

— Она и твоя прабабка.

Некий лукавый бесенок подбил Слоан сказать:

— Почему-то мне гораздо легче поверить в то, что у меня есть сестра, чем в то, что эта женщина мне прабабка.

— Она тяжелый человек. Унижает людей.

«Включая тебя, свою правнучку».

— А тебя она тоже запугала? — робко поинтересовалась Парис.

— Не слишком. Ну... разве чуть-чуть, — призналась Слоан.

— Большинство людей смертельно ее боятся.

— Да, судя по моему впечатлению, она явно не добная бабушка из сказок!

— А какая она, твоя бабушка?

— То есть мать нашей мамы? — мягко осведомилась Слоан.

— Ну да.

— Она умерла, когда мне было семь, но помню, что была очень... очень уютной. И пахла сдобой.

— Сдобой?

Слоан кивнула.

— Она любила печь. И сама была такая кругленькая, с пухлыми щеками, потому я и назвала ее уютной. У бабушки всегда находились пирожки для меня и Сары.

— Кто такая Сара?

— Это моя лучшая подруга, с самого детства.

На несколько минут воцарилось неловкое молчание — молчание людей, которые пытаются найти общий язык и боятся сделать первый шаг. Наконец Слоан набрала в грудь побольше воздуха и, от души надеясь, что поступает правильно, спросила:

— Хочешь, я расскажу тебе про нашу маму?

— Как пожелаешь. Мне все равно.

Подставив лицо ветру, Слоан тряхнула волосами и чуть нахмурилась.

Такого уклончивого ответа она не ожидала.

— Если мы не будем честны и откровенны между собой, — спокойно пояснила она, — то так и не сможем по-настоящему узнать друг друга, а мне бы этого очень хотелось. Как ты думаешь, мы сумеем быть до конца правдивыми и сказать, что чувствуем и ощущаем?

Правда, для этого необходимо, что называется, слепое доверие, но я готова попробовать. А ты?

Пальцы Парис судорожно сжались на рулевом колесе.

— Тоже, — прошептала она наконец. — Да, — уже тверже объявила она и улыбнулась.

Слоан решила проверить, так ли это.

— В таком случае я расскажу тебе про нашу маму. Настоящую. А не такую, о которой ты привыкла слышать.

— Пожалуйста, Слоан.

— Знаешь, — радостно начала Слоан, — когда я вижу тебя, всегда вспоминаю о ней. Она бесконечно добра. Боится причинить кому-то боль. Обожает красивые вещи и работает в самом модном магазине одежды. Ее любят все, кроме Лидии, владелицы магазина. Лидия постоянно пользуется ее отзывчивостью, терзает маму и всячески запугивает, но ма постоянно извиняет ее хамство плохим здоровьем.

Вдали показалось здание загородного клуба, и Слоан попросила:

— Парис, давай не будем играть в гольф. Займемся чем-нибудь другим.

— Но отец хотел, чтобы я дала тебе урок.

— Верно, но заявляю, что наотрез отказываюсь от всяких уроков. И что он может сделать? — Наверное, станет рвать и метать, подумала Слоан. Или что похуже. Картер — настоящий тиран. — Он будет на тебя орать?

Парис, очевидно, была шокирована таким предположением.

— Разумеется, нет, но будет крайне разочарован.

— Понятно. Точно так, как был разочарован твоей сегодняшней игрой.

— Почти. Утром он расстроился из-за меня, а на этот раз будет чрезвычайно недоволен нами обеими. Он не такой отходчивый, как большинство наших знакомых, — пояснила Парис с таким видом, будто одна во всем виновата и Слоан обязана понимать и принимать отца так же покорно, как и она сама. Все ясно. Отец еще пальцем никого не тронул и вместо этого предпочитает играть на чувствах людей, исподтишка их изводить и любыми способами добиваться своего.

— Если я скажу, что не пожелала играть в гольф, он не станет обвинять тебя, верно?

— Возможно.

— А ты? Хочешь играть в гольф? Парис колебалась так долго, что Слоан показалось, будто она вовек не дождется ответа.

— Нет, не очень, — выдавила сестра наконец. — Я вообще не слишком увлекаюсь гольфом, не то что отец.

— И чем же нам заняться?

— Пообедаем где-нибудь и поговорим.

— Здорово! И поскольку я ни за какие коврижки не возьму в руки клюшку, отец не рассердится на тебя, и мы вместо этого отправимся на

ленч.

Парис, прикусив от напряжения губу, свернула вправо.

— Я знаю одно местечко. Маленькое тихое кафе, где мы можем поесть на свежем воздухе. Там никто не помешает.

В Белл-Харбore кафе означало просто закусочную, где подавались самые незатейливые блюда. Кафе Парис оказалось шикарным французским ресторанчиком, с маркизами над входом и окнами, внутренним двориком с фонтаном и стоянкой со служителями в униформе. Все здесь знали Парис.

— Мы хотели бы поесть на свежем воздухе, Жан. — сказала она метрдотелю с той мягкой улыбкой, которой так восхищалась Слоан, особенно с тех пор, как поняла, насколько искренна по природе Парис.

— Что изволите пить? — спросил метрдотель, едва они уселись за столик у фонтана.

Парис нерешительно взглянула на сестру, но тут же обрадованно воскликнула:

— Шампанское! Ну конечно же, шампанское, самое лучшее! Сегодня у нас особый случай!

— Чей-то день рождения? — учтиво осведомился он. Парис покачала головой и смущенно улыбнулась:

— Скорее, возрождения!

Метрдотель удалился, и между сестрами снова повисло неловкое молчание: обе лихорадочно пытались сообразить, с чего лучше начать разговор. По тротуару прокатила детскую коляску стройная женщина; лихо промчался подросток, упоенно вертя педали.

— Я получила в подарок первый двухколесный велосипед, когда мне исполнилось пять, — наконец прервала Слоан затянувшуюся паузу. — Он был слишком велик для меня, поэтому я сшибала все и всех подряд, пока не научилась держать равновесие. Постовой назвал меня язвой египетской.

— Ты всегда хотела стать дизайнером? Хотя Слоан была вынуждена скрывать от сестры некоторые подробности своей биографии, все же не собиралась лгать без нужды.

— По правде говоря, — призналась она, — я мечтала сделаться либо суперменом, либо Бэтменом в женском обличье. А как насчет тебя?

— Как только я стала счастливой обладательницей первой куклы, немедленно начала шить ей приданое. Так что, сколько себя помню, всегда интересовалась модой.

У столика появился официант с бутылкой шампанского в серебряном ведерке. Пока жидкое пенящееся золото разливали по бокалам, Слоан обратила внимание на парочку тинейджеров, которые брали по тротуару,

держась за руки.

— По-моему, они слишком молоды, чтобы бегать на свидания да еще ходить под ручку, правда? — заметила она и, когда Парис кивнула, порадовалась, что нашла повод для дальнейших расспросов. — В каком возрасте ты начала встречаться с мальчиками?

— В шестнадцать. Его звали Дэвид. Довольно симпатичный. У нас в колледже устраивались танцы, и он меня пригласил. Я тогда была на втором курсе, и мне больше нравился Ричард, но отец знал семью Дэвида и считал, что он больше мне подходит.

— И как все было? — моментально заинтересовалась Слоан.

— Ужасно, — призналась Парис. — По пути домой он стал накачиваться виски прямо из фляжки, а потом остановил машину и набросился на меня с поцелуями. Я отбивалась как могла, но он отстал, только когда я расплакалась. А твое первое свидание?

— Почти как твое, — засмеялась Слоан. — Я пошла на дискотеку с Бучем Беллами, который был на голову выше меня и к тому же неуклюж как медведь. Почти всю ночь дул пиво в раздевалке со своими друзьями из футбольной команды. И когда возвращались, точно так же попытался лапать меня.

— А ты, конечно, разрыдалась, и он отвез тебя домой? — весело докончила Парис.

— Ничего подобного! Пригрозила, что, если он немедленно не выпустит меня, расскажу всем его друзьям, что он голубой. Ну а потом сняла первые в моей жизни туфли на каблуках и прошагала две мили босиком, в одних колготках, Представляешь, на что я была похожа, когда наконец ввалилась в дом!

Сестры дружно расхохотались, и Слоан торжественно подняла бокал.

— За нас. За то, что с честью выдержали испытание первым свиданием.

— За нас, — повторила Парис, чокаясь с сестрой, — и за всех девушек, которым не повезло с кавалерами.

Словно возникший из воздуха официант вручил им меню. Всеми силами стараясь сохранить атмосферу доверительной близости, Слоан заговорщицки спросила:

— Какое блюдо ты не любишь больше всего?

— Брюссельскую капусту. А ты?

— Печенку.

— Говорят, если печеньку подать с...

Слоан покачала головой:

— Печенка в любом виде несъедобна. Может, мы все-таки неродные сестры? А вдруг меня удочерили и... Что тут смешного?

— Да я всего лишь повторяю то, что слышала от других. Сама я ненавижу печенку. Меня от нее тошнит.

— Рвотный рефлекс — самое веское доказательство, — убежденно заметила Слоан, но Парис неожиданно строго нахмурилась.

— Вовсе нет. Вот сейчас я задам последний, самый трудный вопрос, а ты хорошенко подумай, прежде чем ответить. Как насчет томатного супа?

Слоан скривилась и вздрогнула, и обе дружно захохотали. Официант поставил корзинку хлебных палочек, и Парис рассеянно переломила одну.

— Ты когда-нибудь была замужем?

— Нет, — покачала головой Слоан. — А ты?

— Почти. Обручились в двадцать пять. Генри было тридцать два. Мы встретились в Санта-Барбаре на какой-то театральной премьере, а два месяца спустя объявили о помолвке.

Слоан, приидорчиво оглядев корзинку, выбрала себе хлебную палочку.

— И что было дальше?

— На следующий день отец выяснил, что Генри разведен, а его бывшая жена с двумя детьми живет в Париже, Собственно говоря, ничего тут особенного нет, если бы он не скрыл это от меня. Наоборот, все время твердил, что никогда не был раньше женат.

— Представляю, что ты пережила.

— Сначала пришлось нелегко. Отец с самого начала не доверял Генри...

Слоан без труда представила, какую жизнь устроил Картер дочери. Сочувствия, во всяком случае, Парис вряд ли дождалась.

Сердце Слоан сжалось от гнева и сострадания. Как ужасно, что рядом не оказалось ее или мамы и некому было помочь Парис пережить трудные времена.

— Откуда твой отец узнал?

— Он и твой отец тоже, — напомнила Парис с печальной улыбкой. — Когда я стала встречаться с Генри, папа нанял частных сыщиков, чтобы узнали всю его подноготную, но отчет из Европы пришел слишком поздно.

Слоан брезгливо поморщилась. Что же он за человек, если не стесняется следить за собственной дочерью!

— Скажи, он обычно так поступает со всеми твоими друзьями?

К полнейшему изумлению Слоан, Парис кивнула с таким видом, словно во всем этом не было ничего необычного.

— И не только с друзьями, но и с теми ранее не знакомыми людьми,

которые начинают чересчур часто бывать у нас в доме. Его доверие не так-то легко заслужить. — Она рассеянно повертела в пальцах хрустящую палочку. — Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. Моя разорванная помолвка не заслуживает и минуты нашего драгоценного времени.

После этого часы полетели как на крыльях, заполненные нерешительными вопросами, честными ответами и улыбками, становившимися все более теплыми и дружескими, по мере того как два, казалось бы, чужих человека обнаружили неразрывную связь между собой. Игнорируя официантов, еду и оценивающие взгляды мужчин, прекрасная брюнетка и ослепительная блондинка сидели под полосатым зонтиком и дружно строили мост через пропасть длиной в тридцать лет.

Глава 20

По дороге домой, сидя рядом с Парис в машине, Слоан чувствовала, словно магия любви и доверия озарила красотой весь Палм-Бич. Небо сверкало синим хрусталем, облака казались пушистыми белыми одуванчиками. От величия безбрежного водного пространства захватывало дух, прибрежный песок переливался золотом. Цвета стали более яркими, звуки отчетливыми, а морской воздух вливал живительные силы.

Только вчера она и Парис были чужими и считали друг друга врагами, теперь же стали не только сестрами, но друзьями и союзниками. Она взглянула на Парис. Ответная улыбка сестры светилась тем же тихим изумлением и восторгом.

— Мы не успели поговорить о Поле и тебе, — торопливо пробормотала Парис, когда они подъехали к дому. — У вас это серьезно?

Слоан замялась, потрясенная внезапным и не слишком приятным сознанием того, что ложь и скрытность, на которые ее толкает Пол, могут поставить под угрозу их чудесные новые, но такие хрупкие отношения. Если Ричардсон не обнаружит доказательств виновности Картера, стоит, пожалуй, пощадить Парис и утаить от нее горькую правду. В этом случае Слоан необходимо придумать достаточно вескую причину, чтобы объяснить, почему она предпочла не говорить, где в действительности работает. Но если улики будут неоспоримыми, Парис непременно узнает, что все это время ее обманывали, — и что тогда будет?

Но так или иначе, а Слоан в безвыходном положении. Она не может выдать Пола, но в то же время постарается как можно ближе придерживаться правды, чтобы независимо от исхода дела Парис не чувствовала себя одурченной.

— Знаешь... мы в самом деле всего лишь друзья. Я боялась ехать одна, но Пол убедил меня согласиться и... и предложил сопровождать.

— Он верный товарищ, — кивнула Парис. — И такой симпатичный! Из тех людей, которым можно доверяться с первого взгляда.

Слоан сделала мысленную зарубку в памяти никогда не полагаться на суждения Парис о мужчинах.

— А как насчет тебя и Ноя? — в свою очередь, осведомилась она, стараясь поскорее уйти от скользкой темы. — Картер сказал, что вы практически помолвлены.

— Отец намерен настоять на своем. Я предупредила, что не хочу

выходить за Ноя, но он ничего не желает слушать.

— Почему?

Лицо Парис осветилось ослепительной улыбкой.

— Возможно, потому, что Ной совершенно неотразим, и к тому же умен и невероятно богат, и женщины просто с ума по нему сходят. Кстати, он тоже не горит желанием идти со мной под венец, так что мы заключили тайную сделку, которая и поможет решить проблему.

— Какую именно сделку?

— Договорились, что Ной ни при каких обстоятельствах не сделает мне предложения, — сообщила она, сворачивая на подъездную аллею. Ворота немедленно раздвинулись, так что Парис не успела нажать кнопку вызова. Внимание Слоан мгновенно переключилось на охранную систему дома. В конце концов нужно же побеспокоиться о безопасности сестры. К тому же информация может оказаться жизненно важной для нее и Пола.

— Ты никогда не боишься?

— Чего?

— Грабителей. Взломщиков. Этот дом огромный, как музей. Будь я вором, наверняка решила бы, что здесь много чего можно стянуть.

— Нам ничего не грозит, — заверила Парис. — По всему периметру двора установлена система инфракрасных лучей, которая автоматически включается вместе с сигнализацией. Кроме того, есть еще и десять видеокамер.

А тебе здесь страшно?

— Н-нет, просто почему-то всегда ожидаю нападения, — пробормотала Слоан, почти не отклонившись от истины.

— Поэтому и брала уроки самообороны, — заключила Парис и поспешила успокоить взволнованную сестру:

— Если так уж тревожишься, можешь включить любой телевизор в доме и увидеть, что творится в поместье. Настрой на канал девяносто, а потом продолжай переключать до сотого. Кажется, так... Гэри скажет точнее. Я его спрошу. Он вместе с отцом договаривался о новой сигнализации.

— Спасибо, сестра.

— А если услышишь что-то подозрительное, возьми трубку внутреннего телефона, нажми кнопку тревоги и положи трубку, но только в том случае, если действительно что-то неладно. Однажды я случайно нажала кнопку, когда пыталась открыть ворота изнутри, но забыла включить переговорное устройство.

— И что произошло?

— Все, — хихикнула Парис. — Сирена соединена прямо с полицейским участком, тут же раздался ужасный вой, и все лампы в доме и во дворе немедленно стали вспыхивать.

Слоан подумала, что все это весьма напоминает переполох, устроенный Карен Олторп и доктором Пемброуком.

Парис подъехала к гаражу на шесть машин, и двери немедленно открылись.

— Я не заметила никакого пульта дистанционного управления воротами и дверями гаража, — недоумевала Слоан.

— В машинах где-то спрятано электронное устройство, и когда свои оказываются у ворот, подастся сигнал.

— Похоже, что никто посторонний не сумеет ни войти, ни выйти отсюда, — заметила Слоан.

— Если Нордстром впустил кого-то, потом они могут спокойно выбраться на дорогу. Под плитами аллеи находятся датчики, которые реагируют на давление колес машины и открывают ворота. Не может же Нордстром бегать к воротам всякий раз, когда подъезжает грузовик для доставки продуктов!

— Да, этот дом уже живет по законам электронной эпохи, — вздохнула Слоан.

— Отец считает, что никакие предосторожности не лишни.

У Слоан отчего-то возникли вполне обоснованные опасения, что для этого у него есть свои причины.

Глава 21

Едва Слоан и Парис вошли в холл, как рядом с ними моментально материализовался Дишлер.

— Миссис Рейнолдс спрашивала о вас, — сообщил он Парис. — Она наверху, в своей спальне.

— Бабушка хорошо себя чувствует? — встревожилась Парис.

— По-моему, единственное, от чего она страдает, — это скука, — заверил Гэри.

Пока Парис расспрашивала, к каким телеканалам подсоединены камеры, Слоан исподтишка рассматривала дворецкого. Нордстром отличался огромным ростом, светлыми волосами, голубыми глазами и мускулистой фигурой.

По пути наверх она поделилась с Парис своим мнением: . — Он выглядит скорее как телохранитель, чем дворецкий.

— Верно, — отозвалась Парис. — Настоящий гигант.

Все еще улыбаясь, сестры вошли в спальню Эдит. Старуха восседала на, затейливом диванчике, обитом бордовым бархатом, в дальнем конце огромной комнаты размером с весь дом Слоан и так тесно заставленной темной тяжелой мебелью, что девушке показалось, будто она вот-вот задохнется.

Миссис Рейнолдс, грозно хмурясь, сняла очки и отложила книгу.

— Вы где-то пропадали целый день, — буркнула она. — Ну, как прошел урок?

— Мы не ездили в клуб, — призналась Парис.

Белые брови Эдит взлетели вверх, но прежде чем она успела что-то сказать, вмешалась Слоан. Пытаясь одновременно защитить Парис и умаслить старуху, она щутливо заметила;

— Парис пробовала меня уговорить, но я умоляла о милосердии и в конце концов отказалась выходить из машины. Она даже тащила меня силком, только я оказалась гораздо сильнее. Тогда она попыталась стукнуть меня по голове клюшкой, но я увернулась и успела вовремя напомнить, что вы не терпите публичных проявлений чувств, так что Парис пришлось сдаться.

— Ты снова дерзишь! — объявила Эдит, однако суровая гримаса как по волшебству исчезла и лицо разгладилось.

— Да, мэм, знаю, но ничего не могу с собой поделать, — усмехнулась

Слоан.

— Я велела тебе называть меня прабабушкой.

— Да, прабабушка, — послушно повторила Слоан, инстинктивно почувствовав, что следует уступить. И оказалась права. Губы Эдит дернулись в невольной улыбке.

— Кроме того, ты безобразно упрямая.

— Так и мама говорит, — вздохнула Слоан. Поняв, что проигрывает в этом поединке характеров, и желая избежать полного поражения, Эдит небрежным взмахом руки отпустила Слоан:

— Убирайся! С меня достаточно! Я хочу поговорить с Парис.

Обрадованная тем, что сестре теперь не попадет, Слоан поспешила исчезла, мельком успев, однако, заметить ее ошеломленное лицо.

Оставшись наедине со старшей внучкой, Эдит кивнула на стул.

— Садись. Я хочу знать, что вы делали и о чем говорили.

— Пообедали в «Гамене» и болтали обо всем на свете. Беседа с прабабкой заняла больше часа, поскольку старуха постоянно перебивала Парис новыми и новыми вопросами.

— Все было так замечательно, — заключила наконец девушка, когда допрос был завершен. — Я могла бы остаться там хоть на всю ночь. И Слоан тоже, я в этом уверена.

— Ну а теперь, — сдержанно предположила Эдит, — ты, должно быть, собираешься в Белл-Харбор, увидеться с матерью?

Парис приготовилась к буре упреков и возражений, но вопреки всегдашней привычке на этот раз решила не отступать.

— По правде говоря, собираюсь. Слоан так много рассказывала о ней. Оказывается, она совсем не такая, как о ней говорили отец и бабушка!

— Ты знаешь Слоан меньше двух дней и так сразу ей доверилась?

Парис изо всех сил старалась выговаривать раздельно каждое слово и ни в коем случае не заикаться. Она не позволит себе спасовать перед прабабкой!

— Дело вовсе не в этом, я просто хочу сама принимать решения.

Вместо ожидаемой словесной выволочки прабабка молча подалась вперед и уставилась на нее. И после напряженной долгой паузы изрекла:

— Похоже, нахальство и дерзость Слоан крайне заразительны.

— Надеюсь, — бросила Парис, вскинув голову.

— Если ты все еще способна воспринимать мудрые советы, предлагаю тебе воздержаться от подобных высказываний в присутствии отца и ни в коем случае не делиться своим новообретенным мнением о матери. Парис кивнула и встала.

— Я могу идти?

— Несомненно, — ответила Эдит.

Долго еще после ухода правнучки старуха сидела неподвижно, погруженная в собственные мысли. Наконец она потянулась к телефону и набрала номер, не указанный ни в одном справочнике.

— У меня для вас работа, Уилсон. — сообщила она тому, кто ответил. — Необходимо все сделать очень быстро и без шума.

И только потом объяснила, что требуется от собеседника.

Глава 22

— Ну, как прошел день? — поинтересовался Ной, входя в гостиную, где отец смотрел старый, фильм с Джоном Уэйном, а сестра, нацепив наушники, лениво перелистывала журнал. При его появлении Кортни сняла наушники, а Дуглас поднял глаза.

— Донельзя тоскливо, — пожаловался он надорванным голосом калеки, который считает, что все обязаны разделять его страдания. — Читал, а потом вздрогнул. А где был ты?

— Отнес на подпись бумаги Картеру, потом съездил по делам и встретился с Гордоном Сандерсоном.

— Не доверяю я Сандерсу, — проворчал Дуглас, но тут же с жаром спросил:

— Надеюсь, ты видел Слоан?

— Пришлось, — с иронической улыбкой ответил сын. — Явился туда как раз в тот момент, когда Картер вызвал ее на поединок. Пожелал узнать, чему она научилась на курсах самообороны.

— Неладно что-то в Датском королевстве, если женщинам приходится ходить на такие курсы, чтобы чувствовать себя в безопасности на наших улицах. Бедняжка Слоан! Такая милая и нежная, настоящая голубка!

— Твоя милая нежная голубка отбила папаше задницу.

Дважды.

Дуглас потрясение захлопал глазами.

— Неужели? Но я все равно жалею современных женщин. Представляете — постоянно жить в страхе, что на тебя нападут. Или еще похуже.

— Лучше пожалей грабителя! Будь я проклят, если Слоан не имеет черного пояса в karate или не знаю чем там еще она укладывала Картера на лопатки!

— Ты куда-нибудь собираешься вечером? — осведомился Дуглас, запоздало заметив, что Ной в смокинге.

— Совершенно верно.

Отец и сестра уставились на него с таким видом, словно он обрекает их на невыносимую участь, оставляя наедине друг с другом.

— И кто же эта счастливица? — с горечью буркнула Кортни.

— Я ужинаю с Парис и Слоан...

— Ну никакого стыда! Ухлестывает сразу за двумя сестрами, не боясь

инцеста! — объявила Кортни, подняв глаза к небу.

— ..и Полом Ричардсоном, — добавил Ной, обращаясь к отцу.

— А это еще кто?

— Друг Слоан.

— Несчастный, — объявила Кортни, снова натягивая наушники. — Вот-вот лишится подруги, упорхнувшей в объятия самого завидного, самого неотразимого жениха в Палм-Бич!

Оказалось, что из Кортни ясновидящей явно не вышло и предсказания ее не оправдались. Во всяком случае, пока Слоан Рейнолдс едва обращала на него внимание, что вряд ли волновало бы Ноя, если бы... если бы она не интриговала его все больше. Сидя за столиком в «Оушн-клаб», он старался не слишком пристально глязеть на нес. Но никак не мог привыкнуть к мысли, что изящная золотоволосая красавица в соблазнительно открытом черном платье для коктейлей — та самая растрепанная девица в грязных шортах, только сегодня утром уложившая Картера на обе лопатки.

Слушая, как она весело болтает с Парис и Полом, Ной никак не мог взять в толк, почему вчера посчитал ее скучной и безмозглой дурочкой. Но если сам спрашивал ее о чем-то, она отвечала однозначно и отчего-то избегала смотреть в его сторону.

Ричардсон тоже оказался настоящей загадкой. Хотя он считался приятелем Слоан, однако усиленно ухаживал за Парис, и Слоан, похоже, ничуть не возражала. А сама Парис! Потрясающая метаморфоза! Ной знал ее много лет, но сегодня в обществе почти незнакомых людей она ожила, сыпала шутками и остротами. Ной никогда еще не видел ее такой. У него сложилось странное, почти не правдоподобное впечатление, что Парис искренне симпатизирует поклоннику собственной сестры.

Не чувствуя себя Ной совершенно посторонним, чужим и ненужным, вечер мог бы показаться ему весьма занимателым.

Танцплощадка была отделена от обеденного зала решеткой, увитой тропическими растениями, и, пока они ожидали десерта. Ной решил пригласить Слоан на танец, хотя в душе был уверен, что она наверняка откажется. Он поднялся, подошел к ее стулу и поклонился:

— Разрешите пригласить, леди? Девушка испуганно посмотрела на него:

— О нет! Спасибо, но я не... не могу. С трудом подавив нахлынувшее раздражение. Ной постарался улыбнуться:

— Пол, вам тоже приходится силой тащить ее на площадку или это она только со мной такая?

— Иногда, — ухмыльнулся тот. — Ною придется подпирать стену, если ты не согласишься. У мужчин тоже есть чувства, неужели никогда об этом не слышала? Будь умницей и потанцуй с Ноем. Стыдно так себя вести.

Ной заметил, как медленно и нерешительно встала девушка, явно не замечая, какими взглядами провожают ее представители противоположного пола. Все красавицы, которых он знал, сознавали силу своих чар и пользовались ею. Но она либо ни о чем не подозревала, либо просто не обращала внимания, что, по его мнению, делало ее еще привлекательнее. Он повел Слоан за собой, но стоило обнять ее за талию, как она поспешила отстранилась и устремила взгляд куда-то поверх его плеча.

У Слоан внутри все дрожало, а тело напряглось, как скрученная пружина. Ноги отчего-то отказывались двигаться. Весь вечер Ной Мейтленд следил за ней, как ястреб, а теперь еще и танцевать пригласил. Что ему от нее нужно? Он так действовал ей на нервы, что она просто лишалась способности связно ответить на самый простой вопрос, обращенный к ней. И при этом отличался на редкость привлекательной внешностью. Женщины завистливо косились на нее, и мужчины тоже не обделяли своим вниманием, удивляясь, должно быть, что он нашел привлекательного в такой простушке. Заветная мечта Сары. Оживший кошмар Слоан.

Девушка наконец сообразила, что чем больше игнорирует его, тем сильнее притягивает, и поэтому лучший способ отделаться от Ноя — притвориться, что имеешь на него виды. Но Слоан никак не могла решиться на такой отчаянный шаг: придется, не дай Бог, строить ему глазки или по крайней мере смотреть прямо в завораживающие серебристые глаза, а на это у нес просто не хватало мужества.

Ной механически двигался в такт музыке, пытаясь вспомнить, когда в последний раз танцевал с такой же деревяшкой, как Слоан. Похоже, до сих пор ему везло. Мысленно перебрав все события, вплоть до начальной школы, он сдался и решил немного отвлечь ее ни к чему не обязывающей болтовней.

— Интересно, совершают ли мужчины Белл-Харбора ежедневные героические деяния, чтобы произвести на вас впечатление?

Несколько удивленная таким поворотом беседы и чересчур фамильярным тоном, Слоан брякнула первое, что пришло в голову:

— Нет.

— Для меня это огромное облегчение.

— Вот как?

— Счастлив, что они вообще не в силах впечатлять вас. Теперь я вправе успокоить свою израненную гордость сознанием, что не мне единственному выпало потерпеть полный крах.

На какое-то мгновение ему показалось, что она не сочтет нужным ответить, но девушка наконец подняла голову и широко открыла изумительные фиолетово-голубые глаза.

— Я хотела сказать, что они даже не пытаются, — снисходительно, словно неразумному молокососу, бросила она.

Ной мгновенно забыл о правилах приличия и этикета, соответственно которым жил и которых придерживался в общении со слабым полом. Потеряв голову, он ринулся в атаку.

— Я могу вас спросить кое о чем?

— Попытайтесь.

— Почему вы готовы говорить на любую тему, причем вполне логично и разумно, с каждым, кроме меня? Чем я перед вами провинился?

— Не могу объяснить, — выпалила Слоан, мучительно морщась от собственной глупости.

— Но вы тоже это заметили? Слоан кивнула.

Ной взглянул в эти бездонные очи и мгновенно забыл о раздражении, злости и дурном настроении.

— Как мне помочь вам расслабиться? — улыбнулся он, и от этого почти неприкрытого чувственного призыва у Слоан перехватило дыхание.

— Пытаетесь меня покорить? — без обиняков спросила она.

— Да, но, кажется, не слишком успешно, — так же откровенно признался он.

— По-моему, не стоит и начинать, — без всякого кокетства призналась она и, немного смягчившись, добавила:

— Но если когда-нибудь приедете в Белл-Харбор, познакомлю вас со своей подругой. Именно о таком мужчине она грезит по ночам. Сара идеально вам подойдет.

Господи, она, кажется, всерьез мечтает повесить ему на шею свою приятельницу! Так его еще никто никогда не оскорблял!

— Давайте лучше помолчим. Боюсь, моему «эго» нанесен сокрушительный удар, и я не в силах этого вынести.

— Мне очень жаль.

— Мне тоже, — коротко бросил он и, едва музыка смолкла, повел ее к столу. Слоан поняла, что больше она его не интересует. И вместо того чтобы прыгать от радости, почему-то ощутила тоску и холод. Ной пригласил Парис танцевать, и не успели они отойти от стола, как Пол

недовольно свел брови.

— Что у вас с Мейтлендом? Поссорились?

— Вовсе нет. Просто не знаю, что с ним делать. Он, кажется, на меня глаз положил.

— Вот и прекрасно. Не отталкивайте его.

Слоан с расстроенным видом вертела в руках бокал.

— Такого рода игры не для меня, да еще с таким серьезным противником.

— Тем более стоит на нем попрактиковаться. Представьте, что ведете следствие, и вперед! Улыбайтесь, позволяйте засыпать себя вопросами и тщательно продумывайте ответы. Да, и не забывайте смотреть ему прямо в глаза. Нет, не так, — ухмыльнулся Пол. — На вас словно столбняк напал! Выглядите роботом каким-то!

— И о чем, по-вашему, я должна его расспрашивать? — сухо осведомилась Слоан, уязвленная его неуместным весельем.

— Что первое пришло вам в голову, когда он сегодня заехал за нами?

— Гадала, сколько он платит за обслуживание своего «роллс-ройса».

— Вот тут любопытство как раз и неуместно, — предупредил Пол со смехом.

— Просто у нас мало общего, — пожала плечами Слоан, раздраженная его иронией. — Он богатый избалованный аристократ с другой галактики. Посмотрите только на его смокинг! Сколько, по-вашему, он стоит?

— И это совсем не обязательно знать, — замахал руками Пол.

— Нечего читать мне нотации, я не настолько глупа! Однако я рада, что вы находите все это забавным.

Она, кажется, по-настоящему обиделась, и Пол мгновенно принял серьезный вид.

— Слоан, нам предстоит нелегкая работа. Постарайтесь узнать, какие документы он сегодня приносил. Помиритесь с ним, а еще лучше — подружитесь. Друзья обычно откровенны между собой. Ваш отец довернет Мейтленду и, несомненно, говорит с ним на темы, которые нас интересуют, пусть и не кажутся такими уж важными с первого взгляда. Понимаете?

Слоан решила воспользоваться последними минутами уединения, чтобы обсудить гораздо более важный вопрос.

— Кстати, я узнала схему сигнализации дома Рейнолдсов.

— Рассказывайте. Это, пожалуй, нам пригодится. Торопливо изложив суть дела, Слоан добавила:

— И последнее. Парис спрашивала меня сегодня о наших отношениях, и я сказала, что между нами ничего нет.

— Ладно, так и быть. Для нас даже лучше, если она и Мейтленд будут знать правду.

— А вы понравились Парис, — с легким ехидством заметила Слоан. — Она считает вас человеком, которому можно довериться.

— Она мне тоже нравится.

— Я вовсе не это имела в виду!

— Мне все ясно, и прекратите так свирепо хмуриться. Со стороны это может показаться странным. Слоан послушно расплылась в улыбке.

— Вот так-то лучше. И займитесь Мейтлендом. Я позабочусь о Парис.

У Слоан не было ни желания, ни сил следовать наставлениям Пола, поскольку остаток вечера Ной Мейтленд обращался с ней с ледяной учтивостью, от которой кровь стыла в жилах, а сердце проваливалось в пятки.

Глава 23

Кортни заглянула на кухню, где коренастая женщина лет шестидесяти размешивала толченые орехи в тесте для блинчиков.

— Привет, Клодин. А где все?

— Твой брат решил позавтракать на террасе, — сообщила повариха, не поднимая головы, — а отец во дворе.

— Значит, можно спокойно поболтать. Хорошо еще, что ты редко болеешь! Вчера пришлось самим готовить себе завтрак, и я сожгла булочку.

— Короче, просто чудо, что вы сумели выжить, — без всякого сочувствия пробурчала Клодин.

— Когда я вырасту, обязательно найму повара француза!

— Прекрасно, и в два счета растолстеешь как бочка. Впрочем, так тебе и надо!

Ничья!

Посчитав обычную утреннюю перепалку законченной, Кортни ухмыльнулась и поспешно ретировалаась, бросив на ходу:

— Пожалуй, блинчики мне вредны. Съем-ка я тост с сыром.

Выбежав на террасу, девочка едва не наткнулась на сервировочный столик, на котором стоял графин со свежеотжатым апельсиновым соком. Она налила себе стакан и неспешно спустилась ярусом ниже, где под ярко-желтым зонтиком устроился Ной с неизменной газетой в руках.

— Ну как обстоят дела со Слоан Рейнолдс?

— Никак, — коротко обронил он, продолжая читать.

— Не может быть! — с неподдельным восторгом завопила Кортни, плюхаясь на соседний стул. — Неужели облом?

Прежде чем ответить, Ной принялся терпеливо переворачивать страницы, пока не дошел до финансовой колонки.

— Сбит и загорелся в воздухе, — пробормотал он.

— Да она, должно быть, просто слепа!

Ной принял ее реплику за проявление сестринской поддержки и благодарно улыбнулся.

— Спасибо, дорогая.

Но Кортни мигом рассеяла его заблуждение.

— Только слепая или неграмотная не сумела бы прочесть твою декларацию о доходах, иначе давно бы уже сидела у тебя на коленях и ластилась, как кошечка!

Не дождавшись предвкушаемой «бурно» реакции, сестра лениво оглядела газон.

— Где наш родитель?

— В последний раз я видел его, когда он старательно уродовал крайнюю клумбу.

Кортни посмотрела в указанном направлении.

— Ах да... вон там вроде кто-то выглядывает. Готова заложить последний цент — ищет Слоан! Вчера примерно в это время они и познакомились.

Ной мгновенно встрепенулся, и Кортни мысленно это отметила.

— Может, это только тебе не повезло, а наш папочка окажется удачливее? Что, если она предпочитает мужчин постарше? Черт, как бы и мне взглянуть на это чудо? Пожалуй, спущусь-ка я вниз и погуляю неподалеку.

— Не смей! Веди себя прилично и не позорь Мейтлендов!

— Забыл, братец, что это мое хобби?

Кажется, сестра права: недаром старый лис не отходит от живой изгороди! Ной вздохнул и осуждающе покачал головой.

— Недавно звонил Роджер Киллмен. Беги и скажи, чтобы связался с ним. Ведет себя как последний идиот!

— Ревнуешь?

— Довольно! — резко осадил ее Ной, но тут же пожалел о своей грубоści и уже мягче спросил:

— Неужели так трудно выполнить мою просьбу без всяких споров и колкостей?

— Наверное, — вдруг улыбнулась Кортни, наблюдая, как отец, радостно замахав рукой, направился к кустам. Минуту спустя возле него остановилась блондинка в шортах и футболке. Кортни хитро прищурилась. — Постараюсь привести его во что бы то ни стало, — пообещала она, вскакивая.

Слоан из последних сил отбивалась от приглашения на завтрак, придумывая все новые причины, но Дуглас с неизменной улыбкой отвергал все ее протесты и наконец пустил в ход последний аргумент.

— Ваши родные встают едва ли не к полудню, так что еще успеете с ними встретиться, — решительно объявил он и, подхватив ее под руку, повел по идеально подстриженному газону к широкой трехступенчатой террасе из серого известняка. На каждом ярусе были расставлены столики под цветными зонтиками, шезлонги и белые стулья со спинками из кованого железа, с ярко-желтыми подушками на сиденьях. Только подойдя

поближе, Слоан запоздало сообразила, что за одним столиком уже сидят мужчина и девушка. Ей не нужно было вглядываться, чтобы узнать Ноя Мейтленда. Точеный профиль, блестящие черные волосы и широкие плечи навек запечатлелись в ее памяти, и нервная система мгновенно ответила выбросом адреналина в кровь: сердце бешено заколотилось.

Она лихорадочно пыталась придумать предлог, чтобы улизнуть незамеченной, но тут девушка вскочила и направилась к ним.

— Сейчас вы познакомитесь с моей дочерью Кортни, — жизнерадостно сообщил Дуглас и чуть крепче сжал локоть Слоан, будто почуяя ее желание поскорее убраться отсюда. — Боюсь, впечатление будет неизгладимым. Во всяком случае, не многим удается это пережить. Ее мать была моей четвертой женой. Прелестная женщина, но после рождения Кортни решила, что дети — не ее стихия. Кортни видела ее всего несколько раз, так что, к сожалению, была лишена материнской ласки, и последствия оказались необратимыми, поэтому приходится делать скидку на пробелы в воспитании.

Высокая худая девочка с круто завитыми темными волосами, забранными над левым ухом в толстый конский хвост, шагала с жеребячей грацией, абсолютно не соответствовавшей представлению Слоан об избалованной, спесивой, капризной девице. Первые слова Кортни также оказались неожиданными.

— Ведь вы Слоан, верно?

Слоан кивнула, и Кортни протянула руку.

— Просто умирала от желания познакомиться с вами! Я Кортни.

Застигнутая врасплох, Слоан была просто очарована искренностью, лукавой улыбкой и фамильными серебристо-серыми глазами девочки.

— Очень рада, — заверила она, пожимая ладонь Кортни.

— Сначала все так говорят, но потом отчего-то меняют свое мнение.

Слоан часто приходилось иметь дело с тинейджерами, и теперь она безошибочно чувствовала, что, если не найдет подходящего ответа, выкажет непростительное равнодушие к этой забавной девчонке.

— Почему же, Кортни?

— Видите ли, обычно я говорю то, что думаю.

— Нет, дорогая, не поэтому, — мягко поправил Дуглас. — Это потому, что ты вообще не умеешь думать.

Кортни не обратила внимания на упрек и помчалась к ступенькам террасы, вынуждая спутников почти бежать следом.

— Ной тоже счастлив вас видеть, — провозгласила она, подбегая к столу. — Ной, смотри, кого я нашла!

Судя по выражению лица Ноя, он отнюдь не был счастлив, скорее наоборот. Глаза его раздраженно блеснули, однако он поспешил опустить ресницы, отложил газету и учтиво поднялся.

— Доброе утро, Слоан, — приветствовал он с безупречной ледяной корректностью.

— Я устроил ей засаду на пляже, — признался Дуглас, усаживая девушку, — и заманил в ловушку.

Кортни расположилась слева от Слоан, и на террасе тут же появилась женщина с подносом, на котором стояли кофейник и чашки.

— Мы будем завтракать вчетвером, Клодин, — сообщил Дуглас. — Слоан, чего бы вам хотелось?

— Того же, что остальным, — пробормотала Слоан, пытаясь не обращать внимания на явную неприязнь Ноя. Подумать страшно, каким испытанием обернется для нее этот завтрак!

Но тревоги оказались напрасными. Пока Клодин разливала кофе, Кортни без умолку трещала. Наконец, подперев подбородок кулаками, она хитро подмигнула.

— Интересно, каково это — быть единственной женщиной в Палм-Бич, за которой ухлестывают все мужчины семейства Мейтлендов? Кстати, кто вырвался вперед?

Может, она ослышалась?!

— Прости, — недоуменно моргнула Слоан, — я что-то не поняла.

— Кортни, пожалуйста... — начал было Дуглас, но тут же осекся.

— Ной сказал, что вчера вечером его прокатили, — пояснила Кортни. Дуглас расплылся в широкой улыбке:

— В самом деле?

— Нет, я...

Слоан исподтишка глянула на Ноя, угрожающе взирающего на невозмутимую Кортни.

— Да-да, именно! — сообщила Кортни отцу. — Ной сам сказал мне сегодня утром. Я спросила, поладили вы или нет, и Ной пожаловался, что его сбили и подожгли на лету.

— Вовсе нет, — с отчаянием выпалила Слоан, — ты просто не так поняла. Он... он даже не поднялся с земли...

Она сама не сообразила, что сказала, пока Дуглас не разразился оглушительным хохотом. Кажется, дело плохо. Нужно немедленно взять ситуацию под контроль, иначе Бог знает до чего они дойдут!

И поскольку Ной показался ей единственным относительно нормальным человеком из всей компании, Слоан наградила его жестким

взглядом.

— Я хотела сказать, — объяснила она, отчетливо выговаривая каждое слово, — что вы не могли рухнуть на землю, охваченный пламенем, просто потому, что даже не пытались... не пытались...

В глазах Ноя блеснули смешливые искорки.

— ..взлететь?

— Совершенно верно, — подчеркнула Слоан. Ну и ну! Она пробыла за столом не больше пяти минут и при этом чувствует себя так, словно шагает по минному полю! — Спасибо за помощь.

Ной искал предлога, чтобы поскорее убраться с террасы, но при виде признательно-смущенного лица Слоан мгновенно передумал.

— Не благодарите. Кто знает, чем вес обернется?

— Вероятно, ты был не в очень хорошей форме, Ной, верно? — заключила Кортни.

— Вероятно, — сухо согласился он.

Видя, что брата так просто не возьмешь, Кортни решила переключиться на более уязвимую мишень и накинулась на Слоан.

— Ной сказал, что у вас черный пояс по karate и он сам видел, как вы швырнули Картера прямо на задницу...

— Это не karate, — перебила Слоан, пытаясь держать себя в руках.

— Что же именно?

— Этому учат на курсах самообороны. Различные приемы, взятые из восточных единоборств от таэквондо до джиу-джитсу.

— А karate вы занимались?

— Да.

— И черный пояс получили?

— Я преподаю женщинам самозащиту, — уклончиво заметила Слоан. — На общественных началах.

— А мне покажете хоть пару приемчиков?

— До сих пор именно нам приходилось обороняться от тебя, — ехидно уточнил Дуглас.

Слоан, пожалуй, была склонна с ним согласиться. Но не смогла устоять перед неукротимой воительницей.

— Да, если хочешь.

— Обещаете?

— Общаю.

Пытаясь выиграть время, Слоан поднесла к губам стакан с водой, не в силах придумать, как отвлечь Кортни от допроса, в котором та, по-видимому, находила искреннее удовольствие, и едва не поперхнулась, когда

Кортни услужливо подсказала:

— Обычно на этом месте посторонние начинают допытываться, какие предметы я прохожу в школе и в какой колледж собираюсь поступать.

Слоан проглотила виноватый смешок и мужественно встретила понимающий взгляд и сочувственную улыбку Ноя. Она-то думала, что он ведет ничем не омраченную жизнь плейбоя, не ведая проблем и трудностей простых смертных, и, обнаружив, что ему приходится терпеть капризы бойкой, нахальной девчонки, невольно прониклась состраданием к этому человеку, сразу ставшему более близким и чем-то симпатичным.

Суровое выражение ее лица внезапно смягчилось, она улыбнулась Ною и вновь повернулась к Кортни. О чём можно говорить с этим въедливым созданием? Наверное, не стоит лгать и притворяться...

— Бьюсь об заклад, — спокойно заметила Слоан, — твой коэффициент умственного развития прямо-таки зашкаливает.

— Верно. И у Ноя тоже. Ну а теперь расскажите, куда вы ездили прошлой ночью? И где ухитрились сбить Ноя одним залпом?

— Мы были в «Оушн-клаб», и я ничего подобного... — начала Слоан.

— Мы танцевали, — с невинным видом пояснил Ноу. — Я делал все, чтобы завлечь Слоан, а она предложила познакомить меня со своей подругой.

Дуглас восторженно рассмеялся, а Кортни воззрилась на нее с неприкрытым уважением.

— Вы в самом деле равнодушны к его ослепительной внешности и легендарному богатству? Или просто разыгрываете из себя недотрогу?

Задохнувшись от неожиданности, Слоан взглянула на Ноу, которому, очевидно, не терпелось услышать ответ.

— Не держите нас в напряжении, дорогая. — с выжидающей улыбкой взмолился Дуглас.

Сама ситуация была настолько не правдоподобной, что Слоан закрыла лицо руками, откинулась на спинку стула и засмеялась смехом, таким заразительным, что остальные последовали ее примеру. Когда она попыталась что-то объяснить, у них сделались такие лица, что она снова расхохоталась.

— Я совсем не умею флиртовать, — едва выговорила Слоан, немного успокоившись. — Будь у меня под рукой телефон, непременно бы позвонила своей подруге Саре и спросила... спросила...

— О чём? — не выдержала Кортни.

— Что ответить человеку, который спрашивает, как произвести на меня впечатление.

— Как бы невзначай упомяните о драгоценностях, — посоветовал Дуглас. — Бриллиантовый браслет — лучший подарок.

Столь меркантильное предложение, разумеется, вызвало у Слоан новый приступ веселья.

— Именно так и поступают богатые обитательницы Палм-Бич? — фыркнула она и, растеряв все смущение, улыбнулась Ною. — Интересно, что бы вы сказали, если бы я намекнула на бриллиантовый браслет?

Ной жадно уставился на ее мягкий соблазнительный рот, сияющие, опущенные густыми ресницами глаза необыкновенного сиренево-голубого оттенка, в которых не было ни капли расчетливости и хитрости, залитые нежным румянцем щеки. Пряди волос, выбившиеся из французской косы, сверкали на висках золотыми проволочками. Прекрасная, юная и отважная, она излучала какое-то внутреннее сияние, сияние неподдельной жемчужины. Какое счастье, что эта женщина встретилась на его пути!

Он заметил, как она смущается под его испытующим взглядом, как старается отвернуться, и снова удивился. Насколько она не похожа на избалованных, пресыщенных женщин его круга!

— По зрелом размышлении, — пошутил Дуглас, словно прочитав мысли сына, — что такое браслет? Пустяки! Нет, как бы не продешевить! Лучше уж сразу требовать, бриллиантовое колье!

Атмосфера значительно потеплела, и потекла непринужденная беседа. Время летело незаметно, и, когда убрали последние тарелки, Слоан уже чувствовала себя почти другом семьи, в основном благодаря Кортни. Будучи по убеждениям истинной демократкой, не признававшей ни возраста, ни авторитетов, девочка засыпала одинаково дерзкими репликами и вопросами как гостью, так и отца с братом, не щадя никого. К концу завтрака все три жертвы объединяло общее ощущение беспомощности, участия друг к другу и желание хорошенько врезать нахальной негодяйке.

Всего за какой-нибудь час Слоан узнала поразительные вещи о мужчинах, включая тот факт, что в течение трех лет Ной был женат на некой Джорданне, которая, по-видимому, окончательно отвратила его от идеи брака. И что две жены Дугласа были ровесницами самой Слоан.

Кортни не щадила отца, но тот все ей спускал — в отличие от брата, который терпел лишь до определенного предела и не переносил никакого упоминания о своей работе. Он не обращал внимания на ехидные замечания сестры относительно его личной жизни и даже женщин, с которыми встречался, но когда она попробовала покритиковать его «деловых партнеров». Ной напрягся и зловеще прищурился.

— На твоем месте я не стал бы распространяться на эту тему, —

предостерег он, и, к удивлению Слоан, девочка осеклась на полуслове и притихла.

Клодин попыталась было налить Слоан еще кофе, но девушка посмотрела на часы и покачала головой.

— Никогда не ела таких изумительных блинчиков, — похвалила она просиявшую Клодин. — Но мне пора, иначе начнется переполох и меня станут искать.

— Подождите, — умоляюще попросила Кортни. — Почему вы начали изучать самооборону?

— Чтобы как-то компенсировать недостаток роста, — беспечно обронила Слоан и, встав, улыбнулась молодой хозяйке:

— Спасибо за лучший завтрак в моей жизни. И за то, что в вашем обществе я почувствовала себя членом дружной семьи.

Кортни, кажется, потеряла дар речи, но, возможно, Слоан всего лишь это показалось, потому что не успела она опомниться, как Ной поднялся и предложил проводить ее домой'.

Дуглас и Кортни молча глядели вслед красивой паре Наконец, положив босые ноги на стул брата, Кортни пошевелила пальцами, любуясь коричнево-красным лаком, и спросила отца: . — Ну? Что ты теперь думаешь о Слоан?

— — Она не просто красива, а восхитительна, — отозвался тот. — Кроме того, — мягко добавил он, кладя ложечку сахара в кофе, — помоему, ты перешла всяческие границы. Раньше ты хотя бы пыталась держать себя в руках перед посторонними, но сегодня утром окончательно распустилась.

— Знаю, — жизнерадостно согласилась девочка. — Я была великолепна! Ною следовало бы удвоить мои карманные деньги за все то, чего я добилась!

— И чего же, спрашивается, ты добилась?

— Но разве это не очевидно? Слоан немного успокоилась — да что там, попросту освоилась в нашем обществе. Сначала она очень нервничала, и неудивительно. Она никого здесь не знает и даже с родными познакомилась только позавчера. Всю жизнь прожила в маленьком городке, понятия не имеет, как нужно флиртовать, и, уж конечно, без гроша за душой.

— Уверен, что Картер обеспечил ее и бывшую жену, — Ну... если бы ты слышал ее ответы на мои вопросы, вместо того чтобы пожирать взглядом ее большие прекрасные...

— Кортни!

— Глаза. Я хотела сказать — глаза, — докончила девочка. — Так или иначе, будь ты повнимательнее, узнал бы, что ее мать работает продавщицей в бутике, а Слоан окончила местный колледж и при этом работала неполный рабочий день. И после этого будешь оправдывать Картера? И надеюсь, понимаешь, к чему я клоню?

— Не понимаю, при чем тут...

Кортни даже глаза закатила, возмущенная тупостью отца.

— Учитывая все это, можешь представить, как она должна была растаять от Ноя! Высокий сексуальный красавец брюнет, к тому же богатый и утонченный! Я из кожи вон лезла, чтобы немного его приземлить.

Чтобы он казался ей не божеством каким-то, а обыкновенным мужчиной!

— Понятно, — сухо буркнул Дуглас. — Именно поэтому ты величала бывшую жену Ноя не иначе как ведьмой Гингемой и намекала, что у его любовницы зубы торчат?

— Я ни разу не употребила слово «любовница»! — негодующе возразила Кортни. — Подобные понятия слишком уж крутые для простой девушки вроде Слоан. Не хватало еще отпугнуть ее! И я называла Николь только по имени!

Наклонившись, чтобы отколупнуть лепесток отслоившегося лака, девочка театрально вздохнула:

— Бедняжка Слоан! Вот увидишь. Нои включит свое обаяние на полную мощность. Начнет приглашать ее на яхты, соблазнять дорогими безделушками, окружит вниманием и таки заманит в постель. Она, разумеется, втюрится в него, как большинство женщин, и только потом обнаружит, что он бездушнее робота и единственная его страсть — пачки зелененьких. Он, разумеется, с головой погрузится в дела, так что будет уже не до нее. Она станет плакать и дуться, пока ему все это не надоест. Тогда он без всяких церемоний отделяется от нее и разобьет глупышке сердце. Знаешь, — торжественно сообщила она, — не будь я преданной, любящей сестрой, непременно объяснила бы Слоан, какой он подонок!

Проклятая застенчивость, которую Слоан совсем было преодолела за завтраком, вернулась с новой силой, едва она оказалась наедине с Ноем. Но вскоре девушка забыла обо всем, особенно когда он стал расспрашивать, любит ли она морские прогулки, и даже рассказал о том, как Кортни и Дуглас попали в шторм недалеко от берегов Нассау и чуть не погибли.

Немного не доходя до дома Картера, они увидели компанию малышей,

увлеченно строивших песочный замок. Самый младший, пухленький крепыш полутора лет, еще нетвердо державшийся на ногах, храбро старался не отставать от старших и довольно бойко передвигался с ведерком в руке, но, пробегая мимо Слоан, споткнулся и Упал.

— Нужна помощь? — посочувствовала она, присаживаясь на корточки.

Все еще не выпуская ведерка, ребенок неуклюже перевернулся, сел и обиженно заорал. Слоан подхватила перемазанного в песке мальчишку и, смеясь, прижала к себе.

— Не плачь, карапузик! — весело уговаривала она. Няня, с которой Слоан успела познакомиться утром, встрепенулась было, но не тронулась с места, видя, что все в порядке. — Все будет хорошо, вот увидишь.

Мальчик постепенно успокаивался, вытирая глаза грязными кулаками и судорожно икая. Слоан поставила его на землю и взяла за руку.

— Мы поможем тебе, — снова пообещала она и вопросительно уставилась на Ноя. — Правда?

Ной, словно загипнотизированный, долго молча смотрел в ее умоляющие глаза, потом с трудом перевел взгляд на выполненное надежды лицо малыша и потянулся за ведерком. Слоан и мальчик одновременно расплылись в улыбке. И тут Ноя осенило. Словно громом ударило.

Он хотел ее.

Невыносимо.

Глава 24

— Дети — такие забавные существа, — заметила Слоан, когда они отошли от почти завершенной крепости из леска. Теперь, когда воды было в избытке, работа шла полным ходом.

— Это вы забавное существо, — пожал он плечами, явно не разделяя ее восторгов.

— Спасибо за столь лестное мнение. Разве вы не любите детей?

— Нет, не люблю.

— Не может быть! — Она, по-видимому, настолько расслабилась и потеряла бдительность, что позволила себе задать вопрос, показавшийся ей самой неприлично-бестактным, едва слова слетели с губ:

— Именно поэтому у вас никогда не было своих детей?

— Видите ли, мне исполнилось двадцать пять, когда родилась Кортни, и это излечило меня от всяких иллюзий насчет детей. Нет уж, родительские обязанности не для меня. Хватит и взбалмошной сестрицы!

— Кажется, я сунула нос не в свои дела, — чистосердечно пожалела Слоан. — Вообще не стоило заводить этот разговор.

— Можете спрашивать меня обо всем на свете, и я постараюсь ответить как можно откровеннее. Предпочитаю правдивость и искренность.

С самого завтрака Слоан мысленно готовила себя к тяжелому испытанию. Она действительно не привыкла флиртовать с мужчинами, а этот к тому же просил ее о невозможном. О честности и откровенности. У Слоан тревожно сжалось сердце.

— К-конечно, — запинаясь, пробормотала она.

— Вы упустили прекрасную возможность ответить мне тем же и заверить, что я тоже имею право на любые вопросы, а вы ответите мне с таким же прямодушием.

— Не уверена, что это такая уж светлая мысль, — настороженно отозвалась Слоан, и Ной расхохотался.

— Все-таки, по-моему, стоит попробовать. Не согласны? Он остановился у высоких кустов, загородивших забор поместья Картера от посторонних глаз.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — подтвердил Ной и с пугающей прямотой признался:

— Я хотел бы, пока вы здесь, почаще видеться с вами. Начиная с

сегодняшнего вечера.

— Не могу, — отказалась Слоан, мгновенно впадая в панику. Да что это с ней? Почему она так по-дурячки себя ведет?

— В чем же дело?

— На это есть три важные причины: Парис, Пол и Картер.

— Вчера Парис заверила меня, что вы с Полом только друзья. Я не питаю никаких чувств к Парис, и поскольку к Картеру мы, оба равнодушны, не вижу никаких препятствий.

— Нет. Я имела в виду, что должна проводить как можно больше времени с ними.

— Это можно уладить. На пути нашего более близкого знакомства есть еще какие-то преграды?

— Близкого? Насколько? — уклончиво спросила Слоан, но он мгновенно раскусил ее увертки.

— Давайте не играть друг с другом в эти недостойные игры. На своем веку я уже все это пережил и не думаю, что вам они понравятся, даже если вам известны правила.

Не зная, как выкрутиться, Слоан подняла маленькую раковину и сделала вид, что внимательно ее изучает. Ной терпеливо ждал, пока она поднимет голову.

— Поверьте, больше всего мне нравится в вас именно естественность. Неподдельность, если можно так выразиться. Однако трудно не заметить, что, оставаясь наедине со мной, вы ведете себя так, словно попали в лапы к тигру. Что вас тревожит?

Слоан не могла не задаться вопросом: кем бы он посчитал ее, узнав правду?

«Когда я остаюсь наедине с тобой, мне не дает покоя мысль, что я вовсе не дизайнер, а коп, да еще получивший задание пробраться в дом отца под благовидным предлогом. И Пол вовсе мне не друг. Что бы ты сказал, узнав, что я привезла с собой агента ФБР? И кстати, он совсем не против, чтобы я заодно шпионила и за тобой. Честность и откровенность? Да такой подлой дряни ты еще не видывал! И не моя вина, что меня тянет к тебе как магнитом! В животе все переворачивается при мысли о том, как ты поступишь, когда все выплынет наружу!»

— Я вам нравлюсь? — неожиданно спросил Мейтленд, и у Слоан сложилось отчетливое впечатление, что ответ ему заранее известен.

— Вы и без того все знаете, — с трудом выговорила она. — Не всякую правду стоит произносить вслух.

Ной засмеялся и, нагнувшись, легонько притронулся поцелуем к ее

губам.

— Слава Богу, хоть это выяснили. Первый шаг — самый трудный. Теперь все пойдет легче.

Слоан молча смотрела на него, едва удерживаясь на ногах под натиском желания, тоски и отчаяния.

Она ожидала, что Ной рас прощается у двери, но он последовал за ней в дом. Откуда-то слышался голос Пола, сопровождаемый взрывом смеха, звучавшим странным диссонансом в этом доме, скованном ледяной чопорностью и холодным достоинством.

— Похоже, все в столовой, — заметила она Ною. Завтрак, очевидно, давно закончился, и Парис рассматривала фотоальбом, который держал перегнувшись через ее плечо Пол.

— Да эта теннисная ракетка больше вас! — объявил он.

— Тогда ей было всего три, — вставила Эдит. — Именно в таком возрасте и я начала брать уроки.

Присутствующие обернулись, и улыбка Картера словно примерзла к губам.

— Вы провели вместе все утро?

— Мой отец и Кортни подстерегли Слоан на обратном пути с пляжа и вынудили позавтракать с нами, — мгновенно нашелся Ной.

Очевидно, Картер поверил ему и, мгновенно успокоившись, добродушно предупредил:

— Поосторожнее с Дугласом, Слоан. Известный бабник. Но Эдит, очевидно, провести было куда сложнее. Слоан заметила, как мрачно старуха уставилась на Ноя.

— Вы слишком распустили свою сестру, Мейтленд. Вам давно следовало бы ее обуздать. Она отвратительно воспитана!

— Кортни одинока и скучает, — мягко возразила Слоан. — На редкость умна и способна, просто у нее нет своей компании, а со сверстниками никак не познакомится. И потому старается привлечь к себе внимание, шокируя взрослых. С детьми так часто бывает.

Опять она осмелилась открыто противоречить Эдит, да еще при посторонних!

Девушка поспешила загладить свой непростительный, с точки зрения старухи, поступок.

— Доброе утро, пррабушка, — ласково пробормотала она, погладив Эдит по плечу.

Суровая физиономия пожилой леди несколько смягчилась.

— Доброе утро, — буркнула она.

— Слоан очень любит детей, — вмешался Ной, наливая себе кофе. — Даже Кортни.

— Терпеть не могу детский визг, — фыркнула Эдит. — В этом у нас с вами много общего.

— Совершенно верно, — согласился Ной.

— Именно по этой причине я возражала против вашей с Парис свадьбы.

Бестактное замечание вынудило слугу поспешно выскользнуть из боковой двери, и Слоан решила последовать его примеру.

— Мне нужно умыться, — торопливо заметила она, выбегая в холл.

Пол тоже встал.

— Я хотел бы кое-что достать из машины, — извинился он, но, вместо того чтобы выйти во двор, уселся в гостиной и принял листать журнал.

— Я не шучу, Ной! — строго воскликнула Эдит. — Не для того я прожила девяносто пять лет, чтобы видеть, как Парис оказалась последним листком на нашем фамильном древе!

— По-моему, вы забыли о Слоан, — вежливо напомнил Ной, стараясь сменить скользкую тему. Как им не надоест твердить об одном и том же и бесцеремонно лезть в чужие дела!

— Вы правы, — чуть пристыженно призналась Эдит. — Слишком мало я ее знаю, чтобы питать к ней родственные чувства, но, разумеется, нельзя сбрасывать ее со счетов.

Ной уже хотел было что-то сказать, но следующая реплика Картера словно окатила кипятком. Кровь бросилась ему в голову. Он едва не взорвался, но верх взяла обычная сдержанность.

— Будет иметь Слоан детей или нет, она никогда не станет членом нашей семьи! — безапелляционно заявил Рейнолдс. — Она не получила надлежащего воспитания, и сейчас уже слишком поздно что-то предпринимать. Дети Слоан воспримут ее собственные ценности и мировоззрение! Мировоззрение серенького большинства.

— Она еще успеет многому научиться, — храбро вступилась Парис.

— Я не спрашивал твоего мнения, Парис, и будь добра воздержаться от неуместных реплик. Можешь считать ее своей сестрой, но это никого не касается. Наши друзья, не знают ее, никогда о ней не слышали и, уж конечно, не примут...

— Предлагаю решить вашу проблему. Картер, — почти грубо перебил Ной. — Что собираетесь делать вечером?

— Пока Слоан и Пол здесь, стараюсь не строить особых планов, —

ответил Картер, застигнутый врасплох непривычно холодным тоном Ноя. — Возможно, вы и Парис хотите провести с ними время, показать город и развлечься, как принято у молодых людей.

— Прекрасно. Поскольку вы сегодня не заняты, можно дать прием в честь Слоан и представить ее вашим приятелям, сделав все от вас зависящее, чтобы они ее приняли.

— Невозможно, — фыркнул Картер, качая головой.

— Необходимо, — сухо возразил Ной. — Чем дольше вы тяннете, тем больше сплетен поползет по городу не только о ней, но и о вас. Не думаете, что люди станут гадать, почему вы так боитесь показать свою дочь? Кроме того, мой отец уже раззвонил о ней своим приятелям, так что новость распространится со скоростью лесного пожара.

— Да будьте же благоразумны! Она прогостит здесь всего две недели и уедет навсегда. Кроме того, прием будет для нее тяжким испытанием. Вряд ли она согласится.

— Ничего, придется немного потерпеть, — с плохо скрытым сарказмом усмехнулся Ной.

— А по-моему, это чудесная мысль, — обрадовалась Парис и тут же съежилась под ледяным взглядом отца, но не опустила глаз.

— Парис, — уничтожающе бросил он, — твои замечания начинают раздражать…

— Ты всегда раздражаешься, когда не прав, Картер, — вмешалась Эдит. — А вот я согласна с Ноем и Парис. Мы должны дать прием, и чем скорее, тем лучше.

— Прекрасно, — сдался Картер, воздев руки к небу, и немедленно сорвал злость на дочери:

— Ты сама твердила, что желаешь как можно больше времени проводить со Слоан, а вместо этого придется заняться организацией совершенно не нужного ей приема и посыпать приглашения людям, которые придут глазеть на нее, как на мартышку в зоопарке, но никогда не посчитают своей.

— Ничего подобного не произойдет, — рявкнул Ной, — если вы будете вести себя так, словно требуете, чтобы они приняли ее. Если боитесь, что недостаточно влиятельны и не сумеете на них надавить, я счастлив посодействовать вам и помочь ввести Слоан в наш круг.

Итак, перчатка брошена!

— Я возьму на себя ваши заботы, — совершенно иным, мягким тоном обратился он к Парис. — Немедленно попрошу миссис Сноуден проследить за устройством приема и не упустить из виду ни одной мелочи.

У вас, конечно, имеется список гостей на все случаи жизни?

Девушка кивнула.

— Прекрасно! Значит, вам остается только попросить слуг приготовить дом и предоставьте миссис Сноуден заняться остальным.

— Я предупрежу слуг, — пообещала Эдит, — а Парис и Слоан пусть немедленно отправляются к парикмахеру и приведут себя в порядок. На такие вещи уходит немало времени.

В этот момент вошла Слоан и обвела смущенным взглядом собравшихся, сбитая с толку злобной гримасой Картера.

— Мы куда-то едем? — несмело поинтересовалась она, когда все смолкли и уставились на нее.

— «Мы даем сказочный прием в твою честь! — воскликнула Парис. — Ной, спасибо за помощь и миссис Сноуден. Только боюсь, ей придется приглашать гостей по телефону.

— Миссис Сноуден обожает неразрешимые проблемы.

— Не нужно мне никакого приема, — робко вставила Слоан. — Не хочу никого затруднять.

— Ну, что я вам говорил? — победоносно провозгласил Картер.

Слоан уже хотела поддержать его, но тут Ной надменно сообщил:

— Боюсь, что в этом случае решать не вам. Простые правила приличия требуют, чтобы ваша семья представила вас своим знакомым, а это возможно сделать, только собрав всех вместе.

Слоан интуитивно чувствовала враждебно-натянутую атмосферу и никак не могла понять, в чем причина. Из-за чего не поладили мужчины? Она было собралась осадить Ноя, но, увидев, как взволнована Парис, не могла заставить себя пойти против сестры. Да и упрямое лицо Эдит мало обнадеживало.

— В таком случае, — нерешительно улыбнулась она, — я приглашаю Кортни.

Ной кивнул, и Слоан, чтобы не искушать судьбу, решила удрать поскорее.

— Пожалуй, пойду к себе. Парис отодвинула стул и встала.

— Списки гостей у меня в компьютере. Сейчас распечатаю, — пообещала она и, к нежданной радости Слоан, догнала сестру в дверях, взяла под руку и прошептала:

— У нас сегодня куча дел! Поедем по магазинам, уложим волосы, заглянем к массажистке. Пол сказал, что у него дела...

Слоан была так угнетена перспективой оказаться выставленной перед любопытными гостями, которые, естественно, станут беззастенчиво

обсуждать ее, сплетничать и выносить приговоры, что она безропотно позволила Парис подвести ее к двери комнаты, находившейся справа от гостиной. Когда Парис повернула ручку замка, Слоан ошеломленно отступила, но тут же сообразила, что эта огромная, роскошно обставленная комната может быть только кабинетом Картера. Именно отсюда появлялся время от времени Гэри Дишлер.

В дальнем конце возвышался резной письменный стол из красного дерева. Стены были уставлены книжными стеллажами. Парис подошла к столу, вынула из ящичка ключ и открыла дверь в стене. Взгляд Слоан упал на компьютерный монитор. На экране высветилась панель с требованием ввести пароль. Парис уселась в кресло, и пальцы забегали по клавиатуре. У Слоан от волнения замерло сердце.

— Мой пароль —» Франция «, — пояснила сестра. Слоан молча наблюдала, как Парис вызывает файл» Список гостей Палм-Бич» из директории «Список адресов» и включает лазерный принтер.

Слоан внимательно приглядывалась к панелям на мониторе, где были указаны программы и, возможно, типы информации, которую Картер перекачивал в компьютер.

Но прежде чем она успела что-то понять, Парис вынула страницу из принтера и поднялась, загородив собой монитор.

— Как по-твоему, разрешит мне Картер воспользоваться его компьютером? — небрежно осведомилась Слоан. — Я бы хотела послать несколько писем электронной почтой и посмотреть, нет ли сообщений для меня.

— До чего забавно слышать, что ты называешь его по имени, — улыбнулась Парис. — Он, разумеется, не станет возражать, если только в этот момент машина не понадобится ему самому.

— А он часто пользуется компьютером? — взволнованно допытывалась Слоан.

— Да, но не подолгу. Обычно связывается с компьютером в банке Сан-Франциско, чтобы знать, как обстоят дела. Ну и еще для всяких финансовых операций.

Слоан поняла, что сестра имеет в виду фонд Рейнолдсов.

— А чем он еще занимается?

— Понятия не имею. Папа не любит обсуждать бизнес. Говорит, что женщинам ни к чему разбираться в подобных вещах.

Она сложила страницы, закрыла дверцы, убрала ключ и взяла карандаш из обтянутого кожей стаканчика.

— Сейчас отнесу Ною. Кстати, я уже одета для выхода. Жду тебя через

пять минут. Проведем день в неге и роскоши и приготовимся к твоему дебюту.

Слоан оставила сестру у лестницы и помчалась к себе. Парис принесла список в столовую, села за стол и, пробежав глазами длинный столбец имен, подняла глаза.

— Сколько приглашенных будет на приеме? Учтите, что мы предупреждаем их в последнюю минуту и у многих свои планы, так что придется звать в два раза больше народа.

— Не стоит, — прощедил Картер. Но Мейтленд словно не слышал его.

— Поставьте галочку напротив тех, кого хотите видеть, остальных добавлю я. В конце концов, мы вращаемся в одном и том же обществе.

Парис последовала его совету и вручила Ною все одиннадцать страниц.

— Я попрошу миссис Сноуден все устроить, — пообещал он, вставая. — Назначаем на семь вечера?

— Превосходно, — согласилась Эдит. — Погода прекрасная, думаю, можно устроить вечеринку на открытом воздухе.

— Посмотрю, что можно сделать, — пообещал Ной, направляясь к двери.

— Постарайтесь, чтобы чертов прием выглядел поскромнее, — напомнил Картер.

Эдит тотчас же поддержала его, забеспокоившись о расходах.

— Нет ни малейшей необходимости в излишней расточительности. И никакого банкета! Можно ограничиться закусками, — ворчливо заговорила она. — Двое наших слуг могут выполнять обязанности официанта и бармена, не стоит никого нанимать со стороны.

— Я обо всем позабочусь, — кротко пообещал Ной, не оборачиваясь.

— Нам понадобится шампанское, — вмешалась Парис.

— Американское, — немедленно уточнила Эдит. Он уже заворачивал за угол, когда за спиной послышались легкие шаги.

— Ной, — встревоженно пробормотала Парис, понизив голос, — может, стоит подождать с приемом?

Ной рассерженно стиснул зубы.

— О чем ты так волнуешься? — выдавил он. — О расходах? О том, что фамильный скелет наконец вывалится из шкафа? Или боишься уступить сопернице?

Девушка отпрянула, как от пощечины.

— Что это ты несешь?

— А ты? — взорвался Ной.

— Я... по-моему, лучше подождать и устроить чудесный вечер вместо того убожества, что задумали отец и прабабушка. Папа вне себя от злости и не способен думать связно. Мы всегда устраивали роскошные приемы, а после сегодняшнего люди посчитают, что Слоан для нас ничего не значит. Хорошие фирмы по обслуживанию банкетов нужно предупреждать заранее, и все они, разумеется, сегодня заняты. Я уже не говорю о цветах, музыке, стульях и столах, скатертях и салфетках. На это недели не хватит, не то что нескольких часов.

Гнев Ноя мгновенно испарился. Зря он так набросился на Парис!

— Прости, что неверно судил о тебе, — мягко выдохнул он, — мне следовало лучше тебя знать. Предоставь все мне.

Стоило ему переступить порог дома, как Кортни и Дуглас бросились навстречу.

— Ну что? — выпалила сестра при виде решительного лица Ноя, — Картер дает прием в честь Слоан, — ответил он на ходу. — Миссис Сноуден наверху?

— Где же ей еще быть! — презрительно фыркнула Кортни. — Таскается за тобой из города в город, из дома в дом, из отеля в отель, и двадцать четыре часа в сутки к твоим услугам.

Это было довольно бессовестным преувеличением, но времени на споры не оставалось. Сестра миссис Сноуден жила в сорока милях от Палм-Бич, поэтому она дважды в году приезжала сюда вместе со своим работодателем. Даже в отпуске у Ноя всегда находилась для нее работа, а взамен миссис Сноуден могла навещать родных, не тратя при этом ни единого цента.

— Доброе утро, — приветствовала она, поднимая голову от каталожного ящика, едва Ной ворвался в библиотеку, служившую одновременно его кабинетом.

— Как ваша сестра? — автоматически осведомился он.

— Прекрасно.

Покончив с любезностями, Ной уселся за стол и жестом велел ей сделать то же.

— Мы собираемся дать прием, — объявил он, пододвигая секретарше блокнот с ручкой.

— А мне показалось, ты говорил о Картере, — вмешалась Кортни, плюхнувшись на кресло и перекидывая ногу через подлокотник.

Ной счел нужным проигнорировать сестру, а миссис Сноуден подготовилась писать.

— Когда прием? — спросила она.

— Сегодня вечером.

— Небольшая вечеринка в саду? — пришла она к очевидному заключению.

— Не совсем. Я бы сказал — что-то более оживленное.

— Насколько более?

Вместо того чтобы ответить сразу, Ной перелистал бесконечный список друзей и знакомых Рейнолдсов, вычеркнул своих недоброжелателей и тех, которые, по его мнению, придется Слоан не по душе, и передал листки секретарше.

— Приблизительно сто семьдесят пять человек.

— Поскольку до вечера осталось не так много времени и вы хотите подать ужин, то, должно быть, собираетесь устроить вечер в одном из своих клубов?

— Нет, прием дает Картер.

Миссис Сноуден изумленно моргнула.

— Вы решили дать прием в саду для ста семидесяти пяти человек?!

Необходимо немедленно позвонить в фирму...

Ной небрежным жестом руки отмел в сторону все возражения:

— Что скажете насчет буфета, как в последний раз? Только найдите побольше официантов, чтобы разносили закуски для тех гостей, что не любят ждать в очереди. Я хочу, чтобы все было по первому классу.

— Естественно, — нерешительно пробормотала она.

— И побольше шампанского. «Дом Периньон». Да, и те ледяные штуки. Так красиво смотрятся на столах...

— Ледяные скульптуры? — растерянно пролепетала миссис Сноуден.

— Да. И естественно, цветы.

— Конечно, — эхом откликнулась миссис Сноуден.

— Нам понадобится оркестр. Словом, вы все знаете. Не в первый раз.

— Да. Но не в последний момент! — воскликнула бедняжка, готовая заплакать при мысли о том, что, оказывается, и ей не все по плечу. — Мистер Мейтленд, к моему огромному сожалению, я вряд ли сумею успеть.

— Никто от вас и не требует этого, — нетерпеливо бросил Ной. — Мы только что купили здесь два отеля. Пусть их служащие этим займутся.

Миссис Сноуден, узрев способ с честью выйти из положения и выполнить очередной геркулесов подвиг, немедленно приняла вызов.

— Сейчас же дам поручения управляющим отелей, — просияв, сообщила она.

— Не сомневаюсь, — сухо проворчал Ной. — К сожалению, придется обойтись без рассылки приглашений. Садитесь на телефон и говорите

каждому, что звоните от имени Рейнолдса и что он желает представить обществу свою дочь Слоан.

— Мне понадобится помочь, — немного подумав, заключила миссис Сноуден. — В нашем главном офисе есть две женщины, на которых можно положиться. Они принесут необходимые извинения и пояснят, в чем причина такой спешки. Я могу послать им списки в Сан-Франциско по факсу, но междугородные звонки обойдутся недешево. Ничего?

— Валяйте.

— И еще одна проблема: люди, которых мы будем приглашать, наверняка решат, что их зовут в последнюю минуту, чтобы вечер не сорвался, и что в первоначальном списке их имена не значились. Скорее всего они оскорбятся и откажутся приехать.

Ной потянулся к кожаной коробке с корреспонденцией, которую уже рассортировала секретарша.

— В таком случае не уставайте повторять одно: мы буквально час назад обнаружили, что приглашения так и не были отосланы. Вините во всем почту, ей не привыкать.

Кортни лениво повела рукой и поднялась.

— Похоже, предстоит очередная занудная тусовка. Осточертело! Я рада, что моего имени по крайней мере в списке не будет и ты не потащишь меня на это собрище.

Ной оторвался от письма и рассеянно взглянул на сестру.

— Слоан специально упоминала о тебе. Пожалуйста, не заставляй тянуть тебя слишком. Вместо того чтобы, как обычно, заупрямиться и начать препираться с братом, Кортни ошеломленно тряхнула головой и расплылась в улыбке.

— Слоан пригласила меня? Изdevаешься?

— Ничуть, даю слово.

— В таком случае, похоже, делать нечего, — мученическим голосом простонала она. — Если и я откажусь, ей весь вечер будут пудрить мозги всякие жлобы.

Она бросилась к двери, но тут «же замерла:

— Ной!

— Опять ты? — нетерпеливо промычал брат.

— Почему ты делаешь все это для Слоан? И почему Картер или Эдит с Парис не позаботятся о приеме?

— Картер ведет себя как спесивый ублюдок, а Эдит трясеется над каждым центом и притом слишком стара, чтобы действовать без промедления. Парис готова помочь сестре, но до вчерашнего дня не смела

рта открыть и лишь теперь учится принимать собственные решения. Если она сейчас заступится за Слоан, эти два монстра в два счета ее придавят. Понимаешь, они хотели устроить все, как выражается Эдит, » подешевле «, а это означает, что здешнее общество всегда будет считать Слоан парией.

Ной снова вернулся к делам, но что-то ему мешало. Лишь через несколько минут он сообразил, что Кортни не думала уходить и с любопытством разглядывает его.

— Ну что тебе еще? — раздосадованно прошипел он — Ты объяснил, почему им все по фигу. Но не сказал, к чему тебе столько хлопот!

Вопреки всякому здравому смыслу Ной выплеснул раздражение на сестру.

— Не знаю, — коротко бросил он. — И не приставай. Наверное, пожалел Слоан. Потому что Картер, этот сноб паршивый, отзывается о Слоан как о бедной родственнице. Вот это меня и задело.

— Она и есть бедная родственница, — рассудительно заметила девочка. — И ты тоже сноб.

— Спасибо, — язвительно бросил он. — Это все, что ты можешь сказать, или у тебя есть еще идеи, столь же туманные?

— Кажется. Да, я как-то видела фильм...» Ловцы удачи «, и там богатый тип, владелец киностудии, тратит состояние на то, чтобы сделать потаскушку-блондиночку кинозвездой. И знаешь, зачем ему это понадобилось?

— Итак, зачем ему это понадобилось?

— Хотел на ней жениться, но сначала решил сделать ее достойной своего, так сказать, статуса.

— И какое отношение это имеет ко мне, черт возьми?

— Просто вспомнилось, — пожала плечами Кортни.

— Если намекаешь на то, что я собираюсь жениться на Слоан или мне не плевать на то, что о ней думают остальные, значит, твое воображение сыграло с тобой плохую шутку. Ну а теперь катись и дай мне работать.

Оставшись один. Ной дважды перечитал абзац все того же письма, бросил его на стол и откинулся на спинку кресла, сверляя яростным взглядом поле васильков, невинно синевшее на импрессионистском полотне, висевшем на противоположной стене.

Сказать по правде, он сам не знал, почему все это затягивал. Подобная благотворительность не в его привычках. Но сегодня вечером другие мужчины тоже познакомятся с ней, найдут очаровательной, редкой красотой красавицей и занятной собеседницей. Распознают те же невероятно притягательные свойства характера, всякое отсутствие самолюбования и

неподдельную искренность, которые так интригуют его. Поймут, какое она сокровище. И, учитывая то, что он уже бурно ревновал и совершенно неоправданно пытался предъявить на нее права, прием окажется досадной помехой.

Он искрение не понимал, почему набросился на Картера и стал добровольным защитником Слоан. Может, потому, что давно не встречал человека, с которым ему хорошо. Хорошо и спокойно на душе. Или всему виной неоспоримая доброта, льющееся из глаз сияние, очевидное бескорыстие и отсутствие всякого преклонения перед богатством отца? Но так или иначе, а он готов обронять ее от всего мира, включая и семейство Рейнолдсов, если, конечно, понадобится.

Глава 25

Спустившись вниз, Слоан едва не столкнулась с Полом, явно поджидавшим ее.

— Я хотел подвезти вас и отправиться по делам, — сообщил он, — но Парис шепнула, что все процедуры по превращению Золушек в принцесс займут целый день, поэтому я поеду один. Перед домом уже стоит» ягуар» Парис.

— Я провожу вас, — предложила Слоан, многозначительно кивнув на дверь.

Взятый напрокат седан Пола стоял чуть дальше «ягуара», и Слоан, подождав, пока они окажутся вне досягаемости, возбужденно затараторила:

— В кабинете Картера есть компьютер, подключенный к банку. Парис сказала, что я могу им воспользоваться, и дала свой пароль.

— Рано радуетесь. Он слишком осторожен, чтобы позволить дочери иметь доступ к файлам или связаться с банковскими компьютерами, — покачал головой Пол. — Кроме того, у него свой пароль.

— Знаю. Просто докладываю, что удалось разведать.

— Я хотел бы иметь копию гостевого списка, который Парис дала Мейтленду.

— Обязательно попрошу. Всегда можно сказать, что это будет прекрасным сувениром на память и заодно поможет запомнить имена приглашенных.

— Прекрасно.

Он оглянулся на звук открываемой двери.

— Парис только что вышла из дома. Кстати, если вы еще не в курсе, это Мейтленд заставил устроить прием. Я подумал, что вам захочется знать.

— Я поняла, что Картер не слишком рвался представить меня своим друзьям, но как мог Ной вынудить его, если он так уж уперся?

— Жаль, что вас там не было, когда разгорелась битва.

Вы многое бы дали, чтобы все услышать собственными ушами. Нужно сказать, Мейтленд — опасный противник.

Я был просто потрясен.

— Да, но какое дело Ною, если Картер не хотел меня показывать своим приятелям?

— Думаю, — понимающе ухмыльнулся Пол, — вы уже знаете ответ.

Бедняга Мейтленд сражен наповал.

Слоан зарделась при мысли о том, что небезразлична Мейтленду и даже, вероятно, более чем, иначе тот не сумел бы переспорить Картера.

— Нас не будет целый день! — радостно провозгласила Парис, подходя к машине Пола. — Мы оттянемся по полной программе: косметичка, маникюр, педикюр, массаж и прическа. Только нужно поторопиться, нам и так сделали огромное одолжение, согласившись принять без предварительной записи.

— В таком случае едем! — воскликнул Пол, усаживаясь в машину. Отъехав на несколько кварталов, он открыл «бардачок», вынул сотовый телефон и набрал номер. Ответил его коллега, сидевший в эту минуту на причале с удочкой в руках. — Ты можешь говорить? — спросил Пол.

— Я? — негодующе отозвался фэбээрвец. — При чем тут я! Это ты должен объясниться, и немедленно. Пол! Ты не сказал мне, что затеял всю операцию по собственной инициативе! И никому не объяснил, что собираешься внедриться в дом Рейнолдсов. Вчера мне звонил босс из главной конторы. Он случайно узнал обо всем и полез на стенку. Считает, что ты позволил своим личным обидам взять верх над здравым смыслом и долгом и что ты просто одержим этим делом. Я говорю серьезно, приятель, береги задницу! Это может стоить тебе карьеры, и даже если представишь улики, адвокаты Рейнолдса камня на камне от них не оставят, учитывая способ, каким ты все это добыл...

— Но я не ищу никаких доказательств, и когда они все-таки будут, окажется, что собрал их совершенно посторонний человек, — перебил Пол усталым, терпеливым тоном человека, вынужденного объяснять очевидное. — Я здесь просто как друг Слоан и не заставлял Картера приглашать дочь. А если Слоан случайно наткнется на какие-то свидетельства его вины, она, естественно, как всякий законопослушный гражданин, немедленно передаст все властям, независимо от того, буду я рядом или нет. В конце концов, она служит в полиции!

— Мне можешь не заговаривать зубы, попробуй-ка убедить шефа!

— Никого я не собираюсь убеждать. В конце концов, у меня отпуск, а когда шеф предстанет героем в глазах начальства, немедленно поутихнет. Ну а пока я здесь всего лишь гость и, следовательно, развлекаюсь по мере сил. Играю в теннис, часами лежу у бассейна, ужинаю в ресторанах, танцую и так далее. Поверь, я не открыл ни одного ящичка и даже не заглядывал в фотоальбомы без разрешения. Строго-настрого запретил Слоан рыться в бумагах и книгах. Она даже не знает, что искать. Я не сказал ей ни что Рейнолдсы используют свой банк для отмывания денег, ни

тем более чьи деньги они отмывают. И можешь себе представить, судьба вознаградила нас за асе и Слоан сумела выиграть главный приз.

— О чем это ты?

— Всего лишь о том, что моя неотразимая спутница обзавелась весьма настойчивым поклонником, и ни один федеральный судья не сумет поставить мне это в вину, а уж тем более не принять во внимание добытые Слоан сведения.

— Кто он?

— Ной Мейтленд.

Агент громко присвистнул.

— То что доктор прописал! — восхищенно прошептал он.

Глава 26

Слоан стояла на балконе, зачарованно глядя вниз. Задний газон был ярко освещен факелами и пестрел столиками, покрытыми белыми скатертями и украшенными цветами и свечками в стеклянных чашах. Одетые во фраки официанты разносили бокалы с шампанским и закуски, ловко лавируя между собравшимися гостями. Сколько же тут людей? Человек двести, не меньше!

Справа были расставлены банкетные столы с огромными цветочными аранжировками посредине, а слева, у бассейна, рядом с импровизированной танцевальной площадкой, играл оркестр. На отдельном столе в самом центре красовалась гигантская ледяная скульптура, изображавшая взмывающих в небо чаек.

— Готова к торжественному выходу? — осведомилась Парис.

— Не думала, что прием будет таким роскошным, И народу тьма! Я боюсь!

— Секретарша Ноя — настоящая волшебница, — объявила Парис, одобрительно разглядывая собрание. — Мне до нее далеко! Подумать только, всего за несколько часов устроить такое грандиозное шоу! Ну, нам пора!

— Честно говоря, поджилки трянутся, — призналась Слоан.

— У меня тоже, — усмехнулась Парис. — Никто и никогда еще не носил мои модели. Давай проверим общее впечатление.

Сестры направились в спальню, где Слоан принялась медленно поворачиваться перед Парис.

Платье из лимонного шифона с многоярусной юбкой, плавно колыхавшейся при малейшем движении, а облегающий лиф с американской проймой и квадратным вырезом застегивался на спине усыпанной стразами пряжкой.

— Так изумительно я никогда еще не выглядела. И вряд ли буду, — полуслутливо добавила Слоан.

— Идеальный цвет для такого загара, — заметила Парис, отступая и восторженно оглядывая сестру. — А платье как на тебя сшито. Я впервые ощущаю себя... профессионалом.

— Ты и есть профессионал, — искренне выпалила Слоан.

— Отец так не считает. Он все твердит, что я зря трачу время на пустяки.

— Картер постоянно давит на тебя, — со спокойной силой перебила Слоан. — Пожалуйста, не позволяй ему этого. Он не прав. Взгляни на меня. Взгляни на нас! — Она, пританцовывая, вбежала в гардеробную и встала перед высоким, в человеческий рост, зеркалом. — Ведь это твои платья! И посмотри, как чудесно!

Сестры, обнявшись, на секунду замерли перед зеркалом. Парис в вышитом персиковом шелке, с темными волосами, разделенными на прямой пробор и подобранными по бокам золотыми заколками, и Слоан в бледно-желтом, с локонами, золотым облаком падавшими на плечи.

— Да после этого никакое подвенечное платье в подметки не будет этому годиться! — пожаловалась Слоан.

— Вот уж нет! — решительно тряхнула головой Парис. — Ведь его тоже смоделирую я! — И, обняв сестру, скомандовала:

— Вперед, принцесса Слоан! Отец ждет нас во внутреннем дворике, и я не отйду от вас, пока он со всеми тебя не познакомит.

Ной уже давно находился в толпе гостей и сейчас рассеянно прислушивался к приятелю, пытавшемуся убедить его приобрести племенную ферму, которую тот намеревался превратить в акционерное предприятие.

Он стоял спиной к дому, но безошибочно уловил момент, когда среди гостей появилась Слоан, потому что гул беседы внезапно стих и присутствующие стали оборачиваться.

— Господи Боже, только взгляните на это! — выдохнул кто-то.

Ной медленно повернулся, не желая показаться чересчур заинтересованным, и едва удержался от того, чтобы не броситься навстречу. Он буквально заставил себя не двигаться с места те полчаса, на протяжении которых Картер, под руки с обеими дочерьми, обходил собравшихся.

Слоан приветливо улыбалась, внимательно слушала, и Ной видел, как все мало-помалу подпадают под чары ее безыскусных манер и искренней теплоты.

Кортни, однако, выходила из себя.

— Пожалуй, Слоан пора спасать! — прошипела девочка. — Картер уже достал ее своими гостями!

— Стой где стоишь, — приказал Ной. — Через несколько минут она освоится и подойдет.

— Ну вот и Слоан, и, слава Богу, без Картера! — восторженно взвизгнула Кортни, но тут же угрожающе уставилась на друзей Ноя, явно намеревавшихся перехватить прекрасное видение. — И волчья стая тут как

тут! Не терпится разорвать жертву. И наш папочка туда же! Омерзительно!

С этими словами она решительно шагнула к Слоан и загородила ее от остальных, включая собственного брата.

— Привет, Слоан, — улыбнулась Кортни. — Ной сказал, что ты просила меня прийти, так что теперь терпи. Посмотри, я даже оделась специально для такого случая, не заметила? — Она приподняла юбку, чтобы дать Слоан полюбоваться ее нарядом, состоявшим из бального платья, отделанного кружевами, очевидно выкопанного где-то на чердаке, длинных атласных митенок и армейских ботинок. Девочка выглядела невыносимо вызывающе и в то же время так забавно и мило, что Слоан разразилась смехом и порывисто обняла ее.

— Я так рада, что ты здесь!

— Правда? Но как тебе нравится мой туалет?

— Ты вся в нем выразилась, — улыбнулась Слоан.

— А миссис Рейнолдс сказала, что я выгляжу как разряженная беженка.

— Просто она очень старая и, по-моему, не слишком хорошо видит, — фыркнула Слоан, едва удерживаясь от смеха.

— А ты не собираешься поздороваться с Ноем? С самого начала вечера Слоан только об этом и думала, но теперь, когда он стоял в двух шагах, внезапно смутилась до слез. Набравшись храбрости, она еле слышно прошептала:

— Привет.

— Привет, — кивнул он, восхищенно блеснув глазами.

— По-настоящему тебе следовало бы обнять и его тоже, — не отставала Кортни. — Не поверишь, на что он отважился, чтобы устроить сегодняшний вечер!

— О чём ты? — пробормотала Слоан, делая вид, что не знает, каких трудов стоило Ною и его секретарше организовать прием, но оказывается, и ей не все было известно.

— Ной закрыл главный ресторан в одном из своих отелей, — пояснила Кортни, — потому что понадобились столы и стулья, и можешь ставить последний цент на то, что в отеле не осталось ни одного цветка. Видишь те цветочные аранжировки на столах?

Слоан с усилием оторвала взгляд от веселых серых глаз Ноя и взглянула в сторону столов.

— Да, вижу.

— Так вот, еще утром тот гигантский букет стоял в вестибюле...

— Немедленно замолчи, Кортни!

— Это чистая правда, — поклялась девочка, нимало не смущенная резким тоном брата. — И во всем ресторане не осталось ни салфетки, ни вилки, ни официанта. —

Ной, покачав головой, схватил сестру за талию и шутливо зажал ей ладонью рот, отсекая продолжение пламенной тирады.

— Когда я в последний раз приглашал вас танцевать, вы отказывались, — обратился он к Слоан. — Есть ли у меня шансы сегодня?

Слоан была так глубоко тронута его заботой о ней, что безоглядно поддалась очарованию его бархатистого голоса и нежного взгляда.

— По-моему, да, — прошептала она.

Оказавшись в объятиях Ноя, Слоан впервые за все время их знакомства позволила себе пристально посмотреть на него — и затаила дыхание. Элегантный темно-синий костюм идеально сидел на высокой, широкоплечей, мускулистой фигуре, ослепительно белая рубашка подчеркивала бронзовый загар, а на смуглом лице сверкала белозубая улыбка.

— Вы довольны вечеринкой? — спросил он, притягивая ее к себе и начиная двигаться в такт знакомой мелодии «Кто-нибудь, присмотрите за мной».

— Очень, — тихо призналась она, пытаясь не замечать, как прижимаются его ноги к ее ногам, как крепка его рука и как неотразимо действуют на нее его слова. — Не знаю как и благодарить вас.

— Что-нибудь придумаем, — пообещал он, многозначительно глядя на нее из-под полуприкрытых тяжелых век. Слоан отчаянно пыталась найти остроумный ответ.

— Видимо придется давать вам уроки самообороны. Губы Ноя дернулись в полуулыбке:

— Считаете, они мне понадобятся?

— Возможно. Я крепкий орешек. Куда крепче, чем выгляджу!

— Я тоже.

Во рту у Слоан пересохло.

Она была настолько сбита с толку, так ошарашена тем, что происходит с ней, что почти не замечала, как легко скользит вместе с Ноем, как идеально подстраиваются друг к другу их тела. Она твердила себе, что ступила на опасный путь и лучше, пока не поздно, остановиться, но когда рука Ноя скользнула по ее спине, она забыла обо всем и припала к мужской груди. Нет, не стоит обольщаться, это всего лишь танец, и Ной, вероятно, не придает ему особенного значения.

Но Слоан ошибалась. Ной прекрасно знал, что делал, и уже обдумывал

следующие шаги, любуясь сверкающим в свете факелов расплавленным золотом волос. Она пахла полевыми цветами, и танцевать с ней — все равно что танцевать с облачком.

Едва музыка стихла, Слоан чуть отступила, и Ной смотрел и не мог наглядеться на нежный овал лица с изящно очерченным прямым носом и большими глазами.

— Когда псе закончится, я отвезу Кортни и отца домой и вернусь. Буду ждать на берегу.

— З-зачем? — пробормотала Слоан.

— Там и придумаем причину, — насмешливо сообщил он.

Его «причины» были кристально ясны Слоан. Но сумеет ли она устоять?

Парис и Пол танцевали вместе, и когда пары сблизились, Пол предложил сестрам обменяться партнерами.

— Ной, — неожиданно проговорила Слоан, — было бы чудесно, если бы после танца с Парис вы пригласили Кортни.

— Кортни? — ошеломленно повторил он, словно сама мысль о таком поступке никогда не приходила ему в голову. Представив сестру в ее тяжелых башмаках. Ной внутренне содрогнулся, но послушно кивнул:

— Обязательно!

И, верный своему слову, после танца с Парис отыскал Кортни. Втайне надеясь на отказ, Ной объявил:

— Мисс Мейтленд, хотите потанцевать?

— С тобой? — охнула она.

— Нет, с официантом, — усмехнулся Ной, но Кортни уже нагнулась и принялась расшнуровывать ботинки. Перед тем как снять второй, девочка, поколебавшись, спросила:

— Ты это серьезно?

Ной почувствовал угрызения совести. Только сейчас он понял, как сестре хотелось, чтобы ее пригласили.

— Разумеется.

Он и не представлял, что Кортни так прекрасно чувствует музыку!

— Где это ты научилась так танцевать? Кортни закрыла глаза.

— У девушек это врожденное. Кстати, ты пытаешься затащить Слоан в постель.

— Не суй нос куда не просят!

— Сделай мне одолжение, оставь ее в покое, рано или поздно ты бросишь ее, как остальных, только в отличие от них Слоан будет страдать, и больше мы ее не увидим. Никогда. Слоан — прекрасный человек, и мне

хотелось бы иметь такого друга.

Ной смотрел в поднятое к нему серьезное лицо и со стыдом вспоминал о благородстве и щедрости духа Слоан, нашедшей время позаботиться о заброшенной девочке. Каково должно быть сострадание к людям, если посреди шумного вечера, под постоянным огнем пристальных взглядов и пересудов она думала не о себе, а о Кортни!

— Слоан уже твой друг, — уверенно заключил он, закружив сестру.

Весь остаток вечера Ной то и дело поглядывал на часы. Минуты тянулись бесконечно долго. Он старался держаться неподалеку от Слоан и всячески вовлекать ее в беседы с приятелями, но казалось, все мужчины сегодня хотели танцевать только с ней. Правда, Ной еще пару раз пригласил Кортни.

Глава 27

Слоан вместе с отцом и сестрой стояли на крыльце, провожая засидевшихся гостей — супружескую пару, давних друзей семьи, рассуждавших с хозяином о политике еще добрых два часа после ухода остальных, включая Ноя. Эдит давно удалилась к себе, а Пол, очевидно сообразивший, что от сенатора Термонда Мид и его супруги не так-то просто будет отделаться, тайком улизнул с полчаса назад.

— Доброй ночи, Слоан, — пожелала миссис Мид. — Рада была познакомиться. Обязательно попробую испечь пирог с лаймом по вашему рецепту. Должно быть, необыкновенно вкусно.

Улыбнувшись девушки, жена сенатора чуть подалась вперед и приложилась щекой к щеке Парис — жест, который, как поняла Слоан, заменил поцелуй богатым обитателям фешенебельного курорта.

— Противная девчонка, — шутливо попеняла она. — Поверить не могу, что ты так долго ухитрялась скрывать от всех свой талант! Не признайся Слоан, во всеуслышание, что это ты моделировала ее платье, так и продолжала бы нас дурачить! Я слышала, как Салли Линкли просила тебя показать эскизы, но я просто должна увидеть их первой! По справедливости говоря, я имею на это полное право, поскольку знаю тебя едва ли не с пеленок!

Но тут вперед выступил сенатор Мид, довольно официально попрощался с девушками, а когда дошла очередь до Картера, с энтузиазмом потряс его руку.

— Тебе нескованно повезло, дружище! Такие красавицы дочери! Парис всегда была выше всех похвал, но и Слоан всякий отец может гордиться! Она нас покорила!

— Знаю, — кивнул Картер. — Ты прав, я настоящий счастливчик!

Закрыв дверь, он с сияющим видом обернулся к дочерям.

— Слоан, не могу передать, как ты меня порадовала! — чистосердечно признался он. По всей видимости, в этот момент отношение Картера к младшей дочери действительно изменилось: не потому, что он воспыпал к ней родительской любовью — он вообще не был способен на это, — просто восторг приятелей и знакомых льстил его самолюбию и выставлял в выгодном свете перед окружающими. К своему удивлению, Слоан обнаружила, что многие его друзья — весьма симпатичные люди. Как жаль, что того же нельзя сказать о Картере!

— Спасибо, — вежливо поблагодарила дочь, скрыв презрительную усмешку.

Картер стал медленно подниматься по ступенькам, а Слоан поспешил взглянуть на старинные напольные часы и тихо охнула. Господи, она и не подозревала, что уже так поздно! Ной, разумеется, не стал ее дожидаться. Судьба в облике сенатора Мида сочла нужным вмешаться и уберечь ее от ужасной глупости. Слоан следовало бы порадоваться, но вместо этого на душе отчего-то стало пусто и тоскливо.

Однако Парис ничего не заметила. Да и что ей до переживаний сестры!

Порывисто обняв Слоан, она прошептала:

— Ты была неотразима! Настоящий фурор! Все только и твердили о том, как ты прелестна, очаровательна, остроумна... Словом, полный успех. Поэтому гости и не хотели расходиться.

Слоан поплелась за ней наверх, терзаясь вопросом, не лучше ли все-таки спуститься на пляж или стоит от греха подальше лечь спать. В этом неравном поединке победил лукавый бесенок, что с недавних пор толкал ее на всякие безумства.

— Спокойной ночи, — прошептала Парис.

— До завтра, — кивнула Слоан, но рука замерла на дверной ручке.

Парис, заметив колебания сестры, удивилась:

— Ты на нотах с самого рассвета! Неужели не устала? Слоан пристыженно покачала головой и неожиданно для себя выпалила:

— Ной просил меня встретиться с ним на пляже после приема!

— Неужели?

— Честное слово.

— Так почему ты еще здесь? — усмехнулась Парис, и приободренная Слоан не заставила себя уговаривать.

Задний газон был по-прежнему ярко освещен и многолюден: служащие ресторана складывали сервировку и мебель и грузили все в фургоны. Кое-кто из слуг Картера им помогал. Слоан узнала двух горничных и приветливо поздоровалась. Все вели себя так, словно в ее желании прогуляться под луной по пустынному пляжу в час ночи не было ничего особенного. Можно подумать, там каждый день встречаются дамы в роскошных шифоновых платьях и босоножках на высоченных каблуках!

Несмотря на очевидное безразличие окружающих, Слоан невыносимо смущалась. Только добравшись до полоски воды, она немного успокоилась, но облегчение немедленно уступило место обиде и отчаянию. Ноя нигде не

было видно.

Она глянула в сторону его дома. И там ни души... разве что Ной спрятался за высокими кустами живой изгороди... Кажется, никого.

Девушка сняла босоножки и, помахивая ими, медленно побрела по песку в слабой надежде, что Ной все-таки появится. Но чем ближе она подходила к его дому, тем холоднее становилось на душе. Предательское сердце не давало покоя. Как дерзко он смотрел на ее губы, когда она благодарила его за этот вечер! Он сказал еще, что они успеют придумать повод для ночного свидания...

Слоан остановилась у забора, взглянув на террасы, на которых мелькали лишь смутные тени и отблески лунного света.

— Что ж, все к лучшему, — упорно твердила себе девушка. Ной Мейтленд — человек из другого мира, иного круга, слишком многое повидал, слишком пресыщен, слишком уверен в себе. Он просто играл с ней, посчитав доверчивой дурочкой, провинциалкой. И если она не поостережется, он разобьет ей сердце. Какое счастье, что все так получилось и ей не придется стыдиться себя!

Она рада, что он не дождался.

Она вне себя от восторга, что он уже седьмой сон видит.

Слоан сглотнула засевший в горле колючий жесткий ком и повернулась, чтобы уйти. Но с террасы послышался тихий повелительный зов:

— Слоан!

Волна возбуждения подхватила Слоан и понесла вперед как на крыльях. Она едва не бросилась бежать навстречу Ною, спускавшемуся со ступеней террасы. Он снял пиджак и галстук, расстегнул рубашку и закатал рукава. И как ни странно, ухитрился выглядеть еще более привлекательным.

Слоан остановилась перед ним, запыхавшаяся, испуганная, смущенная, отчаянно пытавшаяся сделать вид, будто ничего особенного не происходит.

— Последние гости только что ушли.

Ной понимающе кивнул и, сунув руки в карманы, молча уставился на нее.

Слоан бессознательно ждала, что он сразу же потянется к ней. Но когда ничего подобного не произошло, недоумевающее подняла брови. Что это с ним? Неужели...

И поскольку с самого начала вечера в ней занозой засело беспокойство, Слоан, естественно, предположила, что та же проблема

тревожит и Ноу. С трудом перебарывая себя, она тихо пробормотала:

— Мы... мы не имеем права встречаться. Если Картер пронюхает, во всем окажется виноватой Парис. Он станет изводить ее за то, что не сумела вас завлечь.

— В таком случае, — небрежно бросил Ноу, — придется честно объяснить ему, что женитьба на Парис не входит в мои планы.

— Но тогда он набросится на вас.

— Вы всегда переживаете за посторонних людей? Ноу с удивлением заметил, что девушка восприняла его слова всерьез и, немного подумав, кивнула:

— К сожалению, это один из моих бесчисленных недостатков.

«Недостатков?» — с мрачным юмором подумалось ему. Интересно, имеет ли она представление о том, что есть истинные недостатки?

В лунном сиянии это создание, чьи юбки развевал ветер, щеки румянило смущение, а золотистые волосы образовали нимб вокруг головы, напоминало босого ангела, державшего вместо арфы босоножки.

Она из тех женщин, которые помогают малышам носить ведерки с водой для строительства песочных замков и бросаются на помощь старым заболевшим садовникам. Он вспомнил, как радовалась Кортни, когда он пригласил ее танцевать по просьбе Слоан, как расцвела и воспрянула Парис. Сестра верно сказала: Ноу не имеет никакого права гасить это чистое сияние, исходившее от Слоан, и причинять ей боль.

Но с другой стороны, ей уже тридцать лет. Достаточно взрослая, чтобы понять, к чему ведет сегодняшнее свидание, и играть по правилам. И как вести себя, когда все кончится.

Все это так, да только... вряд ли эти самые правила ей знакомы. По собственному признанию, она не умеет ни флиртовать, ни кокетничать. Совсем простушка.

Ноу скривил губы в сардонической усмешке, представив, сколько сердец она могла бы разбить, если бы потрудилась научиться... Не далее как сегодня он своими глазами видел, как опытные мужчины, прожженные сердцееды и расчетливые холостяки, которых не так-то просто поймать, превращались в манную кашу от одной лишь ее улыбки.

Больше всего его задевало, что она либо не заботилась атом, какой эффект производит ма мужчин, либо просто ничего не замечала. Во всяком случае, Ноу мог твердо сказать о Слоан лишь две вещи: она никогда не имела дела с представителями сильного пола, подобными ему, и заслуживает гораздо большего, чем он готов ей дать.

— О чём ты думаешь? — робко выдохнула Слоан, чувствуя, как

остатки храбрости испаряются с молниеносной быстротой, сменяясь сознанием собственной глупости, неуклюжести и застенчивости.

— О том, что ты похожа на босого ангела, — глухо пробормотал Ной.

Слоан потрясенно заморгала и, неожиданно вспомнив о том, кто она и почему находится здесь, засияла краской.

— Поверь, я отнюдь не ангел. Скорее наоборот Ной вынула руки из карманов и привлек Слоан к себе.

— Рад это слышать, — признался он, опуская голову. Его губы были совсем рядом, когда Слоан запоздало сообразила, что Ной, вероятно, имел в виду ее отношения с мужчинами. Но она уже нагромоздила гору лжи и хоть в этом желала быть абсолютно честной.

— Я имела в виду, — поспешила пояснить она, — вовсе не.., не секс.

Ной моментально вскинула голову и впилась в лицо девушки прищуренными глазами:

— Вот как?

Слоан беспомощно вздохнула и отважно попыталась вести себя как зрелая, разумная женщина без предрассудков, свободно обсуждающая скользкую тему, на которую она предпочитала вообще не говорить. Особенно в присутствии Ноя...

— У меня не слишком много опыта подобного рода... собственно говоря, я всего лишь два раза встречалась с мужчинами, ..

Ной не мог отвести взгляда от очаровательного личика и сияющих глаз. И какие-то непонятные эмоции, вспыхнувшие глубоко в душе, настойчиво побуждали его к действию. Почему ему так и хочется рассмеяться, подхватить Слоан на руки и закружить?

— В самом деле? — хрипло переспросил Ной, неловко откашлявшись. — Только два раза? Я ужасно разочарован, — поддразнил он.

Всего час назад она, возможно, понятия не имела, как завлечь мужчину, но сейчас в глазах зажегся лукавый огонек, и Ной понял, что она готова вступить в поединок. Понял и обрадовался.

— Жаль, конечно, — продолжала Слоан, театрально хлопая ресницами, — и я хотела бы утешить тебя, сказав, по таких эпизодов в моей жизни было не меньше сотни, но что есть, то есть.

— Какая жалость! Смею ли я предположить, что обе встречи оказались очень короткими и крайне неудовлетворительными?

Красотка в его объятиях медленно, торжественно кивнула, закусив губу, чтобы скрыть усмешку.

— О да, — трагически прошептала она. — Очень короткими и крайне

неудовлетворительными.

— Прекрасно!

Ной снова наклонил голову, но замер, пораженный неожиданной мыслью.

— Это правда? — прошептал он, не в силах сдержать смехотворного порыва, дурацкой, позорной потребности знать о других любовниках этой женщины.

Веки Слоан приподнялись, тонкие пальцы легли на его щеку.

— Честное слово, — совсем по-детски прошептала она. — Так все и было.

И тут Ной сделал нечто совершенно ему не свойственное — чуть повернул голову в чашечке ее руки и поцеловал ладонь. Дрожь, пробежавшая по телу Слоан, казалось, сотрясла и его.

Дуглас поудобнее улегся, отложил книгу и уже потянулся к выключателю лампы, когда в спальню ворвалась мрачная, как грозовая туча, Кортни.

— Представляешь, что творится на террасе? — выпалила она, подбегая к окну. — Я случайно услышала голос Ноя и, выглянув наружу, увидела, как по берегу идет Слоан. И что же? Ты только посмотри!

Она отодвинула шторы, отступила и театральным жестом показала вдаль.

Встревоженный Дуглас скатился с постели и взгляделся во тьму. Брови его немедленно разошлись, а по лицу разлилась поистине благостная улыбка. Внизу на террасе разворачивалось впечатляющее действие: парочка слилась в бесконечном поцелуе, а Ной, не выпуская Слоан из стальных объятий, медленно клонил ее на шезлонг. Ну точно как в кино! И Слоан не сопротивляется. Похоже, отвечает ему взаимностью!

Дуглас осторожно выдернул край занавески из кулака Кортни и поправил тяжелую ткань.

— Говоришь, все началось минут пять назад?

— Да.

— Поразительно! — искренне восхитился он.

— Неужели ему своих баб мало? Так он еще пытается обольстить Слоан!

— Я не стал бы называть это обольщением. Кортни в запальчивости топнула ногой.

— А как бы ты все это назвал?

— Стихийным самовоспламенением, — ухмыльнулся Дуглас и, включив телевизор, вынул из шкафчика колоду карт. — Предлагаю

посмотреть старый фильм и возобновить наш кункен .

— Я немедленно иду спать, — проворчала Кортни, но отец ехидно осадил ее:

— Ну уж нет, дорогая, ты останешься здесь.

— Ноя...

— Ты собираешься шпионить за братом, — мягко вставил Дуглас, — а это не только бес tactno, но и пустая трата времени, потому что ты уже все успела увидеть. И продолжения не жди. Сегодня ничего больше не случится, поверь слову старика отца.

Он уселся за стол и принял сдаваться карты.

— Почему ты так уверен? — мятежно прошипела девочка, плюхаясь на стул.

— Видишь ли, я знаю твоего брата. Ной не настолько груб и глуп, чтобы заниматься любовью с женщиной на шезлонге в собственном дворе!

Кортни поколебалась, обдумывая сказанное, и наконец равнодушно пожала плечами, явно решив сдаться. Этот жест лучше всяких слов подсказал Дугласу, что девочка признается в собственной не правоте. Но разумеется, покаянных тирад от нее не дождешься.

Кортни подняла свои карты, присмотрелась и вздохнула.

— Не забыл, что все еще должен мне сто сорок пять долларов? — осведомилась она. — Если не заплатишь, включу счетчик.

— Это как? — с притворным страхом осведомился Дуглас.

— Восемнадцать процентов в неделю по истечении месяца. Мне пора подумать о будущем.

— У тебя не предвидится никакого будущего, если станешь драть с меня такие грабительские проценты.

Но удача явно отвернулась от Дугласа: Кортни выиграла еще пятнадцать долларов, и оба мирно заснули, так и не досмотрев очередной фильм пятидесятых годов.

— Уже поздно, — шепнула Слоан, когда Ной наконец оторвался от ее губ. — Мне пора.

— Знаю.

Ной неохотно разжал руки, посмотрел на часы и с изумлением увидел, что уже начало четвертого. Она права.

Он поднялся и помог ей выбраться из шезлонга.

Слоан легко поднялась, оглядела свои босые ноги, безнадежно смятое платье и спешно схватилась за голову, пытаясь привести волосы в некое подобие порядка. Иисусе, на кого она похожа!

При мысли о том, чем они занимались последние два часа, ее охватил стыд. Что, если кто-то увидит, как она крадется в дом в такой час? Настоящая вавилонская блудница! И хуже всего, что Ной, по-видимому, ее таковой и считает.

А Ной в это время думал, что она выглядит восхитительно. Настоящая женщина, только сейчас лежавшая с мужчиной, который лишь сверхъестественным усилием воли от нее оторвался... Никакое удовольствие не сравнится с возможностью запускать руки в копну этих золотых волос и терзать губы, пока они не распухнут! Поверить невозможно, что он провел два относительно целомудренных часа на неудобном шезлонге и все же задыхается от счастья, словно все это время занимался с ней любовью, и это принесло ему куда больше удовлетворения, чем десяток ночей в постели с пылкой любовницей.

Она тихо скользила по ступеням террасы с низко опущенной головой, словно погруженная в невеселье мысли, и Ной невольно попытался увидеть случившееся ее глазами. Говоря по правде, он вел себя как сексуально озабоченный, неопытный шестнадцатилетний сопляк с потными руками, который обжимается на заднем дворе. Безмозглый болван, не догадавшийся повести женщину в уютное местечко, где их никто не увидит. Он совестился своего поведения, и не без оснований. Какой позор!

Когда они подошли к куртине пальм на краю газона, Ной глухо выговорил:

— Мне очень жаль. Простите, я не хотел заходить так далеко и давать волю рукам. Я едва не изнасиловал вас на чертовом шезлонге. Не обижайтесь.

Сердце Слоан подпрыгнуло от счастья. Значит, не она одна сбита с толку и растерянна!

— Шезлонг? — переспросила она, поднимая на него смеющиеся глаза. — Изнасиловал? Теперь это так называется?

Вместо ответа Ной рванул ее к себе, но Слоан, покачав головой, уперлась ладонями ему в грудь.

— Должно быть, у меня не слишком хорошая память...

— А я хочу, чтобы ты все помнила отчетливо. — обронил Ной, чуть приподняв ее подбородок. — Я сделал это... — Он коснулся губами ее виска. — И это... — Он скользнул губами по щеке, прикусил мочку, улыбнувшись про себя, когда Слоан вздрогнула и приникла к нему. — А потом это... — Она закрыла глаза, и он прикоснулся губами к каждому. — И это...

Он раскрыл ее губы своими и стал жадно пить нектар рта, наслаждаясь вкусом, прижимая ее все сильнее к напряженному телу. Но когда Слоан страстно ответила на поцелуй. Ной потерял голову, второй раз за эту ночь. Он прислонил Слоан к дереву, сжал ее руки, поднял вверх и навалился всем весом, давая Почувствовать ей свое возбуждение. Его язык насиловал ее рот, вздыбившаяся плоть упиралась в бедро, и груди Слоан призывающе набухли, просясь в его ладони. Ной отнял одну руку и провел пальцами по мягкой коже горла к груди, сначала слегка погладив ее костяшками пальцев и тут же властно сжав. Ее свободная рука обвилась вокруг его шеи, тело выгнулось, и он принялся лихорадочно возиться с затейливой застежкой, скреплявшей лиф платья, по тут же опомнился, поняв, что едва не натворил.

Пытаясь взять себя в руки, Ной оторвался от Слоан и пристально вгляделся в озаренное лунным светом лицо.

— Это безумие, — хрипло пробормотал он и, нагнув голову, снова завладел ее губами.

Глава 28

— Поздно легла? — оживленно спросила Парис, присаживаясь на постель Слоан и аккуратно расправляя модное платье.

Слоан лениво перевернулась на спину.

— Очень поздно, — сонно улыбнулась она, вспомнив о Ное. — Который час?

— Половина одиннадцатого.

— Господи!

— Вот именно. Хорошо еще, что я перед сном попросила Дишлера не включать сигнализацию, иначе, возвращаясь, ты подняла бы тревогу и переполох получился бы неописуемый.

Слоан, охнув, прикрыла рот рукой. Она совсем забыла про сигнализацию прошлой ночью, да и вообще не думала, как проникнуть в дом, обнаружив, что дверь черного хода не заперта. Можно представить, как «обрадовался» бы Картер, если бы посреди ночи завыли сирены, включился свет и он, спустившись, поймал бы дочь на месте преступления.

— Я дам тебе ключ от дома и пульт управления воротами.

Сможешь сама выключать сигнализацию, вводя код. Если этого не сделать, такое начнется! Инфракрасные лучи образуют нечто вроде паутины, между ними не проберешься.

Она сообщила Слоан код, и та озабоченно кивнула, не желая, чтобы сестра подумала, будто в ее обычай шляться невесть где по ночам и что так будет продолжаться все две недели.

— Я... я не собираюсь каждый вечер исчезать, — смущенно пробормотала она.

— Неужели? — поддела Парис. — А один человек уже звонил, чтобы договориться о встрече.

— Звонил? — радостно воскликнула Слоан.

— Да, и мы сегодня ужинаем вчетвером, — с детским восторгом подтвердила сестра. — Платья вечерние, смокинги, место встречи не известно. Водитель Ноя вечером заедет за нами. Ной, кажется, готовит сюрприз.

Слоан подтянула колени к подбородку и обхватила их руками.

— А ты... хорошо провела вчера время?

Парис кивнула.

— Пол такой остроумный! Я хотела до упаду! И с ним так спокойно,

словно я знаю его сто лет! Только он сказал одну странную вещь.

— Что именно? — полюбопытствовала Слоан, довольная, что можно немного посплетничать.

— Что я интригую его своей многогранностью... Кажется, это совсем не комплимент.

— А что же, по-твоему? — удивилась Слоан, мгновенно бросаясь на защиту сестры, и обе рассмеялись. Но следующая фраза мигом стерла с ее лица улыбку.

— Самое интересное, что, по-моему, это Пол человек далеко не простой, как считаешь?

— Не... не знаю.

— А я уверена, что права. Знаешь, я часто замечаю всякие мелочи, на которые другие люди не обращают внимания. Отец всегда твердит, что я могу распознать «лигу» или мошенника за десять шагов.

— Если не считать Генри, — быстро вставила Слоан, напоминая Парис о непорядочном женихе.

— Верно, — вздохнула та. — Только мне и в голову не приходило, что Пол может оказаться нечестным человеком, потому что я... я так не считаю.

Однако Слоан далеко не была убеждена, что Парис говорит искренно. Что же теперь делать? Перевести разговор на более безопасную тему или попытаться выведать побольше?

Поколебавшись, девушка выбрала последнее.

— А что в Поле тебе кажется таким уж необычным?

— Обычно мужчины обожают говорить о себе. Пол — исключение. Более того, он умеет задавать вопросы и всегда внимательно слушает, но ты только потом соображаешь, что при этом выложила о себе все что возможно, а он ничего не открыл. Я бы еще могла это понять, будь он застенчив, но ведь это совершенно не так. И еще...

— Что именно? — пролепетала Слоан.

— Он совершенно никого не боится, даже отца, который всегда унижает молодых людей... не... не сделавших такую удачную карьеру, как он сам.

— Но ведь меня ему не удалось запугать, — резонно заметила Слоан.

— Нет. Но мужчины судят об окружающих по их богатству и успеху в жизни, в отличие от нас.

Она оказалась такой прямолинейной и неожиданно проницательной, что Слоан не верила собственным глазам. Неужели перед ней все та же Парис, которую она увидела всего три дня назад?

— И еще одно. Пол работает в страховом агентстве, а отец все время недоволен высокой стоимостью общей страховки для служащих банка. Однако когда я как бы случайно упомянула, что отец собирается заключить договор с другой конторой, готовой снизить взносы, Пол не воспользовался предоставленной возможностью.

— Наверное, посчитал дурным тоном вести разговор о делах в доме, куда его пригласили погостить?

— Вовсе нет, ведь об этом я заговорила, а не он.

— А что, если ты его смущила?

— По-моему, Пола трудно смутить, — заметила Парис. Слоан решила про себя обязательно поговорить с Полом и посоветовать ему получше войти в свою роль и заодно приложить все усилия к продаже страхового полиса.

— Знаешь, я не слишком хорошо разбираюсь в мужчинах, — искренне посетовала она, — так что ты, по-моему, выбрала плохого советчика. Но могу сказать только, что Пол честный, надежный человек и, возможно, храбрый и отзывчивый.

— Не поверишь, — глубокомысленно произнесла Парис, — у меня сложилось точно такое же впечатление.

Она с улыбкой встала, целиком занятая мыслями о предстоящем дне.

— Вставай, соня, пора одеваться. Сегодня я покажу тебе город, проедемся по магазинам. Пол решил остаться дома и наслаждаться бездельем.

— А о смокинге на вечер он подумал? — встревожилась Слоан, откидывая одеяло и спуская ноги на пол.

— Я уже спрашивала. Пол сказал, что на всякий случай занял смокинг у друга и привез с собой.

Слоан накоротко приняла душ и оделась, чтобы успеть позвонить матери перед уходом. Проспала, и теперь придется звонить Кимберли на работу, а мать даже поговорить свободно не сможет!

Девушка присела на кровать, вынула из сумочки кредитную карту и подготовилась к неизбежной словесной баталии с владелицей бутика Лидией Коллинз, поразительным образом сочетавшей в себе свойства гремучей змеи и надзирательницы исправительного заведения для особо опасных преступников. И хотя Слоан старалась не звонить в магазин без лишней необходимости, Лидия неизменно вела себя так, словно каждая просьба позвать Кимберли становилась веским основанием для увольнения ее лучшей продавщицы.

— Лидия, — пробормотала Слоан, заслышиав резкий голос. — Это Слоан. Звоню из Палм-Бич...

Казенная приветливость мгновенно сменилась неподдельным раздражением.

— Твоя мать занята. Обслуживает покупателя. У Кимберли никогда не было ни минуты свободного времени, поскольку все посетители любили ее и предпочитали ждать в очереди, чтобы попасть именно к ней.

— Понимаю, Лидия, но мне просто необходимо поговорить с ней хотя бы минутку.

— Ну ладно, так и быть.

Лидия демонстративно швырнула трубку на стол с таким грохотом, что Слоан невольно поморщилась, но, слава Богу, Кимберли не заставила себя ждать.

— Дорогая, я так рада тебя слышать! Ну как ты там? Девушка заверила, что и отец, и прабабка прекрасно ее встретили и, кажется, очень милые люди. Она приберегала новости о Парис напоследок и, как только заговорила о сестре, отметила учащенное дыхание и непривычную молчаливость матери. Она рассказала Кимберли все что могла о Парис и с жизнерадостным оптимизмом добавила:

— Вот увидишь, она полюбит тебя, а ты — ее. Парис собирается приехать в Белл-Харбор.

Не дождавшись ответа, девушка встревоженно осведомилась:

— Мама, ты меня слышишь?

— Да-да, — прошептала мать и всхлипнула.

Плачет... неужели плачет?

Сердце Слоан сжалось при мысли о том, как, должно быть, тяжело было матери все эти годы притворяться, что ничего особенного не произошло и она давно свыклась с кражей дочери. Недаром первый же намек на встречу с Парис так потряс ее.

Слоан почувствовала, что сама вот-вот разрыдается.

— Знаешь, она так напоминает тебя, — тихо призналась она. — И тоже любит одеваться... сама моделирует платья.

Откуда-то донесся визг Лидии, призывающей Кимберли.

— Кажется, тебе пора, — поспешила вставить Слоан. — Позвоню через несколько дней.

— Хорошо, детка.

— Пока.

— Погоди, — почти вскрикнула Кимберли. — Как по-твоему, ничего, если передашь Парис от меня привет и скажешь, что я посылаю ей свою

любовь и... надеюсь, что мы увидимся?

Слоан поспешно смахнула слезы.

— Конечно, мама. Конечно.

Глава 29

Девушки переступили порог спальни Эдит. Старуха неестественно прямо сидела в своем любимом кресле, в неизменном черном платье с высоким воротом, только вместо жемчужного ожерелья — большая брошь с рубином, окруженным сверкающими бриллиантами. Интересно, неужели ей никогда не хочется надеть что-то погорче?

— Здравствуй, прабабушка, — приветствовала Парис, наклоняясь, чтобы поцеловать Эдит в изборожденный морщинами лоб. — Ты сказала, что хочешь видеть Слоан.

— Да, и предпочла бы поговорить с ней наедине, если не возражаешь, Парис.

Парис неловко помялась, но все же кивнула и вышла. Слоан еще не успела как следует устроиться на стуле, как старуха бесцеремонно поинтересовалась:

— О чем ты только сейчас думала?

Слоан виновато потупилась.

— Гадала, будете ли вы носить цветной шарф, если я его вам сегодня подарю.

Белые брови взлетели вверх.

— Не одобряешь моей манеры одеваться?!

— Нет... я вовсе не это имела в виду.

— Значит, ты не только дерзка, но и неискренна? И не пытайся меня обмануть, я тебя нас kvозь вижу.

Застигнутая врасплох, Слоан опустила голову, чтобы скрыть улыбку.

— Моя мать всегда утверждает, что сочные оттенки поднимают настроение.

— То есть мне необходимо поднимать настроение? Так, по-твоему?

— Не совсем. Просто у вас чудесные глаза, и я подумала, что голубой шарф...

— Теперь ты опустилась до лести. Видимо, сегодня удачный день: мне удалось вывести на чистую воду все твои пороки, — перебила старая леди, по-видимому, ничуть не сердясь. На губах даже показалось нечто вроде улыбки. — Однако похоже, наши мозги работают в одном направлении, — добавила Эдит, поглядывая на потолок, словно показывая это самое направление. Слоан проследила за ее взглядом, но тут же в недоумении уставилась на прабабку.

— В каком именно?

— Насколько мне известно, после смерти душа улетает на небо... если только не проваливается под землю. Лично я надеюсь на первое.

Кажется... кажется, она говорит о смерти?

Улыбка Слоан померкла.

— Не хотелось бы думать о таком.

С лица Эдит мгновенно слетело благожелательное выражение. Мигом превратившись в холодную, бездушную гарпию, она сухо прокаркала:

— Смерть поджидаст каждого, рано или поздно. Мне девяносто пять лет, так что приходится смотреть правде в лицо. Однако я не об этом собиралась поговорить. Постараюсь быть полностью с тобой откровенной, хотя мне ни к чему тут всякие сопли и истерики...

Не ожидая услышать от Эдит ничего приятного, девушка внутренне собралась и подготовилась к худшему. Но вместо того чтобы выдать очередную порцию наставлений, упреков и предостережений, Эдит потянулась к лежавшему на столе большому футляру, обтянутому синим бархатом, и передала его Слоан, а сама принялась возиться с застежкой броши. Годы и артрит основательно изуродовали ее пальцы, но Слоан уже достаточно хорошо изучила пррабаку, чтобы не спешить на помощь. Поэтому она сидела в недоуменном молчании, машинально стискивая футляр.

— Открой его, — скомандовала Эдит, наконец справившись с брошью.

Слоан поспешила подняла крышку. В бархатном гнездышке покоилось изумительное колье, украшенное рубинами и бриллиантами, шириной почти в два дюйма. Тут же лежали серьги и браслет. Очевидно, все вещи составляли один гарнитур. И поскольку Эдит сняла брошь, Слоан, естественно, решила, что та собирается надеть все остальное.

— Ну как?

— Что и говорить, камни ослепительны, — тихо заметила Слоан, припомнив свои планы насчет шарфа в тон глазам пррабаки. Наверное, ей самой захотелось оживить свое монашеское одеяние.

— Все это, включая брошь, принадлежало твоей пррабабке Хановер. Первый подарок ее мужа. Они были в нашей семье много лет и поэтому имеют для меня особое значение. Ты долгое время жила вдали от Рейнолдсов, правда, не по своей вине, и хотя я не склонна к сентиментальности, мне пришло в голову, что эти украшения могут послужить, так сказать, связующим звеном в разорванной цепи времени. Сегодня я приколола эту брошь в последний раз, однако буду рада увидеть ее на тебе, когда, разумеется, ты наденешь что-то более подходящее, чем

эти мужеподобные штаны.

— На... на мне? — недоуменно повторила Слоан, но, вспомнив предстоящий ужин, кивнула. — О, понятно. С вашей стороны крайне великодушно позволить мне поносить их...

— Глупышка! Я не даю украшения напрокат Это подарок. Когда я покину этот мир, они послужат напоминанием обо мне и всех предках, узнать которых у тебя просто не было возможности. И потом, рубин — твой зодиакальный камень.

Потрясенная Слоан вскочила так резко, что едва не уронила футляр. Теперь ясно, почему прабабка завела разговор о смерти.

— Надеюсь, вы проживете еще много лет и еще не раз сможете надеть эти прекрасные вещи. Мне вовсе не нужно смотреть на них, чтобы вспоминать вас после...

— После того, как меня положат в гроб, — услужливо подсказала Эдит.

— Не желаю ничего слышать об этом. Особенно теперь, когда мы наконец встретились...

— Я настаиваю на том, чтобы ты немедленно взяла драгоценности.

— А я не сделаю ничего подобного, — упрямо заявила Слоан, кладя футляр рядом с Эдит.

— Но они все равно когда-нибудь станут твоими.

— Я уже сказала: никаких обсуждений «когда-нибудь».

— Надеюсь, ты не будешь такой упрямой после того, как прочтут мое завещание. Я решила изменить его, чтобы ты получила законную долю...

— Ошибаетесь, я по-прежнему буду стоять на своем. — перебила Слоан, и, к ее изумлению, Эдит громко рассмеялась, вернее, закаркала: звуки, определенно не слишком мелодичные, хотя и греющие душу.

— Настоящая маленькая ослица, — выдохнула старуха, промокая глаза кончиком носового платка. — Не могу припомнить, когда в последний раз кто-то пытался заставить меня отступить от принятого решения. Даже Картер знает, что со мной спорить бесполезно.

Опасаясь показаться неблагодарной или грубой, Слоан умерила пыл.

— Мне просто тяжело рассуждать о вашей смерти и тому подобных вещах. Это меня угнетает.

— А уж меня-то как, — проворчала Эдит, и Слоан запоздало поняла, что старуха пыталась пошутить. Наклонившись, девушка порывисто поцеловала Эдит в сухую пергаментную щеку.

— Обязательно куплю вам веселенький шарфик, чтобы развеять вашу тоску, — пообещала она, направляясь к двери.

— Только не слишком дорогой! — крикнула вслед Эдит.

Глава 30

Вспомнив, что они не успели позавтракать, Парис предложила сначала поесть, и Слоан охотно согласилась. Ей не терпелось передать сестре слова матери, но девушка слишком ясно сознавала, что каждый шаг Парис навстречу Кимберли будет неизбежно отдалить ее от Картера.

Официантка наполнила их стаканы водой и принесла меню в кожаном переплете. Слоан машинально раскрыла солидный буклет и невидящими глазами уставилась в список закусок, раздумывая о предстоящем нелегком разговоре. Нужно во что бы то ни стало сохранять объективность. Несмотря на ее нелестное мнение о Картере, нельзя отрицать, что он был для Парис заботливым, любящим, хотя и чрезмерно властным отцом, и та, разумеется, предана ему. Как легко оказалось ей полюбить неожиданно возникшую сестру, ведь при этом ей не пришлось осознавать, что ее отец — негодяй, лгун и непорядочный человек. В случае с Кимберли все обстояло совсем иначе!

Картер же и его мамаша вбили Парис в голову, что ее мать принадлежит к отбросам общества. Если она поймет, что все это ложь, она будет вынуждена признать, что оба они совершили гнусную подлость. Трудно представить, как ранит это открытие сестру! Слоан опасалась, что Парис попытается защититься единственным известным ей способом: не пожелает ничего слышать о матери и придумает тысячу причин и доводов, чтобы никогда с ней не увидеться.

У стола появилась официантка, и Слоан заказала фирменное блюдо, даже не позаботившись как следует прочесть его название. Когда они остались одни, Слоан решилась заговорить о Кимберли, но выяснилось, что на уме у Парис было совсем другое.

— О чем хотела поговорить с тобой прабабушка?

— О драгоценностях, — беспечно сообщила девушка. — Собиралась подарить мне какие-то фамильные украшения. Но я отказалась.

Лицо Парис заметно напряглось.

— Она упоминала о завещании? Слоан кивнула, и Парис принялась массировать пальцами виски, морщась как от внезапной боли.

— Мне так жаль, что эти мысли не дают прабабушке покоя, — расстроенно прошептала она, — но все мы знаем, что ей не долго осталось.

Слоан сочувственно молчала, и Парис, заломив руки, почти простонала:

— Я видела этот футляр на столе и поняла, о чем они хотят с тобой говорить. Ненавижу, когда она заводит речь о смерти — может, потому, что это словно приближает страшную минуту. Не знаю.

Она покачала головой и, подавшись вперед, жалобно попросила:

— Лучше давай поговорим о чем-нибудь веселом. Слоан не нуждалась в поощрении.

— Хочешь побольше узнать о маме?

— Хочу.

— Я звонила ей утром и рассказывала о тебе. О том, что ты собираешься приехать.

— И что она ответила?

Слоан взглянула сестре в глаза и тихо призналась:

— Мама плакала. Никогда не видела ее плачущей. Парис громко слотнула, будто сама едва сдерживала слезы.

— А... а что еще?

— Мама передала привет и сказала, что очень тебя любит. Парис нервно опустила глаза.

— Это... это очень мило с ее стороны. Кажется, худшие подозрения Слоан оправдываются. Что же делать?

— Я понимаю, как все это тяжело для тебя. Чего только, должно быть, тебе не наговорили о маме, а теперь ты вдруг узнаешь, что добре и лучше ее нет в мире. Нетрудно понять, что если я говорю тебе правду, значит, кто-то лгал.

Нет, не «кто-то». Отец и бабушка.

— Он и твой отец, — не преминула напомнить Парис, словно умоляя сестру признать этот неоспоримый факт.

— Я этого и не отрицаю, — пробурчала Слоан, решив воспользоваться тем же приемом, который применил Пол по пути в Палм-Бич, рассуждая о причине разрыва ее родителей. — Кстати, ты любила свою бабушку?

— Бабушку Франсис? — Парис поколебалась и виновато качнула головой. — Да я смертельно ее боялась. Как, впрочем, и все окружающие. И дело не в том, что она была злой и сварливой, хотя это чистая правда. Просто у нее отродясь не имелось того, что называют душой.

Именно такой ответ Слоан надеялась услышать.

— В таком случае ее можно считать главной виновницей того, что произошло, — полушутя заметила она. — Впрочем, так оно и было на самом деле.

Слоан рассказала Парис о том, что случилось в тот день, когда мать Картера прибыла во Флориду и увезла с собой драгоценного сыночка.

Парис молча слушала, и Слоан видела, как сестра уходит в себя, замыкается, словно не в силах поверить, что отец и бабка оказались способны на такую жестокость.

— Главное, необходимо помнить, — весело заключила Слоан, — что в то время отцу было всего двадцать семь. Слишком молодой, привыкший жить в роскоши, а тут вдруг вынужден содержать жену с двумя детьми. Должно быть, он смертельно напугался. Мать, вероятно, убедила сына, что она лучше знает жизнь, напомнив, что после смерти отца компания нуждается в руководстве. И Картер не мог не поверить ей. Кто знает, что было на самом деле? С тех пор он, должно быть, совершенно переменился.

— Наверное, ты права, — выдохнула Парис после недолгого раздумья.

— И еще одно нельзя упускать из виду: мама и не имели между собой абсолютно ничего общего. Он не любил ее. Для него она была всего-навсего красивой наивной провинциалкой, которая влюбилась с первого взгляда в опытного сердцееда-красавца, светского человека и залетела после единственной ночи.

— И он попытался поступить как подобает порядочному человеку и женился, — вставила Парис. :

— Не совсем. Приехав в Сан-Франциско, чтобы сообщить Картеру о своей беременности, она случайно наткнулась на его родителей. Они пришли в такую ярость, узнав о похождениях сыночка, что, когда тот ночью вернулся домой, велели ему убираться вместе с мамой.

Слоан сочла за лучшее не открывать сестре всей правды: Картер явился вдребезги пьяным, и родители посчитали беременную несчастную девочку последней каплей, точкой в длинном списке его безумных выходок. Слоан, помолчав, осторожно затронула самую болезненную тему, из-за которой, собственно, и начала весь разговор:

— После развода наших родителей тебе наговорили немало ужасных вещей, и со стороны отца и бабушки это просто недопустимо, но если хорошенько подумать, тут нет ничего удивительного.

— Собственно говоря, все эти пакости придумывала в основном бабушка Франсис.

— — Охотно верю, особенно после всего, что ты мне про нее рассказала, — попыталась пощутить Слоан.

— Да, но папа слышал все, что она несет, и ни разу не попытался вступиться за маму.

Слоан от неожиданности растерялась, но ее немедленно осенило. Вот он, подходящий случай!

— К этому времени он стал старше, и не исключено, что втайне

стыдился содеянного. Согласись, нелегко признать, что родная матушка склонила его к нечестному поступку! Он, очевидно, очень любил тебя и не хотел выглядеть в твоих глазах подлецом.

Давая Парис время хорошенъко все обдумать, Слоан поднесла к губам стакан с водой и решила усилить впечатление:

— По-моему, разведенные пары вечно чернят друг друга перед детьми.

— Верно! А какие гадости говорила об отце мама?

Вот это удар! Слоан едва не поперхнулась и, машинально отставив стакан, огляделась, словно в поисках поддержки.

— Несколько лет назад какой-то подросток выхватил у мамы сумочку. В день суда она выступила свидетелем защиты и умоляла судью оказать вору снисхождение. — Слоан усмехнулась и добавила; — Она так старалась добиться своего, что прямо-таки разливалась соловьем!

— И его освободили?

— Еще бы Судья объявил, что если пошлет мальчишку в тюрьму, то не сумеет отделаться от ощущения, что наказывает ее.

— Какая чудесная история!

— А по-моему, не слишком. Неделю спустя он стянул ее машину. Позже объяснил, что посчитал маму настоящей размазней. Видимо, так оно и есть.

И тут Парис словно прорвало. Она засыпала Слоан вопросами о матери, которых хватило на весь день.

Глава 31

Разговор с Парис о матери так увлек Слоан, что она даже забыла о Ное. Но вот настало время одеваться к ужину, и Слоан почувствовала невероятное волнение. Она так торопилась, что была готова задолго до приезда водители.

Оставалось только выбрать платье.

Заглянув в ее комнату, Парис предложила помочь. Внимательно пересмотрев весь гардероб сестры и похвалив привезенные наряды, она, однако, решительно покачала головой и объявила, что в этом случае не обойтись без длинного платья.

— Не слишком роскошного, — пояснила она, — но обязательно с летящей юбкой, соблазнительно обрисовывающей ноги при каждом шаге.

Убедившись, что сестра не привезла с собой ничего в этом роде, Парис обняла ее и повела к себе. Ее шкаф был буквально набит одеждой. Тут оказалось куда больше модных туалетов, чем во всем магазине Лидии, а в смежной комнате висели в ряд недошитые наряды, над которыми работала Парис.

Слоан наблюдала, как Парис принялась вынимать из шкафа платья, одно роскошнее другого, решительно отвергая каждое по причинам, не вполне понятным Слоан.

— Вот оно! — наконец-то торжествующе объявила она, извлекая открытое белое платье без бретелек. — Ну как?

Слоан показалось, что платье чем-то похоже на красную полотняную «рубашку» Сары, если не считать цвета и длины. Однако она промолчала, покорно давая облечь себя в новый наряд. Но едва Парис потянула вверх молнию и повернула Слоан к зеркалу, девушка ахнула. Лиф обтягивал грудь, как перчатка, юбка чуть расширялась от бедер и изящно ниспадала на пол. Гроздья вышитых белых цветов с золотыми листьями и стебельками украшали корсаж и были рассеяны по подолу.

— Господи, — прошептала Слоан, — как красиво!

— Ты еще не видела остального, — заговорщицки подмигнула Парис, накидывая на ее плечи прозрачный палантин с рисунком из белых и золотых листьев. — А теперь осталось только найти подходящие украшения.

Она стала выдвигать ящички, встроенные прямо в стену.

— А как насчет волос? — взволновалась Слоан. — Может,

причесаться по-другому?

Она поспешила подобрала падавшие на плечи волосы и, свернув в слабый узел, закрепила на затылке.

Парис озабоченно рассматривала два золотых филигранных колье и, наконец сделав выбор, обернулась:

— Твоя прическа идеальна, как и макияж, но к ней нужны серьги. Эти то, что надо!

Она приложила к ушам сестры длинные сверкающие золотые капли.

Слоан надела серьги и застегнула широкое колье, не в силах отвести взгляда от своего отражения. Каким волшебством сумела Парис так изменить ее внешность?

Она повернулась к сестре, чтобы поблагодарить, но та исчезла и вернулись несколько минут спустя с тремя бутонами белых роз.

— Я их стащила из цветочной аранжировки на одном из столов, — пояснила она, прикалывая цветы к волосам Слоан.

— Интересно, знает кто-нибудь, куда мы отправляемся? — спросил Пол, когда водитель в униформе открыл дверцу «роллс-ройса».

— Только не я, — покачала головой Слоан, — но так или иначе, а сегодня все дамы будут у твоих ног.

Ее волнение оказалось таким заразительным, что даже Пол пришел в беззаботное настроение.

— Им не повезло! Я уже в компании самых прекрасных дам во Флориде! Парис, вы хотя бы догадываетесь, куда мы едем?

Парис, удивительно похожая на райскую птичку в своем шелковом ярком саронге, устроилась рядом с сестрой.

— Знаю, — поддразнила она, — но не выдам Ноя! Однако, посмотрев на сгоравшую от любопытства сестру, немного смягчилась:

— Пожалуй, намекну, так и быть! Будем ужинать в самом изысканном ресторане Палм-Бич.

— И каком же именно? — допытывался Пол, широко улыбаясь.

— Он называется «Призрак».

На лице агента появилась странная гримаса, и Слоан невольно подумала, что ему знакомо это название.

— Ты там уже бывал? Пол неподдельно смущился:

— Нет, и никогда о нем не слышал.

— Должно быть, ужасно «дорогой», если пришлось так нарядиться, — заметила Слоан.

Немного спустя машина свернула к частной пристани, где были пришвартованы огромные яхты.

— Мне стоило догадаться раньше! — восторженно вскрикнула Слоан. —» Призрак»— это корабль!

Парис, не отвечая, подалась вперед и раздраженно нахмурилась, когда «ролле» скользнул мимо последнего причала к небольшой взлетной площадке, где стоял маленький белый вертолет, лопасти которого уже рассекали воздух.

— О нет! — простонала она, когда водитель вышел и открыл дверь.

Пол и Слоан выбрались наружу, но Парис, сделав два шага, замерла как вкопанная.

— Мартин, я полагала, что мистер Мейтленд пришлет за нами катер, — нервно бросила она.

Сорокалетний мужчина гигантского роста и могучего телосложения, выглядевший достаточно сильным, чтобы поднять машину одной рукой, учтиво, но без излишнего почтения пояснил:

— Какие-то неполадки с мотором. Мистер Мейтленд просил воспользоваться вертолетом и обещал незабываемый вечер.

Слоан, застигнутая врасплох столь необычным требованием, поколебалась, но Парис, очевидно до смерти боявшаяся летать, отступила и с ходу наткнулась на Пола.

— Что случилось? — мягко осведомился тот.

— Простите, но мне не слишком хочется садиться в эту штуковину. Не могу, и все тут. Не выношу даже больших вертолетов, не говоря уже о маленьких!

Сердце Слоан упало. И не потому, что ей так уж хотелось подняться в воздух или увидеть своими глазами настоящую яхту. Но упустить возможность побывать несколько часов рядом с Ноем было выше ее сил.

— Кроме нас. Ной никого не ожидает? — спросила она, скрывая досаду за сочувственной улыбкой. — В таком случае, возможно, ему лучше присоединиться к нам на суше? Мы могли бы пойти куда-нибудь.

— Какая несправедливость! — с чувством воскликнула сестра. — Он велел повару приготовить все самое вкусное и так мечтал сделать тебе сюрприз!

Обернувшись, она грустно взглянула на Пола.

— Не хочу портить вам настроение. Проводите Слоан, а я вернусь домой.

Слоан уже открыла было рот, чтобы возразить, но тут на помощь пришел Пол.

— В таком случае это было бы нечестно по отношению к вам, — галантно запротестовал он. — Пусть Слоан летит, а мы поужинаем в

ближайшем уютном ресторанчике.

— Не пожалеете? — нерешительно пробормотала Слоан, с благодарностью взирая на своего рыцаря.

Но того, казалось, скорее забавляла неожиданность ситуации. Кивнув в сторону вертолета, он заметил:

— Слоан, тебе лучше поторопиться, прежде чем кончится топливо! А мы с Парис отправляемся в неведомое.

Парис, нам пора.

Он подвел девушку к машине, и та долго смотрела вслед взмывшей над морем «стрекозе». И лишь когда она исчезла в багровых закатных лучах, негромко посетовала:

— Я такая дурочка. Надеюсь, что не разочаровала вас, мистер Ричардсон?

— Ничуть, — с готовностью заверил Пол, скрестил руки на груди и прислонился к дверце, со странным выражением на лице рассматривая девушку. Несколько выведенная из равновесия его пристальным изучающим взглядом и загадочной улыбкой, Парис выпалила:

— Вы, должно быть, считаете меня истеричной идиоткой.

Пол молча покачал головой.

— Но я в самом деле боюсь вертолетов.

— Должно быть, это несколько портит удовольствие, но тут уж ничего не поделаешь.

— Какое еще удовольствие?

— Ставить рекорды по вертолетному спорту.

Парис рассмеялась и бессильно откинулась на спинку сиденья.

— Откуда вы узнали?

— Ваш отец очень гордится успехами дочери. Кстати, простите за любопытство, но как бы вы поступили, реши я лететь вместе со Слоан?

Парис без колебаний встретилась с ним глазами, — Я знала, что вы не приняли бы такого решения. Водитель тем временем позвонил на «Призрак» и уведомил хозяина, что мисс Рейнолдс только что вылетела. Повесив трубку, он вопросительно посмотрел на Парис в зеркальце заднего обзора, очевидно, в ожидании ее решения.

— Долой маски, Марти, — с сожалением вздохнула она. — Нас поймали на месте преступления. Мистер Мейтленд пообещал зарезервировать нам столики в ресторане. Везите!

Водитель кивнул, развернулся, подкатил к третьему причалу и выключил зажигание. Парис недоуменно нахмурилась.

— Что случилось, Мартин?

— Мистер Мейтленд очень расстроился, узнав, что вы отказались лететь, и проклинал себя за то, что забыл о вашей нелюбви к вертолетам, — невозмутимо проговорил водитель. — Только что по телефону он настоятельно просил вас принять его приглашение поужинать и прокатиться на «Звездочете».

Мартин кивнул на шестидесятифутовую парусную яхту, пришвартованную у ближайшего слипа.

— Ну как, Пол? — шепнула Парис, азартно блестя глазами. — Не слишком ли мы затрудняем Ноя?

— По-моему, ничуть, — заверил Пол, тоже не оставшийся равнодушным к почти детскому восторгу Парис, и весело предложил:

— Поделом ему будет, если мы выйдем в море без команды.

— А вы сумеете управлять парусами?

— Если вы мне поможете, — кивнул Пол с такой восхитительной небрежностью, что Парис немедленно уверилась в его сверхчеловеческих способностях. — Кстати, вы сможете что-нибудь приготовить?

— Если вы мне поможете, — улыбнулась Парис.

— Заметано, — согласился Пол, протягивая ей руки. — Вперед!

Глава 32

«Призрак» оправдывает свое название «, — потрясенно подумала Слоан, когда вертолет завис над судном. Сверкающий белоснежный корабль выглядел сказочным видением на фоне красно-оранжево-фиолетовых сполохов.

— Добро пожаловать на борт, мисс, — приветствовал мужчина в белом кителе, помогая ей спуститься. Он проводил девушку на верхнюю палубу, где на носу был сервирован стол, покрытый белой льняной скатертью и уставленный фарфором и хрусталем. Как ни была взбудоражена Слоан, все-таки успела заметить, что на столе красовалось только два прибора.

— Мистеру Мейтленду позвонили по срочному делу.

Но он скоро будет, — объяснил капитан и поспешно удалился.

Слоан зачарованно осмотрелась. Она никак не ожидала, что Ной владеет таким сокровищем. До сих пор девушка видела нечто подобное лишь в фильмах, где красавцы миллиардеры приказывали бросить якорь очередной гигантской яхты у берегов Монте-Карло.

Рассеянно проведя рукой по лакированному поручню, Слоан медленно направилась к корме. Большую часть палубы занимал просторный салон с большими круглыми иллюминаторами и стеклянными дверями. Заглянув внутрь, Слоан с удивлением обнаружила интерьер скорее ультрасовременного пентхауса, чем корабельной кают-компании. Белый ковер с серебристо-фиолетовым узором, образующим широкий бордюр по краям и огромный сюрреалистический медальон в центре. Винтовая лестница с хромированными перилами вела на верхний и нижний уровни. Диваны и кресла с обивкой в тон ковру были в продуманном беспорядке расставлены вокруг столов со столешницами из толстого стекла, на которых возвышались модернистские скульптуры из серебра с позолотой. Рядом сверкали всеми цветами радуги громадные кристаллы.

Не найдя Ноя в салоне, девушка решила, что он вот-вот распахнет одну из многочисленных дверей, мимо которых она проходила, но вместо этого обнаружила его на том месте, куда привел ее капитан. Он стоял у поручня, прижимая к уху сотовый телефон. Лицо непривычно суровое, даже злое.

— Меня больше не интересуют никакие увертки Уоррена, — резко бросил он. — Главное — результат, а его пока и нет. И передайте

Грациелле, что, если он и на этот раз все провалит, может катиться ко всем чертям! Я больше не стану вносить за него залог, и пусть гниет в венесуэльской тюряге хоть до самой смерти! Немного послушав, он хмуро бросил:

— Ты чертовски прав, мне не до шуток. Позабочься о Грациелле и убирайся оттуда как можно скорее.

Он, не попрощавшись, нажал кнопку и швырнул телефон на стол. Таким Слоан еще никогда его не видела. Как не похож этот холодный, почти отталкивающий человек на того дружелюбного, открытого Ноя, к которому ее неодолимо влекло!

Заметив Слоан, Ной мгновенно переменился.

— Привет! — выдохнул он с лениво-неотразимой улыбкой, лишившей Слоан дара речи. Господи, как он красив! Олицетворение элегантности и стиля, в черном смокинге безукоризненного покроя, белоснежной рубашке и галстуке-бабочке.

Слоан остановилась в нескольких шагах от него, настолько выведенная из равновесия атрибутами роскошной жизни — яхтой, вертолетом и всей обстановкой, — что не могла придумать, с чего начать разговор. Теперь Ной казался ей недоступным, надменным незнакомцем, который и смотреть не захочет на нее, бедную, ничем не примечательную девушку, впервые надевшую вечернее платье, да и то не свое.

— Здравствуйте, — вежливо, но без излишней теплоты ответила она.

Если он и заметил ее сдержанность, то не подал виду и, взяв из серебряного ведерка со льдом бутылку шампанского, налил в бокалы и один протянул ей, вынудив тем самым подойти поближе.

В этот момент раздался рокот мотора, и Слоан, оглянувшись, увидела троих мужчин, взбиравшихся в вертолет. — Все это несколько неожиданно, — заметила она, не сводя с них глаз.

Ной едва удерживался от желания прижать ее к себе и провести кончиком пальца по ее щеке. Вместо этого он облокотился на поручень, без стеснения рассматривая Слоан и наслаждаясь мыслью о том, что сегодня он обязательно вынет ее из этого идеально сидевшего платья, как куколку из кокона, и насладится созерцанием совершенного тела. Слоан следила за улетавшим вертолетом сколько могла и наконец, набравшись храбрости, растянула рот в улыбке и громко выпалила:

— Парис осталась на берегу. Она боится летать.

— Какой ужас, — мрачно посочувствовал Ной.

Слоан кивнула.

— Пол остался с ней.

— Я вне себя от отчаяния.

И тут она заметила веселые искорки в прекрасных серых глазах и, кое-что поняв, быстро оглянулась на стол. Цветы, свечи в хрустальных чашах и приборы. Два прибора. Два стула. Неужели Парис...

Слоан одолевали противоречивые эмоции: угрызения совести из-за сестры и возмущение самоуверенностью Ноя.

Как он мог все решить за нее?

— Вы знали, что Парис боится вертолетов! — негодующе воскликнула она, с осуждением взирая на Ноя.

— Что вы! Мне это и в голову не приходило, — протестующе поднял руки Ной.

— Неужели — недоверчиво усмехнулась Слоан.

Ной медленно помотал головой, но глаза его продолжали искриться смехом. Слоан, кажется, поняла, что тут дело нечисто, но не собираясь сдаваться, пока не разберется, в чем подвох.

— Вы знакомы столько лет и до сегодняшнего дня даже не подозревали, что она не любит летать... — начала она, но тут же осеклась, очевидно, что-то сообразив. — А может, Парис на самом деле вовсе не такая уж трусиха?

Нет, больше Ною не вынести!

Потянувшись к ней, он прикусил нежную мочку и прошептал:

— У Парис свидетельство пилота. Слоан на секунду замерла. Какое это блаженство — ощущать его теплое дыхание! Но тут же взяла себя в руки и, рассмеявшись, спросила;

— А теперь признавайтесь, зачем вы все это затеяли?

Столько хлопот — и все ради меня?

— Хотел искупить вину за ту ночь, проведенную в шезлонге.

— И не пожалели расходов? — поддела Слоан. — Вижу, вы ничего не делаете наполовину.

— Ошибаетесь, вчера вечером я остановился на полпути, — многозначительно напомнил он, но Слоан пропустила намек мимо ушей.

— Представьте, мне нравятся шезлонги.

— Надеюсь, здесь нам будет куда уютнее. Только сейчас до Слоан дошел истинный смысл его намерений. Сердце учащенно забилось.

— Хотите, чтобы я показал вам яхту?

— Да, — поспешило выпалила девушка, мгновенно представив блестящие медные и стальные детали, насосы, двигатели, форсунки...

Ной взял ее за руку, так что их пальцы переплелись, но даже тепло его ладони не могло успокоить охвативших ее волнения и страха перед тем, что

должно произойти.

Она понимала, что этот момент рано или поздно настанет, но Ной выбрал не слишком подходящую минуту, не говоря уже о месте, потому что, куда бы Слоан ни посмотрела, все настойчиво напоминало ей о том, какая пропасть лежит между ними. Они живут в разных мирах и никогда, никогда не сблизятся. Для Ноя это всего лишь мимолетное увлечение, двухнедельный роман, если, конечно, он сможет выдержать целых две недели. А для нее...

Нет, пора посмотреть в глаза правде, какой бы горькой она ни была. История повторяется, а вместе с ней и роковые ошибки, что сделала мать тридцать лет назад.

И теперь дочь сходит с ума по Ною Мейтленду, а он так же недостижим, как солнце. И у нее нет сил противиться искушению. Слоан всю жизнь ждала свою любовь, а теперь проведет остаток дней своих, сравнивая остальных мужчин с Ноем Мейтлендом.

Они поднялись по лестнице и, остановились перед полированной дубовой дверью.

— Это каюта хозяина, — сообщил Ной, распахивая дверь.

Слоан стиснула кулаки, пытаясь унять, нараставшую панику, оглядела просторное помещение и уперлась взглядом в огромную кровать. Толстое пушистое покрывало призывающе откинуто, в комнате царит интимный полумрак. Безуспешно пытаясь казаться искушенной и беспечной, она небрежно бросила:

— Конечно, это не дорогой отель, но, вероятно, на море, в стесненных обстоятельствах, приходится довольствоваться тем, что есть.

Не успели слова сорваться с губ, как она мучительно поморщилась от стыда, — Простите, я была непростительно груба и глупа. Ной долго, с непроницаемым лицом изучал девушку.

— А почему вы это сказали?

Слоан вздохнула и решила больше не притворяться: все равно не имеет смысла. Подняв глаза, она чистосердечно призналась:

— Потому что нервничаю и не нахожу себе места. Я привыкла видеть вас таким, каким вы обычно бываете с Кортни и Дугласом. — Она выразительно обвела рукой каюту:

— А здесь, в этой обстановке, вы мне кажетесь абсолютно чужим. Я даже голос ваш не узнала, когда вы говорили по телефону, — с отчаянием сказала Слоан.

Ной лучше, чем кто бы то ни было, понимал девушку, потому что сам себя не узнавал: стоило Слоан оказаться рядом, и он менялся на глазах.

Глядя в ее прекрасное, поднятое к нему лицо, он упивался звуками ее голоса и восхищался мужеством этой необыкновенной девушки. И изо всех сил пытался решить, чего больше хочет: зарыться лицом в душистые волосы и посмеяться над ее дурными предчувствиями или накрыть ее губы своими и задушить ее сомнения поцелуем. Господи, поверить невозможно! В глазах Слоан его богатство — недостаток, досадное препятствие на пути к их сближению. Другой такой просто нет на свете! Никогда еще она не казалась Ною такой привлекательной и желанной.

Осторожно скав ее подбородок. Ной прошептал:

— Мы знаем друг друга сто лет, Слоан. Медленно, дразня, волнуя, искушая, он обвел языком ее губы, настойчиво заставляя их раскрыться.

— Помнишь? — хрипло пробормотал Ной, сжимая ее плечи и вновь припадая к губам огненным поцелуем, лишавшим Слоан воли и желания сопротивляться. Руки ее невольно скользнули под его смокинг, провели по мускулистой груди и обвили шею. Ной на миг оторвался от нее. В глазах полыхало пламя желания, голос, казалось, ему не повиновался. — Ну а теперь? Помнишь меня?

И Слоан поняла, что назад дороги нет. Ей уже не забыть Ноя. И бессмысленно лишать себя тех прекрасных воспоминаний, которые останутся с ней навсегда, после того как она покинет эту комнату. Для тоски, одиночества и напрасных сожалений еще будет время. Вся остальная жизнь. Ну а сейчас Слоан хочет быть с ним, завтра и послезавтра, и... и, может быть, еще два-три дня, пока она не потеряла для него притягательности.

Но он ждал ответа, и Слоан кивнула. Из горла вырвался тихий стон — признание собственного поражения.

— Да... — выдохнула она и, приподнявшись на цыпочки, прижалась поцелуем к его губам.

Слоан целовала с безумной страстью, отчаянием и тоской, словно прощаясь навеки, и Ной, сгорая от ненасытного голода, властно прижал ее к себе. Дверь захлопнулась под ударом его ноги, и Слоан неожиданно охватило нервное возбуждение. Только Ной не торопился. И целовал ее, пока Слоан не потеряла голову, ощущая лишь его руки, теплые большие руки, ласкающие каждый дюйм ее тела.

Не отрывая губ, он потянул вниз молнию ее платья, отступил и почти сорвал с себя смокинг. Белое шелковое облачко легло к ее ногам, и девушка машинально наклонилась, чтобы его поднять.

— Не нужно, — велел он, не спуская глаз с розовых вершин ее грудей и торопливо расстегивая сорочку. Он явно не стеснялся раздеваться перед

ней, тогда как Слоан сгорала со стыда.

Когда она отвернулась, чтобы сбросить трусики и колготки, до Ноя дошла причина ее смущения. Скрывать такое изумительное тело! Плавные изящные изгибы, стройные ноги и светящаяся кожа...

Он вынул запонки из манжет, не спуская глаз со Слоан, неспешно выбиравшей шпильки из волос. В этой позе, с поднятыми вверх руками и слегка наклоненной головой, она напоминала ему портрет обнаженной натуры, висевший в Лувре.

Когда последняя шпилька легла на стол, Слоан тряхнула головой и золотой водопад пролился на ее плечи.

« Она великолепна! — подумал Ной, сгорая от вожделения — Великолепна и застенчива ».

Он встал за спиной Слоан и, обняв ее за талию, привлек к себе.

— Я без ума от тебя, — прошептал он, и Слоан едва заметно вздрогнула. Он повернул ее лицом к себе, подхватил на руки и бросил на постель, а сам растянулся рядом и приподнялся, опервшись на локоть.

Слоан чуть ежилась под его внимательным властным взглядом, вбиравшим каждый изгиб, каждую впадинку ее тела, и, когда их глаза встретились, задрожала, только сейчас полностью осознав, как он желает ее. Ной протянул руку, и она невольно вздрогнула, словно готовясь к бесцеремонному вторжению. Но она ошиблась: Ной припал к ее губам в медленном, воспламеняющем, легком, как прикосновение пушинки, поцелуе, едва глядя кончиками пальцев нежную шею. Очень успокаивающий поцелуй.

Успокоенная Слоан прижалась к нему, и его правая рука мгновенно скользнула к груди, большой палец обвел напрягшийся сосок. Дразнящее, искушающее, соблазняющее прикосновение.

Слоан принялась играть с темными завитками на его груди. Разгоряченная кожа казалась гладким атласом, обтянувшим сталь, а сосок, слегка задетый ладонью, — крошечной твердой бусинкой. На плечах бугрились мускулы, лицо словно высечено из мрамора. Он поистине великолепен. И принадлежит ей. На сегодняшнюю ночь. А волосы на виске мягкие и гладкие...

Для Слоан эти касания были горьким откровением, для Ноя — ласками, такими неожиданно нежными, что желание терзало его с нарастающей силой. Неужели такое возможно?!

Он отстранился, с нежным недоверием глядя на Слоан.

Не подозревая, что делает с ним, Слоан провела мизинцем по его губам, четко очерченным, чувственным губам. Брови густые и прямые,

глаза... глаза открыты?!

Девушка, встрепенувшись, испуганно посмотрела на него. Смуглое лицо искажено страстью, на шее судорожно бьется жилка. Слоан молча, покорно опустила веки и, обняв Ноя, прижалась к нему и поцеловала. Его губы приоткрылись, требовательные и настойчивые, язык проник в ее рот, пальцы запутались в крошечных жестких завитках внизу живота, безмолвно требуя их впустить. Слоан в беспамятстве извивалась под бесстыдными ласками, всем телом умоляя о большем.

Он оторвался от ее губ, накрыл поцелуем розовую вершину груди, и Слоан вцепилась ему в плечи, проведя ногтями кровавую борозду. Ной, застонав, стиснул ее ягодицы, приподнял и ворвался в нее с такой силой, что Слоан едва не лишилась сознания. Каждый медленный требовательный выпад подталкивал ее ближе к краю, но тут Ной внезапно обхватил ее и перекатился на спину, увлекая за собой.

Слоан, очутившись в позе всадницы, ошеломленно уставилась на него, и при виде ее испуганного раскрасневшегося лица Ной весело усмехнулся. Будь на ее месте кто-то другой, он не стал бы прилагать столько усилий, но на этот раз хотел, чтобы она испытала истинное блаженство, перед тем как он окончательно потеряет контроль над собой. По крайней мере он пытался убедить себя в этом, но какой-то частью затуманенного страстью мозга сознавал, что истинная причина в двух ее любовниках. Они оказались неловкими, неуклюжими ничтожествами. В отличие от него. И он хотел быть абсолютно уверенным в этом, прежде чем Слоан покинет его каюту.

Протянув руку, он погладил девушку по волосам.

— Ты ослепительна, — прошептал он, лаская ее соски, и, едва она откинула голову и застонала, — положил ладони на ее бедра, словно умоляя поскорее начинать. И только после этого понял: Слоан не лгала, говоря о своей неопытности. Она не имела ни малейшего представления о том, как установить ритм и поддерживать его: замедляла движения, когда нужно было быть настойчивой и поторопиться, изменяла темп в самые неподходящие моменты. Он не мог предсказать, что она сделает в следующую секунду: Слоан держала его в подвешенном состоянии, возбуждавшем куда больше, чем все ухищрения опытных женщин.

И стоило ему понять это, как Слоан, внимательно следившая за лицом Ноя, стала подчиняться каждому едва заметному его движению, и он забыл обо всем. Напряжение нарастало с каждым мгновением и с такой силой, что ему пришлось схватить Слоан за бедра, чтобы остановить ее. Притянув девушку к груди, он попытался осторожно толкнуть ее на спину, лечь сверху и прижать к кровати, прежде чем вновь вонзиться в тесные глубины.

И впиться поцелуем-укусом в губы, страстно желая поставить на ней свое клеймо, навсегда впечатать воспоминание о себе в ее мозг.

— Открой глаза, — глухо пробормотал он.

Данные золотистые ресницы медленно поднялись. Огромные глаза молчаливо молили об освобождении, и он так же безмолвно пообещал ей все наслаждения мира. Напрягшись как струна, он стал входить в нее все глубже.

Слоан ощущала знакомую пульсацию глубоко внутри. Пульсацию, которая не унималась, пока не взорвалась фейерверком острых ощущений, вырвавших из горла пронзительный крик. Ной вторгся в нее еще один, последний раз и задрожал от того же наслаждения, которое подарил ей. Прижав Слоан к себе, он обессиленно обмяк.

Слоан долго лежала, слишком потрясенная случившимся, чтобы мыслить ясно, целиком захваченная простым счастьем находиться в его объятиях. Но по мере того как рассудок возвращался, с ужасом сообразила, что этот пылкий любовник, человек, только что заставивший ее кричать, оттачивал свою технику со многими женщинами. Слишком многими. И наверняка ими избалован. Но... но с другой стороны, вряд ли он нашел ее настолько скучной и неопытной, что больше не захочет иметь с ней дел, иначе не обнимал бы ее с такой нежностью. Может, лучше что-то ему сказать?

— Ной!

— М-м-м?

— Я очень быстро учусь.

Ной попытался разглядеть ее прекрасное встревоженное лицо, и его губы дернулись в нежной улыбке.

— Я это заметил, — заверил он, смеясь так, что кровать затряслась, и сгреб в охапку Слоан, уткнувшись носом в ее шею. — Боже, помоги мне!

Постепенно он успокоился. Но на душе по-прежнему было легко и светло. Обычно после любовных схваток он чувствовал приятную слабость, но быстро восстанавливал силы. И никогда не испытывал такого непонятного счастья. Именно непонятного. Абсурдного. Смешного. Ной никак не мог понять, почему именно эта женщина так воздействует на него, и не только в постели. Она способна воспламенить его взглядом, развеселить улыбкой и сделать податливым как, воск. И притом она совершенно лишена жадности, тщеславия и хитрости.

И к тому же он морит ее голодом.

Ной взял со столика часы. Он просил ее приехать пораньше, чтобы показать закат на море, и сумерки еще не спустились.

Ной пригладил ее растрепавшиеся, повлажневшие от пота пряди, и Слоан вопросительно взглянула на него.

— В программу вечера входят ужин и прогулка, — шутливо объяснил Ной.

Слоан сонно улыбнулась и погладила его по груди.

— А это? Включено в программу или сверх оной?

— Не смотри на меня так, иначе получишь еще кое-что, кроме ужина.

— Неужели? Что же именно?

— Десерт.

И чтобы удержаться от искушения. Ной схватил телефонную трубку и приказал подавать ужин через полчаса. Только потом он неохотно встал с постели.

Они ужинали при свечах, а где-то тихо играла музыка. Теперь, когда первое желание было утолено, они смогли говорить как люди, недавно подружившиеся и старающиеся получше узнать друг друга.

К тому времени как ужин кончился, Слоан так освоилась, что без смущения отвечала на расспросы Ноя о Картере и Кимберли.

— В восемнадцать мама стала победительницей конкурса красоты, а призом была недельная поездка в Форт-Лодердейл с проживанием в лучшем отеле. Репортер местной газеты как раз снимал ее на пляже, а в это время неподалеку проходила коктейль-парти, репетиция свадебного ужина, на котором должен был присутствовать Картер. Ему все это надоело. Вот он и прогуливался по пляжу и подошел поближе посмотреть, что происходит. На нем был ослепительно белый смокинг, и мама влюбилась с первого взгляда, словно ее околдовали. Так все и вышло.

— Должно быть, это еще не вся история, — резонно возразил Ной.

— Почти вся. Маму воспитывала бабушка, и обе были крайне наивны и совершенно не знали жизни. Короче говоря, последние три дня она провела с ним в отеле. Отдала ему свою невинность, а он взамен подарил ей Парис. Мама вернулась домой, твердо убежденная, что нашла свою единственную любовь и Картер женится на ней, как только уговорит своих богатых и влиятельных родителей дать согласие на брак. Естественно, ее немного удивило, что так называемый жених неожиданно пропал и ни разу не подумал позвонить. Но самым большим сюрпризом стало сообщение доктора о том, что у нее вовсе не грипп, как ей казалось, и что через восемь месяцев она станет мамой.

Ной рассеянно вертел бокал, наблюдая за Слоан. Ее прекрасное выразительное лицо озарялось мягкой улыбкой при упоминании о матери и становилось презрительно-суральным, стоило заговорить об отце.

— А потом?

— Все как обычно, — пожала плечами Слоан, горько улыбаясь. — Мама отправилась в библиотеку и отыскала имя отца своего будущего ребенка в справочнике «Кто есть кто».

Видя, что Ной не думает подсмеиваться над ее жалкими попытками шутить, Слоан, мгновенно став серьезной, вздохнула.

— Кимберли была так уверена, что их любви ничего не грозит и во всем виноваты родители, настроенные против нее, что купила на последние призовые деньги билет на самолет и явилась в дом Рейнолдсов на ночь глядя с одним чемоданом. Но ей сообщили, что Картера нет дома. Кимберли объяснила, что она его невеста, и попросила разрешения подождать своего жениха. Можешь легко представить, что за этим последовало.

— И все же, — возразил Ной, — очень хотел бы дослушать эту историю.

— Ты ужасно настойчив, — покачала головой Слоан, но он лишь поднял брови, ожидая продолжения. Не в силах противиться молчаливому приказу, девушка смирилась с неизбежным. — Они вытянули из нее все подробности и, разумеется, просто взбесились.

Слоан помолчала, пытаясь найти подходящие слова, чтобы не чернить Картера перед человеком, которого считала его другом.

— Рейнолдсы посчитали, — осторожно заметила она, — что сын поступил не слишком благородно, и Картер, вернувшись, понял свою ошибку и ушел из дома вместе с мамой...

Но Мейтленд не поймался на удочку: слишком хорошо он знал эту семейку.

— Не пойдет, Слоан. И не нужно выгораживать Рейнолдсов. Правда, они были уже немолоды, когда мы познакомились, но вряд ли успели измениться за это время. Как развивались события на самом деле?

Немного выбитая из колеи его прямолинейностью, Слоан дрожащими пальцами поправила салфетку на коленях и с трудом встретила немигающий взгляд Ноя.

— Ну если так, — пробормотала она, — слушай. Картер вернулся домой поздно и в стельку пьяный, а родители, окончательно выведенные из себя его постоянными эскападами, вышвырнули его из дома вместе с Кимберли. Должно быть, это немного отрезвило Картера. По пути во Флориду они остановились в Лас-Вегасе и там поженились. У него оказалось достаточно денег, чтобы купить парусную яхту, и следующие два года он сдавал ее напрокат. Родилась Парис, а потом и я.

— И что же?

— Тут отца Картера хватил удар, и мать, поняв, что кому-то нужно управлять компанией, примчалась к сыночку, объявила, что теперь он становится главой семьи, и разрешила взять с собой одну дочь. В тот же день они забрали Парис и уехали.

— У Кортни создалось впечатление, что Рейнолдсы не слишком хорошо обеспечили невестку после развода.

— Мама получила скромное возмещение, — уклончиво заметила Слоан.

— Какое именно? — допытывался Ной.

— Скромное, — повторила Слоан, но тут же улыбнулась и тряхнула головой. — Расщедрись Рейнолдсы хоть на миллион, все равно толку бы не было. Мама так добра и доверчива, что становится желанной добычей для любого мошенника или очередного друга, оказавшегося в стесненных обстоятельствах.

— Хочешь сказать, она раздала все деньги?

— Большую часть, — призналась Слоан.

— Ты так ни разу и не назвала Картера отцом, верно? — тихо спросил он.

Слоан засмеялась.

— Какой же он отец?

Ной медленно поставил бокал.

— А разве нет?

— В полном смысле слова — нет, конечно.

— Интересно. Что ты имеешь в виду под «полным смыслом»?

— Если быть скрупулезно точной, он мой биологический родитель, только и всего. А понятие «отец» куда шире.

Отец — это тот, кто вытирает тебе слезы, заглядывает за кровать, потому что ты боишься спрятанного там чудовища, не дает тебя в обиду хулиганам и при этом остается твоим лучшим другом. Ходит на школьные собрания и на все матчи в софтбол с твоим участием, пусть ты даже чересчур мала и все время сидишь в запасных. Волнуется, когда его ребенок болен и когда приходит слишком поздно, старается познакомиться с кавалерами и все такое.

Ной улыбнулся, представив белокурую малышку в спортивной форме, уныло сидящую на скамье запасных. Огромные фиалково-голубые глаза налились слезами, потому что ее не выпускают на поле.

— Ты играла в софтбол? — удивился он, потому что все его сверстники обычно занимались теннисом или хоккеем на траве.

— Ну, сказать, что я играла, было бы, пожалуй, преувеличением, — усмехнулась Слоан. — Я была слишком маленького роста для своих лет, так что игроки моей возрастной группы просто в землю меня втаптывали. Только после десяти я неожиданно вытянулась.

— Ну, не слишком, — нежно прошептал Ной.

— Еще как слишком! — запротестовала Слоан. Немного подумав, Ной решил, что она, похоже, права: редко встретишь такую роскошную пропорциональную фигуру, идеально соответствующую его росту. Словно созданную для его объятий...

Одной мысли об этом оказалось достаточно, чтобы его плоть снова взбунтовалась. Поражаясь собственным необузданым желаниям и не зная, как на это реагировать, Ной поднялся.

— Я обещал тебе прогулку, — напомнил он и, обойдя вокруг стола, заботливо укутал ее плечи в прозрачный палантин.

Экскурсия по яхте оказалась неожиданно интересной. Слоан не раз бывала на подобного рода судах, но «Призрак» больше походил на корабль крейсерского класса. Она побродила по безупречно чистому машинному отделению, камбузу, и Ной, видя, что в гостью пробудился неподдельный интерес, вынул ключи, решив показать ей даже те места, куда обычно не водил посторонних. За бесчисленными дверями скрывались кладовые, где хранилось все, от современных чистящих средств до навигационного оборудования.

— Я так люблю корабли и лодки! — призналась она, сверкая глазами.

— Любые? — поддразнил Ной.

— Любые. От спортивных шлюпок до рыболовных шаланд и моторных катеров. С самого детства больна океаном и всем, что с ним связано.

Они находились на средней палубе, и Слоан автоматически остановилась перед следующей дверью.

— Сюда заходить необязательно, — твердо объявил Ной, подталкивая ее вперед.

Но Слоан, как все женщины, была ужасно любопытна.

— Почему? Что ты тут скрываешь?

— Ничего особенного.

— Какая несправедливость! — притворно возмутилась Слоан, — Теперь я просто сгораю от желания проникнуть туда. Не выношу всякие тайны и загадки. Я по натуре настоящая ищейка... — Она в ужасе осеклась. Неужели проболталась? — Что называется, сыщик-любитель. Начиталась детективов, — поспешно поправилась она и, чтобы поскорее

отвлечь Ноя, с притворным негодованием фыркнула:

— Ты, случайно, не Синяя Борода? А может, устроил гарем? Держишь здесь женщин, чтобы команда во время долгих путешествий не взбунтовалась?

— Поклеп! — воскликнул Ной, но дверь упорно не открывал.

Слоан, не на шутку взволновавшись, не отступала.

— Пиратские сокровища? — гадала она, стараясь разговорить Ноя. — Контрабанда? Наркотики?

Нет, язык сегодня явно ее не слушается. Да что она такое мелет?!

Улыбка Слоан поблекла, и, заметив это, Ной наконец сдался и повернул ключ в замке. В каюте вспыхнул свет, и Слоан замерла на пороге как вкопанная, потрясение осматриваясь. Тесное помещение было буквально забито всеми видами оружия, включая пулемет.

— Увидев однажды все это безобразие, Кортни наотрез отказалась выходить со мной в море.

Слоан помотала головой, стараясь прийти в себя.

— Только не стоит драматизировать, — предупредил Ной, как показалось Слоан, чуть жестче, чем требовалось.

Заметив автоматы, принятые на вооружение в войсках и запрещенные для владения частными лицами в Штатах, Слоан попятилась.

— Да, но... но зачем тебе все это понадобилось?

— Владельцы судов часто подвергаются нападениям, — натянуто улыбнулся он. Слоан стало настолько не по себе, что она вздрогнула, и Ной, решив, что она испугалась, поспешно добавил:

— Не бойся, они не заряжены.

Слоан подалась вперед. Он лгал, явно лгал, но придется делать вид, что поверила, иначе она выдаст себя.

— Если это правда, — с деланной наивностью заметила девушка, — почему с пулемета свисает такая ленточка, похожая на пояс, только с патронами?

Ной смешливо фыркнул, выключил свет и увел Слоан в коридор.

— Случайно оказалась там. Это старый пулемет, отобранный у одного из незваных гостей в последнем путешествии.

Но в мозгу Слоан, как на заевшей пластинке, звучал все тот же настойчивый рефрен: она не знает его. Совсем не знает. Отдалась ему без всякого сопротивления. Как уличная девка, позволила все незнакомому человеку.

Стоя рядом с ней у борта, Ной инстинктивно почувствовал ее отчуждение и предположил, что всему причиной оружейная кладовая. По-

видимому, Слоан, как и Кортни, впадает в панику при одном виде пистолета.

— Знаешь, лучший способ избавиться от страха перед оружием — научиться им пользоваться, Слоан заставила себя кивнуть.

— С удовольствием буду твоим наставником.

— Звучит неплохо, — рассеянно обронила она, не зная, что предпринять.

Может, это все разыгравшееся воображение, глупые фантазии чересчур подозрительного копа?

Нужно честно признаться себе: она влюбилась в этого человека с первого взгляда, как только увидела в гостиной Рейнолдсов, и всего час назад стонала и извивалась в его объятиях. Пожалуй, лучше прямо попросить объяснений, вместо того чтобы выдумывать всякую чушь.

— Было бы совсем прекрасно, если бы я поняла, зачем тебе столько этих железок. Насколько мне известно, Америка ни с кем не воюет.

— Нет, но я веду дела со странами, где обстановка далеко не так стабильна. И там бизнесмены частенько вооружены до зубов.

Слоан порывисто обернулась к нему и впилась глазами в его лицо.

— Хочешь сказать, что ведешь дела с людьми, которым не терпится тебя пристрелить?

— Нет, с предпринимателями, конкуренты которых не дремлют. И не задумаются прикончить их и меня, подвернись я им под руку. Несколько лет назад я сообразил, что не только умнее, но и безопаснее вести переговоры на своем поле, И этим самым полем стал «Призрак». В следующем месяце я назначил совещание недалеко от большого города в Центральной Америке. Встреча пройдет на борту «Призрака», а партнеров доставят туда вертолетом.

— Может, тебе стоит выбрать более безопасный бизнес? — задумчиво предложила Слоан.

— Дело не только в безопасности, но и в моральном воздействии, — засмеялся Ной. Слоан недоуменно захлопала ресницами. — Понимаешь, имея дело с людьми, которые преклоняются перед властью и деньгами, я могу быть уверен, что собственная яхта даст мне все преимущества родного дома, а они, оторванные от земли, будут посговорчивее.

Слоан немного успокоилась. В том, что он говорит, есть здравый смысл.

— А что у тебя за фирма?

— Импортно-экспортная. Путешествую по всему миру.

— И в Венесуэлу?

— Разумеется.

— А мистер Грациелла был вооружен?

Слоан заметила, что вопрос ему не понравился.

— Нет, — бесстрастно бросил он, — к сожалению, будь у Грациеллы пистолет, его бы обязательно отняли, и пристрелили беднягу из собственного оружия.

Он явно понял, что у Слоан возникли подозрения, но вместо того, чтобы их унять, молча ждал ее решения. Кажется, ее подвергают испытанию... на верность? Доверие? Как преданного друга? Или возлюбленную?

Как бы ей хотелось, чтобы правильным оказалось последнее предположение!

Но даже если это и не так, интуиция подсказывала, что Ной не лжет. За все время своей работы Слоан привыкла полагаться на собственные, почти безошибочные инстинкты и решила не отступать от правила и теперь.

— Прости, я не должна была совать нос в твои дела, — пробормотала Слоан, упорно глядя на море.

— У тебя есть еще вопросы? Слоан озабоченно нахмурилась:

— Еще бы!

— Какие именно?

— Почему мы ни разу не зашли в салон? Ной был окончательно покорен ее остроумием, умом и необычайной красотой. Сейчас, в белом платье, с развевающимися по ветру волосами, она казалась неземным существом, к которому страшно прикоснуться.

Он обнял ее со спины и привлек к себе. Голос стал хриплым от вновь пробудившегося желания.

— Под лестницей в салоне есть дверь в мою каюту, и миновать ее нельзя, таковы правила на этом судне, — сообщил он и едва не потерял сознание, когда Слоан едва заметно кивнула. — И еще одна проблема, — прошептал он. — Кажется, я сделал ошибку. В стоимость вечеринки не входит эта часть программы. За нее отдельная плата, и мне придется потребовать аванс.

Он коснулся губами уголка ее рта, настойчиво требуя награды, и Слоан с тихим вздохом повернула голову, чтобы вернуть поцелуй.

Глава 33

Вся следующая неделя превратилась в бесконечную череду солнечных счастливых дней и чувственных, полных страсти ночей. Днем она старалась как можно больше времени проводить с сестрой, а по ночам — с Ноем. Его парусное судно «Звездочет» стало уютным уединенным гнездышком влюбленных, а дом Мейтлендов — почти таким же своим, как маленький особняк в Белл-Харбore, тем более что Дуглас и Кортни, казалось, приняли ее в семью. Но в глубине души девушка сознавала, — что скоро всему придет конец. Всему, кроме ее любви к Ною. Это навсегда останется с ней.

Пол и Парис явно симпатизировали друг другу, и веселая четверка часто находила себе немало интересных занятий, хотя вечерами парочки расходились в разные стороны. Слоан так и не сумела понять, какого рода отношения связывают сестру с фэбээровцем. Пол не из тех, кто распространяется о своей личной жизни, и Парис, у которой не было тайн от Слоан, тоже не знала, что испытывает к ней Пол. Наедине сестры часто говорили об этом.

На восьмой день после той памятной ночи на борту «Призрака» Слоан впервые осталась в одиночестве. Еще совсем недавно она и мечтать об этом не смела, а сейчас тоскливо слонялась по комнате.

У Ноя была назначена деловая встреча в Майами, и раньше завтрашнего утра его не ждали. Пол тоже исчез по каким-то личным делам, и Слоан понятия не имела, когда он вернется. Девушка хотела скоротать вечер с Парис и Эдит, но у сестры началась сильнейшая мигрень, так что она была вынуждена принять снотворное и лечь, прабабушка же после легкого ужина решила посмотреть телевидения по каналам спутникового телевидения. Когда выяснилось, что Картер играл с друзьями в покер в загородном клубе и собирался быть дома не раньше одиннадцати, Слоан совсем сникла. Ее терзало ужасное предчувствие грядущих бед. Она была почти уверена: когда Ноя не будет рядом, печаль и душевые муки станут ее постоянными спутниками. Она вовсе не питала никаких надежд, поскольку слишком хорошо знала и от Дугласа, и от Кортни, да и от самого Ноя, как сильно он настроен против детей и брака. Более того, Слоан имела случай познакомиться с его приятелями, и те, не стесняясь, утверждали, что Нои менял женщин как перчатки: так же равнодушно и почти так же часто.

И все же, сознавая все это и заранее боясь измерить глубину будущей душевной раны, Слоан не отказалась бы от Ноя, даже будь у нее выбор.

Раньше она считала себя чем-то вроде белой вороны среди своих подруг. Все они были помешаны на парнях, а в колледже спали с кем попало и непрерывно влюблялись и ссорились с поклонниками. В отличие от них за всю предыдущую жизнь Слоан всего дважды позволила мужчинам заманить себя в постель, да и того не случилось бы, не веди она себя как полнейшая идиотка.

Только мать не находила ее поведение странным, хотя к тридцати годам Слоан оставалась одинокой. Правда, в последнее время Кимберли стала намекать на то, что ее девочке следует почаще бегать на свидания. Но сама Кимберли крайне редко встречалась с мужчинами, хотя в кандидатах на ее благосклонность недостатка не было.

— Просто они меня не привлекают, — твердила она дочери. — Пожалуй, я предпочла бы остаться дома или поехать куда-нибудь с подругами.

И Слоан постепенно обнаружила, что в этом отношении куда больше походит на мать, чем ей представлялось. Их попросту не привлекают первые попавшиеся мужчины, пусть даже умные и красивые. Обе ждут единственную, главную любовь, с первого взгляда, способную изменить их жизнь. Слово «однолюбка» гвоздем вонзилось в мозг Слоан, пока она, изнемогшая от борьбы с собой, не вышла на балкон.

Может, хватит грустить? Пожалуй, неплохо прогуляться по берегу. Уже почти десять вечера, и, вернувшись, она по крайней мере спокойно уснет.

Девушка натянула джинсы, кроссовки и розовый свитер, заколола волосы в конский хвост и сбежала вниз.

Очутившись на пляже, она решила повернуть налево, подальше от дома Мейтлендов, чтобы лишний раз не расстраиваться. Нечего зацикливаться на Ное. И вообще следует подумать о будущем. Будущем без него. Но Слоан, как ни старалась, не могла заставить себя сосредоточиться. Куда приятнее вспоминать его ласки! И потом, с ней он был таким добрым и понимающим и говорил на любые темы, ее интересующие. Обо всем... только не о своих чувствах к ней. Никогда, даже в порыве страсти, он не произнес «люблю» и не попытался уговорить ее остаться в Палм-Бич. Даже не дал никакого нежного, шутливого прозвища. Джесс именовал Слоан Коротышкой, а после очередного фильма с Хамфри Богартом у него появилось обращение: «Эй, солнышко». Половина ее сослуживцев изобретали для девушки миллион прозвищ, и только для мужчины, в постели которого она проводила ночи, оставалась всего лишь Слоан, и

только.

Но вместо того чтобы грустить об этом, Слоан решила подумать о более приятных вещах.

Все еще погруженная в собственные мысли, она час спустя возвращалась к дому Картера с другой стороны. Сунув руки в карманы, девушка любовалась серебристой дорожкой лунного света на воде и представляла, как выглядит Ной у штурвала, со взлохмаченными ветром волосами. Он казался таким спокойным и уверенным, словно сидел за рулем автомобиля. И к тому же находил время учить ее ходить под парусом. Сначала Ной требовал слишком много, выкрикивал приказы, которых она не понимала, но вскоре научилась справляться со строгим наставником, именуя его «капитаном Бладом» и каждый раз беря под воображаемый козырек.

Слоан так увлеклась, что, услышав его голос наяву, посчитала, будто начинает сходить с ума.

— Слоан! — еще раз окликнул Ной.

Она отвернулась от воды и стала осматриваться. Господи, быть не может! Ведь Ной в Майами... на совещании...

Но он шел к ней навстречу, через задний газон. И когда только успел переодеться в джинсы и трикотажную тенниску!

Слоан шагнула вперед, но он заступил ей дорогу.

— Куда-то собралась? — спросил он, широко, по-мальчишески улыбаясь.

Слоан качнула головой.

— Кстати, ты сегодня не чувствовала себя одинокой, несчастной и не способной ни на чем сосредоточиться?

— Собственно говоря, именно так и было, — радостно подтвердила она, поняв, что он сегодня испытал то же самое. — Думаю, это что-то вроде гриппа.

— Гриппа? Такого, от которого ты постоянно раздражаешься и готова на всех наброситься?

За последнюю неделю Слоан успела заметить, что характер у Ноя не из легких и, когда что-то ему не по нраву, он может быть резким и даже грубым, но только не по отношению к ней и своей семье.

Слоан высокомерно задрала нос и процедила:

— Ничего подобного! У меня идеальный нрав, и я никогда не набрасываюсь на людей. Ной рассмеялся и раскинул руки.

— В таком случае иди сюда и поделись со мной своим хорошим настроением.

Слоан бросилась к нему и очутилась в могучих стальных объятиях.

— Я тосковал по тебе. Ты стала моим наркотиком, — прошептал он, жадно накрывая ее губы своими, вынуждая впустить его настойчивый, алчный язык.

Наконец, оторвавшись от нее, он обхватил тонкую талию и повел Слоан к своему дому.

— Куда ты меня тащишь?

— Туда, где я больше всего хотел бы тебя видеть. Было уже довольно поздно, и поэтому Слоан осмелилась предположить:

— На кухню?

— Откуда ты знаешь? — поддел он. — Я вернулся, потому что не смог без тебя. Не поверишь, я сегодня даже не обедал, а Клодин уже легла спать. Кортни сжигает все, к чему ни притронется, а Дуглас даже не знает, как включается плита. Сумеешь состряпать такой омлет, как на прошлой неделе?

Слоан рассмеялась.

— У меня разрывается сердце при мысли о том, что тебе пришлось бы лечь в постель голодным, не отыщи ты на пляже женщину, которая в отличие от твоего отца умеет включать плиту. Как грустно!

— Но ты совсем не кажешься печальной, — заметил Ной, разглядывая ее.

— Ты не только красив, сообразителен, ужасно сексапилен, — попыталась пошутить Слоан, — но и необычайно проницателен. Я не грущу, потому что мигом способна решить все твои проблемы.

— Ты восьмое чудо света!

Кортни влетела в отцовский кабинет и, схватив Дугласа за руку, стащила с кресла.

— Да что это с тобой? — взмолился он, роняя книгу на пол.

— Немедленно спускайся вниз! Здесь Слоан, и такое творится! Ни за что не поверишь!

— Да что там такого может твориться?!

— Ной готовит!

— Что готовит? Очередную взбучку собственной сестрице?

— Да нет же, ужин!

Отец с дочерью на цыпочках приблизились к кухне, спеша увидеть своими глазами небывалое событие, пока их не заметили и не выставили.

Ной стоял посреди просторного помещения, наблюдая за Слоан, которая собирала все необходимые ингредиенты для омлета.

— Кстати, я создал весьма любопытную кулинарную теорию, — объявил он тоном профессионала, готового пуститься в бесконечные рассуждения на тему, в которой считается экспертом.

Слоан молча усмехнулась, складывая на столе луковицу, пару помидоров, сладкий и жгучий перец.

— Кстати, твоя теория, случайно, не заключается в простом постулате: я плачу за продукты — пусть кто-то Другой придумает, что с ними делать?

— Как ты догадалась?

— По-моему, в тебе говорит мужской шовинизм.

— Ну уж нет! — возмущенно фыркнул он. — Просто пытался поручить кому-нибудь важное дело. Не всю же ответственность мне одному нести!

В микроволновой печке жарился бекон, и Ной потянул носом аппетитный запах.

— У меня просто слюнки текут.

— Неужели? — весело осведомилась Слоан.

— Обожаю омлеты и к тому же умираю от голода.

— А хочешь послушать мою теорию? — поинтересовалась Слоан.

— Что-то не очень.

— Кто не работает, тот не ест, — ехидно сообщила Слоан.

— Ладно, сдаюсь. Готов выполнить самое сложное задание.

Слоан, не оборачиваясь, протянула ему нож и стручок горького перца.

— Порежь, да потоньше.

— А я-то хотел выполнить истинно мужскую работу, — притворно вздохнул Ной.

Слоан передала ему луковицу.

Ной рассмеялся, наслаждаясь игрой, и принял чистить лук.

— Господи, хоть бы парни в кегельбане ничего не узнали. Моя репутация будет навеки погублена.

— Ничего подобного. Нож — оружие настоящего мужчины.

Вместо ответа Ной схватил кухонное полотенце и легонько шлепнул Слоан.

— Ну, со мной такое не пройдет! — раздался голос Кортни. Она появилась на кухне и села за стол, упервшись подбородком в ладони и одарив брата снисходительно-надменным взглядом. — Слоан вот уже неделю учит меня классным приемчикам, и теперь я могу швырнуть тебя на... ой!

Брат, не обращая внимания на угрозы, хлестнул и ее, но куда сильнее. Притворно зашипев, она обернулась к Слоан:

— Ну? Кто разделяется с ним, ты или я? Но прежде чем Слоан успела ответить. Ной положил перед Кортни оба помидора, разделочную доску и сунул в руки нож.

— Слышала, что говорила Слоан? Кто не работает, тот не ест. Так что за дело, сестричка!

Кортни схватила нож и стала неохотно разделять помидор.

— Да, вот уж не ожидала, — проворчала она. — Отвратительно! Я вам не рабыня! Хотя... похоже, что в этом ужасном доме наконец-то затеплилась нормальная жизнь!

Как раз в тот момент, когда лук уже поджарился и омлет был практически готов, на кухню вошел Дуглас.

— Пахнет вкусно, — сказал он, — может быть, и мне что-нибудь перепадет?

— Не волнуйтесь, здесь и на пятерых хватит, — заверила Слоан.

— Но ведь кто не работал, тот не ест! — возмутилась Кортни.

— ..Да, по-моему, уже все готово, — с невинным видом проговорил Дуглас.

— Главное — вовремя появиться, — ехидно заметил Ной.

— Полностью согласен с тобой, — без тени смущения ухмыльнулся Дуглас, поудобнее устраиваясь у стола.

Глава 34

— По-моему, уже далеко за полночь, — покачала головой Слоан, когда они, держась за руки, наконец направились по прибрежной полосе песка к дому Картера. Она как никогда остро ощущала его близость, а звуки бархатистого низкого баритона действовали подобно афродизиаку.

— Мне давно уже не было так хорошо, — признался Ной.

— Я рада.

— Ты настоящая волшебница. Все, к чему ни прикасаешься, мгновенно оживает и искрится весельем.

— Спасибо.

— Я без ума от тебя, — тихо, без всякого пафоса добавил он.

Сердце Слоан рванулось и покатилось куда-то. «Я люблю тебя. Люблю...» Но как она может открыть ему правду? — Спасибо, — снова пробормотала она, потупившись. Уголки губ Ноя слегка приподнялись.

— И это все? — с некоторым разочарованием осведомился он. Слоан замерла.

— Нет, — едва слышно выдохнула она и, привстав на носочки, выразила поцелуем то, что не смела высказать словами. Он судорожным рывком притянул ее к себе, прижимая так сильно, словно хотел раздавить.

Неужели и он... и он ее любит?

Они уже почти пересекли газон, когда Слоан внезапно вспомнила о сигнализации и схватилась за голову:

— Совсем забыла про эти штуки!

— Какие штуки?

— Ох, ну и дурочка же я, — засмеялась Слоан. — Инфракрасные лучи! Если бы сигнализация была включена, тут такое бы поднялось! Должно быть, Дишлер видел, как я выходила, и выключил всю систему!

— Либо так, либо к воротам уже подъезжают патрульные машины.

— Нет, Парис говорила, что если наткнешься на такой луч, во всем доме загорается свет и оглушительно воют сирены.

— Да ну? Неужели ты никогда не слышала о сигнализации с выводом прямо в полицейский участок?

Увы, Слоан прекрасно знала, что имеет в виду Ной, и могла бы поучить его устанавливать и подключать такие системы. Но, решив не добавлять еще один пункт к длинному списку обманов и недоговоренностей, Слоан широко улыбнулась.

— Ошибаешься, я и с такими знакома.

Ной крепко сжал ее руку.

— Я в этом не сомневался, — заверил он, и девушка мгновенно насторожилась.

— Почему?

— Чисто логическое умозаключение и дедуктивный метод. Женщина, преподающая самооборону, несомненно, установит в своем доме самую современную систему сигнализации, чтобы спокойно спать. Ну как, я прав? — самодовольно выпалил он.

— Не могу отрицать... — начала Слоан, но тут с балкона послышался негромкий оклик:

— Эй вы, полуночники!

У перил стояла Парис в легком халатике.

— Как твоя мигрень? — спросила Слоан.

— Гораздо лучше. Я проспала весь день, а теперь никак не могу заснуть. Пол и папа вернулись часов в одиннадцать и сразу отправились в постель. Я подумываю спуститься на кухню и приготовить горячий шоколад. Хотите присоединиться?

Слоан была готова согласиться на все, даже если бы валилась с ног, но ее спутник покачал головой:

— Я немного устал и потом после такого ужина не сумею больше ничего проглотить.

Однако он, кажется, забыл об усталости, когда целовал ее на прощание и долго не выпускал из объятий. В душе Слоан зародилась робкая надежда: неужели ему не хочется с ней расставаться?

Наконец он открыл дверь черного хода ключом, взятым у Слоан, и пообещал:

— Я позвоню тебе в...

Конец фразы заглушил пронзительный вопль Парис:

— Бабушка! Нет! Помогите!!!

Слоан метнулась по коридору на крики. Ной бежал следом. Рядом с кухней располагался уютный кабинет, где Эдит любила смотреть телевизор. Открывшаяся глазам Слоан картина заставила ее содрогнуться. Прабабка неподвижно лежала на диване лицом вниз. Парис наклонилась над старухой, причитая:

— Господи, Господи! Сердечный приступ. И ни души рядом...

— Вызови «скорую», — приказала Слоан сестре, осторожно поворачивая тело. — Сейчас сделаем искусственное дыхание, приедет реанимобиль и...

Слоан осеклась В груди женщины зияла кровавая рана.

Девушка вскочила и бросилась к двери.

— Зови Пола! — крикнула она на ходу. — И ни к чему не прикасайся!

Включи верхний свет...

Ной сначала подумал, что Слоан ищет телефон, но аппарат стоял на столике на видном месте! И в этот момент раздался стук захлопнувшейся двери.

— Звони в службу спасения, — велел он Парис и помчался вслед за Слоан. Немыслимо! Эта глупышка пытается голыми руками поймать убийцу!

Оглядев опустевший газон. Ной повернул направо и обогнул дом в поисках Слоан. За углом мелькнула чья-то тень.

— Слоан! — позвал он, но девушка уже пересекла передний газон и врезалась в живую изгородь, перепрыгивая встречавшиеся на пути препятствия, как на беговой дорожке. Ной ринулся следом, слишком взбешенный и испугавшийся за нее, чтобы оценить ловкость и профессионализм ее действий или задуматься, где он уже видел нечто подобное — на экране или в жизни.

Слоан остановилась у ворот, бессильно повесив голову. Плечи содрогались от беззвучных рыданий. Ной схватил ее в охапку и, развернув, прижал к себе.

— Какого черта...

— Она мертва, — всхлипнула Слоан. — Мертва... При виде струившихся по щекам слез Ной мгновенно смягчился. Злость улеглась, и он, словно маленькую, погладил ее по голове.

— Мне очень жаль. Очень... — прошептал он. Где-то невдалеке зазвучали сирены. Ворота начали медленно разъезжаться. Он едва успел подтолкнуть Слоан к обочине, как сразу с двух противоположных направлений появились патрульные машины с синими мигалками.

Глава 35

Сотрудники полицейского управления Палм-Бич, как оказалось, были не только опытными работниками, но и давно привыкли иметь дело с богатыми влиятельными людьми, сильными мира сего, не задевая их самолюбия и никого не раздражая.

Уже через несколько минут после прибытия полицейские собрали обитателей дома, чтобы снять показания, и вызвали судебного патологоанатома округа Палм-Бич. Вскоре появилась криминальная бригада отдела по расследованию уголовных преступлений, и эксперт немедленно приступил к снятию отпечатков, пока двое следователей допрашивали всех, кто наводился в доме.

Кухарка, экономка, дворецкий и сторож ждали в столовой. Члены семьи и гости с удобством разместились в гостиной. Поскольку никто не знал, к какой группе отнести Дишлера, детектив был вынужден спросить совета у Картера, после чего секретаря тоже отвели в гостиную. Капитана Уолтера Хоклина подняли с постели специально, чтобы семейство Рейнолдсов, не дай Боже, не потерпело никаких неудобств или, еще того хуже, оскорблений от детективов Денниса Флинна и Энди Кегла или других полицейских, расставленных по всему дому.

В кабинете, где лежал труп, то и дело взрывались фотовспышки: очевидно, патологоанатом фотографировал тело, прежде чем увезти. Каждый раз, когда огненный клубок отражался в зеркале, висевшем в коридоре напротив гостиной, Слоан сжималась от ужаса и боли, молясь, чтобы Парис не поняла, в чем дело. — Противоречивые чувства тоски и ярости терзали ее. Как могло такое случиться? Кто посмел поднять руку на старую женщину?!

Детективы закончили допросы, но, посовещавшись с экспертами, объявили, что должны кое-что прояснить и получить подтверждения некоторым показаниям. Они все еще листали протоколы, пока капитан Хоклин, опустившись в кресло, почтительно объяснял собравшимся, что от них требуется — Я знаю, что все вы устали и расстроены, — начал он, обращаясь в основном к Парис и Картеру, — но прежде чем нам придется побеспокоить вас вопросами, попробую рассказать о том немногом, что удалось узнать. Мы не имеем представления, сколько времени пробыл убийца в доме. Могу заверить вас, что миссис Рейнолдс не пришлось страдать перед смертью. Пуля, попавшая в сердце, убила ее на месте.

Имеется доказательство взлома — разбитое окно в комнате, где был обнаружен труп. Без вашей помощи трудно сказать, что украдено, но в ящиках письменного стола явно рылись. Утром вы должны пройти по всем комнатам и определить, отсутствуют ли какие-нибудь вещи или драгоценности.

Он помедлил, и Картер молча кивнул.

— Мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам перенести это испытание как можно быстрее и с наименьшими трудностями. Сейчас мы ищем отпечатки пальцев во всех спальнях, так что скоро вы сможете подняться к себе. Но постараитесь ни к чему не прикасаться в остальных комнатах. Мы будем работать всю ночь и надеемся утром уехать. К сожалению, представителям прессы уже известно об убийстве, так что, возможно, завтра новость появится в газетах и на телевидении. Рекомендую держать ворота закрытыми — это удержит репортеров на расстоянии. К сожалению, в ваши владения можно проникнуть с берега. Следующие два дня поместье будут патрулировать полицейские, а потом рекомендую нанять охранников и поместить их на задах дома, иначе вас замучают папараazzi и просто любопытные.

— Гэри займется этим с утра пораньше, — заверил Картер.

— Думаю, вы не пожалеете. Кстати, мы допросили прислугу, и я попросил бы временно удалить всех отсюда. Нельзя ли поместить их в местный мотель, с тем чтобы при необходимости допросить еще раз?

Картер глянул на Гэри.

— Я все устрою, — кивнул тот.

— Насколько я понял, обе горничные не живут в доме. Завтра же их допросим, а потом, пожалуйста, отошлите женщин домой.

Покончив с формальностями, Хоклин немного оживился и перешел к делу.

— Не примите за оскорбление, но нам необходимо получить как можно больше информации, пока в вашей памяти еще жив этот вечер. Детективы Флинн и Кегл уже поговорили с каждым, а теперь мы собрали вас вместе, чтобы попытаться воскресить все мельчайшие детали. Итак, детектив Флинн, приступайте.

Флинн, коренастый толстяк лет пятидесяти, с круглым красным лицом, типичным, скорее, для ирландского священника или прожженного мошенника той же национальности, вовсе не походил на полицейского. Но нечто неуловимое, внушавшее пострадавшим уверенность и надежду, подсказало Слоан, что этот человек, возможно, создан для такой нелегкой работы.

Энди Кегл был полной его противоположностью. Совсем еще молодой, высокий и тощий, с узким лицом и длинным носом, на котором криво сидели постоянно съезжавшие очки, он держался скованно, стеснительно и несколько раз извинился перед Слоан, прежде чем спросить ее имя, адрес и поинтересоваться, где она была этой ночью. Энди выглядел настоящим книжным червем, инфантильным, так и не повзрослевшим школьаром, доверчивым и наивным. Но Слоан подозревала, что, несмотря на почти комическую внешность, он куда умнее и проницательнее своих коллег.

И поскольку Пол велел ей придерживаться первоначальной легенды, по крайней мере половина из того, что Слоан наговорила Кеглу, была чистой ложью, хотя при сложившихся обстоятельствах казалось совершенно неважным, кто она: дизайнер интерьеров или детектив, получивший задание от ФБР. Все равно Эдит Рейнолдс мертва. Останься Слоан дома, возможно, преступник не посмел бы поднять руку на старую женщину. Единственным слабым утешением служила мысль о том, что прабабка не страдала перед смертью.

— Мистер Рейнолдс, — начал Флинн, — по вашим словам, вы вернулись домой около одиннадцати?

Слоан, закусив губу, наблюдала, как Картер дрожащей рукой откладывает волосы со лба. Лицо его было белее снега, и она впервые почувствовала к отцу нечто вроде симпатии. Конечно, выносить Эдит было нелегко, но он явно потрясен смертью старухи.

Картер кивнул и откашлялся.

— Совершенно верно. Я играл с друзьями в покер до десяти сорока пяти, а потом направился домой. Дорога занимает около четверти часа. Оставив машину в гараже, я поднялся к себе и лег спать.

— А теперь подумайте хорошенько и попытайтесь вспомнить, не видели ли вы на улице подозрительного автомобиля и не заметили ли кого-то незнакомого.

— Вы уже спрашивали меня об этом, и по зрелом размышлении могу сказать, что вроде бы видел белый фургон, стоявший поодаль на улице.

— И что можете о нем сказать?

— Только то, что видел подобный как-то на этой неделе.

Флинн кивнул и что-то отметил в блокноте.

— Вы утверждаете, что заехали в гараж. В дом ведет четыре входа, кроме парадного. Один на кухню из гаража и другой тоже на кухню, но с заднего газона. Остальные два выходят на задний двор, но из других комнат. В какую дверь вы вошли?

Картер посмотрел на него как на помешанного.

— Разумеется, через ту, что ведет на кухню. Нимало не раздраженный высокомерием хозяина, детектив Флинн записал его ответ.

— По пути в спальню вы проходили мимо комнаты, где лежало тело жертвы? Слышали какой-нибудь шум?

— Нет. Я сразу же поднялся по лестнице.

— Миссис Рейнолдс часто находилась одна в кабинете, за закрытой дверью, да еще по вечерам?

— Дверь обычно была открыта, но она любила эту комнату с видом на газон еще и потому, что в ней стоит телевизор с очень большим экраном. Она терпеть не могла солярий по ночам: утверждала, что приходится включать слишком много ламп, чтобы стало уютнее.

До этого руки Картера были сложены на коленях, но сейчас он закрыл ладонями лицо, словно не в силах вынести воспоминаний о той, что всего несколько часов назад властвовала в доме.

— И при этом шторы обычно были раздвинуты?

— Совершенно верно.

— Так что, если кто-то следил за домом с берега, ему ничего не стоило убедиться, что намеченная жертва на месте?

Картер резко дернулся, как от удара.

— Намекаете на то, что какой-то психопат по ночам прятался в кустах, выжидая удобного момента?

— Вполне вероятно. Кстати, миссис Рейнолдс не была инвалидом?

— Нет, если только не считать немощь преклонных лет. Ей недавно исполнилось девяносто пять.

— Но она могла, ходить?

— Разумеется. Для своих лет она была на удивление здорова.

— А зрение?

— Ей требовались сильные очки для чтения, но так было сколько я себя помню.

— Может быть, миссис Рейнолдс плохо слышала?

Картер громко слготнул.

— Только когда сама этого хотела. Но почему вы спрашиваете?

— Обычная процедура.

Флинн лгал, и Слоан как никто это понимала. И едва не сходила с ума от тревоги с той минуты, как Хоклин упомянул о разбитом окне. Эдит должна была услышать или заметить что-то странное, и, если кто-то хотел вломиться в дом, она наверняка попыталась бы скрыться. Но прабабка и шагу не сделала — ведь Слоан нашла ее лежащей лицом вниз. С другой

стороны, у старухи был ужасный артрит, и иногда ей требовалось немало времени, чтобы встать. Может, она попросту не успела. Так или иначе детективы должны знать о ее болезни.

— Миссис Рейнолдс страдала ревматизмом, — осторожно заметила она, чем тут же привлекла внимание Флинна и Кегла. — Временами у нее были сильные боли и она с трудом поднималась на ноги:

— Я рад, что вы упомянули об этом, мисс Рейнолдс, — поспешил заверил Хоклин. — Весьма интересное сообщение. Благодарю вас.

Слоан глянула на Пола, сидевшего на диване рядом с Ноем, чтобы определить, как он относится к сказанному. Но Пол с абсолютно непроницаемым лицом наблюдал за Парис.

Ной встретился глазами с девушкой и ободряюще улыбнулся. Как бы ей хотелось положить голову на его широкое плечо и выплакаться! Подумать только, сотрудник полиции, не сумевший предотвратить убийство собственной прабабки! Она, полицейский, приученный замечать малейшие подозрительные детали, на работе и вне ее, возможно, прошла мимо убийцы Эдит, отправляясь на пляж.

— Мисс Рейнолдс, — обратился Флинн к Парис, — вы утверждаете, что приняли лекарство от мигрени и проснулись около десяти. Что именно вас разбудило?

— Ничего. Я спала почти весь день, и, возможно, действие таблеток закончилось.

— И что вы делали после того, как встали?

— Я уже сказала! Хотела подышать свежим воздухом и вышла на балкон.

— Заметили что-то подозрительное?

— Абсолютно ничего.

— Вы бодрствовали во время убийства, и очень возможно, злоумышленник проник в дом сквозь окно кабинета, Балкон вашей спальни почти над этим окном.

— Знаю. Но ничего, ничего не увидела.

— Совсем? Ничего необычного? — Заметила Ноя, покидавшего... — Она прикрыла рукой рот и в ужасе уставилась на Ноя.

— Ной, я не хотела...

И тут вмешался детектив Кегл. Впервые за все время.

— Мистер Мейтленд, — нерешительно заговорил он, — ранее вы не упоминали о том, что подходили к дому. Сказали, что встретили мисс Рейнолдс на берегу...

Но Мейтленд, казалось, ничуть не смущился тем направлением,

которое неожиданно принял допрос. Голос его звучал спокойно и уверенно:

— Я перешел газон и был уже на полпути к зданию, когда увидел женщину, бредущую по пляжу. Мне показалось, это Слоан, поэтому я остановился и подождал, пока не уверился, что это действительно она. Тогда я пошел ей навстречу. Там мы и встретились.

— В ваших привычках заходить по ночам к соседям, предварительно не позвонив?

— Я звонил, но никто не брал трубку.

— В какое время вы звонили?

— За пятнадцать минут до того, как решил выйти из дома. Весь разговор записан на автоответчике.

— Так и есть, — вмешался Гэри Дишлер. — Нордстром рано ложится спать, потому что ему приходится вставать с петухами, так что я обычно отвечаю на все звонки после половины десятого. Но в тот момент я как раз был под душем, и к тому времени, как добрался до телефона, было уже поздно. Я прослушал автоответчик, чтобы узнать, не требуется ли моей помощи. Мистер Мейтленд оставил короткое сообщение для мисс Рейнолдс. Вроде как пошутил насчет того, будто знает, что она дома, и он собирается швыряться камешками в ее окно. Я немедленно попробовал связаться по интеркому с мисс Рейнолдс, но мне никто не ответил. Я предположил, что она вышла погулять.

— И что потом?

— Перед тем как лечь спать, отключил инфракрасную сигнализацию от общей системы, которая приходит в действие к полуночи.

— Почему вы это сделали?

— Для того, чтобы мисс Рейнолдс или мистер Мейтленд могли без помех вернуться сюда после полуночи и не поднять тревогу на весь дом. Это очень просто, хотя мне пришлось свериться с инструкцией, когда мисс Рейнолдс впервые сюда приехала.

— Почему именно тогда?

— Мисс Рейнолдс любит бегать по утрам и гулять по берегу ночью — в отличие от мистера Рейнолдса и мисс Парис.

Слоан всегда испытывала двойственные чувства к Дишлеру, поэтому искренне удивилась, что он из кожи вон лезет, лишь бы защитить ее и Ноя от возможных нападок. Похоже, он всячески старается прояснить ситуацию и развеять сомнения детективов относительно телефонного звонка Ноя и ночных скитаний Слоан по пляжу.

— Поскольку никто не позаботился спросить меня, — продолжал он, — могу также засвидетельствовать, что мистер Мейтленд так и не

добрался до дома, потому что я решил открыть окно и видел, как он, не дойдя до конца газона, остановился, обернулся и пошел обратно.

— А мисс Рейнолдс вы видели?

— Нет, к сожалению. Только заметил, что мистер Мейтленд направился к северу, а не к югу, где находится его дом. Можно предположить, что он пошел навстречу мисс Рейнолдс.

Кегл смущенно заерзal и расплылся в извиняющейся улыбке.

— Не хотелось бы бросать и тени подозрения на мисс Рейнолдс или мистера Мейтленда, просто необходимо знать, где был каждый в момент убийства, чтобы исключить досадные ошибки, когда мы станем обшаривать дом и сад в поисках улик. Видите ли, я еще совсем недавно служу здесь. Считайте меня кем-то вроде стажера...

Он стеснительно помялся, поправил очки и вжался в кресло, словно стараясь стать невидимым.

— Что же, на сегодня, пожалуй, все, — объявил Флинн. — Мистер Ричардсон, вы сказали, что отлучились по делам и вернулись около одиннадцати?

— Верно.

— И вы позвонили у ворот, переговорили с мистером Дишлером по интеркому, и он впустил вас?

— Именно.

— Благодарю вас, сэр.

— Все точно, — добавил Дишлер, — И вам спасибо, — с улыбкой кивнул Флинн. — Мисс Слоан Рейнолдс, не возражаете еще раз воскресить в памяти события этого вечера? Вы утверждаете, что поужинали с жертвой. И что произошло потом?

Слоан машинально потерла виски кончиками пальцев: голова раскалывалась от боли.

— После ужина я немного посмотрела телевизор вместе с Эдит и около половины десятого решила подняться наверх и написать письмо. Миссис Рейнолдс очень любила телеигры, особенно «Опасность!», но, просидев три раунда подряд, я поняла, что больше не выдержу. Она так увлекалась, что никому не позволяла и слова сказать, разве что во время рекламных пауз. Я действительно пошла в свою комнату, но в голове не было ни одной умной мысли, и, вместо того чтобы трудиться над письмом, предпочла погулять на свежем воздухе.

Детектив Флинн сочувственно кивнул.

— Надеюсь, вы не вините себя за то, что оставили ее одну. В противном случае вас, вероятно, тоже ожидала бы гибель от руки

неизвестного преступника.

— Кто знает? — пробормотала Слоан, чувствуя бессильную ярость оттого, что не смогла остановить злодея и предотвратить несчастье. Не будь она так поглощена Ноем, такого никогда бы не случилось.

По спине ее пробежал ледяной озноб. Девушка вздрогнула. Ной заметил это и, бросив недовольный взгляд в сторону несчастного Хоклина, раздраженно проговорил:

— По-моему, той информации, что мы смогли вам предоставить, хватит на целую ночь работы! Теперь позвольте всем немного отдохнуть.

К облегчению Слоан, Хоклин немедленно встал. Его примеру последовали и детективы.

— Вы правы, мистер Мейтленд, — с виноватым видом признался он.

Кarter сразу же отправился спать, и Парис последовала его примеру. Бледное застывшее лицо, носовой платок, судорожно стиснутый в кулаке... Она не могла себе позволить раскиснуть перед незнакомыми людьми. Слоан проводила ее до порога и остановилась, видя, что Парис теряет самообладание.

— Разве ты не идешь наверх? — срывающимся голосом пробормотала она. Сестра, очевидно, боялась оставаться одна — слишком знакомая Слоан реакция на гибель близкого человека.

— Через несколько минут, — пообещала она. — Сначала хочу поговорить с Полом. Кстати, ты не хочешь сегодня переночевать в моей комнате? Кровать просто гигантская, и...

Парис обрадованно закивала, и Слоан крепко обняла сестру, словно пытаясь передать ей частичку своей силы. Возвращаясь, она мельком посмотрела в зеркало и не узнала свое изможденное, бледное, осунувшееся лицо.

Однако Ной все успел разглядеть и, едва Картер исчез, перестал играть роль опечаленного друга семьи. Не обращая внимания на Пола, он шагнул к Слоан и прижал ее к груди.

— Пойдем со мной, — умоляюще попросил он. — Мы позаботимся о тебе. Не оставайся здесь, милая.

Он впервые назвал ее так нежно, и это окончательно подкосило Слоан. Она так привыкла быть защитой и опорой для других и теперь едва не заплакала, осознав, что на этот раз ей есть на кого положиться.

— Не могу, — всхлипнула Слоан.

Ной осторожно снял слезу с ее щеки, но на ее месте мгновенно появилась еще одна прозрачная капля. Тепло и ласка стали последней каплей, довершив то, что не могли сделать злость и ненависть. Слоан

потеряла контроль над собой.

— Я в порядке, — выдавила она, отстраняясь и нетерпеливо вытирая глаза. И в этот момент случайно заметила, что Пол с нескрываемым бешенством уставился на них. Девушка на мгновение застыла, но тут же вновь припала к Ною. — Я в порядке, — повторила она с деланной улыбкой и, когда тот с сомнением покачал головой, взяла его под руку и повела к двери.

Глава 36

Как и ожидала Слоан, Пол успел очутиться в своей комнате, где они могли спокойно поговорить. Он даже оставил дверь чуть приоткрытой, и она проскользнула внутрь без особых помех.

Пол стоял у окна со стаканом виски в руках, провожая взглядом идущего к своему дому Ноя.

— Черт, и долбанная же выдалась ночка, — грубо бросил он, закрывая раму и отворачиваясь. Если не считать гневного блеска в глазах перед уходом Ноя, Пол все время держался безупречно, как истинный, хорошо воспитанный, потрясенный случившимся страховой агент, но сейчас он не считал нужным скрывать, как взбешен.

Небрежно указав стаканом в сторону стоявших у постели мягких кресел, он проговорил с угрозой в голосе:

— Ну? И что, спрашивается, за шашни вы завели с Мейтлендом?

И хотя Слоан подмывало сказать, что это его не касается, нападение было слишком неожиданным и застало ее врасплох. Но во всяком случае, она не собирается посвящать его в детали. Этого он не дождется.

— А как по-вашему, что между нами происходит? — холодно осведомилась она.

— Судя по тому, чему я имел честь быть свидетелем всю последнюю неделю, — с усмешкой проговорил он, — легко предположить, что вы не вылезали из постели. Но похоже, это не просто дешевая интрижка! Дело куда серьезнее, Я заметил, как вы смотрели друг на друга!

— И что? — бросилась в атаку Слоан. Пол раздраженно скрипнул зубами.

— Как вы можете разыгрывать из себя такую идиотку, — вы, которую ничем не проведешь в обычной жизни? По вашим же словам, у него на яхте целый арсенал, а на паруснике тоже полно всякой всячины в этом роде.

— Как и у всех судовладельцев! Он не продает оружие, не перевозит, а в мире полно портовых городов, где небезопасно показываться, что называется, с голыми руками. Пираты существуют и в наше время! Ной защищает себя, свою команду и свою собственность!

— С помощью пулеметов? — ехидно вставил Пол. — Не говоря уже об автоматах! Похоже, в трюмах его корабликов немало ценных грузов, которые нужно охранять!

— Ваши намеки абсурдны, и я уже сказала; пулемет у кого-то отобран!

Кроме того, я ничего не говорила про автоматы.

— Потому что не сумели ничего рассмотреть! Вас и близко не подпустили!

— Я понятия не имела, что это вас так волнует, — процедила Слоан, стараясь не сорваться. — И чтобы успокоить вас, попрошу Ноя еще раз все мне показать.

— Нет! Ни в коем случае! Оставьте его в покос! Но послушайте, я совершенно не желаю, чтобы ваши отношения с этим человеком зашли слишком далеко. Мне наплевать, спите вы с ним или нет: вы взрослые люди, поступайте как знаете! Однако я никогда не предполагал, что это случится, особенно если учесть ваше прошлое. В Белл-Харборе вы вели себя совсем по-другому!

— Откуда вы знаете? — взорвалась Слоан.

— Откуда я знаю? — ухмыльнулся агент. — Да мне известно, когда у вас первый коренной зуб появился! Откуда я знаю!

Подавшись вперед, он стиснул стакан с такой силой, словно пытался раздавить. В голосе прозвучал не столько гнев, сколько усталость.

— Итак, что на самом деле между вами и Мейтлендом? Подумаешь, нашелся заботливый папаша! Можно подумать, он страдает за нее!

— Это не ваше дело, — твердо, но без всякой запальчивости ответила Слоан. Однако от Пола не так-то просто было отделаться. Он, очевидно, сделал верный вывод, потому что четко очерченные губы дернулись в сардонической ухмылке.

— Кажется, дело швах...

— Пол! — Ричардсон поднял на нее глаза. — Почему мы говорим о Ное, когда в этом доме только что произошло убийство? Во время этого допроса вам ничего не показалось странным?

К облегчению Слоан, Пол мгновенно забыл о Нос.

— Не знаю... собственно говоря, я думал о другом и отвлекся. Что именно вы имеете в виду?

— Капитан сказал, что преступник, возможно, проник в кабинет через разбитое окно. Все это просто не имеет смысла! Шторы были раздвинуты, Эдит смотрела телевизор и, даже если бы не увидела убийцу с самого начала, наверняка услышала бы звон стекла.

— Может, у него имелся алмаз, а телевизор был включен на полную громкость.

— Да, но к чему ему было так рисковать, если он мог влезть в дом через любое окно? И почему, заметив его, она не попыталась позвать на помощь?

— Зрение у нее было далеко не таким острым, а окно находилось слева. Если Эдит увлеклась шоу, она могла и не увидеть его сразу.

— Да, но слепой ее не назовешь! Эдит нашли на диване, а это означает, что убийце пришлось бы разбить окно, открыть изнутри, влезть в комнату и застрелить ее, прежде чем она его заметила. Либо, — многозначительно добавила она, — у Эдит попросту не было причин бояться того, кто прикончил ее.

— Сначала послушаем заключение патологоанатома и экспертов.

У Слоан сложилось мнение, что он все еще был занят мыслями о Ное, и это мгновенно вывело ее из себя.

— Неужели не видите, куда я клоню?

— Я еще не совсем выжил из ума, — тяжело вздохнул Пол. — Все указывает на то, что убийца живет или служит в этом доме.

— Рано или поздно Флинн и Кегл примутся за меня по-настоящему. Уверена, что ваша легенда выдержит любые испытания, но они в два счета определят, что я вовсе никакой не дизайнер.

— Надеюсь, это произойдет как можно позднее. В конце концов, у вас не было мотивов для убийства. И к чему вламываться через окно, если у вас есть ключ?

— Чтобы сбить с толку полицию, — устало пояснила Слоан и, откинув голову на спинку, прикрыла глаза. — Энди Кегл — настоящая ищейка. Он притащит меня через все круги ада по полной программе. Вам следовало позволить мне рассказать им всю правду, чтобы меня сразу исключили из круга возможных подозреваемых. Пожалуй, поговорю-ка я с ними завтра утром. . t — Нет! — резко возразил Пол. — Слишком рискованно. Картер может обо всем пронюхать. Мне нужно всего тридцать шесть часов, чтобы закончить следствие. Потом можете признаваться в чем, угодно, это уже не имеет значения.

Слоан встрепенулась и уставилась на него.

— А что произойдет за тридцать шесть часов?

Пол нахмурился и покачал головой.

— Не могу сказать.

— Знаете, мне все это надоело...

— Поверьте, — сухо перебил он, — если бы я имел право, вам все давно, бы стало известно. Даю слово. Но пока это невозможно, особенно после сегодняшних событий.

Слоан посчитала, что он имеет в виду убийство Эдит, но никак не могла понять, какая тут связь. Надеяться на объяснения Поля бесполезно.

— Кстати, у вас нет никаких версий относительно того, кто это сделал,

или вы и тут станете хранить тайну? — с горечью бросила она.

Но Пол, как ни странно, удостоил ее ответом:

— Зависит от обстоятельств. Если детективы обнаружат, что взломщика кто-то навел, я бы начал с горничных, а не со слуг, живущих в доме. Рейнолдс утверждает, что последние служат в семье много лет. В любом случае тот, кто это сделал, стрелял из пистолета девятого калибра и к тому же явно был новичком в подобном деле.

— Потому что осмелился якобы проникнуть в кабинет через окно, не боясь, что Эдит поднимет тревогу?

— Нет, он проглядел такое, на что профессионал непременно обратил бы внимание. Пока вы гонялись за ним по кустам, я бегло осмотрел труп и увидел, что очень дорогое кольцо с бриллиантом пропало, но убийца оставил бесценную бриллиантовую брошь и перстень на другой руке. Это еще одна, Причина, по которой вас должны оставить в покое. Женщина наверняка бы забрала вое украшения.

И видя, что Слоан упорно молчит, Ричардсон поинтересовался:

— Почему вы предпочли обыскать заросли по фасаду; а не за домом?

— Потому что мы с Ноем подошли с той стороны и никого не заметили. Я знала, что шансов почти нет, но все же должна была попытаться.

Усталость навалилась на Слоан. Она едва сдерживала слезы, а в памяти настойчиво всплывала мертвая Эдит: из прически не выбилось ни волоска, юбка чинно прикрывает колени. Кто-то украл ее жизнь и кольцо, но даже в смерти она сохраняла достоинство.

— Не могу поверить, что она мертва, — выдавала Слоан.

— Завтра горе навалится на вас с новой силой, — заверил Пол с философской уверенностью человека, не раз видевшего подобные сцены. — Поэтому не мешало бы поспать. Нам предстоит нелегкий день.

Слоан только сейчас заметила, как он измотан. И чем-то встревожен. Очень встревожен. Ричардсон всегда выглядел таким уверенным, спокойным, и ей трудно было представить его в другом качестве.

— Увидимся утром, — пообещал он.

Слоан едва добрела до спальни, разделась и натянула старую футболку. Стارаясь не разбудить сестру, она легла и мгновенно провалилась в тяжелый сон.

Глава 37

Звонок, которого так ждал Деннис Флинн, прозвенел в половине одиннадцатого утра, когда он, потирая уставшие глаза, всматривался в экран монитора, где появлялись сведения банка данных Регионального информационного центра управления по борьбе с организованной преступностью. Очередная пустышка. Он уже успел проверить длинный список, включавший членов семьи, друзей и слуг Рейнолдсов.

Энди Кегл, сидевший впереди, повернулся в кресле и уставился на коллегу. Ему в отличие от Флинна удалось допросить горничных и почти закончить отчет.

— Что-нибудь интересное?

— Черта с два! Нулю! Пшик! Если верить их досье, все окружение Рейнолдсов — сплошные ангелы.

Тут телефон взорвался пронзительным воплем, и Флинн схватил трубку и выжидающе насторожился, узнав голос звонившего, лейтенанта Файнмена из бригады расследования.

— Скажи хоть ты что-нибудь дельное! — взмолился он. — Вы, нюхачи, куда осведомленнее бедных сыщиков! Что вы нарыли?

— Прежде всего это не грабеж. Имитация.

— Почему?

— Ничего, кроме обручального кольца старой леди, не пропало.

— Ты уверен? — нахмурился Флинн.

— Мы обошли все комнаты вместе с дворецким, секретарем, экономкой и Парис Рейнолдс. Все ценности на месте.

— Точно?

— Мы еще не закончили, но, по всей видимости, так и есть.

— Плохо, — протянул Флинн, наблюдая через стеклянную перегородку за метавшимся по своему кабинету Хоклином. — Представители прессы слетелись на место преступления, как осы на мед, и с каждой минутой их становится все больше. Си-эн-эн осаждает порог, «Инкуайрер» пытается проникнуть в участок через окно туалета, а Эм-эн-эс-би-си старается припарковаться поближе. Хоклина уже доняли звонками. Мэр, трое сенаторов и куча всяких шишек требуют немедленно поймать убийцу. Хоклин не спал всю ночь и сейчас немного не в себе. Будь человеком, поговори с ним, чтобы он хоть от меня отцепился!

— Так и быть, — согласился лейтенант Файнмен. — Кстати, окно

было разбито изнутри.

— Мы так и предполагали.

— Да, но теперь знаем точно. Кроме того, мы прошлись по саду. Клумбы не тронуты, на траве ни одного следа. Есть новости от экспертов?

— Не слишком обнадеживающие. Время убийства — приблизительно десять вечера. Судя по входному отверстию, пуля была выпущена с расстояния три фута Жертва сидела на диване, убийца стоял Пока все. Держи связь.

Флинн повесил трубку и уныло уставился на Кегла.

— Ничего не пропало, — вздохнул он, рассеянно массируя затылок. — И что теперь?

— Теперь нам больше не придется искать взломщика с задатками убийцы, и можно попытаться обличить человека, который живет в этом доме и к тому же имеет мотив для убийства. Я опросил соседей, живущих по обе стороны от дома Рейнолдсов. Прошлой ночью у всех была включена система инфракрасных лучей, так что проникнуть в дом через их владения было невозможно. Как, впрочем, и сзади, иначе Мейтленд и Слоан Рейнолдс увидели бы его.

— А Файнмен только что сообщил, что на цветочных клумбах перед домом не помят ни один листик.

— Это означает, что убийца скорее всего уже был нами допрошен.

Флинн рассеянно кивнул и, резко встяжнув головой, схватил со стола карандаш.

— Ладно, давай еще раз пройдемся по списку, определим мотивы каждого. У всех домочадцев была возможность убить старуху. Погоди! Теперь, когда мы исключили случайного грабителя, дадим копию Хэнку Литтлу, пусть сверится с «Дата бэйз текнолоджиз».

— Я взял на себя смелость уже сделать это, — скромно улыбнулся Кегл.

Доступ к данным информационного центра был бесплатным и разрешался только сотрудникам правоохранительных органов. Каждый, кто хотел пользоваться базой данных Всеобщего американского центра в, Помпано-Бич, выкладывал доллар за минуту. Зато этот банк данных был доступен любому учреждению, от страховых агентств до кредитных контор, не говоря уже о полиции Правда, в последнем случае принимались все меры, чтобы никто не узнал, кого именно проверяют — Хэнк уже трудится, — заверил Кегл, — и по уши зарылся в чужом грязном белье.

— Прекрасно, — отозвался Флинн. — Пойдем выпьем кофе — и за работу.

Как младший по возрасту, Кегл покорно отправился добывать кофе. Он вернулся с двумя чашками крепкого черного зелья и, поставив одну перед Флинном, снова повернул кресло так, что они оказались лицом к лицу — Если убийство было преднамеренным, думаю, пока следует исключить слуг, — предложил Флинн.

— Почему? Насколько я понял, старая леди была чертовски въедлива и сварлива.

— Если она так всем надоедала, кухарка давно бы подсыпала ей мышьяку. И уж во всяком случае, прислуго не терпела бы ее так долго.

Флинн вычеркнул четыре имени.

— Горничные вряд ли отважились бы на такое, им проще было уволиться.

Кегл покачал головой и осторожно отхлебнул обжигающе-горячего кофе, пока коллега вычеркивал еще два имени.

— Как насчет Дишлера? — спросил Флинн.

— Вряд ли. Он работал на Рейнолдсов несколько лет и, очевидно, предан семье. Кроме того, в два счета подтвердил рассказ Мейтленда. Мимо цели.

— Согласен, но лучше его проверить, — решил Флинн. — А Мейтленд?

— А какой у него может быть мотив?

Флинн задумчиво покатал карандаш между пальцами.

— Он мне не нравится.

— В таком случае к чему тратить время? Бежим за ордером, — сухо буркнул Кегл, но, видя, что Флинн продолжает терзать карандаш, с любопытством осведомился. — Почему он тебе так не нравится?

— Сцепились как-то год назад, когда я пытался расспросить его сестричку, откуда ее приятели достают наркоту — И?

— И он взорвался, как петарда. Надменный ублюдок, а его адвокаты — просто свора доберманов. Представляешь, из-за такого пустяка напустил их на нас.

— Раз так, к чему ордер? Давай засадим его в кутузку! — с серьезным видом предложил Кегл.

— А его сестра еще то отродье, — продолжал Флинн, не обращая внимания на молодого человека. — Прозвала меня Шерлоком.

— Эй, а давай и ее бросим в тюрьгу, — обрадовался Кегл, но когда Флинн, явно не оценив шутки, посмотрел на него волком, осторожно заметил:

— Может, поговорим и о других, более подходящих кандидатурах?

— Да почти никого и не осталось. Парис Рейнолдс?

— Возможно.

— Почему? Мотив! — потребовал Флинн.

— Картер Рейнолдс сказал, что все имущество покойной унаследуют он и старшая дочь. Флинн невесело хмыкнул:

— Считаешь, что кто-то из этих двоих срочно нуждался в деньгах?

— А если Парис устала ждать свою долю и решила стать независимой от папочки?

— Но Эдит было девяносто пять! Она и сама скоро откинула бы копыта!

— Знаю. Но все же не стоит пока исключать Парис.

— Ладно, не буду. Как насчет страхового агента? Ричардсона?

— Ну как же, — фыркнул Кегл. — Больше ему делать нечего! Приезжает в гости со своей подружкой, которая, если верить Рейнолдсу, не получит и цента и, следовательно, ничего не выигрывает от смерти Эдит Рейнолдс, и замышляет страшное преступление! И к тому же, если верить Дишлеру, у него железное алиби.

— Ты прав, у меня совсем крыша едет, — признался Флинн, вычеркивая Пола. — А Картер? Он сказал, что вернулся в одиннадцать, и секретарь подтвердил, но мог и лгать, чтобы выгородить хозяина.

— Возможно, — кивнул Кегл, — но не думаю, что сенатор Мид лжет. Он один из тех, кто сегодня звонил, требуя немедленно схватить преступника.

— И что?

— Да то, что в разговоре с Хоклином он упомянул о затянувшейся игре в покер с беднягой Картером.

— Значит, и Рейнолдс ни при чем?

— Вероятно, — вздохнул Флинн. — Кроме того, зачем это Рейнолдсу? Он терпел свою бабулю больше шестидесяти лет, и деньги ему ни к чему. Да и не думаю, чтобы он прошлой ночью притворялся. Вспомни, его просто тряслось от ужаса, — согласился он, вычеркивая имя Картера Рейнолдса. — Остается Слоан Рейнолдс.

— А вот это весьма интересно, — оживился Кегл. — Она вошла в семью несколько дней назад и до этого ни с кем из Рейнолдсов не была знакома, а вскоре после этого одного из членов семьи внезапно убивают.

— Понятно, но если это она, то девушка выбрала странный способ', чтобы втереться в доверие к родным.

— Она была в доме и имела возможность без опаски подойти к старухе, — заупрямился Кегл.

— И зачем это ей нужно?

— Месть за то, что ею столько лет пренебрегали.

— Ну уж нет. Ей гораздо выгоднее было попасть в милость к старой леди. Слоан не была наследницей, но, проживи прабабка дольше, кто знает, может, и изменила бы завещание и отрезала бы правнучке кусочек наследственного пирога. А так она ничего не получит.

— А месть? — снова напомнил Кегл.

— Чем тебе не угодила Слоан Рейнолдс? — ехидно поинтересовался Флинн, хотя, несмотря на сарказм, отнюдь не собирался отвергать версию Кегла. Он давно уже понял, что этот юнец — блестящий сыщик, сыщик от Бога, который не упустит ни малейшего следа, куда бы он ни привел и сколько бы усилий на это ни потребовалось. — Ты с самого начала прилепался к ней, еще когда мы думали, что это вооруженный грабеж. Что тебе от нее нужно?

— Уж очень слабенькое у нее алиби. Она ушла почти в момент убийства и вернулась, когда все было кончено. И как ловко она подсказала нам, что хотя Эдит Рейнолдс не была инвалидом, но двигалась с трудом. Похоже, она просекла, куда мы клоним. Не хуже нас понимала, что жертва знала своего убийцу, потому и не пыталась убежать.

Флинн обдумал сказанное и согласно наклонил голову.

— Принимаю к сведению, хотя Слоан вовсе не показалась мне личностью, способной на предумышленное убийство. Какова должна быть жажда мести, чтобы набраться мужества раздобыть пистолет, составить план и хладнокровно пристрелить беспомощную старушечку. Кроме того, при чем тут Эдит? Прикончила бы лучше папашу за то, что бросил ее бог весть когда.

Кегл рассеянно побарабанил пальцами по столу, насадил поплотнее очки на переносицу и подошел к стеклянной перегородке, за которой трудился Хэнк.

— Эй, приятель, — окликнул он, — долго еще?

— Не очень.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросил Кегл у Флинна.

— Шутишь? Откуда мне знать, что творится в твоей башке? — добродушно ухмыльнулся тот.

— Мы упустили одну важную деталь. Как зовут адвоката Эдит Рейнолдс, того самого, кто составлял ее завещание?

Флинн принялся перелистывать блокнот, пока не дошел до нужной страницы.

— Уилсон.

— Неплохо бы поболтать с ним тет-а-тет, — предложил Энди, вставая и потягиваясь. — Нам не помешает немного размяться, перед тем как засесть за распечатки Хэнка.

Глава 38

Пол сидел у бассейна, наблюдая, как сыщики методично обыскивают кусты на задах дома.

— Оружие ищут, — сообщил он Слоан, присевшей на соседний шезлонг.

Девушка рассеянно кивнула и откинула волосы со лба.

— Кстати, Гэри Дишлер ищет тебя, — добавил Пол. — Мейтленд звонил дважды и просил немедленно перезвонить. Полицейские не пропускают его в дом.

— Гэри мне сказал. Я сейчас выйду к Ною, но хотела сначала поговорить с тобой, — едва вымолвила девушка. Пол заметил, как она бледна, и угрызения совести, о существовании которой он, казалось, совсем забыл, заявили о себе с неожиданной силой. Бедняга! Она-то в чем виновата? А теперь ей придется пройти все круги ада. Безумный порыв погладить ее по голове и умолять о прощении едва не сорвал его с места.

«Прости за все. Ты такого не заслужила. Временами я так гордился тобой. Ты просто великолепна!» — хотелось сказать ему, но вместо этого он сухо осведомился:

— Что стряслось?

— Я таскалась хвостом за Парис и лейтенантом Файнменом по всему дому и бесстыдно подслушивала все разговоры. Представляете, ничего не пропало, кроме единственного кольца с бриллиантом! И никто сюда не вламывался — я сама видела, как эксперты подбирали осколки стекла под окном. Почти все вывалились наружу, а это означает, что стекло разбили изнутри. Кто-то с самого начала намеревался убить Эдит и неудачно замел следы. Уверена, что убийца живет в этом доме, и поэтому Эдит до самого конца ничего не заподозрила.

Пол на мгновение отвлекся при виде Парис с подносом, на котором стояли бутылочки с лимонадом и минеральной водой.

— Вы правы, я тоже так посчитал.

— Да. Но теперь я становлюсь главной подозреваемой.

— Вы? Почему это? — — Подумайте сами: Стоило «Мне появиться, как Эдит убивают и крадут кольцо.

— Преступление из мести? Уместнее, по-моему, пришибить старину Картера, который тридцать лет плевать на вас хотел. Или в крайнем случае Парис, любимицу папочки: ведь ей досталось все, а вам — ничего!

Слоан стало немного легче. Может, она слишком все драматизирует?

Пол не отрывал глаз от Парис, которая тем временем успела поздороваться со всеми сыщиками и раздать прохладительные напитки.

— Будь вы одной из наследников, тогда дело другое, — ободряюще улыбнулся он, не оборачиваясь.

— Представляете, она хотела включить меня в завещание. Позвала к себе и попыталась навязать фамильные драгоценности, а потом заявила, что собирается изменить завещание. Но я не захотела говорить об этом.

Улыбка Пола мгновенно померкла.

— Вы, случайно, не упоминали об этом при Парис?

— Не думаю... постойте... кажется, да. Сказала за обедом... в тот же день.

Пол сжал кулаки и впился горящими глазами в Парис.

— Дьявол! — злобно выругался он себе под нос.

— На что это вы намекаете? Глупости! — фыркнула Слоан, отлично поняв ход его мыслей.

Но Пол, казалось, не слышал, целиком сосредоточившись на идиллической сцене.

— Да будь я проклят!

— Чушь, вздор и чепуха! — прошипела Слоан, хватая его за руку и вынуждая отвлечься от созерцания Парис, — Неужели? — язвительно осведомился он. — Да откройте же глаза, Слоан. Нельзя быть такой слепой дурочкой! Жестокая действительность, ничего не попишешь! Вспомните, сестра отнюдь не горела желанием видеть вас здесь. До сих пор у меня не хватало духу сказать вам то, что я узнал от своего осведомителя!

— Подумаешь, я и без вас это знала, — отмахнулась Слоан. — Эдит мне все выложила. Столько лет Парис вбивали в голову, что ее мать и сестра — ничтожные люди, недостойные внимания. Чего вы ожидали? Что она сразу бросится мне на шею? Но потом мы подружились.

— Верно, — усмехнулся он. — Меньше чем за день Парис сумела преодолеть чувства, которые питала к вам всю жизнь, и тут же превратилась в любящую старшую сестричку! Неужели вам такая метаморфоза не показалась странной?

— Конечно, нет!

— Тогда взгляните на это с моей точки зрения. Тридцать лет Парис беспрекословно исполняет волю отца и прабабки, не имеет собственного мнения, но тут появляетесь вы и очень скоро становитесь любимицей старухи.

Он осыпает вас знаками своего благоволения, мало того, собирается

уменьшить долю Парис в вашу пользу. Итак, вы не только похитили симпатию и денежки старухи у старшей сестры, но имели наглость увести у нее из-под носа предполагаемого жениха. И рассчитываете после этого, что она воспылает к вам родственными чувствами? Да всякий на ее месте видеть бы вас не мог! Кстати, неужели вас не удивляет, что застенчивая, милая, спокойная Парис обожает водить вертолеты? Это одно из ее многочисленных хобби!

— Вы ее не понимаете...

— И вы тоже, — отрезал Пол. — Для того чтобы проветрить ей мозги, требуется команда психоаналитиков, и, поверьте, у меня мурашки по спине бегут при мысли о том, что я прочту в их отчетах.

Потрясенная Слоан тупо уставилась на него:

— Вы до такой степени ее ненавидите?

— Ненавижу? — усмехнулся Пол. — Да я боюсь ее как огня!

— Господи, а я-то воображала, что она почти в вас влюблена, а вы... вы изображаете ее настоящим чудовищем!

— Она либо чудовище, либо святая, а поскольку святые уже давно перевелись, остается первое.

Слоан грустно покачала головой, не зная, как еще убедить этого упрямца.

— Мне казалось, что и она вам небезразлична. Значит, я действительно идиотка.

Она пристально всматривалась в лицо агента, пытаясь заметить хоть малейший проблеск чувств. Неужели он в действительности просто бездушный робот!

— Я понимаю, что вы всего лишь выполняете задание, но иногда я ловила ваш взгляд, обращенный на Парис... и... и почти нежную улыбку.

— Еще бы, — с горечью пробормотал Пол. — Кто может устоять перед ней! — Он кивнул в сторону Парис, болтавшей о чем-то с одним из детективов. — Прекрасна, грациозна, хорошо воспитана. Правда, немногого застенчива, но стоит получше узнать ее, раскрывается перед вами, как бутон, и кажется, что только ты единственный удостоен такой чести.

Слоан не знала, что сказать. Ей и в голову не могло прийти, что Пола так тянет к Парис. Именно тянет как магнитом, причем против его воли. Забавно... Но надежда на лучший исход все-таки есть!

— Послушайте, Пол, если бы Парис оказалась именно такой, какой я ее вижу, а вовсе не монстром из фильма ужасов, что бы вы о ней сказали?

Пол неохотно посмотрел вслед предмету их спора. Парис, размахивая пустым подносом, входила в дом.

— Поклялся бы, что встретил настоящее чудо из чудес. Слоан встала, стараясь не улыбнуться.

— И я того же мнения.

— К сожалению, я не верю в чудеса, — пожал плечами Ричардсон Сунув руки в карманы брюк, Слоан смерила упрямца негодящим взглядом.

— Парис совсем как мама: обе похожи на плачущие ивы. Кажутся такими хрупкими, податливыми, любой ветерок может их согнуть. Но только не сломать. Они этого не позволяют. Каким-то образом им всегда удается расправиться и бросить вызов обидчику. Можно подумать, что они слабы и нуждаются в защите, но на самом деле именно они незаметно оберегают вас. Я все удивлялась, как это мама ухитрилась выжить после всего. У Парис такой же характер.

Пол оценивающе оглядел девушку, словно задаваясь вопросом, стоит ли говорить правду, и наконец решил выложить все начистоту.

— Ошибаешься, Слоан, — бросил он. — Все, что ты сказала, относится не к Парис. К тебе.

Он поднялся и отошел, оставив Слоан изумленно хлопать глазами.

— Мистер Ричардсон! — окликнул дворецкий. — Вам звонят с работы по неотложному делу.

Пол поспешил к себе и схватил трубку. Именно этого звонка он дождался, и новости оказались не только хорошими, но и пришли днем раньше намеченного срока.

— Пол, — приветствовал коллега, пытаясь обиняками дать понять Ричардсону, что федеральный судья дал ордер на обыск яхт Мейтленда, — у нас потрясающие новости Клиент подписал контракт. Он у меня. Хочешь подождать до завтра, чтобы поставить свою подпись, или мне привезти его сегодня?

— Разумеется, сегодня. Рейнолдсам не до меня Скончалась их родственница. Такое несчастье.

— Я слышал. Передай мои соболезнования. — учтиво попросил агент и, выдержав соответствующую паузу, осведомился, желает ли Пол включить в операцию береговую охрану и Бюро по надзору за торговлей табаком, алкоголем и оружием.

— Нужно бы уточнить мелкие детали — насчет страхования сотрудников. Хочешь исключить специальный пункт, касающийся курильщиков?

— Пожалуй, не стоит.

— Как насчет возмещения семьям погибших в результате несчастного

случая?

— А вот это просто необходимо. Проследи, чтобы не осталось никаких недоговоренностей. Как скоро все это можно сделать?

— Мы уже вели работу заранее в надежде, что клиент подпишет контракт. Если подсуетиться, через час-другой все будет готово.

— Шевелись. Встречаемся на месте действия, и я лично покажу тебе все. Чем раньше начнем, тем скорее закончим.

Пол повесил трубку и облегченно вздохнул.

Глава 39

Вместо того чтобы позвонить, Слоан решила отправиться к Ною. Ей нужно кое-что рассказать ему, и лучше с глазу на глаз.

Кортни была на занятиях в частной школе Палм-Бич, и поэтому дверь открыл Дуглас. Сердечно обняв девушку, он сообщил, что Ной наверху и будет очень рад ее видеть.

— Жаль, что так получилось с Эдит, но ничего не поделаешь. Кстати, если хотите знать. Ной мечется по комнате как тигр в клетке, потому что за все утро ни разу не поговорил с вами.

Слоан поднялась по лестнице и поздоровалась с миссис Сноуден, занимавшей небольшое помещение рядом с кабинетом Нося. Тот как раз вел какие-то деловые переговоры по телефону, но, завидев на пороге Слоан, прервал беседу и, пообещав перезвонить, бесцеремонно бросил трубку.

— Я смертельно волновался за тебя, — прошептал он, сжимая ее в медвежьих объятиях. — Как ты, дорогая?

— Нормально, — прошептала Слоан, прижавшись щекой к его груди. Как ей хорошо и спокойно с ним, словно все беды и заботы мгновенно исчезают! Он назвал ее «дорогая», и эта неожиданная нежность так растрогала девушку, что на глазах выступили слезы.

— Нашли копы что-нибудь важное?

— Важнее всего то, чего они не обнаружили, — вздохнула Слоан, неохотно отстраняясь.

Заметив ее печальный взгляд и побледневшее лицо, Ноу покачал головой.

— Расскажешь все по дороге на кухню. Сейчас попрошу Клодин дать нам поесть. Ты похожа на привидение. Жаль, что не согласилась провести ночь у нас, хоть немного отдохнула бы. Мы бы за тобой присмотрели.

Мысль о том, что впервые за много лет кто-то возьмет на себя заботу о ней, окончательно сразила девушку. Она, кажется, совсем расклеилась!

Ной, обняв ее за талию, повел вниз.

— Мне необходимо кое-что тебе сказать, только наедине. Не нужно, чтобы Дуглас слышал, — прошептала Слоан.

Ной кивнул и проводил ее в гостиную — просторное помещение с высокими потолками, белым мраморным полом и окнами до самого пола, выходившими на передний газон, где фонтан разбрызгивал радужные струи воды. По мнению Слоан, дом Ноя был куда уютнее и гостеприимнее, чем

особняк Картера.

— Оказалось, что почти ничего не украдено, — выпалила Слоан, едва дверь за ними закрылась. — Кто-то хотел создать видимость взлома, но осколки стекла в основном валялись под окном. Единственное, что пропало, — кольцо Эдит, но перстень с другой руки и брошь не взяли. Это не грабеж, а предумышленное убийство.

Ной слегка нахмурился, словно пытаясь понять, кому и для чего понадобилось убивать Эдит.

— Ты уверена?

— Почти. Правда, не могу представить, кто из домашних мог пойти на это.

— Просто невероятно! Она почти не выходила, и врагов у нее не было. Кому такое понадобилось?

Слоан набрала в грудь побольше воздуха и взглянула Ною в глаза:

— Боюсь, что я первая в списке подозреваемых.

— Ты? — засмеялся Ной. — Ты? Но кому может прийти в голову, что ты способна на насилие?

Слоан была вполне способна разделаться с преступником, а следовательно, прибегнуть к насилию, но вдаваться в подробности не могла и не хотела. Вместо этого она высказала Ною свои соображения. Тот молча слушал, становясь с каждой секундой все серьезнее. Похоже, он неплохо знаком с менталитетом служителей закона и не собирается убеждать ее, что, если она невиновна, волноваться ни к чему. Следующие действия Ноя привели ее в шок.

Едва Слоан замолчала, он нажал кнопку переговорного устройства.

— Миссис Сноуден, немедленно найдите Роббинса, где бы он ни был, и соедините меня с Киршем. Он остановился в отеле «Виндзор». — И, заметив вопросительный взгляд Слоан, пояснил:

— Роббинс — мой начальник охраны. А Кирш — один из лучших криминальных юристов во Флориде. У него номер в моем отеле.

— Кеннет Кирш? — вытаращила глаза Слоан.

— Именно, — подмигнул Ной.

— Мистер Мейтленд, Кирш на проводе, — сообщила секретарь — Кен, ты мне срочно нужен, — бросил в трубку Ной и едва успел отключиться, как миссис Сноуден соединила его с Роббинсом.

— Где ты? — властно спросил Ной. — Прекрасно Значит, сумеешь за два часа сюда добраться. — И, выслушав ответную реплику, возразил. — Это важнее.

Кеннет Кирш оказался немного ниже ростом, чем представляла Слоан,

не раз видевшая его в выпусках новостей, где он обычно разливался соловьем на тему о том, как с его помощью очередному преступнику удалось избежать наказания Для работников правоохранительных органов его имя было анафемой, но Слоан в эту минуту он казался якорем спасения Кеннет внимательно слушал, пока она изливалась все свои страхи и сомнения Он отнюдь не отрицал возможности грядущих неприятностей, но, как и Пол, считал достаточно веским доводом отсутствие всякой корысти со стороны Слоан — ведь она ничего не приобретает со смертью Эдит — Надеюсь, вас в прошлом не судили за особо тяжкое преступление? — пошутил он и, улыбнувшись, вручил Слоан визитную карточку. — Позвоните, если вас вызовут на допрос. Мейтленд, спасибо за то, что вспомнили обо мне Я польщен Слоан долго еще не могла прийти в себя от мысли, что сам великий Кеннет Кирш готов прервать отпуск и броситься на помощь по первому зову Ноа. Немного успокоившись, она посмотрела на часы.

— Мне пора. Не хочу надолго оставлять Парис. Картер занят организацией похорон, и Парис просто с ног сбивается.

— Мне необходимо сделать пару звонков, чтобы подготовиться к любой неприятной случайности, так что позволяю вернуться домой без меня, — прошептал Ноа, притягивая ее к себе и целуя — Пожалуй, я справлюсь одна, — заверила Слоан.

— Да, но мне это не нравится, — хмуро улыбнулся Ноа — Мне хотелось бы проводить тебя. Готов носить твой портфель и давать списывать задания Слоан недоуменно уставилась на него, и Ноа, снова поцеловав ее, с бесконечной нежностью признался.

— В твоем присутствии я чувствую себя влюбленным школьником.
Влюбленным?!

Слоан испытующее взгляделась в загорелое, такое любимое лицо Ноа, увидела в его пазах знакомое пламя желания и неожиданно осознала, что он не шутит. Кажется, он в самом деле в самом деле.

Она со счастливым вздохом закрыла глаза и прижалась к любимому.

Глава 40

— Какого дьявола ты сорвал меня С места, не дав Докончить то дело в Атланте?! — пробасил Джек Роббинс, закрывая за собой дверь кабинета — Что тут творится?

Ной поднял глаза на плотного живчика, начальника своей охраны, сопровождавшего хозяина в его скитаниях по миру. Как и многие его коллеги, Роббинс когда-то был агентом ФБР и умело скрывал за внешностью учтивого, добродушного пятидесятилетнего бизнесмена жесткий, въедливый характер и неутомимую страсть к рискованным ситуациям. Ной считал его ценнейшим сотрудником и единственным другом из всех своих служащих — Сам не совсем понимаю, — отозвался Ной, откинувшись на спинку кресла — Возможно, все это выеденного яйца не стоит, но лучше заранее принять все меры предосторожности и держать ухо востро. Слышал об убийства Эдит Рейнолдс?

— Ну как же, все только об этом и говорят, до, насколько я понял, это неудачная попытка ограбления?

— Не думаю, — возразил Ной и в нескольких словах объяснил, кто такая Слоан и чего опасается — По-видимому, полиция станет искать того, кто имел доступ в дом или был поблизости во время убийства, — докончил он.

— Ты что, всерьез воображаешь, будто они станут тебя подозревать? — удивился Джек.

— Да мне плевать, пусть хоть ордер на арест выписывают!

— В таком случае почему я здесь?

— Чтобы они не посмели и пальцем тронуть Слоан. Роббинс внимательно присмотрелся к своему хозяину и расплылся в широкой улыбке:

— Так вот оно как?

Он ожидал, что Ной либо отделается шуточкой, либо начнет все отрицать. Но тот кивнул:

— Именно.

Рот Роббинса растянулся едва не до ушей.

— Будь я проклят! — тихо; выдохнул он.

— Возможно. Но прежде чем отправишься в ад, я хочу, чтобы негодяй был найден, а Слоан остарили в покое и не вешали на нее преступление только потому, что она здесь чужая. В Палм-Бич не часто случается такое, и

копы разучились расследовать убийства.

— Но если Слоан Рейнолдс — наследница, они вцепятся в нее, как свора питбулей, независимо от того, виновна она или нет.

— В таком случае пусть поищут более подходящую кандидатуру.

Ной протянул Роббинсу список, составленный Слоан.

— Это имена людей, которые были вчера в доме. Один из них либо убил Эдит, либо впустил киллера. Задействуй все свои связи, пропусти подозреваемых через систему. Уверен, если копнуть поглубже, вся грязь вылезет наружу. Боюсь, что местные копы, решив, будто нашли убийцу, схватят Слоан и прекратят расследование. Ищи. Ройся, пока не найдешь улики. И действуй побыстрее. Время дорого. Вопросы есть?

— Один, — ухмыльнулся приятель. — У тебя, случайно, нет снимка этой дамы?

Ной непонимающе взорвался на Роббинса.

— О чём это ты? Я не прошу тебя проверять Слоан, — нетерпеливо буркнул он. — Она и муhi не убьет. Черт возьми, видел бы ты, как она шарахнулась от оружейной кладовой! Чуть сознание не потеряла!

— Нечего меня убеждать. Я вовсе не собираюсь идти по ее следу, просто так и подмывает узнать, что за крошка ухитрилась тебя заарканить.

— Проваливай и займись делом. И помни, я не желаю, чтобы Слоан упоминали в газетах как одну из возможных подозреваемых.

Но несмотря на все утверждения. Ною неожиданно захотелось похвастаться любимой женщиной.

— Так и быть, — вздохнул он, выдвигая ящик стола, — любуйся. Иначе лопнешь от любопытства и провалишь мое поручение.

Он вытащил газетную вырезку и придинул Джеку по столешнице. Под заметкой о приеме в честь Слоан красовался снимок. На переднем плане стоял Картер под руку с младшей дочерью.

— Блондинка, вот как? — поддел Джек. — Что-то новенькое. А я думал, ты питаеть пристрастие к брюнеткам.

— Только не в этом случае.

— Откуда она?

— Из Белл-Харбора. Дизайнер интерьеров.

— Знаешь, дизайнер ее экстерьера — настоящий волшебник, — восхищенно заверил Джек. — Вижу, и сенатор Мид почтил собрание своим гнусным присутствием.

— Естественно. Он и Картер — два сапога пары, в смысле — рука руку моет, — пожал плечами Ной. Но Джек, уже не слушая, показал на танцовщую пару.

— А это кто?

— Парис, сестра Слоан.

— Парис я знаю. Кто этот тип, с которым она танцует?

— Друг Слоан, приехавший, чтобы оказать приятельнице моральную поддержку. Работает в страховом агентстве.

— Как его зовут?

— Пол Ричардсон, а в чем дело?

— Не знаю... очень знакомое лицо.

— Может, умудрился продать тебе страховку? Проверь его вместе с остальными в списке.

— Обязательно.

— Миссис Сноуден проводит тебя в твою комнату. Компьютер понадобится?

— Нет. — Джек открыл портфель, в котором оказался его верный ноутбук. — Без него я из дома не выхожу.

Глава 41

Энди Кегл, удовлетворенно вздохнув, поудобнее устроился на сиденье автомобиля, а Флинн повернул ключ зажигания и отъехал от дома Гранта Уилсона. Адвокат, как оказалось, был занят на процессе, связанном с опротестованием какого-то очередного завещания, и им пришлось маяться в его кабинете почти два часа, пока он наконец соизволил вернуться, а потом почти столько же убеждать его, что доверие клиентов не будет поколеблено, если последняя воля Эдит Рейнолдс станет известна сначала полиции, а уж потом скорбящим родственникам. Детективы из кожи вон лезли, чтобы уговорить поверенного. И усилия не пропали даром. Сенсационное открытие привело их в состояние крайнего возбуждения, знакомого всем охотникам, предвкушающим мастерский выстрел в цель. Добыча рядом, стоит лишь протянуть руку, чтобы ее схватить.

— Просто боюсь поверить, — пробормотал Флинн. — Как по-твоему, почему старуха ничего не сказала внуку о том, что включила в завещание Слоан?

— Не знаю. Может, воображала, что он станет скандалить, а может, просто считала, что это не его дело. Или не успела.

— Так или иначе, теперь это уже не важно, — заявил Флинн. — Главное, что Уилсон утверждает, будто Эдит заверила его, что обсуждала новое завещание со Слоан. Кейдж привычным жестом поправил очки и злорадно усмехнулся;

— И единственным способом оставить все как есть было немедленно пристукнуть бабусю, пока ей снова не взбрело в голову переписать документ. Кто знает, что бы она выкинула в отсутствие новоявленной внучки?

— Теперь у нас есть мотив совершения преступления. Все сходится. Осталось найти оружие. Ну что, вызовем ее на допрос и попробуем вытянуть признание или лучше уведомить бригаду, которая работает в доме, и приказать хорошенько понюхать во всех углах? Они прочешут ее комнату и все соседние и скорее всего наткнутся на то, что мы ищем.

— Попробуем найти пистолет, не спугнув пташку. Флинн взял сотовый телефон, связался с лейтенантом Файнменом и сообщил о неожиданном обороте событий. Он уже хотел отключиться, но тут Кегла осенило:

— Попроси парней обыскать живую изгородь по северной стороне и до самого берега. Мейтленд сказал, что той ночью встретил ее именно там.

Она не настолько глупа, чтобы сунуть пистолет в чемодан или под подушку. Да, и пусть действуют поосторожнее, чтобы она ничего не заметила, а то еще перепрячет оружие.

Флинн послушно передал все сказанное и добавил от себя:

— Заставьте Слоан еще раз вспомнить, как она провела тот вечер, и изложить все в письменной форме. Ну а теперь, — сухо заметил он, откладывая трубку, — обрадуем капитана. Если сразу найдут оружие, у Хоклина будет время привести себя в порядок перед появлением в вечернем выпуске новостей.

Новость о вероятном завершении следствия мигом распространилась по коридорам полицейского участка и привела всех в состояние, близкое к эйфории.

— Ну и везет вам, парни! — с шутливой завистью воскликнул сержант.

— Поздравляю, — пробормотал Хэнк, плюхнув на стол Энди гору распечаток с данными из Всеобщего американского информационного центра. — Похоже, вам это уже не понадобится.

Кегл перебрал все отчеты, вытащил нужный и стал просматривать, пока Флинн отвечал на телефонные звонки.

— Сейчас будем! — внезапно выпалил он, срываясь с места и хватая пиджак. — Энди, они нашли оружие!» Глок» девятого калибра с недостающим патроном в обойме! Бежим за ордером на арест!

Не успел он договорить, как Кегл был уже у двери.

— Где он был?

— Не поверишь, но эта кретинка хранила его под матрасом. Видно, считала, что мы в жизни туда не догадаемся заглянуть!

Глава 42

Слоан в это время сидела в столовой и пыталась как можно точнее изложить на бумаге события предыдущей ночи. Сестра принимала по телефону соболезнования перепуганных друзей семьи. Лейтенант Файнмен маячил в коридоре, тихонько переговариваясь с коллегами. В дверь позвонили, и Нордстром пошел открывать. Слоан подняла глаза как раз в тот момент, когда в комнату ворвались детективы. При виде их холодных замкнутых лиц шариковая ручка выскользнула у нее из пальцев.

— Слоан Рейнолдс, — объявил Флинн, стаскивая ее со стула и толкая к стене, — вы арестованы за убийство Эдит Рейнолдс.

Он завел ей руки за спину и щелкнул наручниками.

— Вы имеете право не отвечать на...

— Нет! — пронзительно вскрикнула Парис, опершись руками о стол, словно ноги ее не держали. — Нет...

— Это ошибка, — попыталась успокоить сестру Слоан, — все будет хорошо.

Ее потащили к двери. Две патрульные машины с включенными двигателями уже стояли на подъездной аллее, и Слоан впихнули в одну из них. Репортеры, дежурившие у ворот, словно взбесились, увидев, что кого-то выводят из дома. Когда машина проезжала мимо, все камеры были направлены на заднее сиденье, вспышки взрывались одна за другой.

Энди Кегл, сидевший впереди, повернулся и уставился на Слоан, как на чумную палочку:

— Ну что, будете говорить или предпочитаете подождать, пока все формальности будут закончены?

Слова «вы совершаете ошибку» вертелись у Слоан на языке, но она постаралась их проглотить — уж слишком банально они звучали. Как в третьесортном фильме или плохом романе. Она сама слышала это тысячу раз от подонков всякого рода при задержании и не желала подражать им хотя бы в этом.

Они миновали дом Ноя, и Слоан еще раз увидела весело играющие струйки фонтана. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем до Ноя дойдут новости?

Пол ушел с утра по срочному делу и объявил, что вернется позже. Кегл и Флинн, очевидно, не собирались допрашивать ее, прежде чем зарегистрируют в полицейском участке, так что Пол не успеет выручить

свою подопечную и ей придется пройти через все круги ада.

Слоан представила себе процедуру снятия отпечатков и фотографирования в трех ракурсах с номером на груди и содрогнулась. Вот уж чего она не предвидела, когда согласилась приехать в Палм-Бич! Странно только, что они вовсе не спешат ее допросить!

Она совсем забыла про вопрос Кегла, но тот не собирался долго ждать.

— Означает ли ваше молчание, что вы предпочитаете исповедаться после того, как окажетесь за решеткой?

— Нет, — сообщила Слоан, стараясь не терять хладнокровия. — Просто пытаюсь понять: почему меня арестовали без всяких доказательств?

Тут уж не выдержал Флинн и, притормозив, пока два огромных грузовика уступали дорогу исходившей воем сирены машине, ехидно спросил:

— Вы считаете, что мы способны на такую подлость? Злорадное самодовольство, разлитое на физиономии детектива, вызвало в Слоан вполне естественное желание опробовать на крепость его челюсть.

— Нельзя иметь неопровергимые улики против того, кто не совершал преступления.

— Оставим эту светскую беседу, пока не соберемся уютным кружком в моем кабинете, — проворчал Флинн, прибавляя скорости.

У полицейского участка уже толпились папарацци, телевизионщики и фотографы, и Слоан была почти уверена, что именно по этой причине ее ведут через парадный вход. Ищайкам не терпится продемонстрировать свою добычу в наручниках и покрасоваться на экранах телевизоров и газетных полосах!

Слоан представила свою мать перед телевизором и едва не упала в обморок. Господи, за что Кимберли все это?!

Она словно окаменела, пока Флинн и Кегл не привели ее в неуютную комнатушку и не выложили на стол пистолет в пластиковом пакете.

— Узнаете это?

Немного оправившись от шока, Слоан почти обрадовалась, увидев свой «глок». Она уже открыла рот, чтобы сообщить, что это ее пистолет, на который имеется разрешение, но Флинн не дал ей и слова сказать.

— Угадайте, где мы его нашли? Под вашим матрасом!

Интересно, как он туда попал?

Слоан прятала оружие в менее доступном месте и только сегодня утром проверила, все ли в порядке.

— Я не... не знаю, как он попал туда, — покачала головой Слоан. — Я

его хранила в другом месте.

Флинн широко улыбнулся, внезапно превратившись в само дружелюбие.

— Ну вот, теперь мы на верном пути. Энди, почему бы тебе не принести мисс Рейнолдс стакан воды?

— Не нужно мне никакой воды, — отрезала Слоан, но Кегл как ни в чем не бывало встал и вышел из комнаты. — Немедленно отвечайте! Вы обнаружили «глок»у меня под матрасом?!

— Вы — нечто, леди, — хохотнул Флинн. — Позвольте кое-что объяснить для начала. Здесь мы задаем вопросы. Слоан, растерявшись от неожиданности, беспомощно огляделась. Страшная мысль пришла ей в голову.

— Сколько патронов в обойме? — выпалила она.

— Девять. Одного не хватает. Интересное совпадение, не правда ли? Думаю, баллистическая экспертиза подтвердит, что миссис Рейнолдс убита из этого револьвера.

Слоан потрясение уставилась на него, чуть вздрагивая от озноба. Утром... только этим утром... она сама видела... кто мог перепрятать «глок»? И почему она не додумалась проверить, полна ли обойма?

— Господи... — прошептала девушка.

Энди Кегл уселся за свой стол и снова открыл досье на Слоан Рейнолдс. Что-то тут неладно... странно она повела себя, увидев оружие... нет, сразу, при аресте. Слишком спокойно.

Он принял листать тонкие странички.

— Классная работа, Энди, — поздравил вошедший капитан Хоклин. Он уже успел дать интервью представителям прессы, объявив, что Слоан Рейнолдс арестована за убийство прабабки, но, заметив растерянное лицо подчиненного, осекся. — Что стряслось? — выдохнул он, почувствовав тревогу: Кегл славился своей невозмутимостью и крайне редко выходил из себя.

— Она коп! — охнул Кегл.

— Что?!

Кегл протянул начальнику досье.

— Она служит в полиции.

Первое, о чем подумал Хоклин, — как выйти из этого положения. Сообщить репортерам, что они схватили не того человека? Но кем его посчитают? Последним идиотом! И правильно сделают.

— И что же? Копы зарабатывают сущие гроши; возможно, она хотела

получить свою долю.

— Возможно.

— Она не отрицает, что «глок» принадлежит ей?

— Нет, но утверждает, что скрывала его в другом месте. Так или иначе он зарегистрирован на ее имя. Вот, смотрите. Он показал на соответствующее место в досье.

— Плевать. Главное, у нее был мотив, возможность и средства для совершения преступления. Регистрируйте ее и сажайте в камеру.

— Не думаю, что...

— Это приказ.

— Но что, если мы промахнулись?

— Ничего страшного. Извинимся и выпустим.

Кегл обжег разъяренным взглядом спину удалявшегося капитана и тяжело сполз со стула.

— Извините, — машинально бросил он, входя в комнату, где велся допрос, — мне нужно поговорить с детективом Флинном.

Он многозначительно мотнул головой в сторону двери.

Флинн озадаченно нахмурился, но Слоан сразу поняла, в чем дело. Кегл раскрыл ее тайну. Судя по стопке распечаток, которую он сжимал в руках, он, по-видимому, наконец потрудился прочесть ее досье. Но теперь положение еще больше осложнилось. Она не имеет права объяснять, почему скрыла от родственников, где служит, да еще согласилась выполнять задание ФБР.

Слоан ожидала, что Флинн и Кегл, вернувшись, станут обращаться с ней скорее как с коллегой, чем с убийцей, но ошиблась.

— Мисс Рейнолдс, — сухо предложил Флинн, — не соизволите ли пойти со мной?

Слоан встала, не в силах поверить, что так легко отделалась. Неужели ее освободят?

— Зачем?

— Вам прекрасно известна процедура, только обычно вы находились по другую сторону барьера. Что ж, все бывает.

— Вы собираетесь посадить меня? — взорвалась девушка. — Без каких-либо объяснений?

Детективы переглянулись. Кегл рассерженно поправил очки.

— Мы допросим вас позже. Но на вашем месте я бы посоветовал капитану Хоклину подтереть задницу нашими протоколами и потребовал бы вызвать адвоката.

Она все поняла. Хоклин уже распустил хвост перед репортерами и не

желает потерять лицо.

Слоан молча направилась к двери. Она не доставит им удовольствия своим расстроенным видом. Ничего, сейчас позвонит адвокату, а если его не будет в номере, свяжется с Ноем, и тот все уладит. Пожалуй, нет смысла обращаться к Полу: он, возможно, потребует, чтобы она провела в тюрьме так необходимые ему тридцать шесть часов.

Глава 43

Джек Роббинс устало потер глаза и вновь уставился в тускло светящийся экран компьютера, на котором появлялись строки досье. Но мысли постоянно возвращались к газетной вырезке и смутно знакомому мужчине, кружившему в танце красивую брюнетку. Наконец, решительно тряхнув головой, словно пытаясь отделаться от навязчивых образов, он запросил данные на Слоан Рейнолдс. Собственно говоря, он не ожидал ничего экстраординарного и совсем не интересовался личной жизнью этой женщины. Просто выполнял работу, за которую получал деньги: оберегал Ноя от потенциальных проблем, которые могли или могут возникнуть в будущем. А по мнению Роббинса, женщина, которая вертит Ноем Мейтлендом как хочет и при этом подозревается в убийстве, может представлять собой Очень Большую Потенциальную Проблему.

Оказалось, что в Штатах существует семья Слоан Рейнолдс, но только одна живет в Белл-Харборе, штат Флорида.

Обрадованный первой удачей, Джек нажал несколько кнопок. Полностью загрузив компьютер, он стал внимательно читать. В первом разделе содержались адреса девушки за последние десять лет, цифры оценочной стоимости тех домов, где она жила, имена тех, кому она выплачивала по закладной или аренде. Джек отметил, что владеет она крайне скромным домом.

В следующем разделе перечислялись имена тех, кто жил с ней или получал почту на ее адрес. Очевидно, у нее не было постоянного мужчины: ни мужа, ни друга.

Он придержал клавишу быстрого просмотра, чтобы поскорее «перелистать» страницы, и перешел к последнему разделу, где содержались все имена и телефонные номера ее соседей, и, вместо того чтобы вернуться к тому месту, где остановился, пошел от конца к началу. Странно... машины у нее нет, зато имеется недорогая яхта. Никогда не была под следствием, не разорялась, даже не нарушила правил дорожного движения! Невероятно законопослушная особа. Ну настоящая святая... она... она...

Джек вскочил, едва не сбив со стола компьютер.

Да она коп! Детектив полицейского участка Белл-Харбора! Какой там дизайнер! Ищейка! И по какой-то причине скрыла это от Ноя.

Джек сунул в дисковод дискету и, пока досье переписывалось, узнал в справочном бюро телефон полиции Белл-Харбора и набрал номер.

— Я хотел бы поговорить с детективом Слоан Рейнолдс, — сказал он мужчине, поднявшему трубку.

— Она в отпуске. Будет на следующей неделе. Могу я чем-нибудь помочь?

Вместо ответа Джек бросил трубку и ринулся в кабинет Ноя, не забыв захватить дискету. Они с миссис Сноуден одновременно оказались у двери, и впервые с того дня, что они познакомились, несгибаемая секретарша почти оттолкнула Джека и ворвалась в комнату первой.

— Мистер Мейтленд! — почти взвизгнула она. Ной в это время вел телефонные переговоры с президентом французской авиакомпании и, нахмурившись, показал на мигающие кнопки двух остальных каналов: очевидно, нетерпеливые абоненты ждали ответа.

— Простите, что перебиваю, — не успокаивалась миссис Сноуден, — но Парис Рейнолдс звонит уже второй раз.

Говорит, что дело крайне важное.

Ной поспешил попрощаться с французом и хотел было переключиться на другую линию, но Джек стиснул его руку:

— Погоди, Ной. Мне нужно кое-что тебе сказать. Ной недоуменно покосился на приятеля:

— Да что это с тобой, Джек? Какого черта...

— Она коп, Ной.

За все годы, которые они пережили вместе, Джек ни разу не видел, чтобы Ной Мейтленд был так мгновенно выбит из колеи. Обычно в критических обстоятельствах он словно черпал откуда-то энергию и действовал молниеносно, предотвращая несчастье, распутывая сложную ситуацию, решая самые трудные вопросы. Но сейчас он буквально окаменел, явно не в силах осознать до конца весь ужас сказанного.

— Ты спятил, — бросил наконец Ной, снова потянувшись к трубке. — Слоан боится оружия.

— Да очнись же, Ной! — резко бросил Джек. — Она детектив полицейского участка Белл-Харбора. Не знаю, что ей тут понадобилось, но, по всей видимости, выполняет чье-то задание.

Хоровод ярких картин закружился перед глазами Ноя. Вот Слоан швыряет отца на землю... показывает Кортни приемы самозащиты... преследует убийцу, перемахивая через кусты, как грациозная газель. Нет... не газель... как настоящий полицейский! Он снова потянулся к телефону, на этот раз куда медленнее, и, услышав взволнованный голос Парис невозмутимо спросил:

— Когда ее арестовали? Хорошо, только успокойся. Твой отец

расстроен, вот и несет всякий вздор. Сейчас все уложу и перезвоню.

Он повесил трубку и обернулся к Джеку. Лицо по-прежнему казалось высеченным из мрамора.

— Что ты обо всем этом думаешь? Почему ей понадобилось лгать? — бесстрастно спросил он, но, прежде чем Джек попытался что-то предположить, в дверях снова возникла миссис Сноуден.

— Росс Халперин звонит. Он в полной панике. Заикается и что-то бормочет.

В комнату, едва не сбив секретаршу с ног, ворвалась Кортни.

— Слоан арестовали! — взвизгнула она, бросаясь к телевизору.

— Сейчас поговорю с Халперином, — предложил Джек, удивляясь, что так срочно понадобилось поверенному и главному советнику Ноя. Бросив несколько коротких сдержаных фраз, он нажал на рычаг и поднял голову. На него было страшно смотреть. В одно мгновение его красная добродушная физиономия превратилась в маску гнева и ярости. — ФБР получило ордер на обыск и теперь вместе с береговой охраной и Бюро по контролю за торговлей алкоголем, табаком и оружием шарят по всем помещениям твоих яхт в поисках нелегальной партии автоматического оружия. Ной с трудом встал.

— Почему? Почему она лгала мне? Кортни застыла у телевизора, проклиная не вовремя появившийся рекламный ролик.

— Ной, да смотри же, черт возьми! — крикнула она, но тут же осеклась.

— Сегодня выдался неудачный день для богатых и влиятельных обитателей Палм-Бич, — сообщил ведущий. — Час назад ФБР совместно с береговой охраной и Бюро по контролю за торговлей алкоголем, табаком и оружием произвели обыск на яхтах известного магната Ноя Мейтленда и взяли суда и команды под арест. Наши репортеры вели съемку этого экстраординарного события.

На экране появились первые кадры, и Джек одновременно с Ноем узнали человека, стоявшего на носу «Призрака».

— Ричардсон, — прошипел Ной, и в его устах имя Пола прозвучало грязным ругательством.

— Твоя подружка — коп, Ной. А ее приятель — фэбээровец, — хладнокровно заметил Джек.

— Кортни! — рявкнул Ной. — Немедленно убирайся отсюда!

Кортни достаточно было одного взгляда на разъяренного брата, чтобы молча, бочком попятиться к двери кабинета. Несмотря на полунасмешливое, часто неуважительное отношение к Ною, Кортни

обожала его и мысли не допускала, что ее любимый старший брат способен на дурное.

— Слоан служит в полиции? — ошарашенно пробормотала она. — А Пол — агент ФБР? И оба задумали отнять у тебя яхты? Но почему?

Ной повернулся и пронзил ее взбешенным взглядом. На щеке судорожно дергалась жилка.

Миссис Сноуден от греха подальше потащила девочку из комнаты и, уже закрывая дверь, нерешительно выдавила:

— Мистер Мейтленд... Слоан Рейнолдс на проводе. Не отрывая взгляда от экрана телевизора, где разворачивались драматические события, Ной нажал кнопку громкоговорящего устройства. В кабинете раздался напряженный, но спокойный голос Слоан.

— Ной, мистера Кирша нет в номере. Меня арестовали. Нужна твоя помощь.

— Неужели? — вкрадчиво осведомился Ной. — И тебе разрешили сделать только один звонок?

— Да...

— Значит, вам не повезло, детектив Рейнолдс, потому что вы только что исчерпали свой лимит. Придется выкручиваться самой.

Он снова нажал кнопку и, сунув руки в карманы, принялся наблюдать за погромом, учиненным представителями закона. Как она испугалась, увидев оружие, как расспрашивала, откуда оно взялось! А потом как ни в чем не бывало согласилась отправиться в его каюту и без малейших колебаний легла под него! В ту ночь они занимались любовью долго, бесконечно долго, но лишь после того, как Слоан вытянула из него все необходимые сведения. Очевидно, этого оказалось достаточно, чтобы ее сообщник сумел уговорить федерального судью на выдачу ордера.

Господи, а он-то раскис! Держал ее за руку, признавался, что сходит по ней с ума, что чувствует себя влюбленным подростком.

— Сука! — громко прошипел Ной.

Досмотрев выпуск новостей, он сел за стол и развел бурную деятельность: приказал миссис Сноуден немедленно созвониться с нужными людьми. Двое были адвокатами, третий — удалившимся на покой федеральным судьей и четвертый — членом Верховного суда.

Когда все наставления и инструкции были даны, он тихо посовещался с Джеком и объяснил, что необходимо сделать.

— Понятно? — отрывисто бросил он.

— Считай, что все уже в порядке, — заверил Роббинс.

— Когда я разделаюсь с этим ублюдком, — угрожающе процедил

Ной, — ему не доверят даже работу постового у школьного здания!

Глава 44

Пол удостоверился, что на судах Мейтленда поставлена охрана, и устало направился к взятой напрокат машине. Как раз когда он выезжал с пристани, по радио начался десятичасовой выпуск новостей.

— Черный день для двух самых уважаемых семейств Палм-Бич, — заученно пособолезновал диктор. — Слоан Рейнолдс, дочь известного финансиста Картера Рейнолдса, арестована по подозрению в убийстве своей прабабки Эдит Рейнолдс.

Тихо выругавшись, Пол развернулся, нажал на акселератор и помчался к полицейскому участку, А в это время Слоан, забившаяся в угол камеры, услышала то, что заставило ее сорваться с места и заколотить кулаками в стену в припадке ярости.

— Немного позже ФБР совместно с береговой охраной и представителями Бюро по контролю за продажей алкоголя, табака и оружия конфисковали и обыскали две яхты, принадлежащие миллиардеру Ною Мейтленду. Из компетентных источников нам стало известно, что ФБР имело все основания считать, будто мистер Мейтленд занимается нелегальной транспортировкой оружия.

С улицы здание полиции выглядело вполне современным и ухоженным. Коридоры и комнаты были ярко освещены. Очевидно, в этот вечер работы почти не было: полицейские пили кофе, спокойно писали отчеты — по всей видимости, напряжение спало.

— Кто дежурный? — прогремел Пол, оглядываясь.

Полицейский, нагнувшись над питьевым фонтанчиком, испуганно встрепенулся:

— Сержант Бэбкок, сэр. Он там, болтает с диспетчером.

— Вы Бэбкок? — процедил агент, бесцеремонно прерывая увлекательную беседу о конфискованных яхтах.

— Да, с кем...

Не успел сержант договорить, как перед самым его носом возникло грозное удостоверение.

— Чем могу служить мистер Ричардсон? — выпалил сержант, встав по стойке «смирно».

— Вы задержали моего человека. Я требую, чтобы ее немедленно освободили.

«Обезьянник» был пуст, если не считать пьяного подростка,

дожидавшегося приезда разгневанного папаши, и Слоан Рейнолдс, чей арест принес капитану Хоклину известность и похвалы начальства.

— Кого вы имеете в виду, сэр?

— Слоан Рейнолдс.

Сержант побледнел, у диспетчера отвалилась челюсть, полицейские как по команде оторвались от бумаг, беззастенчиво подслушивая сенсационные откровения.

— Хотите сказать, что Слоан Рейнолдс работает на ФБР?

— Именно. Так она у вас или нет?

— Ну... да, только... только я не имею права...

— А кто имеет?

— Исключительно капитан Хоклин. Но он рано ложится спать и вчера допоздна...

Пол молча поднял трубку телефона диспетчера и сунул сержанту.

— Мне плевать и на него, и на вас. Немедленно будите! — заорал он.

Бэбкок помялся, взглянул на разъяренного агента и счел за лучшее подчиниться.

Слоан расписалась в вещевой квитанции, получила сумочку, часы и, плотно скав губы, последовала за Полом к машине.

— Сегодня переночуем в мотеле, — сообщил он. — Мне очень жаль, что все так вышло, Слоан.

Даю слово, я понятия не имел, что тебя сцепали, пока не услышал десятичасовой выпуск новостей.

— Ты, конечно, был очень занят, иначе пришел бы раньше, — странно певучим голосом заметила она.

Пол нерешительно взглянул на девушку и решил подождать с выяснением отношений, пока она не устроится в номере. Он остановился у приличного с виду мотеля, получил две соседние комнаты и вручил ей ключ.

— Иди к себе, Я только сделаю пару звонков, а потом поговорим.

Девушка молча вошла в комнату, оставив дверь за собой приоткрытой. Первое, что она сделала, — немедленно включила телевизор и нашла канал Си-эн-эн. На репортерской улице явно был праздник: они уже не знали, под каким соусом преподнести очередное измышление о незаконной деятельности Мейтленда. Один репортаж сменялся другим. Слоан даже удалось увидеть на какой-то пленке лицо Ричардсона. Ною еще не предъявили обвинения, а его недвусмысленно называли преступником, торговцем оружием и едва ли не мафиози.

Войдя в комнату, Пол увидел, что Слоан стоит в изножье кровати, по-прежнему не отрывая глаз от светящегося экрана.

— Представляю, что ты чувствуешь, — мягко начал он.

Девушка бессильно опустила руки, обернулась к нему, и Пол невольно отступил.

— Нашли что-нибудь? — выдохнула она.

— Пока нет, — признался Пол. — Но послушай, я понимаю, что ты готова меня разорвать. Если считаешь, что от этого тебе станет лучше, валяй.

— Лучше мне станет не от этого, но все же получи!

Твердый крепкий кулак врезался в его челюсть с такой силой, что Пол отлетел к стене и едва успел схватиться за спинку кровати, чтобы не упасть. Ну и ну! Для такой стройной малышки у нее потрясающий хук правой!

Слоан угрожающе надвигалась на него, и Пол, разрываясь между болью, восхищением и досадой, поднял руки и зловеще предупредил:

— Довольно! Прекрати, говорю! Один раз, так и быть, спущу, но попробуй еще проделать такое — задам тебе взбучку!

Из Слоан будто пар выпустили. Она обмякла и увяла у него на глазах и, скрючившись на постели, обхватила себя руками и принялась медленно раскачиваться из стороны в сторону. Растрепавшиеся золотистые волосы упали на лицо, плечи затряслись.

Эти беззвучные мучительные рыдания подействовали на Пола хуже любых побоев. Что же он наделал!

— Слушай, я обязательно попробую все уладить. Слоан на мгновение замерла и подняла голову. Мокрые от слез глаза смотрели куда-то сквозь Пола.

— Уладить? — всхлипнула она. — С кем? С Ноем? До того как он узнал правду, был готов на все, чтобы защитить меня от местной полиции, а потом... потом просто возненавидел. До такой степени, что бросил трубку и оставил меня гнить в тюрьме.

— Пойми, я ничего не мог поделать. Это от меня не зависело.

— А что ты можешь теперь? — свирепо набросилась на него Слоан. — Заставить Парис забыть, что я запятнала честное имя семьи и в глазах всего мира выгляжу преступницей? Что меня вывели из дома в наручниках под волни репортеров? Она билась в истерике, когда меня забирали. Слышишь? В истерике!

По мнению Пола, игра Парис заслуживала «Оскара», но какой смысл сообщать это Слоан или объяснять, что Парис, должно быть, на седьмом

небе, потому что разом избавилась от конкурентки и капризной старухи, поделившейся деньгами с невесть откуда взявшейся родственницей? Не известно, станет Парис играть роль милой, наивной, любящей сестры, пока Слоан остается под подозрением, или ей попросту надоест возиться с доверчивой дурочкой. Ради спокойствия Слоан Пол надеялся, что Парис все же предпочтет первое. И кроме того, совсем неплохо, если Слоан позволят вернуться.

Пол кивнул в сторону телефона.

— Позвони ей, — посоветовал он. — Если она была так расстроена, возможно, потребует, чтобы ты немедленно приехала.

При виде глаз Слоан, загоревшихся надеждой, руки, робко потянувшись к трубке, у Пола непривычно: сжалось сердце. Кажется, он тоже сейчас разревется! И не только из-за Слоан. Ему становится плохо при мысли о том, что настоящая убийца — именно Парис.

Разговор получился на удивление коротким, и Пол сразу понял, что все кончено.

— Гэри Дишлер, — мертвенно-спокойным голосом выговорила Слоан, — передал мне, что Парис и Картер не желают больше видеть меня. Он выставил на крыльце наши вещи, и если мы в течение часа не приедем за ними, утром они окажутся в мусорной машине.

— Сейчас съезжу, — пообещал Пол, испытывая острое желание свернуть тонкую аристократическую шею старшей сестренке Слоан.

Девушка кивнула и снова потянулась к телефону.

— Позвоню маме и Саре. Они, наверное, с ума сходят от тревоги.

Департамент полиции, очевидно, бдительно охранял собственность Рейнолдсов: перед домом были припаркованы две патрульные машины, хотя охранников нигде не было видно. Впрочем, как и репортеров. Хвала Господу и за малые милости!

Связавшись с Дишлером по переговорному устройству, Пол въехал в ворота, захватил сумки и сложил их в машину. И лишь потом поднялся на крыльце и позвонил. На пороге возник Дишлер.

— Как я уже сказал, — едва шевеля губами, процедил он, — ни вы, ни мисс Рейнолдс здесь больше не живете.

Он попытался было захлопнуть дверь, но Пол успел схватить его за шиворот и помахать удостоверением. Дишлер, разумеется, прекрасно осведомлен, где он служит, но нужно соблюдать все формальности, прежде чем приступить к делу.

— Ну а теперь, — прорычал он, — немедленно позовите Парис

Рейнолдс.

— ФБР не имеет никакого права здесь шарить.

— В этом доме было совершено преступление, затронувшее честь временного сотрудника ФБР. Ну как, ссади поползете на четвереньках за Парис или дождитесь, пока я схожу к машине, позвоню и через час здесь будет твориться то же, что на яхтах Мейтленда?

— Стойте здесь, — негодующе фыркнул Дишлер и удалился, старательно прикрыв за собой дверь. Вскоре на крыльце появилась Парис в халате из светлой парчи. Холодное, замкнутое, словно прекрасная маска, лицо, гордо поднятая голова.

— Неужели вам мало того, что вы здесь натворили? — надменно бросила она.

Но Пол невозмутимо вручил ей карточку с номером своего сотового телефона.

— Позвоните, если наконец соберетесь сказать правду.

— Правду? Какую еще правду?

Полные губы скривились в презрительной усмешке.

— Почему вам так срочно потребовалось убрать свою прабабку?

Второй раз за эту ночь Поля застала врасплох женщина. Влепив ему внушительную пощечину, так что треск пошел по всему саду, Парис повернулась и хлопнула дверью перед самым носом ошеломленного агента.

Глава 45

— Может, попробуешь повидаться с Мейтлендом перед возвращением в Белл-Харбор? — нерешительно спросил Пол на следующее утро. Девушка так побледнела и осунулась за ночь, что, казалось, вот-вот лишится чувств. Похоже, у нее даже нет сил злиться на него!

Слоан положила косметичку в дорожную сумку и застегнула молнию.

— Да, но ни к чему хорошему это не приведет, — пробормотала она, не глядя на него. Она вообще старалась не смотреть в его сторону.

— Тебе станет легче, если я признаюсь, что чувствую себя препаршиво?

— Мне совершенно все равно, как ты себя чувствуешь и чувствуешь ли вообще.

Пол до сих пор не мог понять, почему у него так скверно на душе. Собственно говоря, неудивительно: она доверились ему, честно выполнила задание, и он на самом деле симпатизировал девушке.

— Ладно, тогда хочешь знать, почему я вцепился в Картера и что привело меня сюда?

— С чего бы вдруг такое доверие?

— Просто хочу, чтобы все было ясно между нами. Слоан быстро вскинула голову, но тут же пожала плечами и отвела глаза. Пол сжал ее руку и вынудил сесть на кровать, а сам придвинул стул.

— Нам сообщили, что Картер отмывает деньги для южноамериканского наркокартеля, который переводит наличные в банк и фонд Рейнолдсов. Потом огромные суммы распыляются по счетам мелких вымышленных компаний, минута, разумеется, налоговое управление, а затем снова переводятся в оффшорные банки картеля, где превращаются в чистые, законные денежки.

Девушка горько усмехнулась.

— Ты ничего не знаешь наверняка, — с неожиданной проницательностью заметила она. — Только предполагаешь, иначе давно добился бы ордера на обыск.

— Наш осведомитель по странной случайности погиб именно в тот день, когда должен был представить нам улики. Ты, надеюсь, знаешь, что такое картель. Там не шутят. Они куда умнее своих преследователей, и на их стороне лучшие адвокаты из престижных фирм, не говоря уже о продажных политиках вроде сенатора Мида. Я очень хочу прищучить

Картера, но еще больше — обнаружить его связи с картелем.

— Но какое отношение все это имеет к Ною?

— Мейтленд — самый крупный вкладчик банка Рейнолдсов, на его счетах миллионы. Кроме того, он владеет роскошными яхтами, которые время от времени отправляются к берегам Центральной и Южной Америки...

— Как и суда компании «Холланд Америка», — вставила Слоан.

Но Пол пропустил мимо ушей саркастическое замечание и продолжил:

— В этих портах у Мейтленда немало весьма сомнительных деловых партнеров.

— Известных преступников, конечно, — съязвила Слоан.

— Нет, но не будем спорить. Вернемся к делу. Кому-то нужно переправлять наличные картеля в Штаты, а оттуда в банк Рейнолдсов. Думаю, эти функции возложены па Мейтленда. Кроме того, я считаю, он замешан в торговле наркотиками.

Слоан едва заметно кивнула и, поднявшись, подхватила сумки.

— Ты, разумеется, этому не веришь, — вздохнул Пол.

— Насчет Ноя — все ложь. Что же касается Картера... не знаю. Кстати, я была освобождена по твоему требованию. Но обвинения не сняты. Буду крайне благодарна, если ты все уладишь.

Пол поднялся, беспомощно глядя вслед девушке. Спокойное, не показное достоинство, благородство, моральные принципы... Редкая драгоценность. И ей настолько неприятно его видеть, что он искренне казался себе одним из подонков, о которых только что ей рассказывал.

— До свидания, — вежливо попрощалась она, обернувшись.

Пол, промолчав, едва заметно наклонил голову. Да и что он мог сказать?

Глава 46

Главная беда заключалась в том, что поместья в Палм-Бич, включая то, что принадлежало Ною, имели ворота с дистанционным управлением, проникнуть через которые посторонним не было никакой возможности.

Как Слоан и предполагала, она оказалась той самой нежелательной гостью, о чём не преминула сообщить миссис Сноуден. Голосом, таким же ледяным, как ее фамилия, секретарь Ноя процедила:

— Я уполномочена сообщить, что, если вы хотя бы еще раз окажетесь в непосредственной близости от этого дома или любого другого, принадлежащего семье Мейтлендов, мистер Мейтленд не станет трудиться вызвать полицию. Он сам разделается с вами. — Она чуть помедлила, словно никак не решаясь добавить что-то от себя, но наконец вымолвила:

— На вашем месте я не стала бы доводить до этого. Прощайте.

Страясь не заплакать перед видеокамерой, Слоан развернулась и уже хотела уехать, но увидела Кортни, сбегавшую по ступенькам крыльца.

Слоан вылетела из машины и метнулась к воротам. Кортни остановилась по другую сторону и пронзила Слоан уничтожающим взглядом.

— Как ты могла! — взорвалась она. — Как ты могла такое сотворить с людьми, которые считали тебя своим другом!

— Я знаю, какой мерзостью все это должно казаться со стороны, — с трудом выдавила Слоан. — И не жду, чтобы мне поверили, но даю слово, меня подставили. Я не знала, что он задумал... — Она едва слогнула комок слез, застрявший в горле. — Я... я любила всех вас. Любила.

Глаза Кортни были совсем как у Ноя, так же отливали серебром в солнечном свете. Только сейчас девочка смотрела на нее с холодной злобой.

— Ты, должно быть, считаешь меня полной идиоткой!

Слоан покорно опустила голову.

— Я тебя не виню. — Она повернулась было, но тут тоска с новой силой стиснула сердце, и ей пришлось смахнуть со щек слезы, прежде чем прошептать:

— Спасибо за то, что не назвала меня убийцей и шпионкой.

Кортни безразлично пожала плечами.

— Я не так глупа, чтобы верить, будто ты убила Эдит. Слоан шагнула к машине. О чём тут толковать? Но оказалось, что Кортни еще не выложила все до конца.

— Я не пошла в школу, потому что знала: ты обязательно явишься. Но чтобы больше тебя здесь не было. Хорошо, что Ноя дома нет. Он не просто взбешен. Он тебя ненавидит.

— Ясно, — вздохнула Слоан. — А если я напишу ему письмо? Как по-твоему, он прочтет?

— Не надейся, — усмехнулась Кортни и, повернувшись спиной к Слоан, пошла обратно.

Подождав, пока Слоан отъедет, девочка обернулась и стала смотреть вслед машине, пока та не скрылась из виду. И только потом с силой прижала ладони к глазам, чтобы удержать слезы.

Глава 47

Всю дорогу до Белл-Харбора Слоан была в таком подавленном состоянии, что едва могла держать руль, и, уж конечно, ей было не до того, как примут ее в родном городе. Но даже если у нее и оставались какие-то сомнения, уже через несколько часов от них не осталось и следа.

Стоило Слоан позвонить матери на работу, как та, единственный раз в жизни пропустив мимо ушей негодующие вопли Лидии, объявила, что берет полдня за свой счет «по семейным обстоятельствам». Сара отменила встречу с состоятельной клиенткой и немедленно примчалась. Обе принялись хлопотать над Слоан, поднося ей любимые блюда и лакомые кусочки в тщетной попытке вернуть ее аппетит и поднять настроение.

К счастью, Слоан не видела своего отражения в зеркале. Она легла на диван и, свернувшись в комочек, прижала к себе подушку-думку и стала рассказывать все, что знала об убийстве.

Поскольку обе узнали Пола в одном из агентов, обыскивавших яхту Ноя, не было смысла что-то скрывать. Только чтобы не расстраивать Кимберли, Слоан соврала, что ФБР с самого начала охотилось именно за Мейтлендом, и ни словом не упомянула про возможную связь отца с преступниками. Слоан как могла расписала дом Рейнолдсов, наговорила с три короба о Картере, Парис и их друзьях, но ни словом не упомянула о своем романе с Ноем. Боялась, что окончательно сломается.

Когда она наконец замолчала, Кимберли отправилась на кухню, чтобы приготовить чай, а очередная попытка Сары развеселить подругу с треском провалилась.

— Неужели так и не нашла мистера Совершенство? — пошутила она.

— Я... то есть... да... — пробормотала Слоан.

— И много таких поймалось в твои сети?

— Не много. Один.

— Только-то? А я думала, в Палм-Бич их как пчел в улье. Должно быть, плохо искала.

Слоан закрыла глаза и вновь увидела загорелое лицо, четко очерченные губы и улыбающиеся серые глаза.

— С меня и этого было достаточно, — с трудом выговорила она.

— Но ты его встретила?

— Встретила.

— И понравилась ему?

— Да.

— И? — допытывалась Сара.

Голос Слоан совсем сел, так что ей пришлось откашляться.

— Он мне... мне тоже понравился.

— И вы пришли друг другу по душе? — продолжала допрашивать Сара, хотя видела, что Слоан не по себе.

Девушка прижалась щекой к подушке и болезненно поморщилась.

— Очень.

— И как же зовут этот идеал?

— Ной Мейтленд.

— М-Мейтленд? — ошеломлен но пробормотала Сара. — Ной Мейтленд?!

Как многие жители Белл-Харбора, Сара получала «Палм-Бич дейли ньюс» и была в курсе всей светской жизни.

— Послушай — , послушай же меня. Пусть он и не торговец оружием, что между вами общего? Не поверишь, сколько у него женщин! На каждом снимке каждого нового номера я вижу его с очередной пассией, но никому еще не удалось его подцепить.

Но прежде чем Слоан успела открыть рот, вмешалась мать, вернувшаяся с чайным подносом из кухни.

— По-моему, Слоан не должна отчаиваться. — мягко, но решительно заявила она. — Убийцу обязательно найдут, и когда Парис и Картер поймут, что она тут ни при чем, обязательно позвонят и скажут, что простили ее. И насколько мне известно, пока никому не удалось найти ничего нелегального на яхтах Ноя Мейтленда. Уверена, что он абсолютно невиновен, иначе Слоан никогда бы... — Она нежно посмотрела на погруженную в невеселые мысли dochь и уверенно закончила:

— Иначе Слоан никогда бы в него не влюбилась. Вот увидите, правда восторжествует, и тогда Слоан извинится перед ним. Такой добрый, мягкий человек обязательно поймет и простит, верно, дорогая?

Слоан вспомнила о последнем телефонном разговоре с Ноем и залилась слезами.

— Нет. Никогда.

Немного успокоившись и осознав, что пора взять себя в руки, она дозвонилась до полицейского участка. Трубку взял лейтенант Карузо.

— Мэтт, это Слоан. Я хотела бы пораньше приступить к работе. Скажем, завтра. Ничего?

— Ты уже в городе? Тогда приезжай с утра пораньше, — велел Мэтт и, повесив трубку, немедленно ринулся к Столу Джесса. — Слоан заявила.

Я, правда, приказал ей выходить с завтрашнего утра, но не знаю, как посмотрит на это капитан Ингерсолл. То есть если ее обвиняют в убийстве...

Джесс рассерженно вскочил и устремился к двери, — Карузо, я всегда знал, что ты осел безмозглый. И ты лишний раз подтвердил мое мнение.

— Куда ты?! — завопил вслед Карузо.

— Если понадоблюсь, можешь связаться со мной по рации, — бросил тот на ходу, подбегая к столу диспетчера:

— Слоан вернулась. Она сейчас дома.

И прежде чем Джесс успел добраться до своей машины, диспетчер донес новость до ушей всех его коллег, несших сегодня службу в Белл-Харборе, и уже через десять минут к дому Слоан стали одна за другой подкатывать патрульные машины. Но Джесс все-таки оказался первым. Дверь открыла Сара. Они не виделись с той самой вечеринки на берегу, и теперь Сара невольно отступила.

— Выйди-ка на секунду, — скомандовал Джесс, увлекая Сару на крыльцо. — Ну как она?

— Прекрасно, — твердо заверила Сара. — Лучше некуда. Но Джесса не устроил такой ответ.

— Я спрашиваю: как она?

— Так себе.

Джесс понимающе кивнул, неожиданно приподнял ее подбородок и посмотрел в глаза.

— Как по-твоему, — улыбнулся он, — мы сумеем зарыть топор войны хотя бы на время? Ради Слоан?

Сара, не успевшая опомниться от изумления, настороженно кивнула. Он... Господи, кажется, он впервые заговорил с ней по-человечески, без подначек и непонятного злорадства.

— Согласна. Мне бы тоже этого хотелось, Джесс.

Весь остаток дни дверь в доме не закрывалась. Гости сменяли друг друга калейдоскопическим вихрем. Коробки с пиццей и сандвичами из «Макдоналдса» громоздились на столе в гостиной. Оказалось, что у Слоан полно друзей, причем весьма изобретательных. Невозможно было описать предлоги, под которыми они являлись бесконечной чередой, чтобы на свой лад выразить сочувствие и поддержку. И попытаться развеселить упавшую духом девушку.

И им это удалось. Во всяком случае, ложась спать, Слоан немного пришла в себя. Только ночью ей снова стало плохо. Потому что теперь никто не мог отвлечь от мыслей о Ное. Она заснула, вспоминая о тех

минутах, когда они лежали вместе, тесно прижавшись друг к другу: ее голова покоится на его плече, его рука лениво скользит по ее телу... пока оба не погрузятся в дремоту. Или снова займутся любовью.

Глава 48

Преувеличенная вежливость и любезность детективов Кегла и Флинна ни на минуту не обманули Парис. Они бесцеремонно заявились в дом на следующий день после похорон Эдит и, очевидно, за неимением более подходящей кандидатуры попытались уличить ее в убийстве прабабки.

— Поймите же, нас обманула кажущаяся легкость, с которой шло расследование, — повторял Флинн. — Но потом мы сумели во всем разобраться. Видите ли, если бы Слоан убила миссис Рейнолдс, ей ни к чему было бы стирать свои отпечатки пальцев, а потом прятать пистолет в такое место, где каждый мог его найти. Оружие принадлежало ей, у нее имелось разрешение, и отпечатки не послужили бы уликой. Настоящий преступник каким-то образом обнаружил пистолет и воспользовался им.

— Я уже много раз повторяла, что ничего не знаю по этому поводу.

— Слоан утверждает, что на следующее утро после убийства «глок» еще находился в тайнике. Она это проверила лично. Как по-вашему, кто мог переложить пистолет под матрас?

— Кто? — рассерженно отозвалась Парис. — Слуг отослали домой по вашему приказу. В доме оставались только Пол Ричардсон, Слоан, мой отец, я и Гэри Дишлер.

— Согласитесь, все это весьма странно, — вставил Кегл.

— Неужели? — фыркнула Парис. — Кажется, вы полностью исключаете мысль о виновности Ричардсона или Слоан.

— Ричардсон — агент ФБР, и у него не было мотива.

Кроме того, у него твердое алиби. Ваша сестра имеет незапятнанный послужной список и к тому же работала на Ричардсона. Поверьте, если бы не это, ей грозило бы пожизненное заключение. Кто же остается? Кто хотел устраниТЬ с дороги одновременно и вашу прабабушку, и Слоан? Кто спрятал пистолет под матрасом?

Парис вскочила, давая понять, что с нее довольно, и махнула рукой Нордстрому, дежурившему в коридоре. Нужно их выставить. Нечего распинаться перед плебеями, которые чуть ли не открыто обвиняют ее в преступлении.

— Нордстром, — холодно велела она, — проводите этих людей к выходу и закройте за ними дверь. И прошу больше их в дом не пускать.

— Мы можем получить ордер, — прошипел Флинн, отбросив всякое притворство.

— Я вам не мешаю, — бросила Парис, показывая на дверь. — Ну а пока будьте добры убраться и больше не показываться здесь.

Очутившись на улице, Кегл с ехидной усмешкой воззрился на Флинна.

— Ну что, прокатили нас? Вежливо попросили отвалить и не возникать?

— Угу. Быось об заклад, она с таким же милым лицом прицелилась в старуху и спустила курок.

Парис вне себя металась по комнате. Что делать? Кто же убил Эдит? Ищайки правы, выбирать почти не из кого. Правда, в отличие от полиции она не собиралась легко скидывать со счетов Ричардсона и Слоан. Пол, разумеется, лгун и негодяй и привык без зазрения совести использовать людей. Он умел обращаться с оружием и заметать следы. Безжалостный, бесчеловечный робот!

Он разбил ее сердце. Но хуже всего, он... он, кажется, искренне считал, что именно она убила прабабку.

И Слоан ничем не лучше Пола. Бесчестная, низкая особа. Притворялась, что любит Парис. Радовалась, что обрела сестру. Забила ей голову трогательными историями о матери и пробудила в Парис страстное желание войти в их семейный круг. Приехать в Белл-Харбор. И все для того, чтобы помочь агенту ФБР проникнуть в дом и уничтожить Ноя!

Рассеянно потирая ноющие виски, Парис вновь и вновь воскрешала в памяти разговор с сыщиками. Похоже, они были решительно убеждены в непричастности Слоан и уверенно заявляли, что кто-то замышлял ее подставить. Но с другой стороны, Парис так же твердо знала, что Слоан и отец здесь ни при чем. Значит, остается Гэри Дишлер.

Сначала эта мысль показалась ей абсурдной, но чем больше Парис размышляла, тем яснее сознавала, как неприятен ей этот человек. Он появился в доме несколько лет назад, и тогда круг его обязанностей был достаточно узок. Но сейчас он заправляет буквально всем. Незаменимый помощник. Обычно он выказывал отцу неизменное почтение, но несколько раз она случайно слышала, как Гэри обращался к Картеру жестким, нетерпеливым тоном человека, которому все позволено. Почему? Однажды он разорался на горничную и немедленно уволил беднягу только потому, что та переложила какие-то бумаги на его столе.

Похоже... похоже, она недооценивала Дишлера! Но почему ему понадобилось убивать Эдит? Да и способен ли он на такое? Кажется, вполне.

Ее отец просматривал открытки с выражением соболезнования в просторном кабинете на втором этаже, откуда одна дверь вела в его

спальню, а другая — в офис Дишлера. Парис поднялась наверх, удостоверилась, что их никто не подслушает, и подошла к столу.

— У нас неприятности, — тихо сообщила она как могла спокойнее.

— Ну что еще? — вздохнул отец, разрезая очередной конверт.

Парис опустилась на стул.

— Ты можешь сказать, как в действительности относился Гэри к прабабушке? Я знаю, что время от времени она безбожно ему грубила.

— Как и всем остальным, — философски заметил Картер. — И при чем тут Гэри?

Парис сжала кулаки и подготовилась к худшему.

— Только что ушли полицейские. Они считают, что это убийца сунул пистолет Слоан под матрас. Кроме того, они полностью исключают вину Слоан или Ричардсона.

— Не ввязывайся ты во все это, Парис, иначе просто с ума сойдешь. Пусть расследованием занимаются те, кому положено.

— Невозможно. Мы не можем себе это позволить.

— Но почему? — удивился отец.

— Потому что детективы уверены, что это сделала я. У меня были все мотивы и возможности.

— Но это безумие! Чушь! Бред какой-то!

— Безумие — идти в тюрьму за то, чего не совершал, но такое бывает, и довольно часто. Только один человек мог перепрятать пистолет наутро после убийства, и это Гэри Дишлер. Он единственный, кроме нас и Слоан с Ричардсоном, кому полиция позволила оставаться в доме.

Лицо отца исказилось странной гримасой, очень похожей на страх, но она тут же исчезла, и отец посмотрел на Парис с обычным насмешливо-снисходительным выражением. Может, ей все это только показалось?

— Ищейки даже не потрудились расспросить о нем, а меня вот-вот арестуют, — продолжала она. — Думаю, нужно нанять частных детективов. И предупредить адвоката.

Нет, она решительно ошиблась. Какой там страх? Он кипит от гнева!

— Папа, ты подумаешь над тем, что я сказала?

Картер сухо кивнул, и Парис успела удаличься. Она уже спускалась по ступенькам, когда услышала грохот. Обернувшись, Парис увидела, что дверь отцовского кабинета была открыта. Значит, это хлопнула дверь в кабинете Дишлера.

Парис едва не застонала при мысли о том, что Картер попросит именно его нанять сыщиков и адвоката, но тут же поняла, что отец в ярости способен на все. Даже ворваться к Дишлеру и потребовать объяснений.

Беспокойство за отца заставило Парис забыть о моральных принципах, въевшихся в кровь едва ли не с рождения. Метнувшись в первую же попавшуюся комнату, она схватила телефон и набрала добавочный номер кабинета Гэри. Тот оказался у себя.

— В чем дело? — рявкнул он.

— Гэри? О простите, — промурлыкала Парис, осторожно придавив кнопку устройства, позволявшего прослушивать любую комнату. — Я хотела соединиться с кухней.

— Набирайте три-ноль-два, — буркнул Дишлер и отключился. Какое счастье, что он научил ее обращаться с этим устройством, пока отец лежал в больнице!

До девушки донесся голос отца, и то, что она услышала, привело ее в ужас.

— Я просил тебя успокоиться, Картер! — проговорил Дишлер снисходительным тоном. — Ну же, объясни, чего ты боишься?

— Ты прекрасно знаешь! Моя дочь только что сообщила, будто ее хотят арестовать за убийство Эдит.

— Какая именно дочь? — поинтересовался Гэри.

— У меня всего одна дочь! — отрезал Картер. — И она привела достаточно разумные доводы в пользу того, что ты, и только ты, спрятал этот чертов пистолет, а следовательно, и прикончил старуху.

Вместо того чтобы пуститься в спор и горячо отрицать свою причастность к убийству, Гэри цинично и хладнокровно объяснил:

— У тебя возникли проблемы. Картер. Серьезные проблемы, которые весьма волнуют твоих деловых партнеров. Они попросили меня все уладить, прежде чем твое падение не уничтожит и их вместе с тобой.

— Какие еще проблемы? — встревоженно пробормотал Картер.

— Можно подумать, ты не знаешь! Разве Эдит не изменила завещание и не оставила Слоан лакомый кусочек? Ее доля в фонде Хановера составила бы пятнадцать миллионов. Откуда ей знать, что все огромное состояние сократилось до пяти миллионов, потому что ты в качестве попечителя много лет доил фонд и покрывал огромные потери, которые нес по собственной некомпетентности, за счет его активов? Я прав?

— Я мог бы убедить Слоан оставить деньги в фонде и довольствоваться процентами. Парис уже согласилась и...

Снова послышался грохот, словно Дишлер с силой опустил на стол кулак.

— Слоан — это не Парис. Она коп! И если решит забрать свои денежки, черта с два ты что-нибудь сделаешь! Представляешь, какая вонь

поднимется! Твоим партнерам это не понравится!

— Прекрати называть их партнерами, дьявол тебя побери! У нас деловое соглашение, а не партнерство! Они выручили меня в восьмидесятых, когда банк едва не рухнул, и с тех пор мне приходится отмывать их грязь! Я позволил им поставить своих людей на руководящие должности и даже терпел тебя, но об убийстве речи не шло!

— У нас не было выхода. Знай я, что старая дура решит сделать наследницей Слоан, она отправилась бы на тот свет куда пристойнее, прежде чем успела поставить подпись, и никто ничего бы не пронюхал! Но к несчастью, я ведать не ведал обо всем, пока Уилсон не проговорился. Пришлось посоветоваться с твоими партнерами, а те проконсультировались с адвокатами. Ну и получилось, что единственный способ остановить твою детку-копа — сделать так, чтобы все подозрения пали на нее! Хочешь не хочешь, а пришлось выкручиваться.

Картер, застонав, громко выругался, но Дишлер равнодушно заметил;

— Бизнес есть бизнес. Картер. Ничего личного. Повезло, что у нее оказался свой пистолет.

— Откуда ты узнал? — прошептал окончательно сломленный Картер. — Как обнаружил, что она служит в полиции?

— За день до кончины бедняжки Эдит я завел разговор о стариных персидских коврах, что лежат внизу. Она перепутала их с обюссонскими. И потом этот так называемый дизайнер не проявляла ни малейшего интереса к обстановке. Мне показалось это подозрительным. Я задействовал компьютер и нужного человечка и уже через пять минут знал, кто она на самом деле. А через четверть часа твои партнеры выработали план и снабдили меня инструкциями. Полчаса ушло на то, чтобы разыскать проклятую пукалку. Ну? Может, на этом закончим весьма неприятную дискуссию?

— А Парис? — с мукой в голосе выдавил отец. — Что, если ее арестуют?

— Ни при каких обстоятельствах. Я не позволю. О Слоан позаботятся, и сегодня же, и все благополучно утрясется.

— Но как?

— Уверен, что желаешь знать?

Парис затаила дыхание и нерешительно протянула руку к кнопке. Нет, рано, она должна услышать все!

Отец, должно быть, кивнул, потому что не произнес ни единого слова, а ответ Дишлера оледенил ее кровь.

— Сегодня мы убедим Слоан раскаяться и написать нечто вроде

исповеди, прежде чем вышибить себе мозги. Правда, женщины не слишком любят портить свою внешность, даже кончая самоубийством, но она не женщина, а коп и предпочтет быстрый способ...

Парис выключила проклятое устройство и вылетела в коридор. Спальня отца была в конце северного крыла, ее — в конце южного. Пробегая мимо центральной лестницы, делившей дом на два крыла, она увидела горничную с охапкой свежего белья и заставила себя замедлить шаг.

Парис пока еще не решила, что сделает; в воспаленном мозгу бились только две мысли: нужно предупредить Слоан и успеть удрать из дома, но так, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Здравствуйте, Мэри, — обратилась она к горничной, — я только вспомнила, что записана к... э-э-э... к маникюрше, и уже опаздываю. Нужно спешить.

Добравшись до своей комнаты, она схватила сумочку, ключи от машины и бросилась к двери, но тут же вспомнила о карточке Ричардсона, которую сохранила, намереваясь пожаловаться его начальству. Она хранила ее в ящике стола. Руки девушки так дрожали, что она дважды уронила карточку, прежде чем сунуть в сумку.

Внизу расхаживал Нордстром. Нужно наплести что-нибудь правдоподобное, чтобы отец не волновался, почему она не явилась домой к ужину. Каждому покажется странным, что она исчезла на следующий же день после похорон Эдит.

— Мой отец разговаривает с мистером Дишлером, и я не хочу его беспокоить. Передайте, что... звонила миссис Мид, и я еду к ней поговорить насчет моих моделей. Это меня немного развлечет.

— Разумеется, мисс, — почтительно кивнул Нордстром.

Глава 49

Взглянув на часы, встроенные в приборную панель, Парис подняла трубку телефона. Уже начало пятого. Если пренебречь всеми ограничениями скорости, она доберется до Белл-Харбора через час. Гораздо быстрее, чем ехать в аэропорт, дожидаться самолета, а потом искать такси. Нет лучше ехать. Так или иначе она будет в городе до наступления темноты. Придерживая трубку плечом, она набрала номер Пола.

Руки все еще дрожали, но ей предстояло слишком ответственное дело, и это не давало окончательно впасть в отчаяние.

В трубке запищало. Должно быть, пейджер. Слоан сообщила номер своего телефона и отключилась в надежде на скорый ответный звонок Пола.

Ричардсон, сидя в номере мотеля Палм-Бич, смиренно слушал вопли и проклятия руководителя подразделения, ФБР в Майами. Лежавший на столике сотовый телефон зазвенел, крохотный красный индикатор загорелся: кто-то пытался связаться с его обладателем.

Пол поспешил переключил телефон на пейджер, чтобы окончательно не вывести из себя начальство.

— Надеюсь, ты в курсе, что тут творится, Пол? Я ясно выражаясь? Весь отдел пашет днем и ночью, отвечая на первую волну жалоб, которые адвокаты Мейтленда направили сегодня в суд!

— Интересно, в чем же он обвиняет лично меня?

— Рад, что ты догадался спросить, — с горьким сарказмом ответил Брайен Маккейд. Послышался шелест страниц.

— Посмотрим... незаконный обыск, захват судов... провокация преступления с целью его изобличения...

Пол терпеливо ждал конца длинного списка обвинений.

— Погоди, еще одно, — сообщил Маккейд. — Злостная некомпетентность.

— В жизни не слышал ни о чем подобном. С каких это пор некомпетентность является нарушением закона?

— С тех самых пор, как об атом объявили поверенные Мейтленда, — огрызнулся Маккейд. — Они, возможно, на основании всего этого предложат новое законодательство. Так и вижу, как Верховный суд

утверждает составленный ими кодекс!

— Мне нечего сказать, Брайен.

— Вот именно. Кстати, Мейтленд требует формального письменного опровержения с извинениями, поскольку вы ничего не обнаружили ни на одной яхте. Хочет, чтобы ты просил прощения.

— Передай, пусть катится ко всем чертям — Наши адвокаты уже составляют более благозвучный вариант ответа, однако думаю, что это не слишком порядочно с нашей стороны, особенно если ты не уверен, что он уже успел незаметно выгрузить оружие до обыска.

Пол тяжело вздохнул:

— Вряд ли. После совещания в Южной Африке он оставил «Призрак» и вернулся самолетом. Мы наблюдали за судном всю обратную дорогу и не спускали с него глаз с той минуты, как оно пришвартовалось в Палм-Бич.

— То есть ты утверждаешь, что никакой контрабанды он на борт не брал?!

— Точно так, — объявил Пол.

— И «Звездочет» тоже чист?

— К сожалению.

— Следовательно, можно считать, что Мейтленд невиновен?

Пол вспомнил о разрушенных им судьбах, о полных слез глазах Слоан и поморщился от боли. Никто не сумеет наказать его сильнее, чем он себя.

— По всей видимости. Хотя с точки зрения закона его вполне можно притянуть за хранение пулемета. В конце концов, это автоматическое оружие.

— Благодарю за светлуую мысль! Особено если учесть, что эта чертова штука — настоящий антиквариат, да еще конфискованный у пиратов.

Пол снова вздохнул и подумал о Слоан, так упорно и стойко защищавшей Мейтленда. Значит, ее интуиция оказалась вернее его умозаключений?

— Как по-твоему, можно нанести визит Мейтленду и попытаться утешить его раненную гордость?

— Он не желает утешений. Жаждет крови. По возможности твоей.

— Мне нужно поговорить с ним и кое-что прояснить, — настаивал Пол. — Может, удастся хотя бы убедить Мейтленда, что Слоан ничего не знала?

— И близко к нему не подходи, — предостерег Маккейд, снова прия в бешенство, — иначе поставишь под угрозу нашу линию обороны. Ты меня

слышал? Это приказ!

— Слышал.

Едва они рас прощались, Полу поочередно позвонили два его агента в Палм-Бич. Он дал каждому подробные наставления, принес стакан воды, поставил на стол и начал укладывать вещи.

Парис ждала звонка Пола почти час и только потом поняла, что придется полагаться на себя. Ладони взмокли от напряжения, спидометр показывал 110, и она каждую минуту ожидала, что ее остановит дорожная полиция.

Нет, нужно немного успокоиться. И хорошенько все обдумать.

Правой рукой Парис открыла сумочку и нашупала ручку и блокнот, а потом позвонила в службу информации Белл-Харбера. Телефонистка сообщила, что номер Слоан в справочнике не значится.

— А Кимберли Рейнолдс?

Телефонистка продиктовала номер и адрес, и Парис все записала.

— И скажите, пожалуйста, как позвонить в полицейский участок?

Парис попросила диспетчера полиции соединить ее со Слоан Рейнолдс. Потянулись секунды. Напряжение девушки все возрастало. Сейчас... сейчас она услышит голос Слоан!

Но ответил мужчина.

— Лейтенант Карузо у телефона.

— Мне нужно поговорить со Слоан Рейнолдс.

— Простите, мэм, ее смена закончилась в три.

— Мне она нужна немедленно. Я ее сестра. Не могли бы вы дать мне ее номер?

— Сестра? В таком случае вы сами должны все знать!

— Оставила записную книжку дома.

— Простите, но нам запрещено сообщать такие сведения о сотрудниках.

— Послушайте, — нетерпеливо взмолилась Парис, — это очень срочно. Ее жизнь в опасности. Сегодня ее должны убить.

Мужчина, по всей видимости, решил, что имеет дело с тронутой.

— Убить? И кто же? Не вы ли, мэм?

— Разумеется, нет! — взорвалась Парис, но, сообразив, что ни истерики, ни скандал здесь не помогут и что ей попался редкий идиот, терпеливо повторила:

— Я ее сестра. А вы знакомы со Слоан?

— Еще бы! . — Значит, знаете, что она гостила у родственников в

Палм-Бич?

— Да, и ее прабабку застрелили, а детектива Рейнолдс арестовали, а потом выпустили. Нам уже звонили двое таких, как вы, с признаниями в убийстве.

Нет, он в самом деле кретин!

— Кто ваш начальник?

— Капитан Ингерсолл. Но сегодня у него выходной.

— А в его отсутствие?

— Я, мэм.

Парис бросила трубку.

Застегнув сумку с вещами. Пол машинально потянулся за ключами от машины. Рука наткнулась на сотовый телефон, все еще мигающий красным огоньком. Черт, он совсем забыл, и все из-за начальственного разноса. Маккейд совсем с катушек съехал! Интересно, кто бы это мог быть? Номер незнакомый.

Парис еще раз повторила про себя адрес Кимберли Рейнолдс и трясущимися пальцами схватилась за телефонную трубку. Но в этот момент раздался пронзительный звон, и Парис, замирая от дурных предчувствий, пролепетала:

— Алло...

— Это Пол Ричардсон. Ваш номер высветился на моем пейджере...

Такого счастья ей еще не доводилось испытывать. Счастья и облегчения. Только сейчас Парис поняла, в каком напряжении находилась все это время, и, с трудом проглотив слезы, выдохнула:

— Пол. Это я, Парис. Еду в Белл-Харбор. Пожалуйста, поверь мне, потому что дежурный в полицейском участке Белл-Харбора посчитал меня спящей и отказался помочь. И если еще ты не...

— Я все сделаю, Парис, — перебил он на удивление спокойно и твердо. — Все. Только объясни, что происходит.

— Сегодня ночью они расправятся со Слоан! Заставят ее написать предсмертную записку с признанием в убийстве Эдит, а потом пристрелят. И сделают все, чтобы обставить это так, словно она покончила с собой, — выпалила Парис, почти ожидая, что он посмеется над ней или заставит все объяснить заново, пока последние минуты жизни сестры утекают, как песок между пальцев.

— Понятно. Скажи, кто эти «они», чтобы я сумел как можно быстрее их нейтрализовать.

— Не знаю! Просто подслушала чужой разговор!

— И все-таки — кто же обсуждал эту животрепещущую тему?

Ну вот, минута настала. Теперь придется либо предать отца, либо навеки рас проститься с сестрой. Отец... тот, кто вырастил ее, заботился... Но ведь именно он не задумываясь обрек на смерть младшую дочь, чтобы спасти гибнущий бизнес! И не слишком расстроился, узнав, что из-за этого проклятого бизнеса прикончили его бабку. А Парис так любила Эдит. И Картера. И... и Слоан!

— Парис! Я должен знать, кто в этом замешан, иначе вес может плохо кончиться! — нетерпеливо повторил Пол.

Парис судорожно сглотнула и вытерла свободной рукой мокрые щеки.

— Отец. Отец и Гэри Дишлер. Я слышала, как они об этом говорили. Дишлер работает на каких-то людей, которых называет партнерами отца. Это они велели ему убить Эдит, и он послушался. — Теперь слезы ручьями лились по щекам, и перед глазами все расплывалось.. — Они приказали ему позаботиться и о Слоан, но сам он не желает пачкать руки. Нанял каких-то негодяев.

— Спасибо, я узнал все, что необходимо. Жди моего звонка.

Парис положила трубку. Пол выручит Слоан! И арестует отца.

Она представила, как гордого красавца Картера Рейнолдса выводят из дома в наручниках. Подумала о долгом судебном процессе, стервятниках-папарацци, гнусных обличениях в прессе. И, нажав на тормоза, прислонилась лбом к рулевому колесу.

— Прости, — громко сказала она. — Мне так жаль. Так жаль...

Глава 50

Вертолет ФБР стоял у пристани, по дороге туда Пол позвонил в полицейский участок Белл-Харбора. И к несчастью, тоже наткнулся на лейтенанта Карузо.

Ричардсон представился, но, прежде чем успел сказать хоть слово, Карузо обрадованно завопил:

— Это про вас писали в газетах! Вы и Слоан...

— Заткнитесь и слушайте! — прикрикнул Пол. — Она в опасности.

Возможно, у нее в доме засада. На Слоан готовится покушение...

— Готов побиться об заклад, та баба, что мне звонила, навела шороху и у вас! Похоже, ей место в психушке, но я на всякий случай позвонил Слоан и все рассказал. Правда, у нее включен автоответчик, но...

— Она перезвонила вам?

— Пока еще нет. Но...

Пол лихорадочно пытался вспомнить, с кем еще из коллег Слоан познакомился на вечеринке. Нужен надежный помощник. Да, тот, который заподозрил неладное, внимательно присматривался к Полу и сумел отличить выстрелы от взрывов петард. Как его там? — Где Джессап?

— Уже освободился. Кого еще вам позвать?

— Ты, безмозглый ублюдок, если с ней что случится, ответишь! Немедленно подними свою задницу, разыщи Джессапа и попроси позвонить по этому номеру!

В марте темнело довольно рано, и солнце уже клонилось к западу, когда Парис свернула с шоссе на дорогу к Белл-Харбору. Она несколько раз звонила Кимберли, но дома никого не было. Вероятно, она еще на работе. Парис приказала себе не дергаться. Оставаться спокойной, придумать другой способ связаться с сестрой.

Неожиданно она вспомнила, что мать служит в бутике и что Слоан упоминала имя владелицы. Такое старомодное... Парис еще расспрашивала о том, одежду каких модельеров предпочитает... Лидия!

Девушка немедленно узнала в справочной номер бути-ка. И едва не вскрикнула от радости, когда хозяйка принялась ворчать, что Кимберли и без того вечно называют родственники и покупатели.

— Это Кимберли Рейнолдс, — послышался мягкий голос, в котором звучали вопросительные нотки: очевидно, женщине не терпелось узнать,

кому она понадобилась так срочно.

— Я... я Парис, Ким... мама...

— О Господи! Слава Богу! — охнула Кимберли. Парис включила габаритные огни и снизила скорость.

— Я в Белл-Харбore. Мне нужно срочно найти Слоан.

— Она должна быть дома. Уже начало шестого, а Слоан сегодня работала в утреннюю смену, но когда ведется расследование, она обычно задерживается.

— Я только что съехала с шоссе. Не могли бы вы объяснить, как лучше к ней попасть от... — Парис всмотрелась в уличный указатель, — ..от бульвара Харбор-Пойнт и развязки у шоссе.

Кимберли объяснила дорогу все тем же мелодичным голоском, до слез тронувшим сердце Парис, хотя та просто умирала от тревоги.

— Слоан обычно держит запасной ключ в таком месте, куда никто не догадается заглянуть, — добавила она. — Под цветочным ящиком. Если ее еще нет дома, входи и подожди.

— Огромное спасибо, — чистосердечно поблагодарила Парис, сворачивая влево, и неожиданно поняла, что не хочет обрывать разговор. Первый разговор с матерью. — Скажите, мне можно потом приехать и повидаться с вами? — нерешительно спросила она, заранее готовая к отказу.

Но мать громко шмыгнула носом и засмеялась.

— — Я тридцать лет ждала этого вопроса. Тридцать лет! Ты... ты не забудешь?

— Ни за что.

Парис без труда нашла дом Слоан. В окнах горел свет. На дорожке стояла белая машина последней модели с необычными номерами «ПУБХ — 031». Ни минуты не сомневаясь, что буквы обозначают «Полицейский участок Белл-Харбora», Парис остановила автомобиль у обочины, захватила сумочку и вышла на тротуар. Поднялся ветер, на землю упали первые капли дождя. Похоже, все было спокойно и ничего не предвещало опасности. Парис решила постучать, немедленно признаться во всем и утащить Слоан из этого дома. Пол позаботится об остальном.

План казался достаточно разумным и легко выполнимым, но каждый шаг давался Парис с необычайным трудом. Она уже поднесла руку к звонку, но, поколебавшись, огляделась. Справа, через дорогу, стоял ряд фонарных столбов, и в свете ртутных фонарей она увидела фигуру женщины, быстро шагавшей по песку, а потом пустившейся бежать. Парис

немедленно узнала сестру и так обрадовалась, что окликнула ее, не сообразив, что вой ветра и шум прибоя перекроют ее голос.

— Слоан!

Крик превратился в заглушенный вопль, тут же оборвавшийся: дверь внезапно распахнулась, чья-то ладонь зажала ей рот, и почти потерявшую сознание девушку втащили внутрь.

Глава 51

Собравшиеся над головой тучи заставили было Слоан направиться к дому, но угроза оказалась ложной. На земле расплылось всего несколько темных пятен, ветер в два счета очистил небо, и девушка замедлила шаг. Обычно океан успокаивал ее, пел диковинные песни, но, с тех пор как она вернулась, нигде не, могла найти утешения. Раньше она так любила свой маленький уютный дом, а теперь :и там не могла оставаться.

Наклонившись; Слоан подняла маленький обкатанный камешек и, подойдя к самой воде, ловко запустила его в волны, собираясь «печь блины». Но сегодня даже это ей не удалось. Камешек ударился о поверхность, воды и затонул.

Что же, такой уж день выдался!

Она приехала с работы в начале четвертого и сразу отправилась на берег, где и провела остаток дня, сидя на большом валуне, рассматривая облака самой причудливой формы, щурясь на заходящее солнце и пытаясь вновь услышать музыку. Обычно в спокойные вечера море убаюкивало ее колыбельными Моцарта, в штормовые ночи обрушивалось симфонией Бетховена, но теперь. , теперь изводило ее размеренным шумом прибоя, жалобно стонало и что-то умоляюще шептало в темноте, прогоняя сон. Жаловалось, что Эдит мертва, а ее убийца разгуливает на свободе. Повторяло, что она любила и все утратила по собственной вине, потому что подвела всех. И считало ее потери с каждой разбивавшейся о камни волной. Эдит... Парис... Ной... Кортни... Дуглас...

Слоан сунула руки в карманы, прислушиваясь к назойливому рефрену, и наконец побрела к дому, хоть и сознавала, что и там не найдет покоя.

Она срезала угол и, наклонив голову, двинулась вперед, навстречу ветру, угрожавшему опрокинуть ее на спину. Грустное, назойливое бормотание, провожавшее ее, терзало хуже любой пытки. Занятая невеселыми мыслями, девушка опомнилась только у двери черного хода и недоуменно нахмурилась. Последнее время у нее вошло в привычку оставлять свет на кухне и в гостиной, чтобы не сразу оказываться в темноте. И сейчас была уверена, что перед уходом включила свет. Удивляясь, каким образом она ухитрилась запомнить то, чего, очевидно, не делала, Слоан потянулась к дверной ручке, но, заметив, что маленькое круглое окошечко разбито, насторожилась и, отскочив, прижалась к стене.

Немного постояв, она пригнулась, стараясь держаться ниже уровня подоконника, обошла дом и убедилась, что в гостиной включена лампа. Девушка потерла виски, пытаясь вычислить все возможные варианты развития событий. Трудно сказать, есть ли кто-то в доме, и если да, то с какой целью явился непрошеный гость. Грабители стараются долго не задерживаться и при этом не выключают свет.

При ней ключ от дома, но не от машины. И никакого оружия. Верный «глок» до сих пор в полицейском участке Палм-Бич, выданный взамен пистолет покойится в сумочке, другой, тридцать восьмого калибра, лежит в письменном столе в гостиной. Если в доме чужие, разумнее всего уйти и позвать на помощь.

И она бы так и сделала, если бы не заметила на улице знакомый белый «ягуар». Неужели это Парис разбила окно и забралась в дом? Немыслимо!

Слоан вернулась на прежнее место и осторожно повернула дверную ручку. До нее донесся какой-то посторонний шум. Шелест? Шепот?

Она заглянула в окно кухни и убедилась, что там никого нет. Дверь, ведущая в гостиную, закрыта. Все чувства Слоан настолько обострились, что казалось, она способна уловить малейшее движение. Прокравшись в кухню, она чуть приоткрыла дверь.

Парис сидела за письменным столом лицом к Слоан белая как полотно. Незнакомец, стоявший к Слоан спиной, держал Парис под прицелом. Молясь о том, чтобы в комнате не оказалось других громил, Слоан открыла дверь пошире.

Парис заметила ее и в отчаянной попытке отвлечь внимание нацелившегося на нее человека, принялась громко говорить, пытаясь одновременно объяснить Слоан, что тут делается:

— Слоан ни за что не напишет признание в убийстве Эдит, чтобы вытащить из болота Картера! Она, разумеется, сразу поймет, что, как только сделает это, вы ее прикончите!

— Заткнись! — прошипел мужчина. — Иначе так и не сумеешь выяснить, кто из нас был прав!

— Неужели вы такие трусы, что втроем наброситесь на одну беззащитную женщину! — выпалила Парис, с ужасающей ясностью поняв наконец, что им с сестрой осталось не долго жить.

— Почему одну? — ехидно осведомился мужчина. — Теперь вас двое. Принес же тебя черт!

Парис надеялась, что Слоан успеет спастись, но произошло невероятное: сестра вступила в комнату и подняла руки.

— Отпустите ее, — спокойно приказала она. — Ведь вам нужна я.

Парис вскрикнула, мужчина резко развернулся, двое других схватили Слоан и, прижав к стене, приставили к ее голове пистолеты.

— Ну и ну! Добро пожаловать домой.

— Отпустите ее, и я сделаю все, что скажете, — повторила Слоан так невозмутимо, что Парис не поверила собственным ушам.

— Вот и делай, иначе мы пристрелим мочалку на твоих глазах, — процедил бандит, стоявший рядом с Парис. — Греби сюда. Напишешь письмецо.

— Ладно, — кивнула Слоан, едва удержавшись на ногах от грубого толчка. — Но вы еще за это заплатите.

— Пока что поплатилась ты, когда переступила порог дома, — ухмыльнулся бандит, бросив ее на стул.

— Если не хотите сойти в могилу раньше срока, — предупредила Слоан, — лучше позвоните тому, кто вас сюда послал.

Вместо ответа он ткнул ее дулом в висок.

— Заткнись, сука недотраханная, и пиши.

— Хорошо. Сейчас достану бумаги, но... но послушайте, моя сестра не имеет ко всему этому никакого отношения. Нет, не размахивайте пистолетом. Я знаю, меня вы убьете, но она тут ни при чем. Позвоните своему боссу и спросите, Краем глаза она внезапно заметила какую-то тень в коридоре, ведущем в ее спальню, и даже вспотела от возбуждения. Нужно и дальше заговаривать им зубы в надежде, что они ничего не увидят!

— Разве вы не знаете, что моя смерть нужна только затем, чтобы она вышла сухой из воды? — еще громче выпалила она. — Скажите вашему боссу...

Незнакомец схватил ее за волосы и, грубо дернув, ткнул дулом в зубы.

— Еще одно слово — и я спущу курок! Слоан медленно наклонила голову в знак согласия. Он отдернул руку и выпустил ее волосы.

— Что мне нужно написать? — спросила она, осторожно выдвигая ящик. Правой рукой она взялась за блокнот, пальцы левой сомкнулись вокруг ствола револьвера. Под прикрытием блокнота она успела опустить оружие на колени и подвинулась ближе к столу, чтобы скрыть его от посторонних глаз. — Что мне писать? — повторила девушка.

Бандит вытащил из кармана смятый листок и бросил на стол.

Для Парис шелест бумаги слился с оглушительными звуками выстрелов, раздавшихся одновременно с трех сторон. Внезапно ее лоб обожгло резкой болью. Последнее, что она видела, прежде чем соскользнуть в пропасть мрака, было искаженное яростью лицо Пола Ричардсона.

Глава 52

Атмосфера в городской больнице Белл-Харбара была поистине праздничной, несмотря на то что небольшое здание буквально осаждали толпы обезумевших репортеров, которые только недавно стояли лагерем у дома Рейнолдсов. Покушение на убийство сестер Рейнолдс вызвало самые нелепые кривотолки и предположения.

Местная телестудия предпочитала превозносить до небес мужество и находчивость детективов Рейнолдс и Джессапа и полностью игнорировать подвиги двух агентов ФБР, участвовавших в операции. Остальные представители второй древнейшей профессии старательно обсасывали тот любопытный факт, что один из этих агентов накануне умудрился стать чем-то вроде знаменитости, поскольку не побоялся арестовать и обыскать яхты самого Ноя Мейтленда. Всеобщий восторг вызвало сообщение, что Парис Рейнолдс пришла в себя и готова давать показания. Весь персонал больницы искренне надеялся, что это событие также ознаменуется исчезновением назойливых папарацци.

— Мистер Ричардсон?»

Улыбающаяся медсестра вошла в приемную третьего этажа и, понизив голос, чтобы не разбудить измученных Кимберли и Слоан, прошептала:

— Мисс Рейнолдс очнулась. Если хотите повидаться с ней, поторопитесь.

Пол встал и нерешительно огляделся. После ужасных, мучительных часов ожидания он неожиданно растерялся, не зная, что ей сказать. И окончательно запаниковал, увидев, что глаза Парис закрыты. Но, сев у постели, понял, что дышит раненая ровно и глубоко, а на щеках появился легкий румянец.

Пол осторожно взял ее ладонь. Темные ресницы медленно приподнялись. Кажется, она узнала его. Еще минута, и Парис окончательно вспомнит, кто перед ней: подонок, считавший ее гнусной тварью, актрисой, притворщицей, обвинивший в самом страшном преступлении. Ох, если бы только у нее хватило сил закатить ему еще одну пощечину!

Но вместо ожидаемого отвращения во взгляде Парис светилась бесконечная нежность. Она с усилием шевельнула губами, пытаясь что-то произнести Пол невольно сжался в ожидании худшего.

— Почему ты так долго не шел? — едва слышно прошептала она, чуть раздвигая губы в подобии улыбки. Пол хрипло засмеялся и стиснул ее

пальцы.

— Меня ранили?

Он кивнул, вновь переживая тот ужас, когда срикошетившая нуля прошла по касательной, сорвав кожу на ее голове.

— Кто в меня стрелял?

Пол оперся лбом об их сцепленные руки, зажмурился и сказал правду:

— По-моему, я.

Парис на миг застыла, затем слабо усмехнулась.

— Мне следовало бы знать, кто мой злейший враг! Пол нервно дернулся, но тут же утонул в ее бездонных глазах. Навсегда.

— Я тебя люблю, — простонал он,

Глава 53

К концу недели Парис выписалась из больницы и отправилась к матери, решив, что лучшего случая поближе познакомиться не придумаешь. Пол взял отпуск, чтобы побывать с ней. Кимберли хлопотала над обретенной дочерью, как курица-наседка, Слоан забегала каждый день, чтобы проверить, как идет выздоровление.

И все, казалось, были счастливы. Вот только Слоан с каждым днем становилась все бледнее и худела на глазах. Пол молча качал головой, глядя на нее. Ох уж этот Мейтленд!

И поскольку Пол до сих пор чувствовал себя виноватым в их разрыве, то и был готов на все, чтобы исправить свою ошибку, несмотря на строгий приказ держаться подальше от Мейтленда. Беда была в другом: именно Ной отказывался встретиться с ним. Пол звонил дважды, унижался, умолял, но дальше секретаря не пробился. Ной решительно отказывался взять трубку.

Пол ломал голову, как лучше все устроить, пока Парис, Слоан и Кимберли болтали в гостиной. Прошло две недели со дня убийства, и рана все еще была свежа. Но в этот солнечный день не хотелось думать о грустном.

В дверь позвонили, но женщины, похоже, так увлеклись, что ничего не слышали. Пол нехотя поднялся, повернул ключ в замке и ошеломленно отступил, встретившись с презрительным взглядом Кортни Мейтленд.

— Мы приехали навестить Парис, — сухо сообщила она. — А вы что здесь делаете? Собираетесь конфисковать фарфор и серебро?

Пол посмотрел поверх ее головы, увидел Дугласа, который как раз выбирался из машины, и в его голове появилась еще неясная, но заманчивая идея.

— Мне бы хотелось поговорить с вами обоими, прежде чем вы увидите Парис, — заявил он, шагнув вперед, так что Кортни невольно попятилась. Немного подумав, он захлопнул за собой дверь, чтобы они не смогли проскользнуть мимо него. Кортни негодующе запыхтела, Дуглас уничтожил его взглядом, но Пол, твердо решив держаться до конца, честно признался:

— Я очень виноват не только перед вами, но и перед Слоан. Мой поступок непростителен, и я хотел бы загладить его, если, конечно, вы согласитесь мне помочь.

— Почему бы вам не помахать у нас перед носом жестянкой с названием вашей поганой конторы и не зачитать наши права? Разве это не ваша волшебная палочка, с помощью которой вы и решаете все проблемы? Раз — и все гнут на вас спину!

Но Пол мужественно вынес все уколы пущенных в него стрел и обратился к Дугласу:

— Поверьте, Слоан ни о чем не знала. И понятия не имела, что меня интересует Ной. Я сказал ей только, что подозреваю Картера Рейнольдса в нелегальных операциях, и приказал согласиться на его приглашение приехать. Вы, разумеется, прочли, что он во всем сознался. И что Дишлер арестован за убийство. Уж этот-то раскололся через полчаса и все выложил. А знал он немало.

Пол замолчал, пытаясь определить, какое впечатление произвел на своих недоброжелателей, но, не дождавшись ответа, добавил:

— Видите ли, я оказался прав насчет Картера и зря подозревал Ноя. Но не это сейчас главное. Вы не ошиблись в Слоан. Она именно такая, какой вам представлялась. И вы ей небезразличны. Недаром она рисковала жизнью, чтобы спасти Парис. Слоан доверяла мне. А я предал это доверие, но лишь из чувства долга и еще потому, что считал, будто она не права насчет Ноя.

Он снова осекся, и Дуглас посмотрел на Кортни, словно желая знать, что думает дочь.

— Кортни, — прошептал Пол, — она все время говорит о вас с матерью и Парис. Слоан тоскует по вас.

— Откуда нам знать, что вы не врете? — упрямо буркнула Кортни.

Пол раздраженно сунул руки в карманы.

— А зачем мне это, спрашивается?

— Потому что вы жлоб и подонок? — предположила Кортни вкрадчиво, но без особой убежденности.

— Кажется, я зря трачу время на уговоры, — резко бросил Пол, потянувшись к дверной ручке. — Всем вам наплевать на Слоан. Забудьте о том, что я наговорил. Надоело расшаркиваться перед людьми, которые так и норовят повернуться к тебе задом.

Он уже хотел войти в дом, но Кортни вцепилась в его рукав:

— Это правда? Слоан здорово скучает?

— Невыносимо. А ваш брат? Он хотя бы вспоминает ее? Девочка опустила голову: преданность брату явно боролась в ней с чувством справедливости.

— Настолько, что сегодня отправляется на Сен-Мартен, который он

терпеть не может. Потусоваться в компании людей, которых не переваривает. А потом вернется в Сан-Франциско.

— Устройте так, чтобы мы могли поговорить, и я постараюсь, чтобы он меня выслушал.

— Он вышвырнет вас из дома, — с восторгом предсказала Кортни. — В вас Ной уж точно не влюблен. Пусть лучше Слоан поедет к нему, причем в такое место, откуда он не сможет ее выставить.

Они переглянулись и, очевидно, прия к единому заключению, вошли в дом.

— Всем привет! — весело окликнула Кортни. Слоан, тихо охнув, обернулась. — Мы ненадолго, — продолжала девочка, целуя Парис в щеку. — Ну как ты?

Слоан обернулась к Дугласу. Тот улыбнулся и раскинул руки.

— Кортни отвезет вас и Пола к Ною, — прошептал он, обнимая се. — Поезжайте с ней. Если промедлите еще немного, Ной уплывет. Через несколько часов его и след простынет.

Дуглас отпустил Слоан, отстранился и, рассеянно глянув поверх ее плеча, онемел, — Кто... кто это? — выдавил он наконец. Слоан пристально всмотрелась в Кимберли, прежде чем ответить.

— Моя мать. Хотите познакомиться?

— Дорогая, — расплылся в улыбке Дуглас, — не то слово. Больше всего на свете!

Глава 54

Ной сунул в портфель последнюю стопку документов и отнес в холл, где уже стояли чемоданы.

Он в последний раз оглядел багаж, припоминая, не забыл ли чего. Жаль покидать дом. Он сам проектировал его, любил каждую комнату, каждый уголок, высокие потолки и открывающуюся из окон панораму. Но пожалуй, нужно поскорее убраться отсюда: слишком многое напоминает здесь о Слоан и его идиотской одержимости этой женщиной. Призраки постыдного прошлого преследовали его, гнались по коридорам и галереям.

Звуки шагов Ноя эхом отдавались в пустых комнатах. Он остановился на пороге кухни и вновь увидел Слоан, стряпавшую омлет.

— Кто не работает, тот не ест...

— Готов выполнить самое сложное задание... истинно мужскую работу...

Она вручила ему нож... попросила почистить луковицу... Ной вышел на террасу, оперся о перила. Внизу под зонтиком все еще стоял столик, за которым она впервые завтракала с семейством Мейтлендов, Кортни допытывалась, как ей удалось подбить на лету Ноя, а Слоан заливалась заразительным смехом.

— Я совсем не умею флиртовать... будь у меня под рукой телефон, непременно бы позвонила своей подруге Саре и спросила, что ответить...

Ной оторвал взгляд от столика и посмотрел прямо перед собой. Она прибежала в ночь после бала сюда, на газон, совсем как босоногий ангел...

— У меня не слишком много опыта подобного рода... собственно говоря, я всего лишь дважды встречалась с мужчинами...

— Какая жалость! Смею ли я предположить, что обе встречи оказались очень короткими и крайне неудовлетворительными?

— О да! Очень короткими и крайне неудовлетворительными...

Они провели в шезлонге едва ли не всю ночь, обнимаясь, как школьники. А он... он совершенно поглувел.

Ной устремил взор в сторону пляжа. Они встретились там в ночь гибели Эдит: он примчался из Майами, потому что больше не мог без нее. И проводил ее домой после позднего ужина.

— Я без ума от тебя...

Он хотел сказать, что любит... но, слава Богу, не решился. Не совершил еще одной, уж совершенно непростительной глупости.

Ной решительно отвернулся и ушел в дом. Что за идиотская шутка судьбы, что за умопомешательство, мгновенное безумие заставило его без памяти влюбиться в эту... эту...

Теперь он и сам не понимал, как удалось ей так его одурачить. Наивный пустоголовый олух! Готов был поставить все до последнего цента, что и она воспылала к нему теми же чувствами! Собственно говоря, он и так потерял целое состояние! Газетные статьи, телерепортажи, вовсю расписывавшие подвиги ФБР, сильно подпортили его репутацию, и хотя дело закончилось ничем, самый факт обыска вызвал немало подозрений. У людей долгая память, и ему еще долго придется расхлебывать последствия своего головокружительного романа!

Слоан Рейнолдс... нежная и хрупкая, как орхидея... Мата Хари с конским хвостом...

Ной переступил порог гостиной и потрогал видеокассету, вставленную в видеомагнитофон. Телевизионщики несколько дней курили фимиам Слоан Рейнолдс, образцовому копу и самоотверженной сестре. И хотя Кортни презирала предательницу, все-таки не могла не восхищаться ее мастерством и хладнокровием и с бесчувствием подростка записала на пленку все репортажи. Мало того, постоянно привязывалась к Ною, требуя посмотреть самодельный фильм.

Если верить сестре, этот случай, вместе с несколькими другими из жизни полицейского участка Белл-Харбора, вошел в одну из частей документального сериала «Наша полиция в действии». Слоан участвовала также в рейде против торговцев наркотиками, снятом скрытой камерой.

Кассета, казалось, притягивала Ноя. Последняя возможность увидеть ее перед отъездом. Кортни и Дуглас поехали к Парис, он остался один в доме.

Ной подошел к телевизору и нажал кнопку. Экран осветился, что-то тихо зажужжало, поползли первые кадры, и Ноя в очередной раз захлестнула ярость при воспоминании о том, как он предложил научить своего» нежного ангела» обращаться с оружием!

Как раз в эту минуту «ангел» в куртке с надписью «ПОЛИЦИЯ» скорчился под прикрытием патрульной машины, ведя прицельный огонь по гангстерам, пытавшимся отстреливаться.

Сцена сменилась. Теперь Слоан во главе группы коллег перебежала ко входу здания и распласталась по стене, подняв оружие в вытянутых руках.

Ной поспешил выключил телевизор. Как же он ее презирает!

И если бы не ее предательство... нужно признать, что она просто великолепна!

Но тут он сообразил, что оставил наверху нужный отчет, и поднялся за ним. Пришлось рыться в многочисленных папках. Он уже закрывал стол, когда услышал доносившиеся снизу голоса. Подняв голову, Ной обнаружил стоявшего в дверях Пола Ричардсона. За его спиной переминались Кортни и Дуглас.

— Ной, — робко попросил отец, заметив, как зловеще сузились его глаза, — не мог бы ты хотя бы выслушать мистера Ричардсона?

Ной молча нажал кнопку переговорного устройства.

— Мартин, — велел он своему водителю-телохранителю, — в мой кабинет ворвались без спроса. Избавьте меня от незваного гостя.

Он вытащил из папки отчет, встал и двинулся к выходу.

— Попробуйте только моргнуть, Ричардсон, — вкрадчиво предупредил он, видя, что сестра и отец сочли за лучшее отступить. — Я посчитаю это нападением и с огромным удовольствием сброшу вас с балкона. Надеюсь, мы друг друга поняли?

Очевидно, на Пола ничуть не подействовала угроза, потому что он спокойно переступил порог, захлопнул дверь и повернул ключ в скважине, чем надежно отсек бегущего на помощь Мартина. Прислонившись плечом к косяку, чтобы понадежнее отразить любое нападение, он скрестил руки на груди и принялся преспокойно изучать Ноя.

За дверью слышались возбужденные голоса Кортни и Дугласа, убеждавших Мартина, что его помощь не нужна. Пол не сомневался, что Ной на стенку лезет от злости и не задумался бы вступить в драку, но боится испугать впечатлительную пятнадцатилетнюю девчонку. Пусть Кортни и не увидит все собственными глазами, но наверняка расстроится. Оставалось рассчитывать на то, что он сумеет утихомирить ярость Ноя.

— Ной, — дружелюбно начал Пол, — последние две недели я места себе не находил. Говоря по правде, вот уже лет пять я не испытывал ничего подобного.

Ной оперся бедром о письменный стол. На щеке нервно дергался желвак: очевидно, он пытался понять, торчит ли еще за дверью Кортни. Пол сообразил, что времени остается немного, и заговорил быстрее:

— Помните дело Зака Бенедикта?

Мейтленд смерил его пренебрежительным взглядом. История прославленного актера и режиссера еще была свежа в памяти всех американцев. Бенедикта посадили в тюрьму по ложному обвинению в убийстве жены. Тот сумел сбежать и взял в заложники Джалилю Мэтисон. Молодые люди полюбили друг друга, но тут вмешалось ФБР и Ричардсон снова арестовал Бенедикта в Мехико, где тот, рискуя жизнью и свободой,

ждал Джалию в аэропорту. Омерзительная сцена захвата мнимого преступника передавалась в репортажах по всему миру.

— Судя по гримасе, помните. Я был тем агентом, кто гонялся за Бенедиктом. Привез Джалию Мэтисон в Мехико, убедив, что Бенедикт — преступник. Использовал ее в качестве наживки.

— Интересно, — бросил Ной, — удалось вам поймать хотя бы одного настоящего преступника или проще сажать невиновных?

— Удалось, не сомневайтесь. Но промахи бывают. Как в вашем случае. И в случае Бенедикта. После того как Зака оправдали и освободили, я приехал и сумел помирить его с Джалией. Он простил ее.

— И какого черта вы все это мне тут плетете? Что общего у меня с Бенедиктом?

— Не торопитесь и выслушайте. Повторяю, я беззастенчиво использовал как Джалию, так и Слоан. Но между девушками все же есть огромная разница. Джалия уверила, что Бенедикт виновен. Слоан и слышать ничего не захотела.

Заметив, что Ной заинтересованно прислушивается, Пол сделал вид, будто не заметил промелькнувшей в его глазах искорки, и очертя голову ринулся в бой.

— Честно говоря, я и не пытался. Слоан приехала в Палм-Бич, чтобы помочь мне вывести на чистую воду Картера. Она понятия не имела, что; по моему мнению, именно вы привозите Рейнолдсу наличные, которые тот потом отмывает для картеля. Я намеренно держал ее в неведении, по нескольким причинам. Во-первых, Слоан — идеалистка. Кроме того, она до безумия преданна семье и очень умна. И если бы заподозрила, что я выкачивая из нее компромат на вас, скорее всего плонула бы мне в лицо и разоблачила бы меня, лишь бы не причинить вам вреда.

— И я должен верить этой чепухе?

— Но к чему мне лгать?

— Потому что вы хитрый, пронырливый сукин сын.

— Похоже, Кортни разделяет ваше мнение, — сухо заверил Пол, — правда, выражается чуть повежливее, но тон и смысл абсолютно одинаковы. Однако мы отклонились от предмета нашей беседы. Видите, ли, Джалия предала Бенедикта и едва не умерла под грузом вины. Она была готова вынести все: гнев Зака, отказ видеть ее, лишь бы он позволил ей объясниться. Слоан, напротив, не в чем каяться. Она так же горда, как вы, поэтому хорошенько подумайте, прежде чем сделать следующий шаг. — И, оттолкнувшись от двери, добавил:

— Знаю, вам есть над чем поразмыслить. У вас еще полчаса, чтобы

решить, стоит ли исковеркать свою жизнь и жизнь Слоан или еще можно все исправить.

— И что вы, спрашивается, хотите этим сказать?

— Она ждет вас на «Призраке». Так что не делайте опрометчивых поступков. Запомните, она не станет молить о прощении. Такие, как Слоан, не унижаются. Просто хочет сказать, что жалеет о случившемся, пришла попрощаться, как принято между порядочными людьми.

Пол распахнул дверь и вышел, но на полпути обернулся.

— И еще одно, — с улыбкой сообщил он. — Мы с Парис собираемся пожениться, несмотря на то что, к своему огромному сожалению, я обнаружил, какая у нее тренированная правая рука. Что взять с теннисистки!

И тут до Мейтленда дошло.

— Она отвесила вам оплеуху? — хладнокровно осведомился он.

— Совершенно верно.

— Почему?

— Я обвинил ее в убийстве Эдит.

— Достаточно веская причина, — с горьким удовлетворением констатировал Ной.

— Да, а часом ранее ее сестрица едва не послала меня в нокаут. У нее реакция куда лучше, чем у Парис! Мейтленд едва заметно приподнял брови:

— Слоан тоже дала вам пощечину?

— Нет. Врезала хуком справа, да так, что я еле удержался на ногах.

— За что?!

Пол сокрушенно покачал головой:

— Узнала, что, хотя и невольно, помогла мне прижать вас к ногтю.

Ну вот, он сделал что мог. Будем надеяться, что все обойдется. Правда, судя по бесстрастной физиономии Мейтленда, не многое добился.

После ухода Ричардсона Ной долго сидел за столом, обдумывая сказанное. Но можно ли верить агенту ФБР? Кто знает? Доказательств все равно не получить. Но нет... доказательства все время были у него под носом, только он не хотел их замечать. Искренность и любовь, светившиеся в глазах Слоан, когда она смотрела на него, льнула к его груди, билась в порыве страсти в его объятиях. Каким же он был бессердечным негодяем!

Ной порывисто встал, сгорая от нетерпения поскорее увидеть Слоан, и, сбегая по ступенькам, неожиданно рассмеялся. Ничего, Ричардсону все это с рук не сойдет Публично опозорил Ноя, испортил его репутацию в мире бизнеса, а теперь еще собирается стать его свояком!

Все еще улыбаясь, он спустился в вестибюль, где и был перехвачен изнывавшей от неопределенности сестрой.

— Уезжаешь? — вздохнула она с унылым видом, совершенно для нее непривычным. — Пол сказал, что тебя ничем не проймешь. Только не сердись за то, что я привезла его сюда, ладно? Не хочу, чтобы мы поссорились на прощание.

Она приподнялась на цыпочки и, обняв потрясенного Ноя, громко чмокнула в обе щеки.

— Не знай я тебя, мог бы подумать, что ты станешь скучать, — поддел он.

— Конечно, буду, — пожала плечами девочка.

— Неужели? А я думал, что ты терпеть меня не можешь.

Мартин уже уложил чемоданы в машину. Ной нагнулся и подхватил портфель. Кортни не сводила глаз с брата, пытаясь угадать его настроение, и, очевидно, все же обнаружила нечто, вселившее в нее надежду, потому что призналась:

— Знаешь, я любила бы тебя куда сильнее, если бы ты простил Слоан.

Ной покачал головой и поймал вопросительно умоляющий взгляд отца. Стараясь поскорее избавиться от родственников, он подмигнул Дугласу и пошел к двери.

— Ладно, так и быть. Ради твоей любви я готов на все. Кортни словно с цепи сорвалась. Взвизгнув от радости, она снова бросилась брату на шею.

— Знаешь, — победно объявила она, — если бы ты женился на ней и остался в Палм-Бич, моя любовь не знала бы границ!

Ной рассмеялся, чмокнул кудрявую макушку сестры, и Кортни, истолковав это, как согласие, проводила брата до крыльца.

— Ной, — крикнула она вслед, когда тот уже садился в машину, — из меня, выйдет потрясающая тетка!

Ной, задыхаясь от хохота, хлопнул дверцей.

Глава 55

Лопасти вертолета все еще крутились, когда Ной спустился на главную палубу я поисках Слоан. Проходя мимо матроса, закреплявшего шезлонга и стулья перед выходом в море, он решил не тратить времени, обшаривая каюты, и резко спросил:

— Мисс Рейнолдс на борту?

Матрос знал о Слоан Рейнолдс не так уж много: если верить слухам, она была близким другом агента ФБР, из-за которого здесь поднялась такая суматоха, потом ее обвинили в убийстве. И наконец, младшая сестра хозяина зачем-то притащила девицу на яхту и велела держать ее присутствие втайне. Похоже, мистеру Мейтленду это не слишком по душе. Лучше уж от греха подальше прикинуться шлангом.

— Нет, сэр, насколько я знаю, гостей мы не ждем. Ной кивнул и, нахмутившись, отправился в свою каюту. Вся команда уже, разумеется, знает о его прибытии — вертолет не спрячешь. Очевидно, Слоан передумала и не желает говорить с ним, что само по себе очень странно.

Рассеянно пригладив волосы, он оглядел гигантскую кровать, свидетельницу стольких ночей бурной страсти и тихих бесед. Интересно, есть ли в словах Ричардсона хоть крупица правды? Будь та женщина, которую Ной видел в любительском фильме, действительно ни в чем не виновата, она не побоялась бы встретиться с ним лицом к лицу. А в это время Слоан, стоя за его спиной, нерешительно переминалась. Как бы набраться мужества начать разговор? У нее было в запасе несколько часов, чтобы еще раз воскресить в памяти все, что было между ними, но, несмотря на безмятежную уверенность Кортни в том, что все обойдется и Ной только и ищет случая, чтобы помириться с ней, Слоан слишком хорошо понимала, жизнь отнюдь не волшебная сказка. И она должна была с самого начала понимать, что все кончено. Да, она любила Ноя всем сердцем, но эта любовь не принесла ему ничего, кроме публичного скандала, позора и унижения. И это еще не все. Нужно быть честной хотя бы с собой. Разве Ной когда-нибудь обмолвился, что отвечает на ее чувства? Наоборот, постоянно подчеркивал, что не верит в брак, не хочет детей. И вообще, слишком уж они разные. Миллиардер, красавец, покоритель женщин — и она, ничем не примечательная провинциалка и к тому же коп. Самое большее, на что она смеет надеяться, — крепкое дружеское рукопожатие при прощании и возможность заслужить его

прощение хотя бы в отдаленном будущем.

Слоан шагнула вперед, дрожа в нервном ознобе, но исполненная решимости. Ной по-прежнему стоял спиной к ней, словно погруженный в тяжкие раздумья: руки в карманах, голова слегка опущена.

— Я пришла попрощаться, — тихо вымолвила Слоан. Плечи Ноя напряглись; прошло несколько секунд, прежде чем он медленно обернулся. Лицо совершенно непроницаемое. Господи, только бы знать, что у него на уме — Я прошу только простить меня, хотя понимаю, как это нелегко.

Слоан осеклась и подняла на Ноя глаза, умолявшие понять и поверить.

— Ты ни в чем не виноват, это я все испортила. Сколько раз мне хотелось выложить тебе всю правду, но Пол боялся, что ты проговоришься Картеру.

Пытаясь не показать, что сейчас расплачется, не выдать любовь и печаль, разрывавшие сердце, Слоан прерывисто вздохнула и прошептала:

— Я так или иначе все бы тебе рассказала, потому что в глубине души чувствовала: ты нас не выдашь. Но судьба все решила за меня. Может, это к лучшему. Мы и так зашли слишком далеко. Все равно у нас ничего бы не вышло.

— Не вышло? — переспросил Ной, до того безмолвно внимавший пламенной тираде.

— Разумеется, нет, — убежденно заверила Слоан, обводя рукой элегантно обставлennую каюту. — Ты — это ты, а я... я... это я.

— Это всегда было непреодолимым препятствием между нами. Что и говорить, серьезная помеха, — торжественно подтвердил он.

Но Слоан до такой степени издергалась, что не распознала иронии.

— Да, знаю, но даже это не помешало мне безнадежно влюбиться в тебя. По уши. Ты не собираешься жениться, а я больше всего на свете хотела бы стать твоей женой.

— Ясно.

— Я люблю детей, — вымученно улыбнулась она. Слезы слепили глаза, все расплывалось радужными пятнами, не давая увидеть лицо Ноя.

Не сводя с нее взгляда, Ной завел руку за спину и откинул покрывало с кровати.

— А ты не хочешь детей.

Ной расстегнул верхнюю пуговицу воротничка.

— Я так мечтала о твоем ребенке. Ной расстегнул следующую пуговицу...

ЭПИЛОГ

Сегодня все столики эксклюзивного, модного и очень дорогого ресторана в Палм-Бич были заняты, и неудачливые посетители, которым не досталось мест, толпились в баре и вестибюле.

Метрдотель, ошалевший от суеты, раздраженно поднял телефонную трубку и стал напряженно вслушиваться. Черт бы побрал этот шум, слова не разберешь!

— Простите, с кем вы хотели поговорить? — переспросил он, зажимая ладонью ухо в безуспешной попытке избавиться от помех. — Да, миссис Мейтленд заказывала столик. Сейчас позвону ее к телефону.

Метрдотель с романтическим именем Роланд работал в «Ремингтон Грилл» совсем недавно и теперь водил пальцем по карточке, разыскивая стол, зарезервированный для Мейтлендов.

Пробравшись к дальней стене ресторана, он в недоумении остановился. Да их трое! Потрясная блондинка лет тридцати, элегантно одетая светловолосая женщина постарше, судя по сходству с первой — ее мать, и темноволосая девушка-подросток в омерзительно безвкусном одеянии, особенно вызывающе смотревшемся на фоне безупречных нарядов обеих дам и остальных богатых клиентов «Ремингтон Грилл».

И поскольку Роланд был не совсем уверен, кого именно следует побеспокоить, оставалось действовать наугад.

— Прошу прощения, леди Мейтленд, — обратился он ко всем троим, — вам звонят.

Смеющиеся женщины вопросительно взорвались на него.

— Кому именно? — бесцеремонно осведомилась девочка.

— Миссис Мейтленд, — едва скрывая досаду, пояснил Роланд.

Можно подумать, у него времени вагон!

— Вы здесь новичок, поэтому, так и быть, объясню, — снизошла девочка, явно наслаждаясь его растерянностью. — Я мисс Мейтленд, справа моя невестка, миссис Ной Мейтленд, а слева — мать моей невестки, миссис Дуглас Мейтленд. И одновременно, — гордо выложила она козырную карту, — моя мама.

Брови Роланда взлетели к самым корням волос.

— Как мило, — пробормотал он, едва не лопаясь от злости.

Слоан от души пожалела беднягу, которому выпало несчастье столкнуться с Кортни.

— Должно быть, это меня, — сообщила она, вставая. — Ной звонил из Рима и пообещал приехать на день раньше.

Ной на цыпочках поднялся наверх и внезапно появился перед трехлетней дочерью, которая при виде отца восторженно завизжала и бросилась ему на шею, болтая ножонками в пижамных штанишках. Няня почтительно поздоровалась и скрылась в соседней комнате.

— Папа! Ты уже приехал!

— Да, малышка, — пробормотал Ной, неловко подхватывая дочь одной рукой и пряча за спиной другую, с подарком для Эшли.

— А к нам приходила тетя Кортни.

— Вижу, — кивнул он.

Девочка раскрыла от изумления рот и тряхнула кудрявой головкой.

— А откуда ты узнал?

— По твоим барабашкам-кудряшкам.

Слоан нашла Ноя на террасе. Эшли сидела на коленях у отца, и оба о чем-то таинственно перешептывались.

— Папа дома! — громко сообщила девочка. Ной поднял глаза, увидел жену и нежно улыбнулся, словно обволакивая ее теплом взгляда.

— А мы рассказывали друг другу всякие секреты, прошепелявила Эшли и с довольным видом подставила ухо губам Ноя Тот что-то прошептал — А можно я расскажу маме? — загорелась Эшли — Так и быть, — с притворной неохотой согласился отец.

— Папа сказал, — торжественно объявила малышка, — что он любит тебя. Очень, очень, очень.